Федеральное государственное бюджетное учреждение
Институт этнологии и антропологии им. Н.Н.Миклухо-Маклая
Российской академии наук

На правах рукописи

ШАЛЫГИНА НАТАЛЬЯ ВАЛЕНТИНОВНА

Трансформация этнокультурной идентичности русскоязычных иммигрантов в США (1990-2020-е годы)

специальность
5.6.4. – этнология, антропология, археология
(исторические науки)

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Москва – 2025

Оглавление

Введение	4-31
Глава 1. Факторы трансформации этнокультурной идентичности постсоветских иммигрантов США	**32-60**
1.1. Законодательная основа русскоязычной эмиграции в США (вторая половина XX – начало XXI веков)	32-51
1.2. Экономические факторы как основа мотивации эмиграции из России в США	51-56
1.3. Эволюция диаспоральной политики в условиях глобализации	56-59
Выводы	59-60
Глава 2. Русский мир и понятие «русскости» в современных США	**61-115**
2.1. Географические и этнолингвистические границы Русского мира в современных США	61-83
2.2. Формирование нового образа Русского мира в конце XX – начале XXI веков	83-100
2.3. Политическая поддержка русских общин в США («Собирание общин русских»)	100-114
Выводы	114-115
Глава 3. Стратегии развития украинской диаспоры в США	**116-162**
3.1. Исследовательские традиции изучения миграционных процессов на Украине **в** XX – начале XXI ввеков	**116-119**
3.2. Миграционная политика США в отношении украинцев	**120-127**
3.3. Механизмы формирования украинской идентичности в США	**127-160**
Выводы	**160-162**
Глава 4. Механизмы укрепления еврейской идентичности постсоветских иммигрантов в США	**163-196**
4.1. Принципы формирования еврейских общественных организаций в США.	164-170
4.2. Система еврейской благотворительности как основной механизм сохранения идентичности еврейского населения	170-178
4.3. Причины размывания еврейской идентичности в современных США	178-196
Выводы	195-196
Глава 5. Ментальные границы этнокультурного кода	**197-257**

русских и американцев	
5.1. Ценностные приоритеты русского этнокультурного кода	197-209
5.2. Историко-культурные конструкты американского этнокультурного кода	209-217
5.3. Ценностные дихотомии в российско-американских отношениях	218-231
5.4. Влияние американского феминизма на самоидентификацию русскоязычных иммигрантов	231-256
Выводы	256-257
Глава 6. Структурная ассимиляция русскоязычных иммигрантов в США как фактор трансформации их этнокультурного кода в условиях информационно-компьютерных технологий	**258-330**
6.1. Теоретический дискурс понятия структурной ассимиляции на рубеже XX-XXI веков	259-261
6.2. Особенности структурной ассимиляции 4-ой волны русскоязычных иммигрантов в США (1990-е годы).	261-278
6.3. Женские сценарии интеграции постсоветских иммигрантов в США	278-332
Выводы	332-333
Заключение	334-338
Список литературы	339-368
Список источников	368-377
Сокращения	378-379
Приложение 1	380 -393
Приложение 2	394 -398

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. За последние три десятилетия проблемы русскоязычной иммиграции в США наполнились новыми значениями и смыслами, привлекающими сегодня внимание самых широких слоев научной общественности и требующими активного применения новейших методов комплексного исследования. Важнейшим импульсом повышенного научного интереса к данной тематике послужил тот факт, что очередная в новейшей истории массовая волна переселения наших соотечественников за океан связана с прекращением существования СССР и возникновением в результате этого социально-политического катаклизма новой геополитической реальности, которая фактически расколола постсоветское общество на сторонников и противников американского образа жизни и так называемых западных ценностей в целом. Противостояние двух таких полярных точек зрения сохраняет свой накал уже не одно десятилетие, причем не только в российском обществе, но и среди сообщества самих [*Шалыгина 2021*] постсоветских иммигрантов, массово переселяющихся в США, начиная с 1991 года.

Проблема самоидентификации в иммиграции сегодня приобретает особую актуальность и в связи с недавней (по историческим меркам) принадлежностью переселенцев к советской нации, обеспечившей в свое время общий знаменатель гражданской идентичности советским гражданам. Переплетение одновременно нескольких идентичностей (этнической, общероссийской и советской) затрудняет понимание адаптационного ресурса бывших россиян в США, делает его противоречивым [*Шалыгина 2021*] и во многих случаях труднопредсказуемым. Наличие нескольких идентичностей в сознании представителей русскоязычного анклава в США способно формировать

различные сценарии их адаптации и в итоге усиливать постепенное разделение некогда единого этнополитического сообщества.

Изучение сложной архитектуры современной этнокультурной идентичности постсоветских иммигрантов США со временем еще более усложнилось на фоне открытого противостояния ценностей так называемой западной цивилизации принципам миропорядка, основанным на многополярности, которые отстаивает Россия наравне с большинством других, не западных стран [*Шалыгина 2021*]. Статус русскоязычных диаспор США в этих условиях оказывается особенно уязвимым, учитывая политическую незащищенность большого количества их общественно-культурных и образовательных организаций, десятилетиями оказывавших поддержку своим соотечественникам за океаном. И от того, каким в итоге окажется путь трансформации этнокультурной идентичности представителей русскоязычных общин в США, во многом зависят перспективы развития не только всего Русского зарубежья, но и Русского мира в целом как глобального социокультурного феномена.

Степень разработанности темы исследования. Трансформация этнокультурной идентичности иммигрантов сегодня рассматривается, прежде всего, на фоне глобальных социально-культурных проблем, инициированных макроисторическими процессами, происходящими в современном мире.

Проблемы глобализации, обострившиеся на рубеже XX–XXI вв., способствовали распространению постмодернистских теорий, принципиально новому восприятию пространства и времени, распространению сетевых коммуникаций и стремительно развивающемуся процессу тотального перехода к компьютерным технологиям. В сфере социальной жизни подобного рода изменения неизбежно ведут к ослаблению границ между странами, а также установлению единого пространства социально-экономических и культурных связей. Этот взгляд

разделяется исследователями-антиглобалистами, которые понимают глобализацию как расширение влияния западной культуры [*Романовский* 1999: 3–11].

Противоположная точка зрения, принадлежащая известному исследователю процессов глобализации Джону Томлинсону, заключается в том, что культурная идентичность является в гораздо большей степени продуктом глобализации, чем ее жертвой. Глобализация не только не уничтожает культурную идентичность, но и способствует созданию и распространению ее новых форм. Собственная идентичность в таких условиях, скорее, укрепляется, чем разрушается [*Шалыгина 2021:11]*.

Укрепление идентичности в условиях глобализации отстаивается и испанским социологом-постмарксистом Мануэлем Кастельсом [*Castells* 1997]. Согласно Кастельсу, усиление процессов глобализации одновременно укрепляет и позиции идентичности как стремление к сохранению и поддержанию принадлежности к собственной культурной общности. Мнение Кастельса, определяющего идентичность как своего рода автономный культурный процесс, идущий от масс и направленный против глобализации, в этом смысле несколько отличается от мнения Дж. Томлинсона, утверждающего, что глобализация фактически размножает идентичности, а не уничтожает их.

Концепция неизбежного усиления этнокультурной самоидентификации на фоне тотальной глобализации в терминологии, предложенной американским социологом Р. Робертсоном, получила название *глокализации,* т.е., взаимопроникновение локального и глобального в процессе распространения все большего количества новых влиятельных регионов, формирующих этнокультурное разнообразие [*Robertson* 1995: 25–44]. Другой известный американский социолог Р. Парк связывал проблемы изменения этнокультурной идентичности непосредственно с иммиграционными процессами, утверждая, что

успешная адаптация к инокультуре неизбежно приводит к деструкции первоначальной идентичности, так как сильное доминантное общество является единственной гарантией полноценной самореализации иммигранта в инокультурной среде [*Парк* 1998: 172–175].

Начиная с 1970-х годов большую актуальность приобретает альтернативная концепция о гибкости всей структуры культурной идентичности, которая должна соответствовать принципу полезности и востребованности, т.е., быть жизнеспособной [*Bauer* 1996]. Развитие в этот период такого научного направления, как *anthropology at home* («домашняя антропология») стало родоначальником антропологического изучения идентичности иммигрантов и развития исследований ее этно-расовых и гендерных характеристик иммигрантов [*Miscevic* 2001. Цит. по Шалыгина 2024].

Усиление общей «этнографической чувствительности» повлияло и на рождение новой концепции адаптации мигрантов, автором которой является канадский психолог Джон В. Берри. На основе кросс-культурных исследований в различных странах мира (включая Россию 1990-х годов) им была сформулирована теория аккультурации, включившая в себя несколько базовых моделей (или стратегий): *ассимиляция* (отказ от самоидентификации с исходной культурой); *сепарация*; *маргинализац*ия (отказ как от установления тесных контактов с новой культурой, так и от развития собственной в новых условиях); *интеграция* (бикультурализм) *[Шалыгина 2024:68*]. Концепция адаптации Берри использовалась в американской научной литературе при анализе процессов аккультурации латиноамериканцев или выходцев из Юго-Восточной Азии, а также в процессе изучения межнациональных отношения студентов из разных стран, обучающихся в США [*Sodowsky* 1991]. К концу XX в. Берри и его сподвижники пришли к выводу, что интеграции отдают предпочтение иммигранты, которые прибывают в Соединенные Штаты Америки в

основном из развивающихся стран. Данная модель не только подтверждалась эмпирическими данными, но и позволяла учитывать все многообразие вливающихся в американское общество культур.

В качестве альтернативного мнения по отношению к моделям аккультурации Берри поднимается вопрос о степени сохранения иммигрантами унаследованной поколениями самоидентификации [*Ward* 1999: 243–246]. В какой-то мере альтернативой теории аккультурации Берри сегодня являются и *теория самокатегоризации* Тернера [*Turner*: 1982: 15–40], и *структурный анализ идентичности* Вайнрайха [*Weinreich* 1991: 73–92] в основе которых лежит конструктивистский подход. В качестве альтернативного мнения по отношению к моделям аккультурации Берри поднимается вопрос о степени сохранения иммигрантами унаследованной поколениями самоидентификации самостоятельных усилий мигрантов при формировании своей идентичности в новых условиях [*Braichevska et al*. 2009].

В 1980–1990-х гг. стали выходить публикации феминистских авторов, посвященные изучению специфического опыта женских миграций и конструированию женских практик «вживания» в инокультурную среду [*Kofman* 1997: 191–193]. Поднимались такие темы, как влияние стартовых позиций мужчин и женщин в иммиграции на скорость и успешность их адаптации [*Ghaffarian* 1987], более выраженная склонность женщин, по сравнению с мужчинами, к сохранению своей идентичности в иммиграции [*Yee* 1997] критически значимая роль гендерных различий в тех иммигрантских сообществах, где сильны традиции патриархатных отношений [*Longhurt* 2000: *439–444*] отрицание различий при интеграции в новую социально-экономическую структуру принимающего общества [*Nagel* 2001: 381–400]. В том же смысловом ряду следует воспринимать и феминистский дискурс границ («фронтиров») в повседневной жизни иммигрантов [*Walton-Roberts* 2004: 265–281]. Так, феминистки утверждают,

что большинство существующих географических знаний о границах является эпистемологически маскулинным, и этот постулат проецируется на общее понимание недопустимости границ в жизни иммигрантов.

Российские школы изучения иммигрантской идентичности. В отечественной науке первые теоретические разработки в области изучения идентификационных процессов принадлежат Т.И. Заславской и ее последователям, впервые обозначившим проблемы миграционного поведения, идентичности и личностной мотивации переселенцев [*Заславская и др*. 1969]. Впоследствии факт смены идентичности в иммиграции стал предметом изучения члена-корреспондента РАН С.В. Рязанцева, который на основании своих исследований русскоязычного населения США постсоветского периода пришел к выводу о намеренном снижении числа тех эмигрантов из России, кто сегодня идентифицирует себя в качестве русских, объясняя этот факт их успешной интеграцией в американское общество [*Рязанцев* 2016: 84–94]. Энциклопедическое собрание материалов издательской деятельности русских эмигрантских организаций в первой половине XX в. позволила отечественным исследователям понять структуру личных связей русской эмиграции в США, особенности политического взаимодействия эмигрантов как внутри самих русскоязычных диаспор, так и по отношению к американской власти [*Базанов* 2008]. Привлечение значительного фактического материала из личных коллекций многих известных русских иммигрантов дало возможность более объективно взглянуть на мотивацию их карьерного роста, в том числе, и при установлении связей с государственными структурами США [*Ручкин* 2017: 163–167].

Российскими этнопсихологами была создана классификация факторов, которые способны влиять на адаптацию и трансформацию идентичности иммигрантов (внешние и внутренние; объективные и субъективные; постоянные и временные и т. д.). Однако сегодня в

современной российской науке все большее признание получает системный подход, согласно которому простое перечисление факторов не позволяет вскрыть истинную природу причинно-следственных связей успешности или не успешности процесса адаптации, так как не учитывает взаимозависимость этих факторов. Не всегда оправдывает себя и подход, акцентирующий внимание исследователя на каком-то одном факторе, каким бы значимым он ни был (например, образование, доход, профессия и т.п.) [*Гриценко* 2002].

Традиции российской американистики. Темы адаптации русскоязычных иммигрантов в США и тех изменений, которые в рамках этого процесса может претерпевать их идентичность, начали освещаться отечественными американистами в 1980-х годах. Ш.А. Богина рассматривала этнокультурные аспекты жизни иммигрантов различных культур и эпох, которые так или иначе влияли на формирование современной американской нации [Этнокультурные… 1965]. Г.Я. Тарле на основе цивилизационного подхода изучала комплекс факторов, «стимулирующих» или «тормозящих» процесс адаптации, а также различные варианты интеграции в американский социум российских переселенцев [*Шалыгин*а 2024). Российский историк Н.Н. Болховитинов в своей широко известной монографии «История Русской Америки», изданной в конце 1990-х годов и посвященной феномену американской цивилизации, обозначил точки «несоприкосновения» американской культуры с «загадочной русской душой». Кроме того, Н.Н. Болховитинову и его коллегам принадлежит огромная заслуга освещения деятельности российских архивов, музеев, культурных и научных центров США, созданных как самими российскими иммигрантами, так и крупными научными американскими центрами, занимающимися историей русской иммиграции.

Историко-культурные корни формирования основ русского мира в США отражены в исследовании Р.Г. Ляпуновой и С.Г. Федоровой «Русская

Америка в неопубликованных записках К.Т. Хлебникова», посвященному жизни и деятельности директора Российско-американской компании и члена-корреспондента Петербургской академии наук (первая половина XIX в.) [*Ляпунова, Федорова* 1979].

Список фундаментальных российских трудов, посвященных анализу источников по истории формирования Русской Америки, возглавляет двухтомное издание «Россия в Калифорнии. Русские документы о колонии Росс и российско-калифорнийских связях», составленное в середине 2000-х годов А.А. Истоминым, Дж. Гибсоном и В.А. Тишковом. Большинство документов в этом издании было опубликовано впервые [Россия в Калифорнии… 2005]. В эти же годы российским исследователем Э.Л.Нитобургом на материале статистических данных и солидной базы нарративных источников были подробно рассмотрены проблемы адаптации нескольких поколений российских иммигрантов в Америке за столетний период, начиная с 1870-х и заканчивая 1970-ми годами. Анализируя российских переселенцев, Нитобург использовал обобщенный термин «русские», так как именно это название получали все русскоязычные иммигранты в США, без деления на этнические общности. Тем не менее уже в 1996 г. Э.Л. Нитобург издает небольшую монографию, посвященную изучению еврейской диаспоры в Америке, в которой впервые в отечественной историографии выделяет историю еврейской иммиграции в США в самостоятельную этнокультурную проблему, требующую введения как своих источников, так и обновления методологии их изучения [*Нитобург* 1996].

В 2000-х годах российские исследователи отказываются от узкодогматических тенденций советской эпохи и сходятся в оценке того, что историю российского зарубежья необходимо рассматривать с позиций мировых миграционных процессов [*Шалыгина* 2024]. Исследования Г.А. Комаровой, проводившиеся в начале 2000-х годов (Бостон, США) и

основанные на включенном наблюдении и глубинных интервью, позволили донести до читателя реальную ситуацию в русскоязычном сообществе США. Г. Комарова также инициировала издание коллективной монографии «Русский мир в меняющемся мире», в которой нашли отражение новейшие подходы к изучению русскоязычного населения за рубежом, в том числе и в США [Русский мир 2018].

Исторический экскурс в изучение русского зарубежья США в диссертации представлен работами Л.В. Байбаковой, описавшей повседневную жизнь русской научной эмиграции в США на примере судеб таких историков, как М. И. Ростовцев, Г. В. Вернадский, М.М. Карпович. Автор показала причины их эмиграции из России, сложности процесса адаптации в США и восприятия англо-саксонской системы образования, ориентированной на подготовку узких специалистов [*Назаров* 2009]. В работах В. И. Журавлевой, исследовавшей на массивном архивном материале представления о России в США в конце XIX – начале XX вв., выявлено постепенное формирование нескольких американских дискурсов о России – либерально-универсалистский, консервативно-пессимистический русофильский и радикальный, а также восприятие американцами России на различных этапах развития русско-американских отношений [*Журавлева* 2012: 1014]. В диссертации использовались также труды российского историка Е.И.Пивовара, посвященные русскому зарубежью и представляющие собой одну из первых плодотворных попыток обобщить проблемы русской эмиграции [*Пивовар* 2008: 546]. Учитывались также и другие работы современных отечественных авторов, в которых так или иначе затрагивались конкретных проблемы адаптации различных этнических групп, представители которых в разное время покидали Россию. Так, большое значение для проведения данного исследования имел анализ этнического состава российских эмигрантов США в конце XIX – начале XX веков, проведенный П.В. Назаровым и позволивший рассматривать

непосредственную предысторию постсоветского периода эмиграции за океан (*Назаров* 2003: 49–55). В этом же смысле интерес для написания данной диссертации представляют и работы Э. Эйтидаса, посвященные изучению процессов адаптации и ассимиляции отдельных этнических групп в США [*Эйтидас* 1989: 216].

Следует учитывать и исследовательские работы отечественных авторов, посвященные изучению архивных материалов Русского зарубежья в США – М.К. Меняйленко [*Меняйленко* 2005], К.Б. Ульяницкого [*Ульяницкий* 2003], А.В. Квакина [*Квакни* 2001: 65–72], И.В. Волковой [*Волкова* 2002: 47–54], Т.И. Ульянкиной [*Ульянкина* 2003: 225–235], П.Н. Базанова [*Базанов* 2003], И.А. Шомраковой [*Шомракова* 2001: 80–85], А.В. Попова [*Попов* 1998], А.Б. Ручкина [*Ручкин* 2007] и других исследователей архивных материалов, сформировавших фундаментальную основу для предметного изучения русской культуры в США.

В контексте рассматриваемой темы автором диссертации учитывались различные точки зрения российских аналитиков и на понятие диаспоры. Некоторые отечественные исследователи полагают, что способностью создавать диаспору обладает далеко не каждый этнос, а только устойчивый к ассимиляции [*Тощенко, Чаптыкова* 1996: 33–42]. По мнению академика РАН В.А. Тишкова, диаспору объединяет и сохраняет не только культурная и языковая отличительность, но и то, что она становится явлением политическим, в то время как сама миграция – явление социальное. Альтернативная точка зрения принадлежит профессору МГУ им. М.В. Ломоносова А.Б. Ручкину, который в своих исследованиях отошел от стандартной классификации этапов российской эмиграции в США, объединив эмиграционные волны по этническим и социокультурным характеристикам, обозначив диаспору в большей степени как явление этническое [*Назаров* 2009].

Зарубежные работы по изучению русской иммиграции в США. Первые зарубежные работы, посвященные изучению русскоязычной иммиграции в США, появились еще в начале XX в. и сразу же разделились на несколько групп, придерживавшихся различных точек зрения на вклад русских переселенцев в развитие США. Так, сторонники преимущественно англосаксонского вклада в формирование американской нации оценивали влияние русской общин на американскую культуру, скорее, как отрицательное [*Commons* 1920], в то время как представители другой группы считали, что русская иммиграция весьма положительно повлияла на становление американской промышленности и экономики в целом [*Hourwich* 1912]. На основе результатов социологических исследований 1920-х гг. Д. Девис (американская экономическая школа Ч. Бирда) написал несколько работ, посвященных изучению численности, условий жизни, труда и общественно-политической деятельности русских иммигрантов в США, в которых доказывал не только возможность, но и желательность их успешной интеграции в американскую культуру [*Davis* 1922]. Приблизительно в эти же годы американскими социологами были предприняты такие исследования, как изучение повседневной жизни русских иммигрантов в г. Сан-Франциско [*Blok et al*. 1933] и влияние русских евреев на общественно-политическое и экономическое развитие США [*Bernheimer* 1905]. Более поздние работы американских исследователей, посвященные русскоязычной иммиграции в США, освещали проблемы различных религиозных групп, переселявшихся в разное время в Америку из России (молокане, духоборы), но в целом не отражали жизнь большинства русских в США [*Morris* 1991: 68; *Outman* 2004].

Особый интерес в контексте данной диссертации представляет дискуссия американского научного сообщества в начале XX в. по проблемам национальной самоидентификации в процессе разработки двух

противоположных ассимиляционных теорий – «американизации» (или англо-конформизма) и «плавильного котла» [*Ramsey* 2015: 1–2], которая так или иначе отразилась на содержании настоящего исследования.

Цель исследования – выявление и определение основных тенденций в динамике этнокультурной идентичности постсоветских иммигрантов США и влияние данных процессов на перспективы развития Русского мира за рубежом.

Объект исследования. Адаптационные процессы, ведущие к трансформации этнокультурной идентичности русскоязычных иммигрантов за рубежом и формирующие новые конфигурации Русского мира.

Предмет исследования. Трансформация этнокультурной идентичности наиболее многочисленных групп постсоветских иммигрантов США в 1990-х – начале 2000-х годов (русских, украинцев, евреев) в условиях усиления цивилизационного противостояния в современном мире.

Гипотеза исследования. Основная гипотеза диссертационного исследования состоит в том, что русскоязычное население в США представляет собой сложный этнокультурный, этносоциальный и этнополитический организм, составные части которого не находятся в состоянии гомеостаза, а, различным образом реагируя как на внешние, так и на внутренние изменения, постоянно формируют новые конфигурации Русского мира на территории США. Современный геополитический кризис способствует развитию нового витка трансформации самой структуры русскоязычного населения в Америке и еще большему усложнению форм его этнокультурной идентичности.

Задачи исследования. В рамках обозначенной цели в процессе исследования предполагалось решить следующие задачи.

1. Обозначить новейшие направления социальной антропологии в изучении Русского зарубежья.

2. Обосновать необходимость применения комплексного подхода к пониманию этнокультурной идентичности иммигрантов.

3. Определить основные характерные черты постсоветской иммиграции 4-ой и 5-ой волн (мотивация, возможности, перспективы).

4. Выявить актуальные проблемы межкультурных коммуникаций русскоязычного населения в США (язык, стереотипы, ментальность).

5. Установить различия в адаптационных схемах различных этнических групп постсоветских переселенцев в США (русские, украинцы, евреи).

6. Провести сравнительный анализ технологий сохранения русского языка среди представителей русскоязычного населения в США.

7. Определить основные женские и мужские сценарии трансформации этнокультурной идентичности современных русскоязычных иммигрантов в США.

8. Установить наиболее важные факторы, влияющие на динамику этнокультурной идентичности русскоязычного населения 4-ой и 5-ой волн США.

9. Дать сравнительную характеристику степени структурной и культурной ассимиляции иммигрантов постсоветского периода в США.

10. Проверить на эмпирическом материале правомерность применения к русскоязычной иммиграции в США концепции гендерного дифференциала социокультурной адаптации.

Теоретико-методологические основы исследования. Диссертация основана на системном подходе, в основу которого положен принцип объективности, обеспечивший разностороннее и многоплановое

рассмотрение фактов и событий, а также позволивший наиболее адекватным образом воссоздать новую реальность постсоветских иммигрантов в США.

Этносоциологический подход, предложенный отечественными этносоциологами, позволил системно использовать такие показатели, как демографический потенциал русскоязычных иммигрантов в США (т.е., численность и плотность расселения), последствия их структурной ассимиляции в рамках индивидуального поведения, а также субъективные, психологические факторы, влияющие на трансформацию этнокультурной идентичности переселенцев [*Арутюнян* 2011: 6–21].

Микроисторический подход, разработанный еще в конце 1950-х годов французскими, итальянскими и немецкими историками, стремившимися к всестороннему воссозданию «жизни маленького человека» в историческом процессе, позволил обратиться к теме частной жизни иммигрантов, к проблемам персонального и повседневного в опыте их адаптации [*Levi* 1992: 93–113], что в отношении понимания иммигрантского сообщества представляется особенно продуктивным исследовательским методом.

Теория лиминальности как методологический прием изучения миграций. Термин лиминальность (лат. limen – порог), введенный в научный оборот в начале XX в. голландским антропологом Арнольдом ван Геннепом был использован в диссертации для описания обрядовости, сопровождающей всякую перемену места, состояния, социальной позиции или возраста индивида и маркирующей его промежуточное положение в социокультурной структуре, когда прежняя социальная роль оставлена, а новая еще не принята. Теория лиминальности А. Геннепа сопряжена с теорией порогового состояния индивида, разработанной английским антропологом В. Тернером, что усиливает ее инструментальное значение при изучении жизненных переломов, означающих знаковые вехи в судьбе человека [*Turner* 1982: 15–40].

Концепция двойной рефлексивности (КДР) британского социолога Теодора Шанина позволила более адекватно оценивать полученные на основе полевого исследования результаты. КДР, предложенная Шаниным в 1990-х годах как способ применения качественно-количественного метода построения полевой работы интерактивного типа, способствовала внедрению техник вживания, проведению глубоких (неструктурированных) интервью, а также разработке инструментария так называемой коллективной интеллектуальной поддержка в режиме «длинного стола» (аналог мозгового штурма при групповой работе) и объединения в одно целое объекта исследования, субъективных интерпретаций им собственных действий и интерпретаций исследователя в процессе наблюдения за этими действиями (*Шанин* 1998: 101–116. Цит. по: Шалыгина 2923:261).

Интерпретативная антропология, предложенная в рамках социальной и культурной антропологии американским антропологом Клиффордом Гирцем (1926–2006) и названная им «насыщенным описанием» («thick description»), была положена автором диссертации в основу пролонгированного включенного наблюдения за жизнью русскоязычных иммигрантов в США и позволила сформировать основной понятийный контекст, намерения и смыслы совершаемых переселенцами действий. Согласно принципам интерпретативной антропологии, процесс сбора данных должен быть «мягким», подстраивающимся под ритм жизни членов сообщества, а вопросы, которые задает исследователь, по мнению Гирца, должны быть достаточно открытыми, в том числе, и для того, чтобы фиксировать неожиданные события и изменяться по мере возникновения новых проблем и источников информации.

Имиджелогический подход используется в диссертации как попытка определения комплекса факторов, порождающих культурно-опосредованный образ «Другого» в иммигрантской среде [*Leerssen* 2016].

Источники исследования и методы их изучения. Исследование проводилось на основе нескольких категорий источников, по отношению к которым использовались соответствующие методы их изучения. При классификации источников в данной диссертации учитывался временной фактор, разделяющий полученные данные на две части: до начала массового использования интернета в коммуникациях и после наступления информационно-компьютерной эпохи.

К первой категории источников следует отнести материалы *включенного наблюдения,* проводившегося как в России, так и в США. В России включенное наблюдение проводилось в 1995–1996 гг., когда эмиграция из страны достигла своих максимальных значений. В фокусе внимания автора диссертации находилось 6 кейсов реальных событий повседневной жизни семей, готовившихся к эмиграции (сбор документов, продажа недвижимости, разговоры с их родственниками, рефлексии по поводу принятого решения и т.п.), всего 35 членов семей иммигрантов, учитывая несовершеннолетних детей – 3 семьи москвичей и 3 семьи русскоязычных граждан Казахстана). Включенное наблюдение постсоветских иммигрантов в США проводилось автором диссертации в городах Калифорнийского залива (Сан-Франциско, Сан-Леандро и Сан-Хосе) и структурно опиралось на такой метод сбора информации, как «снежный ком», который был предложен в 1960-х годах американским социологом О. Льюисом [*Lewis* 1966]. Всего в поле исследовательского внимания оказалось 156 человек различной этнической принадлежности (этнических русских, украинцев, членов еврейских семей), представителей 4-ой волны постсоветских переселенцев из России.

Вторая категория источников включает в себя *письменный нарратив* в виде личных писем, а также биографических хэштегов в социальных сетях. Автором диссертации был проведен предметный анализ 26 личных писем иммигрантов, написанных ими от руки в 1992–1994 гг. Письма были

адресованы родственникам иммигрантов в Москве и с их согласия использованы в диссертационном исследовании. Методологическая база проведенного анализа писем в значительной степени заимствована из классических работ Шарлотты Эриксон [*Erickson* 1972] и Дэвида Гербера [*Gerber* 2006], изучавших письма финских иммигрантов в США с точки зрения изменения их отношения с родиной и формирования новой идентичности в условиях иной социокультурной реальности.

Третья категория источников – автобиографии женщин-иммигрантов, размещенные на женских форумах социальных сетей: «Мы из России», «Baby-Blog» (иммиграция), «ЗагранМама», «Говорим про Америку», «Eva. Ru», «U-Mama.Ru», «Замуж в Америку», «InFrance» («Исповедь содержанки. Америка глазами русской жены»), «GdePapa.ru», «Жизнь и работа в Америке» и др.). В диссертационной работе использованы также хэштеги в Instagram USA, отражающие практики повседневной жизни иммигрантов 5-ой волны (2012–2018 гг.). Основной метод использования интернет-источника – топ-10 (из общего числа 3.5. млн) так называемых связанных хэштегов по таким темам, как стиль жизни, работа, дом, брак, карьера, дети, образование, полученные с помощью NVIVO программ. К этой же категории источников следует отнести Форум «Women.ru» (интернет для женщин), на страницах которого размещаются комментарии русскоязычных женщин в США, касающиеся их трудоустройства в высокотехнологичной сфере. Анализ статистических показателей (посещаемость, активность, развитие тематики) позволило определить востребованность русскоязычных женщин-айтишниц в США и степень актуальности их самоидентификации на новом месте жительства.

Четвертая категория источников представляет собой *устный нарратив* (неструктурированное или полуструктурированное интервью, автобиографическое интервью, повествование об отдельных случаях, застольная беседа и др.). Всего было проведено 23 неструктурированных

интервью (10 семейных пар и их совершеннолетние дети). 11 человек из этой группы информантов дали согласие на участие и в проведении фокус-групп по определению статуса собственной этнокультурной идентичности с использованием заранее составленного автором диссертации ценностного гайда (путеводителя). Фокус-группы проводились в марте 2002 г. в г. Сан-Леандро (CA). Полученный результат позволил определить отношение различных этнических групп постсоветских иммигрантов США 4-ой волны к ценностным доминантам общего для них социокультурного прошлого, сформированного в СССР, и, кроме того, выявить основные тенденции трансформации их этнокультурного кода после переезда в США. К этой же категории источников следует отнести и интервью, взятые автором диссертации у старейших представителей Российских кадетских корпусов в США, активно занимавшихся в 2000-х годах вопросами возрождения русской культуры за океаном (А.М. Ермаков и др.). При получении данных, включенных в эту категорию, использовались качественные методы исследования, такие, как case study в совокупности с включенным наблюдением.

Пятая категория источников – статистические данные. В проведенном исследовании было использовано несколько групп статистических источников. К первой группе относятся данные Федеральной службы государственной статистики (Росстат), которые ежегодно публикуются в сборниках «Численность и миграция населения Российской Федерации» и «Демографический ежегодник России» [*Письменная* 2014:131-162]..

Ко второй группе статистических источников следует отнести данные Главного управления по вопросам миграции МВД России и, в первую очередь, статистический сборник «Труд и занятость в России». Данный вид источников был использован при учете уровня образования россиян, выехавших на работу в США (реальные масштабы временной трудовой

эмиграции нередко на порядок оказывались выше, чем это показывали другие статистические данные) [Статистика и учет… 2001].

К третьей группе статистических источников относятся данные национальной статистики США (Yearbook of Immigration Statistics, Visa Bulletin). Перепись населения в США проводится регулярно, включая дополнительные статистические материалы по месяцам. Однако, что касается постсоветских иммигрантов, ситуация выглядит гораздо более сложной, в силу того, что регистрация иммигрантов происходит в США исключительно по самоидентификации. Однако данные Visa Bulletin позволяют косвенным образом дополнить недостающие данные, так как фиксируют въезжающих в США, включая россиян, по различным типам виз (брачные, профессиональные и т.п.).

К четвертой группе статистических источников относятся данные Международной организации по миграциям (МОМ, ЮНЕСКО и др.). В диссертации особое внимание было уделено образовательным проектам для мигрантов и их реализации в США.

Шестую категорию источников представляют архивные материалы. Для анализа деятельности и ценностных принципов Русского кадетского корпуса в США были использованы материалы ГА РФ. Ф. 6792. Архивная информация для проведения данного диссертационного исследования была почерпнута автором в Музее Русской культуры, (МРК, г. Сан-Франциско), архивные фонды которого на сегодняшний день оцифрованы наполовину. Несколько экземпляров периодических изданий МРК («Русский американец»), вошедших позднее в архивный каталог МРК, были подарены русскими иммигрантами автору диссертационного исследования и также использованы при написании данной работы в качестве альбомов-летописей, созданных представителями 4-ой волны русскоязычных иммигрантов в США. Фонды ГА РФ (10143) были использованы для анализа истории формирования и деятельности русскоязычных женских

организаций в США. Кроме того, в диссертации были использованы и материалы американских исследовательских центров при государственных учреждениях и университетах (Архив Гуверовского института Стэнфордского университета (Stanford University, Hoover Institution Archives), публикующие [*Шалыгина* 2024] с 1920-х годов материалы по истории русскоязычной иммиграции в США [*Меняйленко* 2005].

Седьмая категория источников – материалы русскоязычной периодической печати в США: еженедельная бесплатная газета «Кстати» (выходит с 1994 г.), еженедельник «Запад-Восток» (выходит с 2000 г.), еженедельное бесплатное издание «Эхо недели» (выходит с 2005 г.), «Новое русское слово» (выходит с 1990 г.), «Русскоязычная Америка» (Нью-Йорк), «Вестник» (Бостон) и др. В диссертации анализировались публикации русскоязычных иммигрантов в альманахах «Литературная Америка» (издатель Артур Гинзбург), «Кругозор», «Чайка» и др. Большинство периодических изданий в современных США имеют свои интернет-версии и, как результат, динамично развивающуюся обратную связь с аудиторией, что позволяет применять просопографический метод исследования, т.е. анализировать биографии авторов публикаций, их диалоги с читателями, историю развития тематики и ее влияние на трансформацию идентичности иммигрантов.

Восьмая категория источников – Международные базы данных карьерного роста в IT-сфере: Global Career (2020 г.), Экспертиза (2020) и др., отражающие динамику роста спроса на специалистов-айтишников в высокотехнологичных сферах мировой экономики. Данный источник позволяет объективно определить место российских иммигрантов в рейтинге наиболее востребованных в США специалистов-айтишников, уровень их зарплат, возможностей обустройства повседневной жизни, перспектив роста, реальные траты времени и финансов для полноценной

интеграции в социально-экономическую структуру США и формирования лояльности новой стране проживания.

Девятая категория источников – рекламные и информационные материалы коммерческих компаний, информирующие, в частности, о рабочих вакансиях для мужчин и женщин, заработной плате, аренды жилья, приеме в частные образовательные заведения, детские сады и т.д.

Десятая категория источников – интернет-отчеты русскоязычных иммигрантов в блогосфере рунете о категориях своих денежных трат в США («дневник трат»), позволяющие шкалировать социокультурные приоритеты интеграционного процесса.

Степень научной новизны рассматриваемой проблемы отражена как в фактологическом, так и в методологическом, а также в теоретическом направлениях изучения этнокультурной идентичности постсоветских иммигрантов в США

1. В научный оборот впервые вводятся полевые материалы, полученные автором в процессе проведения пролонгированного полевого исследования современного русскоязычного населения США (середина 2000-х гг. – конец второго десятилетия XXI в.)
2. При изучении современных процессов трансформации этнокультурного сознания русскоязычных иммигрантов постсоветских волн в США впервые используется системный подход, подразумевающий качественно новое обобщение эмпирического материала на основе нескольких методологических принципов.
3. Впервые проводится сравнительное сопоставление процесса изменения этнического самосознания одновременно в нескольких, наиболее многочисленных группах современной русскоязычной иммиграции в США (русских, украинцев, евреев).

4. Аналитические подходы, используемые при изучении этнокультурной трансформации самосознания постсоветских иммигрантов США, впервые опираются на принципы гендерного анализа.

5. Теоретическая база данного исследования впервые включает в себя концепцию гендерного дифференциала социокультурной адаптации, разработанную автором диссертации.

6. В диссертации проблемы трансформации этнокультурной идентичности иммигрантов впервые рассматриваются в контексте логики развития информационно-компьютерных технологий (ИКТ).

Хронологические рамки исследования. Исследование носит пролонгированный характер и состоит из нескольких этапов. *Первый этап* охватывает период с 1991 г. до конца 1990-х годов, когда формировалась 4-ая волна русскоязычных переселенцев за океан. В рамках этого периода изучались мотивации новой волны русской эмиграции в Америку, потенциальные ресурсы адаптации переселенцев на новом месте жительства и их ценностные ориентиры. *Второй этап* исследования охватывает период с середины 2000 г. и до конца 2003 г., когда диссертантом проводились полевые исследования в нескольких штатах США, посвященные изучению этнокультурных трансформаций постсоветских иммигрантов среди представителей различных диаспор. *Третий этап* исследования начался в середине 2000- х годов и в той или иной форме продолжается до сегодняшнего дня, затрагивая уже не только представителей 4-ой, но и 5-ой волны русскоязычной иммиграции в США. Сбор эмпирического материала на данном этапе принципиально отличается от предыдущих периодов, в силу появления как новых технологических возможностей

Геолокация исследования. Границы проведения полевого исследования в США были определены несколькими обстоятельствами. *Во-первых,* объективно сложившимися условиями пребывания диссертанта в США в первой половине 2000-х годов и событиями 11 сентября 2001 г., существенно ограничившими свободу передвижения по стране. *Во-вторых,* выбором мест наиболее компактного проживания групп русских, украинцев и евреев как наиболее многочисленных среди всех постсоветских переселенцев. *В-третьих,* учитывались особенности расселения каждой из этих групп на территории крупных городов США (наличие инфраструктуры, коммуникативных возможностей, перспектив социального лифта и т. п.), которые лежали в основе предпочтений иммигрантов при определении места жительства в новой стране пребывания. *В-четвертых*, немалое значение придавалось тому, насколько в том или ином американском городе сохранялась преемственность культурных связей русскоязычного населения, позволившая бы анализировать динамику формирования новой этнокультурной идентичности иммигрантов. В итоге исследование было ограничено несколькими городами Калифорнии – г. Сан-Франциско (районы Sanset, Richmond, Russian Hill), г. San Jose и г. San Leandro, а также двумя районами г. Бостона в штате Массачусетс (Newton и Aliston).

Положения, выносимые на защиту. В силу того, что в диссертации рассматриваются проблемы, касающиеся различных сфер жизни постсоветских иммигрантов в США, все положения, выносимые на защиту, разделены на три самостоятельных части, каждая из которых содержит в себе наиболее актуальные на сегодняшний день проблемы трансформации их этнокультурной идентичности в иноэтничной среде.

Языковая идентичность

1. Установка постсоветских иммигрантов 4-ой волны (1990-е годы) на максимально быстрое повышение уровня языковой

компетенции в США отражает их готовность к смене ментальности и отказу от своей исходной этнокультурной идентичности (смена лингвокультурного кода).

2. Представители 5-ой волны постсоветской иммиграции (2000-е годы) не связывают уровень владения английским языком со сменой собственной этнокультурной идентичности, ориентируясь, в первую очередь, на быстрейшую интеграцию в ресурсно-технологическую базу США для обеспечения своего карьерного роста.

3. Лингвистический диссонанс, который переживают иммигранты как четвертой, так и пятой волн в США, препятствует развитию коммуникативных связей и оказывает непосрелственное влияние на их идентичность. (как четвертой, так и пятой волн) сегодня значительно замедляется.

4. Сложности психологического восприятия постсоветскими иммигрантами американской лингвокультуры способствуют установлению и приоритетному развитию их личных связей (включая брачные) либо со своими соотечественниками, либо с носителями «третьего языка» в США, особенно с выходцами из Юго-Восточной Азии.

5. Современная этика языковой мультиидентичности, характерная для населения США, затрудняет свободные коммуникации русскоязычных иммигрантов (например, необходимость использования слова «афроамериканец» вместо слова «негр», различные формы гендерной лексики и т.п.) и не способствует безболезненной смене их идентичности.

6. Символические формы лингвокультурного кодирования, сформированные в американской культуре («культурные синдромы» Г.Триандиса) образуют ценностные дихотомии,

актуальные как для первого, так и для второго поколений постсоветских иммигрантов в США и существенно затрудняющие процесс трансформации их этнокультурной идентичности в инокультурной среде.

Гендерная идентичность

1. Динамика гендерных асимметрий в США связана с социокультурными тенденциями развития всего американского общества и конструирует новые поло-ролевые отношения. Решающего влияния на традиционные полоролевые отношения постсоветских иммигрантов гендерная асимметрия в Америке не оказывает, а радикальные формы гендерных отношений в формате квир-теорий и харассмента не находят понимания среди русскоязычного населения Америки и не формируют в их среде новых гендерных идентичностей.

2. Нарушение баланса поло-ролевых функций отражается как на повседневной жизни семьи, так и на и на профессиональной деятельности мужчин и женщин в иммиграции.

3. Среди представителей пятой волны мотивация русскоязычных женщин США на личностную самореализацию в иммиграции приобретает формы, адаптированные к современным условиям жизни в США (например, «цифровое кочевничество»), и в итоге заметно трансформирует их исходную гендерную идентичность.

4. Постсоветские женщины-иммигрантки относительно легче своих соотечественников-мужчин переживают «культурный шок» при соприкосновении с американской реальностью, так как изначально обладают большей способностью к гибкой адаптивности в инокультурной среде (гендерный дифференциал социокультурной адаптации). В новых условиях высокая степень

поисковой активности русскоязычных женщин-иммигранток обеспечивает им достаточно широкую вариативность поведенческих моделей, не требующих смены гендерной идентичности для достижения успеха.

5. Самостийные женские сообщества в США, организованные русскоязычными женщинами-иммигрантками постсоветского периода, являются психологической компенсацией издержек «культурного шока», а не стремлением соответствовать стандартам американского феминизма.

Этническая идентичность (до начала 2022 г.)

1. Сформировавшийся в советский период формат межнациональных отношений населения СССР продолжает оказывать влияние на русскоязычных иммигрантов США как 4-ой, так и 5-ой волн.

2. Трансформация украинской идентичности в иммиграции происходит на инструменталистской основе, формирующей групповую солидарность почти исключительно как средства достижения политических и/или экономических целей.

3. Сохранение аутентичной модели этнической идентичности евреев в США происходит за счет укрепления и развития различных форм благотворительности, а также в силу гибкости политики иудаизма.

4. Сохранение русской идентичности иммигрантов в США основано на традициях широкого распространения русскоязычных школ, общественных и просветительских организаций, а также (начиная с 2000-х годов и до конца 2021 г.) на поддержке русского языка со стороны дипломатических структур РФ в США (включая представительство России в ООН и ЮНЕСКО), Россотрудничества Представительства Московской патриархии в г. Нью-Йорке.

Апробация результатов исследования. Основные положения и результаты исследования опубликованы автором в ряде отечественных и зарубежных журналов и сборников, в том числе в рецензируемых изданиях, включенных в перечень ВАК. Тема исследования отражена также в выступлениях автора на нескольких международных конференциях, так или иначе затрагивающих проблемы повседневной жизни иммигрантов и вариантов трансформации их этнокультурной идентичности в процессе адаптации к инокультурной среде. За последние 5 лет, учитывая стремительно возрастающую роль смены гендерной идентичности в глобалистской среде западного мира (включая США), результаты проведенного автором исследования активно обсуждались и на гендерных конференциях, а также в тбинарах, круглых столах и других научных площадках, на которых данная проблематика дискутировалась в связи с обсуждением миграционных процессов. Среди наиболее значимых конференций следует выделить следующие: XI Международная научная конференция РАИЖИ и ИЭА РАН (4–7 октября 2018 г., Нижний Новгород); Femeia în istoria universală. Noi abordări metodologice /Woman in Universal History. New methodological approaches (г. Кишинев, 05.06. 2018); XV Конгресс антропологов и этнологов России к 300-летию Российской академии наук и Санкт-Петербургского университета (25-29 июня, г. Санкт-Петербург, 2019 г.); XIV Конгресс антропологов и этнологов России «Антропология и этнология в поисках ответов на социальные вызовы» (КАЭР, г. Томск, 6-9 июля 2021); Методология изучения современного русского зарубежья (междисциплинарный подход)». Доклад на семинаре Группы по истории этнологии и антропологии ИЭА (г. Москва 22.02.22); Миф о жизни русских «айтишников» в США (гендерное измерение). Доклад на VI Международной научной конференции «Миф в истории, политике, культуре». Филиал МГУ имени М.В.Ломоносова в г. Севастополь (г. Севастополь, 23.05.22), Конгресс антропологов и этнологов России (КАЭР,

. Санкт-Петербург, 2023). Доклад «Феминистская методология изучения миграций» и др.

Практическое применение результатов исследования. Предполагается, что проведенное исследование будет способствовать:

- объективной оценке состояния русскоязычной диаспоры в США, сформировавшейся на основе постсоветской эмиграции в США (4-ая и 5-ая волны);
- созданию методологической базы данных для управления политикой поддержки соотечественников за рубежом;
- разработке оптимальных путей консолидации русскоязычной диаспоры в США;
- выработке наиболее адекватной в свете изменившейся за последние несколько лет геополитической реальности государственной политики в отношении различных этнических групп русскоязычного населения США;
- оптимизации дипломатических усилий для формирования Русского мира за рубежом;
- внесению корректирующих изменений в учебный материал при подготовке специалистов-международников

Структура диссертации состоит из Введения, 4-х основных глав, Заключения, Список литературы и источников, Списка сокращений и Приложений

ГЛАВА 1

Факторы трансформации этнокультурной идентичности постсоветских иммигрантов США

Проблемы трансформации этнокультурной идентичности постсоветских иммигрантов в США нельзя рассматривать как единый процесс, в одинаковой степени касающийся как русских, так и представителей других этнических общностей бывшего Советского Союза. Прекращение существования СССР вызвало множество трудно предсказуемых последствий, одним из которых следует считать и начало массовой эмиграции различных этнических групп населения бывшего Советского Союза, соединившей их в единый массив русскоязычных переселенцев и одновременно разделив между собой по этнокультурным маркерам. Причины, благодаря которым в 1990-х годах русскоязычное сообщество постсоветской иммиграции 4-ой волны в США оказалось не только разобщенным, но и обремененным различным целеполаганием в процессе адаптации к новой этнокультурной среде, представляют собой сложный конгломерат объективных и субъективных факторов, рассмотрение которых является одной из важнейших задач данной диссертации.

1.1. Законодательная основа русскоязычной эмиграции в США (вторая половина XX – начало XXI веков). Начало массового отъезда русскоязычных граждан бывшего СССР в США далеко не сразу получило адекватную оценку отечественных аналитиков, с точки зрения социокультурных последствий этого процесса. Лишь к середине первого десятилетия XXI в. сформировались позиции, которые отражали не только научное, но и социально-политическое отношение к массовому исходу постсоветских граждан за океан. Так, сторонники одной точки доказывают объективность и неизбежность усиления массовых миграций как внутри

постсоветского пространства, так и за его пределами, в связи с масштабными геополитическими изменениями, которые затронули все стороны жизни граждан в новых социально-экономических условиях [*Зайончковская* 2005:31-37] Сторонники другой точки зрения делают акцент на негативных политических и социокультурных последствиях усиления миграционной активности населения постсоветской России, утверждая, что в России может начаться разрушение этно-конфессионального и социокультурного ландшафта населения [*Дмитриев* 2004; *Бобылев* 2009: 64]. Сторонники либерального подхода к оценке последствий оттока населения из России за рубеж апеллировали к Международному пакту о гражданских и политических правах 1966 г., согласно которому любой человек имеет право покинуть страну, включая собственную, возвратиться в свою собственную страну и переехать в любую другую, признавая (и осознавая) при этом свои неизбежные правовые и социальные потери на новом месте жительства (Международный пакт о гражданских и политических правах 1966). По мнению С.П. Баньковской, закрытие границ и ограничение передвижения граждан является социальным атавизмом, неизбежно ведущим к появлению и расцвету нелегальной миграции [*Баньковская* 2006: 121–122].

Советско-российская законодательная практика управления эмиграцией. Принятый 20 мая 1991 г. еще Верховным Советом СССР Закон №2177 *«О порядке выезда и въезда из СССР граждан СССР*» вступил в силу 1 января 1993 г. уже в другой стране – в России – и стал первым за многие десятилетия законодательным актом, цивилизованно регулирующим вопросы выезда граждан из страны для постоянного проживания за рубежом.

Принципиальным новшеством стал порядок оформления документов на выезд из страны (Глава 1, Статья 2). В частности, для российских граждан отменялось внутреннее разрешение на выезд (выездная виза). Все граждане

страны в соответствии с данным законом получили право оформлять себе заграничный паспорт сроком на пять лет. Исключение составили лишь лица, осведомленные в области государственной тайны и имеющие не выполненные обязательства перед государством (например, обязательная воинская служба), а также уголовные преступники.

Следует уточнить, что эмиграция из страны существовала и до вступления в силу этого закона, но серьезно ограничивалась государством. Одним из существенных ограничений, например, стал Указ «*О возмещении гражданами СССР, выезжающими на постоянное место жительства за границу, затрат на обучение»*, принятый Президиумом Верховного Совета СССР 3 августа 1972 г. На основании этого Указа Министерством высшего и среднего образования СССР была разработана *«Инструкция о размерах и порядке возмещения гражданами СССР, выезжающими на постоянное место жительства за границу, государственных затрат на обучение*», в которой указывались размеры возмещения государственных затрат на обучение граждан, выезжающих на постоянное место жительства за границу, в зависимости от количества лет обучения. Так, например, согласно Постановлению № 573, при условии окончания Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (МГУ) или при условии учебы на последнем курсе гражданин СССР, уезжающий на ПМЖ за рубеж, должен был выплатить государству 12,2 тыс. руб., при окончании любого другого университета в СССР– 6 тыс. руб., инженерно-технического, инженерно-экономического или высшего военного учебного заведения – 7,7 тыс. руб., сельскохозяйственного и лесотехнического института – 5,6 тыс. руб., медицинского, фармацевтического, стоматологического и физкультурного институтов – 8,3 тыс. руб., экономического, юридического, педагогического, историко-архивного института и института культуры – 4,5 тыс. руб., институтов и факультетов иностранных языков – 6,8 тыс. руб., институтов искусств (консерваторий, театральных, художественных и

литературных – 9,6 тыс. руб (Постановление Совета министров СССР от 3 августа 1972 г.). Если учесть, что средние заработные платы граждан с высшим образованием в СССР того периода составляли от 100 до 150 руб., то выплаты, возмещающие государству затраты на предоставление советским гражданам бесплатного образования, серьезно затрудняли эмиграцию (Оплаты труда и доходы населения).

Если иметь в виду такой источник, как самиздатовское периодическое издание «Хроника текущих событий» (ХТС) 1973 г., то возмещение гражданами СССР государственных затрат на высшее образование было прекращено 20 марта 1973 г. по решению Политбюро ЦК КПСС и никогда в последующем не возобновлялось. За этот период, т.е. с августа 1972 г. по март 1973 г., по данным ХТС, 900 эмигрантов, выехавшие по израильским визам, полностью возместили затраты государству за свое обучение в СССР (Хроника текущих событий 1973). Закон № 573 на территории Российской Федерации прекратил свое существование только 19 августа 1996 г. на основании Федерального Закона о порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию от 15 августа 1996 г. №114-ФЗ [Федеральный закон1966]. Отсутствие четкой правовой базы в области иммиграционного регулирования СССР и РФ стало одной из важнейших причин не только нарушений эмиграционного законодательства, но и невозможности вести точный учет реально эмигрирующих граждан СССР, особенно в 1970–1980-е годы.

Для решения поставленных в данном диссертационном исследовании задач по изучению трансформаций этнокультурной идентичности постсоветских иммигрантов в США вопрос о влиянии миграционного законодательства (как России, так и США) на этот процесс имеет принципиальное значение. И, прежде всего, это связано с так называемым особым статусом еврейской эмиграции из СССР. Сам термин «еврейская эмиграция» советского периода лишь весьма относительно следует

воспринимать как репатриацию, т.е., возвращение в Палестину, на историческую родину предков. На самом деле волна эмиграции евреев из СССР 1960–1970-х годов имела другое название – *алия*, что в переводе с иврита означает «восхождение», «движение наверх» и самым непосредственным образом связана с возрождением национального самосознания еврейского народа в целом, обретение ими «внутренней гармонии с самими собой и окружающим миром». По словам одного из российских исследователей алии А.В. Антошина, началом эмиграции из СССР *«…становится осознание человеком того, что он не просто переезжает жить за границу, а возвращается на свою историческую родину. И хотя нынешний повседневный быт евреев, обосновавшихся на Святой земле, далеко не всегда соответствует сакральному предназначению, обозначенному Торой, философский и духовный смыслы алии остаются неизменными. Это во многом определяет самоидентификацию еврейского народа, включающего в себя огромное число диаспор»* [*Антошин* 2008].

Однако реальной первопричиной подъема самосознания советских евреев, вероятно, все-таки следует считать изменившуюся геополитическую обстановку в мире после победы Израиля в арабо-палестинской войне 1967 г., так называемой шестидневной войне. За несколько лет до этих событий отношения СССР и государства Израиль находились «на точке замерзания», в том числе, и в силу того, что израильские власти постоянно поднимали вопрос о свободе эмиграции из СССР [*Максименков* 2015] . Советское правительство в начале 1960-х годов отвечало на подобного рода призывы однозначным отказом, который транслировалось в массовое сознание советских граждан с помощью СМИ в соответствующем ключе. Так, от имени некой Клары Борисовны Хамитовой в журнале «Огонек» (июль 1961 г.) было опубликовано письмо следующего содержания: *«Уважаемый Никита Сергеевич! Прочитала в газете Вашу пресс-конференцию с*

журналистами в г. Вене, и меня крайне возмутил вопрос израильского корреспондента. Скажите, о каких евреях идет речь, которые хотели бы выехать в Израиль? Нас не режут, не дискриминируют, а если негде помолиться, то мы молитв все равно не знаем, а старики уж дотянут и без них…» [Огонек 2015].

Тем не менее, согласно данным, опубликованным советскими и российскими авторами по воспоминаниям крупных советских политических деятелей, эмиграция граждан еврейской национальности из Советского Союза началась фактически сразу же после освобождения от должности Генерального секретаря КПСС Н.С. Хрущева и назначения на эту должность Л.И. Брежнева, хотя и проходила, по сути, без публичной огласки. По указанию Председателя КГБ (1967 г.) Ю.В. Андропова и Министра иностранных дел СССР А.А. Громыко, *«О квоте выезда в Израиль в 1969 году и в последующие годы КГБ и МИД* СССР *внести предложения позже, с учетом обстановки*" [Огонек 2015]. Данные подобного рода требовались как для издания приказов, необходимых для работы всех институциональных учреждений в СССР, через которые должно было проводиться оформление выезжающих, так и для указаний дипломатам [*Соловьев* 1995: 80–82; 83–84; *Медведев* 1991: 239–243; *Кедми* 2012: 76–77]. Подобного рода политическая тактика («вопросы, не включенные в протокол») определяла квоты на выезд, которые устанавливались практически произвольно и при этом напрямую зависели как от внешнеполитической, так и от внутриполитической конъюнктуры. Из послания Президента государства Израиль Залмана Шазара от 24 июня 1965 г. на имя Председателя Президиума ВС СССР А.И. Микояна [*Максименков* 2015] по поводу выезда советских евреев в Израиль: «*Президенту, вероятно, известно, что в течение 1963-1965 годов советские органы власти в установленном порядке дали разрешение на выезд в Израиль полутора тысячам советских граждан…Разумеется, советские*

компетентные органы власти и в дальнейшем будут рассматривать в духе гуманности подобные просьбы советских граждан, придерживаясь действующего в СССР законодательства и правил выезда за границу» [*Кедми* 2012: 76–77; *Арбатов* 1991: 150].

К началу 1971 г., на заседании Политбюро ЦК КПСС были озвучены предварительные итоги еврейской эмиграции, составленные на основе заявлений ОВИР (Отдел виз и регистраций). Согласно статистике отклоненных ОВИРом заявлений, члены Политбюро вынуждены были признать, что еврейская квота на выезд за рубеж реализуется «не в полной мере» и в итоге может привести к срыву подготовки «программы мира» для Хельсинских соглашений по разоружению. Немалое значение в сложившейся ситуации имело и давление так называемой западной общественности в виде организации массовых выступлений против препятствий, инициируемых советской властью желающим выехать из страны [*Скунев* 2011]. 13 декабря 1974 г. в США был принят Закон о торговле № 402, вошедший в историю из-за поправки сенатора Джексона о «Свободе миграции и торговли между Востоком и Западом». Смысл поправки Джексона-Веника заключался в том, что страны, не имеющие рыночной экономики, не могут рассчитывать на кредиты и кредитные гарантии США, если не предоставляют своим гражданам права на эмиграцию, создают трудности для эмиграции и облагают налогами и другими платежами граждан, желающих эмигрировать из страны [Кодекс законов США]. Несмотря на то, что Закон США № 402 в СССР был признан вмешательством во внутренние дела Советского государства и самым негативным образом отразился на советско-американских отношениях, его принятие в США привело к еще большему сокращению еврейской эмиграции из СССР в 1970-е годы. Так, если к 1971 г. еврейская эмиграция превышала 30 тыс. человек, то уже в 1973 г. она резко сократилась до 13320 чел., судя по количеству выданных виз [*Костырченко* 2008: 202–219].

То внимание, которое в мировой политической конъюнктуре придавалось послевоенной эмиграции евреев из Советского Союза, способствовало не только резким перепадам в ее квотировании и оценках общей численности, но и формировании ее особого статуса. Преференции, предоставляемые советским государством, хоть и с оговорками, но все-таки позволяли гражданам еврейской принадлежности, перемещаться на ПМЖ не только в Израиль, но и в другие страны, среди которых США очень быстро стали приоритетом. Так, уже в 1987–1988 гг. в Израиль выехало только 25% евреев в то время, как в США – 71% [*Антошин* 2008]. Глава израильской спецслужбы Яков Кедми считает, например, что для евреев получение израильского гражданства всегда означало, в первую очередь, расширение возможностей при выборе страны своего проживания и шанс переехать на ПМЖ в США. Что же касается дискриминации по этническому признаку, то этот фактор, по признанию Кедми, практически никогда не имел существенного значения для решения советских евреев эмигрировать из СССР и никак не влиял на их самоидентификацию как в СССР или России, так и в иммиграции [*Кедми* 2012: 181–182].

Таким образом, весь геополитический дизайн еврейской эмиграции советского периода хоть и косвенным образом, но повлиял на общую численность эмигрирующего из СССР населения. Возможность выехать на ПМЖ в США по израильской визе для советских граждан была на тот период времени едва ли ни единственным шансом выехать из СССР и реализовать свою «американскую мечту», поэтому даже если членом семьи числился хоть один человек еврейского происхождения, все родственники первой степени родства и по браку выезжали вместе с ним. По еврейской визе могли выезжать и те советские граждане, которые имели еврейские корни, и этот факт еще до начала массовой эмиграции по еврейским визам сами никогда себя не идентифицировали как евреев, в изменившихся геополитических условиях стал одним из важнейших инструментов

формирования смешанной, или множественной идентичности, предоставляющей дополнительные возможности для успешной адаптации русскоязычных иммигрантов в США.

«Статистический учет русскоязычных иммигрантов в России в США». За период 1987–1989 гг. численность выезжающих на ПМЖ в США советских граждан только из РСФСР выросла практически в 10 раз – соответственно 235 и 2317 человек (Российская Федерация в 1990 г.). Приоритеты геолокации выезжающих из Советского Союза фактически были «назначены» еще в годы правления Л.И. Брежнева (1967 г.) и ориентированы на такие области, как Украина, Северная Буковина, Закарпатье и Прибалтика. По мнению некоторых исследователей (и в прошлом российских граждан) этого периода советский эмиграции в дальнее зарубежье, выбор данных регионов объясняется, прежде всего, приоритетным «мнением украинских товарищей» так как именно они составляли костяк Политбюро ЦК КПСС (Л.И. Брежнев, первый секретарь ЦК Компартии Украины П.Е. Шелест, Н.В Подгорный, Председатель КГБ в. Семичастный и др.). На основании анализа итогов советских переписей населения 1959-1989 гг. М. Тольц приводит следующие цифры: В 1959 г. из РСФСР эмигрировало 880 тыс. граждан, представляющих, по его определению, «ядро» еврейского населения, а в 1989 г. – в 1,5 раза меньше, т.е. 570 тыс. чел. Из УССР соответственно 840 и 487 тыс. чел., из БССР – 150 и 112 тыс. чел., из Молдавской ССР – 95 тыс. и 66 тыс. чел. и далее по убывающей. Единственная союзная республика, где число эмигрантов еврейского происхождения в 1959 г. и в 1989 г., по подсчетам Тольца, фактически не изменилось и даже несколько увеличилось – Узбекистан, соответственно 94 и 95 тыс. чел. [*Тольц* 1990 433–452].

По статистическим же данным РФ 1990-х годов, хотя численные пропорции эмигрантов из бывших советских республик в принципе остались такими же и наиболее активной в этом смысле также была

украинская эмиграция, статистические показатели все же выглядят иначе. Так, в 1994 г. с Украины в США эмигрировала 21 тыс. человек, из России – 15,2 тыс., в 1995 г. – соответственно 17,4 и 14,6 тыс., в 1996 г. – 21,1 и 19,7 тыс. человек [Демографический… 1999: 131–133]. Всего же в 1990 г. с территорий постсоветского пространства в общей сложности выехало в США 25,5 тыс., в 1991 г. – 57,1 тыс., в 1992 г. – 43,6 тыс., в 1993 г. – 58,6 тыс., в 1994 г. – 63,4 тыс., в 1995 г. – 54,5 тыс. и в 1996 г. – 68,8 тыс. [Демографический… 1999: 131–133] человек .

О существенных расхождениях в статистических показателях эмигрирующих из постсоветской России граждан можно судить и, например, сравнивая, данные Росстата (Федеральная статистическая служба РФ) с данными Организации экономического сотрудничества и развития (OECD), представляющей собой международное межгосударственное экономическое объединение преимущественно развитых стран, которые «разделяют принципы представительной демократии и рыночной экономики» [*Рождествина* 2010] . Так, по данным Росстата, в 2012 г. из России в США на ПМЖ выехали 1561 чел., а по данным OECD – 9969 чел.; в 2013 – соответственно 1485 и 9753, в 2014 – соответственно 1937 и 9079 чел. [Росстат].

Одним из первых американских законодательных актов, оказавшим влияние на постсоветскую эмиграцию в США, стал Закон о беженцах 1980 г., который кодифицировал уже признанное в международной практике определение беженца и увеличил квоты для тех беженцев, в чьи планы только входил переезд в США. Этот закон впервые официально установил статус беженца в стране и позволил принять конкретные шаги для размещения этой категории лиц, включая создание Управления по расселению беженцев и предоставление юридических возможностей для удовлетворения особых гуманитарных потребностей в иммиграции. Законом 1980 г., таким образом, был окончательно определен статус лиц, не

желающих возвращаться в свою родную страну из-за «обоснованных опасений преследований» (Refugee Act: 102). С момента вступления этого закона в силу эмигранты получили возможность мотивировать свой переезд в США возникновением острых гуманитарных кризисов в стране проживания, что оказалось особенно актуальным для украинской эмиграции постсоветского периода.

Американская законодательная основа управления эмиграцией из России в США Еще более значимым в этом смысле стал иммиграционный Закон США от 29 ноября 1990 г., когда Конгресс поднял потолок иммиграции на 35% в ответ на бум в экономике США (1980-е годы) и увеличения потребности в рабочей силе (*«Закон о внесении поправок в Закон об иммиграции и гражданстве, чтобы изменить уровень и систему предпочтений по приему иммигрантов в Соединенные Штаты, а также предусмотреть административную натурализацию и другие цели*»). Согласно этому закону, общая иммиграционная квота с 1992 по 1994 г. достигла 700 тыс. человек в год. Конгресс США, утвердив Закон о расширении списка иммиграционных виз, определил три основных области их применения: иммиграция по семейным обстоятельствам, иммиграция по трудоустройству и лотерея. В соответствии с Законом 1990 г. каждой группе было выделено 40 тыс. виз, причем все неиспользованные визы переходили в категорию, указанную ниже [*Leiden* 1990].

Программа получения визы для трудоустройства была основана на нескольких позициях: 1) «приоритетные работники», включая выдающихся исследователей и тех, кто обладает экстраординарными способностями в области искусства, науки, образования, бизнеса и спорта; 2) профессионалы, имеющие ученые степени или обладающие «исключительными способностями»; 3) квалифицированные рабочие и профессионалы со степенью бакалавра; 4) «особые иммигранты», например, бывшие министры; 5) инвесторы, которые обязуются вложить 1 млн долл. в

экономику США. Программа, устанавливающая правила лотереи для получения грин-карты (green card), включала лиц, имеющих либо среднее образование, либо двухлетний опыт работы в области, требующей специальной подготовки.

Иммиграционные законы США имеют множество нюансов, которые, с одной стороны, ограничивают иммиграционные потоки, а с другой – наоборот, облегчают некоторым категориям населения других стран переезд в США. Одним из таких нюансов стало принятие Конгрессом США так называемой поправки Лаутенберга/Спектора, которая изначально была нацелена на облегчение эмиграции из стран Юго-Восточной Азии и немного позже – из республик бывшего Советского Союза. Поправка была предложена сенаторами Ф. Лаутенбергом и А. Спектором в 1989 г., принята в 1990 г. и с тех пор ежегодно продлевается, правда, с ограничениями, в зависимости от геополитической ситуации в целом.

Суть закона Лаутенберга/Спектора заключается в том, что он предоставляет бóльшие льготы лицам, живущим на территории бывшего Советского Союза, которым после интервью с иммиграционными властями было отказано в получении статуса беженца. Вместо полного отказа во въезде в США, им предлагают получить статус «пароль», въехать в Америку и по прошествии одного года подать петицию о получении грин-карты, а в дальнейшем и петицию о натурализации. Принятие закона Лаутенберга в значительной мере состоялось, благодаря усилиям Общества помощи еврейским иммигрантам ХИАС (HIAS). По словам М. Белоцерковской, директора отдела ХИАС по работе с русскоязычной общиной, поправка Лаутенберга значительно расширила сферу применения иммиграционных квот, введенных Законом 1990 г.: «*Теперь, чтобы получить статус беженца, достаточно предъявить убедительные доказательства того, что вы опасаетесь за свою жизнь или свободу из-за вашей принадлежности к определенной социальной или религиозной группе. Каждый год она*

продлевается и действует в течение ближайшего финансового года. Каждый раз мы бьемся, чтобы ее продлили. Какое-то количество месяцев она не работает, значит, никого не вызывают на интервью и не принимают документы. Потом мы опять побеждаем, и механизм вновь начинает действовать. Увы, сегодня о Поправке Лаутенберга мало кто знает» [*Белоцерковская* 2015].

Однако поправка Лаутенберга касается не только лиц еврейской принадлежности. Привилегиями воспользоваться этой поправкой в той же мере обладают и активные члены украинской католической и православной церквей, живущие на территории бывшего Советского Союза, а также другие личности, которые могут доказать, что долгие годы подвергались преследованиям по национальному признаку на своей родине. При подаче документов обязательным требованием также является указание близких родственников, уже проживающих в США. К таковым, согласно данному закону, относятся муж и жена, родители и дети, родные братья и сестры, родные бабушки и дедушки, внуки и внучки. Двоюродные родственники, дяди и тети в число близких родственников не входят.

Технически всей процедурой занимается ХИАС, совместно с целой группой организаций. Родственник, проживающий в США, делает так называемый *аффидевит* о родстве, подтверждая, что люди, которые въезжают, являются его прямыми родственниками. Затем все эти документы отправляются в офис ХИАС, там проверяются и пересылаются в Международную организацию по миграции (МОМ), которая отвечает за назначение интервью в городе постоянного проживания будущего эмигранта. Фактически ХИАС является гарантом беженцев, отвечающим перед американским правительством за то, что те по прибытии в США не будут брошены на улице, что они попадут в общину, в которой их уже ждут, будут ими заниматься, и в которой, как правило, состоит их родственник.

Но наличие родственников в США не является единственным основанием для получения поддержки ХИАС. Есть и второе условие, которое считается не менее важным, – заявитель должен доказать американским властям, что его жизнь находится в опасности, или у себя на родине он подвергается дискриминации по национальному или религиозному признаку. При этом все факты должны быть изложены в письменном виде, а в ходе интервью сотруднику посольства еще раз убедительно пересказаны в устной форме. Если сотрудник посольства, задавая дополнительные вопросы, не получит логического подтверждения изложенным фактам, заявитель без всяких объяснений получает отказ. По словам М. Белоцерковской, в 2014 г. количество отказов в бывших республиках СССР достигало 83%. Но после смены начальства в американских представительствах ситуация несколько улучшилась и количество отказов стало составлять уже не более 60%. Нередко отказы случаются по достаточно банальной причине – заявитель растерялся, что-то забыл, не понял вопроса, плохо себя чувствовал и т.п. Но и в этом случае у него есть выход, так как в течение 90 дней после отказа можно предоставить на английском языке апелляцию с объяснением причин своего неудачного прохождения интервью.

Судя по материалам включенного наблюдения диссертанта, наибольшие затруднения у будущих эмигрантов, решивших использовать поправку Лаутенберга для въезда в США, вызывают именно доказательства того, что на родине они подвергались дискриминации по национальному признаку. В одном из случаев, например, семья смешанного этнического происхождения (муж – украинец, жена – еврейка), подавшая документы на беженскую программу в Посольстве США, только по прибытии в Москву для прохождения интервью узнала, что одного заявления по поводу дискриминации недостаточно, и что на этот счет нужны веские доказательства. Вечером, накануне интервью в посольстве, все члены семьи,

включая детей-подростков, обсуждали возникшую проблему, пытаясь вспомнить любые эпизоды из своей жизни, которые хоть отдаленно напоминали бы случаи преследования по национальному признаку. В итоге остановились на том, что мать семейства на интервью расскажет об оскорблении своего младшего сына в детском саду, которого кто-то из детей назвал евреем (ПМА, 2001 г.), и что этот факт вызвал серьезное беспокойство семьи относительно будущего их ребенка в России.

Основные преимущества, согласно поправке Лаутенберга, заключаются в том, что иммигрантам предоставляется право на получение всех государственных программ, которые существуют в США для лиц, не имеющих дохода. Это медицинские страховки: *медикейд* – для людей до 65 лет и *медикэр* – для людей после 65 лет, гранты на учебу, пакет дополнительных льгот и компенсаций (бенефитов), фудстемпы (бесплатные продуктовые карточки), дополнительные социальные выплаты (Supplemental Security Income, SSI) и др. Иными словами, любой въехавший в США беженец получал все, что нужно для первоначального устройства на новом месте, сильно не обременяя при этом родственников. Однако сами родственники, живущие в США, являясь, по сути, спонсорами «вновь прибывших», в любом случае должны были предоставлять нотариально заверенный документ о своих доходах.

Поправка Лаутенберга сильно повлияла и продолжает влиять на решение граждан бывшего СССР переехать на постоянное место жительство в США. «*Люди в свое время решили не уезжать, потому что у них было все хорошо. Сегодня ситуация и экономически, и политически очень тревожная и в России, и на Украине. Люди бегут из восточных областей Украины, из Харькова и Одессы. Вот только что был звонок из Днепропетровска… Люди очень встревожены…»* [*Шалыгина* 2021]. Некоторые группы постсоветских иммигрантов (например, украинцы)

стремились полностью воспользоваться преимуществами расширенной иммиграционной политики Соединенных Штатов.

Статистика США по учету эмигрантов, прибывающих из бывших советских республик, представляет собой не меньшую сложность, что связано с многочисленными различиями в практике статистического учета официальных статистических служб Соединенных Штатов. Так, в США в отношении большинства эмигрантов отдается предпочтение регистрации по месту рождения (в данном случае – СССР), а не по стране последнего места жительства (после прекращения существования СССР и образования на его месте суверенных государств); применяются иные сроки учета прибытия иммигрантов, получение статуса иммигранта осуществляется не сразу, а 1–3 года спустя; лица разной этнической принадлежности, но родившиеся уже после 1991 г в одной из бывших союзных республик, учитываются службой иммиграции и натурализации США в общей статистике по данной республике и только на момент выезда из нее. В результате, число «русских», въехавших в США с большинства территорий бывшего советского пространства, в американской статистике сильно варьирует и не отражает их реального числа в эмиграционном потоке.

Дополнительные сложности для самих иммигрантов создавали и правила их учета. По формальным признакам к иммигрантам в США относят тех, кто на законных основаниях получает разрешение на постоянное проживание в США. Начиная с 1989 г. такое разрешение выдается взамен статуса не иммигранта (non-immigrant), который формально находится на территории США временно, но само его пребывание в США может длиться годами. В течение 1991–1998 годов, по данным американской статистики, когда поток переселенцев из России после распада СССР резко увеличился, статус иммигранта смогли получить 98,7 тыс. человек, которые родились на территории Российской Федерации, а всего из стран бывшего СССР – около 110 тыс. Примерно половина тех, кто получил статус иммигранта после

1991 г. (53,5 тыс.), проживали на территории США и ранее, но имели статус беженцев [Statistical 2012: 62]. На основании подобного рода статусных разграничений иммигрантов официальная статистика США отмечает, например, максимальный рост русскоязычных иммигрантов, пришедшийся на 1996 г. [Yearbook 2012].

Отсутствие согласованности в американской официальной статистике при учете этнических групп иммигрантов в США вносит путаницу в общую статистическую картину и зачастую не позволяет адекватно оценить динамику изменений в этом вопросе. Однако лакуны в статистических данных по учету иммигрантов успешно заполняют многочисленные частные американские компании США. Так, многонациональная компания Améredia, которая специализируется на анализе многочисленных этнических групп в стране, создает специальные маркетинговые концепции, способные завоевать лояльность представителей определенных этнических группа как целевой аудитории конкретно той или иной компании в США. С этой точки зрения так называемый мультикультурный маркетинг заслуживает особого внимания, так как предоставляет максимально полные данные в отношении того или другого иммигрантского сегмента.

Русскоязычный сегмент в США, по данным этой компании на 1993 г., является второй по численности (после мексиканской) этнической группой, составляющей 10.3% (или 2.9 млн чел.) от общей численности всего населения США, говорящего на иностранных языках (28,4 млн чел.). Численность русскоязычного населения в г. Нью-Йорке (600 тыс. чел) сопоставима с численностью других ведущих этнических групп, таких как китайцы (760 000) и доминиканцы (620 000). В Южной Калифорнии численность русскоязычных также составляет 600 тыс. чел., расселенных преимущественно в таких ареалах штата, как Hidden Hills, Calabasas, Los Angeles, Westlake Village, Agoura Hills и Simi Valley (Кремниевая долина). Компания Améredia указывает также средний уровень образования

русскоязычных резидентов в этом районе – численность бакалавров колеблется от 40 % в Simi Valley до 75% в Калабасасе.

Большинство русскоязычных являются двуязычными, но, как правило, дома говорят на родном языке и используют русскоязычные СМИ в поисках последних новостей и другой информации. Кроме того, по данным маркетинговой кампании, 64% русскоязычных — это брачные пары, имеющие собственное домохозяйство и в среднем 1,6 детей на семью. Средний ежегодный доход семьи – $50.000. В Нью-Йорке средний доход русскоязычных американцев в 1993 г. составил 47 000 долларов США по сравнению с 38 866 долларами США для населения в целом, 42 199 долларами США для китайцев и 19 800 долларами США для доминиканской общины.

Будучи образованным сообществом, русские американцы больше сосредоточены на участии в работе после окончания колледжа и вовлечены в более высокооплачиваемую занятость, при этом 67,5% из них заняты в управленческих, профессиональных, технических и торговых профессиях (по сравнению с 45,6% среди всех иммигрантов в США), 21,4% заняты в сфере услуг (по сравнению с 31,2% среди всех иммигрантов США), 11,9% работают операторами, производителями и рабочими (по сравнению с 18,7% среди всех иммигрантов США). Характерно, что всего лишь 0,06% русскоязычных иммигрантов заняты в сельском хозяйстве, по сравнению с 4.6% всех иммигрантов США [Immigration-Related Statistics. Russian American Demographics 1993].

Приведенные данные о том внимании, которое маркетинговые кампании США уделяют этническим сообществам в своей стране (в данном случае – русскоязычному сообществу), позволяют сделать несколько важных выводов. Во-первых, подобного рода данные являются достаточно репрезентативными, так как обеспечивают жизнеспособность самих маркетинговых кампаний. Во-вторых, статистические данные,

предоставляемые маркетинговыми кампаниями, отражают глубокое и разностороннее погружение в жизнь иммигрантских общин, так как основаны на целевых социологических исследования, проводимых компаниями по изучению своих целевых аудиторий. В-третьих, столь пристальное внимание американского маркетинга к своим целевым аудиториям, обладающих едиными этнокультурными ценностями, по сути, способствует сохранению этих ценностей и воспроизведению в новых условиях исходной самоидентификации их носителей. В-четвертых, мультикультурный маркетинг в США, формируя потребительский интерес к определенному этническому продукту, в известной мере нейтрализует и разделительные линии, существующие между различными этническими сообществами в повседневной жизни.

Русскоязычное сообщество США в этом смысле представляет собой один из примеров «стирания граней» на бытовом уровне среди бывших соотечественников в иммиграции. Метод включенного наблюдения позволил диссертанту проводить пролонгированное исследование в так называемых русских продовольственных магазинах г. Сан-Франциско, организованных постсоветскими иммигрантами различного этнического происхождения в середине 1990-х годов. Анализ мерчендайзинга (логистика доставки и расположения пищевых продуктов в торговом зале) показал, что усилия владельцев магазинов направлены на удовлетворение потребительского спроса на основе диеты советских граждан (например, ярославский творог вместо канадского, киевский торт вместо американской выпечки, конфеты фабрики «Красный октябрь» и т.п.). Характерно, что готовые и расфасованные блюда этнической кухни (еврейской, украинской, армянской, литовской и т.д.) пользовались одинаковым спросом среди представителей всех групп постсоветских иммигрантов, регулярно посещающих русские магазины.

Хотелось бы особо подчеркнуть, что мультикультурный маркетинг и используемая в его рамках статистика свидетельствуют о существовании в США достаточно эффективного ресурса для формирования новых вариантов смешанной этнокультурной идентичности русскоязычных иммигрантов, основанной на советских технологиях конструирования межкультурного общения. Однако существующая официальная иммиграционная политика США, регулирующая этнические квоты переселенцев, по-видимому, может считаться одним из факторов, препятствующих процессу развития межкультурного диалога в иммигрантской среде.

1.2. Экономические факторы как основа мотивации эмиграции из России в США. С началом 1990-х годов кардинальным образом изменившаяся ситуация потребовала от населения бывшего СССР той или иной формы реагирования, среди которых одной из самых радикальных, по-видимому, следует считать и готовность к эмиграции. С точки зрения формальной классификации миграционных процессов, можно выделить такие их виды, как внешние/внутренние, вынужденные/добровольные, постоянные/временные, легальные/нелегальные, а также в зависимости от причины – политические, военные, социальные, экономические, культурные. Каждый из перечисленных видов миграций имеет свои особенности и условия перемещения. Для русскоязычных граждан постсоветского пространства четвертая волна эмиграции (1990–2000 гг.) не может, строго говоря, считаться добровольной, т.е., как исключительно личный выбор переселения в другую страну. Если причинами переезда становятся некие опасные для мигранта и его семьи обстоятельства, включая, например, крушение национальной экономики (а также эпидемия, техногенные катастрофы и т.п.), то миграцию следует относить к категории вынужденных. Готовность навсегда уехать из России в 1990-х годах, безусловно, следует отнести к вынужденной миграции, когда решение

принимается человеком или семьей, в связи с резко изменившимися обстоятельствами проживания в своей стране.

По данным Госкомстата России, опубликованным в профильных сборниках 1990-х годов, в результате проведения либерально-демократических реформ того времени резко снизились все показатели уровня жизни населения страны [Госкомстат 1998]. И произошло это, в первую очередь, за счет изменения принципа ценообразования, которое в СССР регулировалось и было ориентировано на облегчение положения людей с низкими доходами и таким образом фактически уравнивало их с людьми зажиточными, а, начиная с 1991 г., наоборот, перешло в свободный, «плавающий» режим, оставив всех бывших советских граждан один на один с новой для них рыночной экономикой

В ходе реформ основная часть населения страны, для которой заработная плата в 1990-е годы по-прежнему оставалась основным источником доходов, оказалась вынужденной покупать продукты первой необходимости не по фиксированным ценам, а по свободным, которые обеспечивали сверхприбыли торговых монополистов [*Антоненко* 2015], но быстро вели к обнищанию большинства обычных людей [*Заславская* 1995]. При этом сама программа реформ не предполагала какой-либо стратегии, механизмов, предотвращающих обеднение населения, «…и не было сделано никаких шагов… для преодолений крайних направлений бедности» [*Шалыгина 2021*]. В результате практически одномоментного перехода страны на рыночные рельсы и без учета многолетней включенности советских граждан в экономику, основанную на плановом принципе хозяйствования, возникла так называемая *структурная бедность*, то есть бедность как постоянное состояние значительной части населения страны. Кроме того, произошло исчезновение среднего класса и одновременно стремительное формирование статистически ничтожной (1%), но влиятельной прослойки очень богатых людей [Приложение 2, рис.1].

Исследовательские данные российских социологов подтверждают, что к 1992–1993 гг. треть российского населения оказалась за чертой бедности [*Шахбанов* 1994]. Однако следует уточнить, что сам термин «бедность» в отношении населения перестроечной России имел принципиально иное смысловое наполнение, по сравнению с аналогичным термином в западной культуре [*Lewis* 1969]. И главное отличие состояло в том, что к моменту исчезновения советского образа жизни и переходу страны на новый социально-экономический уровень способ мышления советских людей, сформированный системой образования, идеологической платформой социального равенства, возможностями профессионального и личностного роста, единой культурной основой для всех членов общества, не соответствовал дифференцированной шкале западного мира с полюсами «богатый – бедный».

По данным переписи 1989 г., на тысячу человек населения страны 138 мужчин и 148 женщин имели высшее образование; среднее специальное имели соответственно 602 и 633 человека и среднее – 174 и 146 человек [Население СССР 1990]. Несмотря на бедственное положение экономики страны, в 1990-е годы в России продолжали действовать 940 вузов, в которых обучалось более 4 млн студентов, в том числе 590 государственных вузов, в которых обучалось более 3,7 млн студентов. Даже после распада СССР одна только Россия по числу студентов на тысячу жителей опережала Японию, Францию, Великобританию, Италию, а в государственных вузах России обучалось больше студентов, чем во Франции, Великобритании и Германии вместе взятых [Российский 2000: 199].

Тем не менее, важно подчеркнуть, что, по состоянию народнохозяйственного комплекса СССР на 1990 г., все советские республики вносили различный вклад в экономику страны и в зависимости от этого вклада условно делились на 3 группы. Первую группу составляли

Россия и Украина, производившие соответственно 61% и 16% общесоюзного национального дохода, вторую – Белоруссия, Узбекистан и Казахстан, на долю которых приходилось по 4% суммарного национального дохода, и третью составляли остальные 11 республик СССР, вклад каждой в экономику страны не превышал 1%. Но все республики при этом имели равные права в составе единого государства, образуя общий народнохозяйственный комплекс [*Шредер* 1992: 88]. Каждая республика находилась в большой зависимости от поставок важнейших сырьевых ресурсов и конечной продукции из других республик, от получения рынка сбыта на всем общесоюзном пространстве.

Несмотря на равные права всех союзных республик, хотелось бы отметить, что распределение общесоюзного ресурса имело свои нюансы. По данным переписи 1989 г., например, в среднем по стране на одного человека приходилось 15 кв. м общей площади и 10 кв. м жилой площади. Но в некоторых республиках СССР эти показатели оказывались заметно выше. Так, обеспеченность общей и жилой площадью в прибалтийских республиках накануне распада СССР составляла, например, соответственно 18 и 11 кв. м (Латвия и Литва) и даже 19 и 13 кв. м (Эстония), в Грузии – 20 и 14 кв. м (Население СССР: 44). К этим цифрам хотелось бы добавить, что автору данной работы в 1989 г. довелось принимать участие в этносоциологической экспедиции Института этнографии АН СССР (нынешнее название – Институт этнологии и антропологии Российской академии наук, ИЭА РАН) по городским и сельским населенным пунктам Эстонии с целью изучения похозяйственных книг (в составе исследовательской группы В.Н. Шамшурова) и лично убедиться в том, насколько уровень жизни эстонцев превышал даже средние московские показатели материального благополучия советских граждан.

На фоне высокого уровня образования и стабильности повседневной жизни резкий переход к состоянию структурной бедности для основной

массы граждан Советского Союза стал своего рода культурным шоком, скрытые механизмы которого пока недостаточно ясны. Очевидно только то, что режим выживания на грани реального голода и нищеты стал стрессом, к которому абсолютное большинство населения не было готово. Несколько поколений советских людей на протяжении 70 лет жили в условиях плановой экономики и полного пакета социальных гарантий со стороны государства (бесплатное образование, медицина, обеспечение профессией, работой и т.п.) и не рассматривали свое будущее в стране сквозь призму рыночной экономики.

Совместное хозяйствование на протяжении нескольких десятков лет вкупе с единой идеологией государства не могло не сказаться и на формировании менталитета почти трех поколений советских людей. По образному выражению одного из участников сетевой дискуссии, критически настроенного по отношению к идеологии СССР, *«…менталитет советского человека умирал частями, но до сих пор не исчез… и непонятно, что должно случиться, чтобы исчез последний носитель этого менталитета*» [*Коноплев* 2018].

Кризис советской ментальности. Дискуссии по поводу того, что такое советский менталитет и почему он продолжает передаваться от поколения к поколению, несмотря на смену экономической, политической и идеологической платформ в стране, ведется уже не одно десятилетие. Одно из предположений, действительно, основано на признании особого психологического типа, формирование которого зависело не столько от географических условий проживания, сколько от конкретного типа общественных отношений, от той модели социально-экономической формации, в рамках которой происходила социализация личности нескольких поколений советских людей [*Бистрицкас*-1989]. Другие авторы допускают, что ментальность советского человека унаследовала некие системообразующие компоненты историко-культурного кода

дореволюционного прошлого Российской империи, включавшего в себя такие архетипы, как патернализм, государственность, социоцентризм [*Шаповалов* 1997].

Не меньшего внимания заслуживают и позиции, которые напрямую увязывают ментальность советского человека с идеологией. Например, точка зрения академика М.П. Кима, выраженная им по этому поводу еще в конце 1970-х годов, заключается в том, что «…*социалистическая культура – это динамичное состояние духовной жизни общества первой фазы коммунистической формации, определяемое социалистическим способом производства и характеризуемое высокими достижениями в духовном (интеллектуальном, моральном, художественном) росте трудящихся масс, их сознательно-активным участием в духовном производстве…*» [*Шалыгина* 2021].

Идеологическая составляющая советского менталитета, по мнению многих российских исследователей, предопределила его устойчивость во времени и сформировала идейно-политическую, морально-психологическую и организационную ригидность, повлиявшую на степень готовности/неготовности общества к переменам [*Шалыгина* 2021] Особенности советской ментальности, сыгравшие немалую роль в процессе социализации нескольких поколений советских граждан, так или иначе стали частью их множественной идентичности, не только усложняющей адаптацию иммигрантов в инокультурной среде, но и переживающей собственную непростую трансформацию.

1.3. Эволюция диаспоральной политики в условиях глобализации. Не менее сложной проблемой в процессе трансформации исходной идентичности постсоветских иммигрантов в США следует считать и влияние диаспоральной политики на этот процесс, учитывая разнообразие аналитических оценок ее функций и в целом перспектив развития. Дискуссия по поводу определения и сущности понятия «диаспора» началась

еще в 1970-х годах, когда профессор Висконсинского университета (США) Дж. Армстронг выделил такой критерий определения диаспор, как характер ее взаимодействия с государством, в котором эта диаспора обосновалась [*Armstrong* 1976]. Практически такой же точки зрения придерживался и профессор Корнуэльского университета (США) Милтон Дж. Эсмана, который характер взаимоотношения этнического меньшинства с принимающим государством считал более важным, чем связь этнических меньшиств со своей исторической родиной [*Esman* 1986].

В середине 1990-х годов к обсуждению понятия диаспоры подключились российские социологи, отметившие значимость социальных институтов для жизнеспособности диаспоры, которые фактически и должны обеспечивать ее развитие [*Тощенко* 1996]. С точки зрения сторонников социологического подхода к наиболее значимым социальным институтам диаспоры следует отнести органы ее самоуправдения, систему образования внутри диаспоры, способную обеспечивать межпоколенную преемственность родной культуры и языка, а также, что не менее важно, транслировать свои достижения и ожидания политическим структурам принимающего государства.

Помимо социологического подхода к пониманию феномена диаспор за последние годы все большее значение приобретает и этнопсихологический подход, который в контексте данной диссертации имеет особое занчение, так как позволяет понять ту роль, которую диаспора играет в процессе трансформации коллективной идентичности иммигрантов. Сегодня в этнопсихологии эффективно используется так называемый статусный подход, согласно которому сам факт трансформации этнокультурной идентичности в иммиграции понимается как развитие от стадии иммерсии (исходной или предрешенной идентичности) к стадии интроспекции (достигнутой идентичности), когда личностная вовлеченность иммигранта в диаспоральную жизнь постепенно

ослабевает и сопровождается уменьшением зависимости от нее, в то время как личностная автономия иммигранта, наоборот, со временем возрастает, что свидетельствует о формировании у него нового социального статуса и собственной этнокультурной идентичности в новых условиях. Увеличение или уменьшение степени самой диаспоральной идентичности зависит от культурной дистанции между диаспорой и культурой принимающего общества (в данном случае - американской). Если общая для членов диаспоры культурная дистанция по тем или иным причинам со временем увеличивается (герметизируется), то включается механизм социального сравнения, когда, согласно Г. Тэджфелу, автору теории культурных дистанций, иммигрант сам выбирает зону своего этносоциального и психологического комфорта – этнокультурную идентичность диаспоры или, напротив, идентичность доминирующей культуры, например, белых американцев [*Tajfel* 1981].

В начале 2000-х годов дискуссия вокруг диаспор заметно обострилась, так как научное сообщество оказалось перед вызовом новых факторов, влияющих на иммиграционные процессы и в первую очередь связанных с глобализацией. Если еще в 1980-е годы для большинства исследователей при построении диаспоральных концепций универсальным объектом изучения служила почти исключительно еврейская диаспора [*Арутюнов* 2005], то два десятилетия спустя данную установку многие исследователи сочли уже устаревшей и более актуальной стала считаться концепция дифференцированного подхода к изучению диаспор, отвечающая вызовам глокализации. Разделение диаспор по принципу глубины исторических корней, предложенное израильскими учеными [*Шеффер* 2003, в известном смысле противопоставило диаспоры одна другой и изначально наделило их иерархическими характеристиками, что не могло не отразиться и на статусе каждой из диаспор.

Другой принцип классификации диаспор основан на крепости связей со страной происхождения - чем эта связь устойчивее и культурные связи не разрушаются, тем с большим основанием представители этнического меньшинства, живущие за пределами своей страны, могут считать себя диаспорой [*Попков* 2002]. В этом случае неизбежно возникает вопрос о проблемах интеграции членов диаспоры в принимающую культуру и формы их взаимодействия с ней. К этой позиции близка и позиция академика В. А. Тишкова, согласно которой самой характерной чертой современных диаспор следует считать именно служение ее членов своей родине, иначе диаспора не является, по сути, диаспорой [*Тишков* 2001:21]. Главное отличие диаспоры, как считает Тишков, это тот факт, что она является «политическим проектом», несущим в себе особую миссию служения своему государству и своей родине и культуре. Занижение роли этноса в данном подходе к пониманию диаспоры в свое время вызвало критику этой точки зрения со стороны некторых российских этнографов, которые сочли недооцененным статус этноса в жизнедеятельности диаспор [*Семенов* 2000].

С точки зрения автора диссертации, понимание феномена диаспоры как политического проекта является вполне оправданным, что, как будет показано дадее, следует считать ключом и к пониманию роли постсоветских диаспор в процессе трансформации этнокультурной идентичности русскоязычных иммигрантов в США. Однако, с другой стороны, судя по результатам полевых наблюдей автора диссертации, постсоветская миграция за океан является этнической по своей сущности и сохраняет свои этнокультурные различия, несмотря на транснациональные тенденции развития миграционных процессов в условиях глобализаци.

ВЫВОДЫ.

1. Иммиграционные законы СССР, регулируя еврейскую эмиграцию 1970-1980- годов создали основу для ослабления советской

идентичности и последующей трансформации этнокультурной идентичности постсоветских иммигрантов в США.

2. Американские иммиграционные квоты усилили этнокультурную идентичность граждан бывшего Советского Союза, эмигрирующих в США, предоставив им льготы (Закон Лаутенберга/ Спектора и др.)
3. Статистические особенности учета иммигрантов в США осложнили реальную картину этнического состава постсоветских иммигрантов.
4. Структурная бедность в России стала одним из факторов усиления эмиграционной активности и «растворения» как индивидуальной, так и коллективной идентичности постсоветских граждан.
5. Диаспоральная активность имеет непосредственное отношение к возникновению «достигнутой идентичностью», когда личностная вовлеченность иммигранта в диаспоральную жизнь постепенно ослабевает, что приводит к усилению личностной автономии и формировании у иммигранта нового социального статуса и собственной этнокультурной идентичности.

ГЛАВА 2

Русский мир и понятие «русскости» в современных США

Характеристика русскоязычных диаспор в современных США представляет собой достаточно сложную задачу, решение которой требует многоуровневого анализа и комплексного подхода. Основная проблема заключается в том, что сам термин «русские» в США до сих пор нередко применяется по отношению ко всем ныне живущим в этой стране переселенцам как из бывшего Советского Союза, так и из Российской Федерации. Одной из главных причин столь устойчивого имиджа на самом деле полиэтничного потока иммигрантов из некогда единого государства является использование ими русского языка в качестве родного, что само по себе вполне объяснимо, учитывая политику СССР, которая многие десятилетия была направлена на обеспечение русскому языку статуса общенационального для всех проживающих в стране народов. Однако в условиях иммиграции русский язык приобретает для переселенцев дополнительную смысловую нагрузку и становится важнейшим фактором их этнокультурной самоидентификации.

2.1. Географические и этнолингвистические границы Русского мира в современных США. Учитывая многозначность и расплывчатость понятия «русскости» в США, в данной диссертационной работе для анализа статистических данных принимались во внимание, главным образом, показатели тех русскоязычных иммигрантов, которые говорят по-русски дома (language spoken at home). Согласно данным официальной статистики США, к 1990 г. в США проживало 241 798 чел., говорящих дома на русском языке, в 2000 г. – 706 249 чел., в 2010 г. – 854 955 чел., в 2020 г. – 998 179 [Институт статистических исследований США 2000; Language Spoken at Home: 2000; Statista 2008].

Данные, опубликованные Институтом статистических исследований США [Statista 2008], свидетельствуют, что численность русскоязычных

иммигрантов, говорящих дома на родном языке, постепенно увеличивается, что, в первую очередь, конечно же, связано с общей миграционной активностью русскоязычного населения бывшего СССР в США. Но более тщательный анализ американской статистики показывает, что, например, в 2000 г. русскоязычные иммигранты, говорящие дома на русском языке и в основном проживающие в крупных городах таких штатов, как Нью-Йорк (218 765 чел.), Калифорния (118 382 чел.), Нью-Джерси (38 566 чел.), Иллинойс (38 053 чел.), Массачусетс (32.580 чел.), Пенсильвания (32 189 чел.) и Вашингтон (31 339 чел.), Флорида (19 729 чел.), Мэриленд (17 584 чел.) и Орегон (16.344 чел.), в сумме составили более 70% всех русскоязычных иммигрантов США. В самом штате Калифорния, на территории которого проводились основные полевые исследования диссертанта, русскоязычное население, говорящее дома на родном языке, составило: в г. Сан-Франциско - 14% от общего числа населения города, в Западном Голливуде (Голливуд Хиллс в Лос-Анджелесе) – 12% и в столице штата Калифорния г. Сакраменто – 8% [Census 2000].

Суммируя данные официальных статистических данных США, можно утверждать, что преобладающая часть русскоязычного населения США, по крайней мере, до начала XXI в. сохраняла русский язык как родной и использовала его в качестве основного коммуникативного средства в повседневном общении.

В течение последующих двух десятилетий география расселения русскоязычного населения в США несколько изменилась. Согласно статистическим данным Бюро переписи населения США по состоянию на 1 апреля 2020 г., наиболее населенным русским штатом стала Калифорния, что, предположительно, связано с востребованностью рабочих мест на высокотехнологичных предприятиях Кремниевой долины. Однако, как видно из таблицы №1, русскоязычное население к концу второго

десятилетия XXI присутствует уже во всех 50 штатах США, хотя и в разных пропорциях.

Таблица 1

Численность и плотность расселения русских в США (2020 г.)

РУССКИЕ								
Штат	Всего русских	% от населения штата	Штат	Всего русских	% от населения штата	Штат	Всего русских	% от населения штата
Калифорния	342792	0.87%	Северная Каролина	38382	0.4%	Юта	8651	0.3%
Нью-Йорк	338597	1.7%	Миннесота	32108	0.6%	Южная Дакота	8601	1.0%
Флорида	184552	0.9%	Миссури	27359	0.4%	Нью-Мексико	7865	0.4%
Пенсильвания	163673	1.3%	Невада	23096	0.7%	Айдахо	7357	0.4%
Нью-Джерси	149999	1.7%	Канзас	22271	0.8%	Вермонт	6893	1.1%
Иллинойс	107815	0.9%	Южная Каролина	19754	0.4%	Гавайи	6599	0.5%
Массачусетс	94489	1.4%	Теннеси	18123	0.3%	Род-Айленд	6568	0.6%
Вашингтон	82449	1.1%	Северная Дакота	17549	2.3%	Делавэр	6555	0.7%
Техас	73002	0.25%	Индиана	17392	0.3%	Луизиана	6345	0.1%
Мичиган	64606	0.6%	Кентукки	11662	0.3%	Мэн	6204	0.5%
Огайо	64165	0.5%	Небраска	11323	0.6%	Коннектикут	4934	1.4%
Мэриленд	59018	1.0%	Нью-Гемпшир	10761	0.8%	Миссисипи	3989	0.1%
Колорадо	55154	1.0%	Оклахома	10042	0.3%	Джорджия	3794	0.4%
Вирджиния	47189	0.6%	Аляска	9237	1.3%	Вайоминг	3208	0.6%

Аризона	46091	0.6%	Монтана	9149	0.9%	Западная Вирджиния	532	0.3%
Орегон	40289	1.0%	Айова	8824	0.3%	Арканзас	355	0.1%
Висконсин	39715	0.7%	Алабама	8738	0.2%			2.337.815

Источник: Current Population of United Statse of America. The 2020// U.S. Racial and Ethnic Makeup By Residents with One Race Reported// https://uscanadainfo.com/race-ethnicity-in-united-states/

Достаточно широкое распространение русскоязычного населения по всем штатам, а также быстрое его увеличение к концу XX – началу XXI в. обострило проблемы, связанные как со статусом русского языка в США, так и в целом с перспективами формирования этнокультурного кода и социокультурной идентификацией всей русскоязычной иммиграции [*Воробьева* 2013], возникшие еще в первой половине XX в.

Факторы сохранения русского этнокультурного кода у представителей первых волн русскоязычной иммиграции в США. В первой половине XX в. Русская диаспора, с точки зрения своего культурного развития за океаном, переживала период «безвременья», вызванного нативистской политикой американского правительства, т.е., защиты американского общества от влияния стремительно растущего иммигрантского населения страны.

В 1920–1930-е годы движение за сохранение этнокультурной идентичности русских в Америке в полной мере не принесло ожидаемых результатов, так как специфика адаптации в американском обществе и, прежде всего, политика «плавильного котла» ускорили ассимиляцию иммигрантской молодежи через образование в американских школах. Но в составе иммиграции первой волны этого периода одновременно выделилась не особенно многочисленная, но очень стойкая общность носителей русского языка и культурных традиций [*Воробьева* 2013], которая объединяла представителей русских кадетских корпусов, чьи отцы принадлежали к дореволюционному русскому офицерству, а в 1930–1940-х

годах воспитывали своих сыновей в Первом Русском кадетском корпусе, основанном Великим князем Константином Константиновичем и до Второй мировой войны функционировавшем в Югославии (1920–1944 гг.) [*Керимова* 2016: 41–57]. После окончания Второй мировой войны многие русские офицеры, жившие в Югославии, приняли решение перевезти свои семьи в Америку, где со временем сложилось своеобразное кадетское братство, преданное русской культуре и России.

Диссертанту довелось достаточно близко познакомиться с сообществом русских кадетов, особенно в лице одного из их самых ярких представителей в Калифорнии – Алексеем Михайловичем Ермаковым (1928–2021). В доме Алексея Михайловича, расположенном на живописном берегу Калифорнийского Залива (г. Саусалито) с видом на Остров Ангелов, были проведены беседы о его жизни, наполненные воспоминаниями, рассматриванием фотоархива, демонстрациями уникальных, развешанных по стенам гостиной фотографий, где А.М. Ермаков был запечатлен, в том числе, и со многими известными личностями (включая, например, президента США Рональда Рейгана). По своей основной профессии Ермаков был архитектором, поэтому дизайн большого трехэтажного дома, фактически встроенного в скалу и окруженного многометровыми террасами, создавал сам. Комнаты одного из этажей дома были оформлены в разных этнографических стилях – русском, японском, индийском, египетском, итальянском. В Японии Ермаков провел несколько лет своей жизни, женился на японке, и одним из его планов было налаживание в будущем тесного взаимодействия русской и японской культур, расширение, как он сам говорил, «культурного моста». Но этой мечте не суждено было сбыться, так как в 1991 г. перестал существовать Советский Союз, и все его планы о расширении русско-японских связей, как выразился сам Алексей Михайлович, «превратились в пыль» [*Шалыгина* 2021].

Однако еще одной мечте Алексея Михайловича была уготована совсем другая и намного более успешная судьба. После прекращения существования СССР Ермаков поставил перед собой задачу воссоздания кадетских училищ в новой России и с этой целью начал, наконец, посещать так давно оставленную им родину. Вспоминая об этом периоде своей жизни, А.М. часто повторял одну и ту же фразу: «Много лет, встречая Новый год в Америке, я каждый раз мечтал об одном – вернуться в Россию».

В рамках интервью, которое диссертанту удалось провести с А.М. Ермаковым, им были подробно изложены принципы сохранения «русскости» в проекте по реконструкции кадетских училищ. Первый шаг в этом направлении был сделан в 1991 г., когда инициативная группа, во главе с бывшим суворовцем, полковником Евгением Павловичем Исаковым, собралась в Москве и приняла решение о воссоздании в Новочеркасске (Ростовская область) Донского Императора Александра III Кадетского корпуса. Специально для участия в этом заседании из Сан-Франциско прилетел и А.М. Ермаков. На следующий же день после окончания собрания инициативная группа уже вылетела в Новочеркасск, где и был воссоздан первый из всех существующих сегодня в России кадетских корпусов. И Ермаков стал одним из тех четырех человек, которые осуществили этот проект (Е.П. Исаев, Г.В. Писарев, А. Г. Попов, А.М. Ермаков). Позже из практически всех зарубежных кадетских объединений Венесуэлы, Аргентины и США была создана «Кадетская идеологическая комиссия», которой, по единогласному решению всех ее членов, надлежало стать «лицом России». Главная идея воссоздания русских кадетских корпусов заключалась в том, что их цель – возрождение России, а не увековечивание русской эмиграции в изгнании. Более того, сотрудничество русских зарубежных кадетов с российскими институциональными образовательными учреждениями этого профиля (Суворовским и Нахимовским училищами) никоим образом не предусматривало

вмешательства в деятельность последних. Самое большее (и самое главное), на что претендовали зарубежные кадеты, – это передача русских кадетских традиций, заветов и девизов в современную Россию.

На состоявшемся в 1996 г. в США XV Кадетском съезде (г. Санта Роза, Калифорния) была учреждена специальная комиссия по составлению «Обращения по воспитанию русской молодежи в кадетских корпусах», адресованное не только представителям государственных органов, но и в том числе общественному мнению России. На этом же съезде Ермаков, по его просьбе, был освобожден от занимаемой им должности председателя Центра кадетских связей. Возникшие на съезде разногласия касались в основном вопроса о том, кому будет подчиняться кадетское движение в России – общей юрисдикции наравне с Суворовскими и Нахимовскими училищами (и предпочтительно в рамках Министерства обороны) или все же сохранит свою собственную юрисдикцию, на которую не будут распространяться, как было сказано, «никакие генеральные линии». В результате было решено, что кадетское движение в России должно ориентироваться на исторические прецеденты решения такого рода вопросов.

В 2000 г. на очередной Кадетский съезд, состоявшийся в Канаде, прибыл Министр иностранных дел России того времени И. С. Иванов, который обещал содействовать выдаче зарубежным кадетам многолетних виз для регулярного посещения России. Однако, по словам А.М. Ермакова, в должной мере это обещание выполнено не было. На всех последующих съездах зарубежного Кадетского движения, по сути, главным оставался все тот же вопрос о воспитании российской молодежи, особенно касавшийся составления кадетской педагогической программы. Из разговоров с Алексеем Михайловичем стало очевидно, что его волновали вопросы не только военного воспитания и хорошей физической подготовки молодежи, но и нравственные проблемы ее социализации. «Правильным» воспитанием

Алексей Михайлович считал целый блок гармонично увязанных между собой черт русского характера, не подвластных «безрассудным западным реформам». И едва ли не на первом месте для него стоял вопрос о том, «чтобы мужской пол не смешивался с женским». Даже если девушки получают образование в Кадетском училище, их программа подготовки должна отличаться от мужской, а педагогами или воспитателями для мальчиков в Кадетском корпусе, настаивал А.М., ни в коем случае не должны были быть женщины.

Сохранение ценностей Русского мира за рубежом, как считал Алексей Михайлович Ермаков, в первую очередь зависит от семьи, в которой есть «любящая мама» и «сильный папа». Разрушение семьи через воспитание молодых поколений в духе отрицания «мужского» и «женского», в чем был убежден Ермаков, грозит потерей Россией уже в ближайшем будущем своей национальной идентичности.

Вокруг А.М. Ермакова собралась достаточно крупная по численности кадетская община русских американцев, придерживавшихся тех же принципов и заветов российских кадетов: хранить Православную веру, язык, культуру, многовековую историю, традиции, быт, свое лицо, честь и достоинство. Кодекс чести русских кадетов впоследствии был воспроизведен А.М. Ермаковым в его автобиографии, где подробно описаны облик кадета, отношение к делу, взаимоотношения между товарищами, правила общежития и т.п. Однако с уходом старшего поколения русских кадетов обеспечивать преемственность этих правил и их продолжение в молодых поколениях (особенно в условиях проживания в США) становится все более проблематичным.

На Сербском кладбище под Сан-Франциско в конце 2000-х годов возведена стела (в разработке дизайна, которой довелось принять участие и членам семьи автора данной диссертации) с именами русских кадетов в США, «стоявших на страже Веры, Чести и Традиций во имя Доблести,

Добра и Красоты». К этому можно добавить один из призывов кадетского сообщества, опубликованный в русскоязычном издании США «Новое время» 1929 г.: *«И так велика любовь авторов к своему прошлому, спаявшего всех нас в дружную кадетскую семью, что верят они и знают, что настоящее – как бы оно не разделяло людей по территории, по образу мыслей, - бессильно разбить тесную кадетскую семью*» [«Новое время» №243, 12 июня 1929 г.].

Свой вклад в укрепление русскоязычной идентичности первой половины XX в. («русскости») иммигрантов из России сыграло и появление организации Лига русских женщин, созданной еще в 1930 г. в Шанхае представителями первой волны русской эмиграции из России [ГА РФ 1949]. Благотворительная деятельность русских женщин во главе с О. Дронниковой, направленная в основном на оказание помощи работающим в Шанхае русским матерям при устройстве их детей в ясли и детские сады, дополнялась проведением литературных вечеров, познавательных лекций, спектаклей, «базаром» сувениров, лотерей и т.п.

В 1933 г. усилиями С.Дитерикс, жены главнокомандующего фронтом белых армий генерал-лейтенанта М.К. Дитерихса, была создана женская гимназия для детей русских эмигрантов, которая, однако, просуществовала лишь до конца 1940-х годов, когда в связи с приходом к власти китайских коммунистов белоэмигранты были вынуждены переселиться на Филиппинские острова (о. Тубабао), а оттуда в США (г. Сан-Франциско, штат Калифорния) В 1950 г. Лига русских женщин была зарегистрирована в США под названием «Лига американо-русских женщин», которая и сегодня продолжает свою благотворительную и культурно-просветительскую деятельность, правда, в последние годы чаще всего по отношению к русским эмигрантам в странах Латинской Америки [*Шалыгина* 2024].

В первой половине XX в. сохранение русского языка среди иммигрантов во многим обеспечивалось благодаря проживанию значительных групп русских иммигрантов в компактных колониях, так называемых таунах (towns). Общая численность всей русскоязычной иммиграции в США в 1930-х годах 88,6% была относительно невелика и составляла не более 360–400 тыс. чел. Как правило, это были городские населения, т.к., по данным американской статистики, 88,6% русскоязычных иммигрантов в 1930 гг. жили в городах и в основном – в Нью-Йорке, Калифорнии и Округе Колумбия, куда стекалась основная масса иммигрантов. Русский таун представлял собой небольшое поселение, где проживали 100-150 семей, способные без труда поддерживать привычный им образ жизни и культуру [Census 2000]. Но, как правило, усвоение русского языка в этих случаях происходила почти исключительно лишь на бытовом уровне]. Подобные примеры можно было видеть в 1920-е годы на Брайтон-Бич и в других центрах российской диаспоры, когда закладывались традиции специфического русско-американского диалекта, ярко ощущаемого и сегодня в некоторых районах США [*Радзинская* 2004: 66–67]. Если учесть, что большая часть русских иммигрантов, как и любых других, нуждалась в общении со своими соотчественниками, то их желание покупать русскоязычную периодику было вполне естсетвенным: *«Хотя в двадцати шести домиках нашей подковы (русский дачный поселок в Монтиселло) жили исключительно выходцы из СССР, я единственная получала газету на русском.* Она ходила по рукам и зачитывалась до дыр», – вспоминает Алла Радзинская [*Радзинская* 2004], жена известного в России популяризатора русской культуры и литературы Эдварда Радзинского.

Основная проблема трансляции культуры, однако, заключалась в том, что новые иммиграционные волны из России не находили общего языка со «старыми колониями» и не имели возможности занимать руководящие должности в их организациях. Автором диссертации были проведены три

глубинных интервью, условно говоря, со «старыми аристократами», переселившимися еще в детском возрасте вместе с родителями из послереволюционной России в США через г. Харбин. По воспоминаниям Нины Самсоновны К., проживавшей в г. Сан-Франциско вплоть до 2005 г., «старые аристократы» создавали в Америке свои организации (например, «Объединенный комитет русских национальных организаций в Сан-Франциско», многочисленные профессиональные объединения, такие, как «Союз русской присяжной адвокатуры» и т.п.), основной целью которых становилось сохранение русских культурных традиций в Америке на период «временного пребывания в изгнании».

Однако, по воспоминаниям другого представителя «старой аристократии» в иммигрантской среде г. Сан-Франциско Олега Ивановича Пантюхова, основателя Всероссийской национальной организации русских скаутов, НОРС (1924 г.), после того, как США признали в 1933 г. Советскую Россию, самосознание русской иммиграции изменилось самым кардинальным образом. Если до этого момента «старая аристократия» ощущала себя носительницей миссии по сохранению русской культуры в изгнании, то после установления дипломатических отношений между США и СССР ей пришлось уже ориентироваться на полноценную интеграцию в американское общество и принимать американское гражданство: *«Соединенные Штаты не заставляют вас забыть вашу родину, но у вас не может быть двух отечеств. Если вы стали американским гражданином, ваше отечество – Америка»* [Роскульт].

На практике же ситуация с «перестройкой» сознания русских иммигрантов на сложную идентичность была несколько драматичнее. Так, мотивация русских иммигранты первой половины XX в. на переезд в США основывалась на том, что в большинстве своем они начинали в США с того же, через что прошли здесь в XIX в. иммигранты из других европейских стран [*Барковская* 2011] , – столкновения с этническими предрассудками и

жилищной сегрегацией, социальной стратификацией, основанной на зависимости дохода от национальности и т.д. Фундаментальные исследования документальных источников по русской иммиграции США первой половины XX в. Э.Л. Нитобурга показывают, насколько нелегкими для эмигрантов из России были условия вхождения в американский мир того времени. Абсолютное большинство русских иммигрантов занимались исключительно тяжелым, неквалифицированным трудом (71,5%) (Цит.: *Нитобург* 2005; *Окунцов* 1967: 222). Но Америка всегда привлекала русских трудовых иммигрантов высокой оплатой труда, которая в несколько раз превышала их заработки на родине. По документальным данным 1906 г., средний месячный заработок чернорабочего в США в переводе на рубли составлял 71 руб., а в России – 15 руб., каменщика, соответственно, 205 и 50, плотника – около 150 и 50 руб [*Барковская* 2011] . Однако в США зарплата русских, по сравнению с американцами и даже многими иммигрантами из других стран, была, как правило, ниже. Исследование Иммиграционной комиссии США 1909 г. показало, что если у всех иммигрантов средний дневной заработок составлял 2,09 долл., то у русских он был равен 2,06 долл. [*Барковская* 2011]. «*Где требуется физическая сила да каторжная выносливость, на русского рабочего везде большой спрос и у американского предпринимателя он в большой цене. Хотя... и при высоких ценах на рабочие руки наш рабочий и там обыкновенно ухитряется работать за минимальную плату... Да оно и понятно. Русского поражает на первых порах неслыханный им американский размах заработной платы, и он с жадностью хватается за первое предложение...»* [*Курчевский* 1914: 23–24. Цит. по.: *Нитобур*г 2005].

Условия труда (особенно в металлургической, каменноугольной и некоторых других отраслях промышленности) были настолько тяжелыми, что серьезно подрывали здоровье рабочих [Барковская 2011]. «*Хотя за труд нам здесь платят и больше, чем на родине, но зато в Америке работы*

очень тяжелые, опасные и отнимают у нас всю силу и здоровье… Проработавши 4–5 лет, мы превращаемся в выжатый лимон. Редкий день пройдет, чтобы кого-нибудь из нас не убило или не искалечило...» [Цит. по: Новое время. 29.03.1914]. Единого для всех штатов трудового законодательства в то время не существовало, поэтому местные законы стремились выжать из рабочих максимум. По свидетельству американских современников, русские нередко работали и по 18, и даже по 24 часа в сутки, если технологический процесс (например, у доменных печей) был непрерывным. *«Насколько тяжел был труд для русских в металлургической промышленности, говорит тот факт, что сотни их в Питтсбурге уходили с этой работы, не выдержав и одного года*» [*Мухин* 1913: 150–151].

При обсуждении нового законопроекта об иммиграции конгрессмен от Пенсильвании, где было занято особенно много русских, заявил, что весь расчет состоит в том, чтобы [*Барковская 2011*] «взять новую, молодую человеческую машину, работать ею, пока она не треснет, и затем выбросить. Всегда есть люди, которые громко просятся стать на освободившееся место» В результате на шахтах Пенсильвании уровень механизации в довоенные годы был гораздо ниже, чем в Огайо, где доля иммигрантов среди шахтеров тогда была не столь велика. Кроме того, большинство русских трудовых иммигрантов составляли полуграмотные крестьяне (нередко выходцы из захолустных деревень и уголков России), которые нередко оказывались жертвами [*Нитобург* 2005] наглого обмана со стороны агентов-посредников, безнаказанно занижавших ставки зарплат рабочим. Усугубляло бесправное положение русских иммигрантов и отсутствие у них американского гражданства, а следовательно, и защиты со стороны профсоюзов. Сообщая о тысячах несчастных случаев на шахтах и заводах, Дж. Дэвис подчеркивал, что многие русские рабочие, не зная

законов страны и своих прав, даже не пытались сопротивляться [*Davis* 1922: 85].

Таким образом, абсолютное большинство русских иммигрантов в первой половине XX в. находились почти в полной изоляции от американской общественной и культурной жизни. Один из авторов русскоязычной газеты «Новый мир» в 1917 г. сетовал на то, что *«…русский иммигрант чувствует себя в Америке одиноким... Он не имеет друзей и каких-либо социальных центров, где он мог бы обрести друзей... Америка вообще не интересуется душой и духовной жизнью русского иммигранта, она заинтересована лишь в его мускулах»* [*Восков* 1925: 37].

Однако, по свидетельству современников, наблюдавших адаптацию русских иммигрантов в первой половине XX в., несмотря на то что большинство из них *«…тяжело трудятся на шахтах и заводах, самые чуткие и восприимчивые совершенно перерождаются в пять-шесть лет. Их кругозор расширяется, потребности становятся выше. Такие нередко идут, не считаясь с возрастом, в сельскохозяйственные колледжи и институты, занимаются просветительной и организаторской деятельностью в русской колонии… становятся членами рабочих юний (профсоюзов), стихийно учатся общественности и защите своих прав и интересов… во много раз больше читают, чем русские в России»* [*Вильчур* 1914: 90–91]. В 1915 г. советник российского посольства в Вашингтоне А.И. Щербатский отмечал, что «*среди русскоязычных иммигрантов «появились “свои” врачи, торговые заведения, солидарность и некоторый местный русско-американский патриотизм»* [*Щербатский* 1915: 10].

На фоне тяжелых испытаний в процессе адаптации к жизни на своей новой родине лишь относительно небольшая категория русскоязычных иммигрантов, имевших или сумевших получить в США образование в колледже, смогли обрести достаточную высокую квалификацию. Русскоязычные иммигранты постепенно начинали объясняться на

английском языке, добиваясь лучшей и более высокооплачиваемой работы. «*Уже спустя несколько лет после переселения в Америку многие из русскоязычных иммигрантов становились либо читателями, либо подписчиками русскоязычных газет, даже если «понимали только одно слово из пяти»* [*Окунцов* 1967: 28].

Согласно фундаментальному анализу русской периодической печати первой половины XX в., проведенному российской исследовательницей О. Воробьевой, можно утверждать, что демократическая печать и, прежде всего, издательская группа «Зарница» в США активно агитировала русских рабочих получать профессиональные знания и на этой основе добиваться более высокого статуса: «*В Ваших летах многого можно достигнуть. Искренне рекомендуем Вам, без страха и сомненья поступить в агрокультурный колледж. Трудности встретятся, но это пусть Вас не пугает: лучше переносить трудности на протяжении первых двух-трех лет, чем таскать железнодорожные шпалы всю жизнь*» [Зарница. 1926. Т. 2. № 14: 25]. Кроме того, именно анализ периодической печати убедительно доказывает амбивалентность русского самосознания в США, ориентированного как на сохранение своих национальных традиций в иммиграции, так и на усвоение правил и норм повседневной американской жизни: «*Мы, русские, пришельцы в этой стране. Многие из нас остаются чуждыми Америке, даже прожив здесь 20 лет и более. Даже те, которые изучили английский язык хорошо, даже те, которые получили хорошее образование на родине, зачастую совершенно не знают Америки, не понимают ее, не видят ее души... Они судят Америку, не потрудившись изучить ее... Америка велика, могуча и прекрасна*» [Зарница. 1926. Т. 2. № 14: 17–18] . Издание «Зарница» призывало не только изучать Америку, но и «… воспринимать все хорошие стороны американцев [Зарница. 1926. Т. 2. № 13: 24].

Доверие и признательнсть русских переселенцев по отношению к своей новой родине еще более укрепились в период начала второй мировой войны, когда на страницах русскоязычной печати можно было открыто гордиться успехами Советской Армии в борьбе с фашизмом и ощущать поддержку со стороны Америки [Новое русское слово. 23.07. 1944].

После окончания второй мировой войны и начала «холодной войны», русская диаспора в США, как писала эмигрантская пресса того периода, «… *оставалась неизвестной для властей обеих стран и не была объектом целенаправленной политики. Глобальные преобразования и социальные эксперименты в России оставляли иммиграцию на периферии общественного интереса. Россия не только не поддерживала связи с иммигрантами, но и была заинтересована в их быстрой ассимиляции и снижении их влияния на двусторонние отношения. Оторванность от родной страны привела к самоизоляции иммигрантов и постепенному растворению в американском обществе»* [Русская диаспора США 2024].

Ситуация усугублялась еще и тем, что взаимоотношения СССР и США в конце 1940-1950-х годов обострились настолько, что советское руководство приняло решение о полном отказе от издания любых журналов и, в првую очередь, научных, на иностранных языках. «*ЦК ВКП(б) отмечает, что издание советских научных журналов на иностранных языках наносит ущерб интересам советского государства, предоставляет органам иностранной разведки в готовом виде результаты достижений советской науки. Издание Академией наук СССР на иностранных языках в то время, когда ни одна страна не издает научных журналов на русском языке, роняет достоинство Советского Союза и не отвечает задаче воспитания ученых в духе советского патриотизма. Ввиду этого ЦК ВКП(б) постановляет: прекратить с июля с.г. дальнейшее издание журналов Академией наук СССР на иностранных языках — «Доклады*

Академии наук СССР», «Физико-химический журнал», «Журнал по физике» [Решение Политбюро 1947].

Невозможность пользоваться необходимой научной литературой на русском языке для того, чтобы быть в курсе всех научных достижений в СССР, вызвала в США ажиотаж на изучение русского языка. Но по большей части это был «технический» русский язык, значение которого для полноценного межкультурного общения было минимальным и он практически не повлиял на возрождение интереса американцев к русской культуре.

Новая волна интереса к русскому языку и культуре в США стала ощущаться лишь к началу 1970-х годов, что было вызвано появлением в самих США интереса к развитию советологии и русистики, обусловленного новым витком продолжения холодной войны и необходимостью в связи с этим освоения русской дитературы. Увеличение спроса на «русскость», по-видимому, было обусловлено и бурным развитием советско-американского соперничества в космосе, широко освещаемого в прессе обеих стран.

Внутри самой русскоязычной диаспоры США в эти годы также формировалась установка на возрождение «русскости», однако, подоплека у этого процесса была связана исключительно с укреплением самой диаспоры. В эти годы у русскоязычного сообщества появилось осознание того, что все иммигрантские организации снизили свою общественную активность и не стремятся к деятельности на национальном, всеамериканском уровне, как это делали, например, польская, украинская и другие диаспоры в Америке. Период послевоенного «политического безвременья» привел к тому, что молодое поколение русскоязычных иммигрантов уже заканчивало свое образование в американских школах и начинало строить карьеру вполне в духе американских ценностей.

Создание и деятельность Конгресса русских американцев. Потребность в создании объединяющей общественной структуры, которая

имела бы под собой сильную идеологическую основу, осознавалась, прежде всего, иммигрантскими лидерами, такими, как Петр Николаевич Будзилович, авторитетный общественный деятель русскоязычной диаспоры, который понимал непосредственную опасность русофобии, закрепившейся в американском массовом сознании, для русских иммигрантов. Но реализация плана по организации русского этнокультурного центра стала возможной только после того, как в американской политической практике появился проект мультикультурализма и американские власти начали проявлять интерес к этническим группам в США. В период президентства Р. Никсона (1971 г.) были сделаны необходимые шаги по институционализации статуса этнокультурных центров на федеральном уровне.

По воспоминаниям многолетнего члена Главного правления Конгресса русских американцев (КРА) и представителя этой организации на восточном побережье США Ростислава Цитовича, *«…Летом 1971 г. президент Никсон прочитал доклад о положении и деятельности этнических меньшинств в США. Всего было включено 32 группы. Быстро пробежав основные пункты доклада, президент воскликнул: «А где же русские?»*. «*А русских, вернее, организованных русских, тогда не было! Тогда из Белого дома позвонили профессору Александрову и сообщили, что президент заинтересован в создании русского представительства. В этот момент в нашей среде как раз сложилось сильная группа. Мы сразу создали комитет и начали работать*» [*Цитович* 1971].

Уже в декабре 1971 г. была создана Центральная инициативная группа по созыву Конгресса русских американцев (ЦИГСКРА), которая в марте 1972 г. приняла решение о подготовке к созыву КРА. Подчеркивалось, что русские в США остались единственной этнической группой, не имеющей своего представительства, при том, что польские и украинские представительства уже существовали и активно проводили политику

защиты своих национальных интересов как внутри Соединенных Штатов, так и за их пределами. Но, по воспоминаниям современников, в самом начале своей деятельности КРА столкнулся с проблемами, типичными и трудно преодолимым в рамках русской иммиграции – внутренняя борьба, местничество, отсутствие навыков работы с американскими организациями, а, кроме того, продолжающаяся неясность с различением понятий «русский» и «советский».

Трудности создания КРА описал в своем отчетном докладе, посвященном 22-летию начала работы этой организации, и Петр Будзилович: «*Когда небольшая группа людей, частью которых я имел честь быть, только собиралась обсуждать создание Конгресса русских американцев, мы все были одержимы идеей – идеей о том, что членами такой организации станут поголовно все русские, живущие в Америке, и при этом сразу же, как только узнают о нас. Мы наивно думали, что каждый русский на первое место ставит русское имя, а потом уже - личное благополучие…Должен сказать, что вначале дело двинулось бодро и количество членов дошло до 1000-1500 человек. Мы были воодушевлены – все шло так, как мы предполагали. Отклик на наш призыв был в высшей степени положительным. Отделы стали расти, как грибы после дождя… Но вскоре рост организации замер, по-видимому, членами организации стали только все наши единомышленники, а остальные продолжали наслаждаться богатым американским бытом»* [*Будзилович* 1995: 18]. Численность членов Конгресса русских американцев в 1500 оказалась на тот момент предельной: «*Эта цифра, пожалуй, и есть та «критическая масса», которую наша общественность способная выделить из своей среды… У остальных вся энергия ушла на приобретение домов, автомобилей, лодок и пр. В своем подавляющем большинстве эти люди являются чистыми обывателями, их ничто не интересует ни в русской, ни в американской общественной жизни»* [*Будзилович* 1995: 19].

В 1974 г. Конгресс русских американцев был зарегистрирован как этническая некоммерческая организация и бесприбыльная корпорация на территории США. Основной миссией организации стало представление русской этнической группы США в правдивом свете и борьба за ее доброе имя. Контакт между КРА и правительственными структурами США, как ожидалось будет содержать обязательное информирование американского правительства о реакции русской диаспоры на все актуальные события и проблемы внутренней и внешней политики США. Со временем штаб-квартира КРА разместилась в г. Сан-Франциско, в здании Русского центра. По словам одного из директоров КРА Г.Б. Ависова, дислокация русской организации на западном побережье имеет как свои преимущества, так и недостатки. Основное преимущество – большая концентрация русских американцев в Сан-Франциско, «… *самая щедрая и национально-мыслящая православная колония, со своими газетами, большой епархией и многочисленными дружественными организациями»* [*Ависов* 1974]. Основной недостаток – удаленность от Вашингтона

Все особо важные решения КРА принимаются раз в 3 года, а регулярные заседания проходят раз в три месяца и подробно освещаются на страницах русскоязычной периодики. Главным печатным органом КРА считается журнал «Русский американец», который выходит в свет раз в 2 года и сегодня насчитывает уже 23 номера. Результаты текущей работы КРА публикуются в ежеквартальных «Бюллетенях» («CRA News»). Каждый отдел (всего их 22) обычно выпускает и свой собственный информационный бюллетень, где освещаются результаты текущей работы.

В 1970–1980-х годах КРА вела активную деятельность по созданию стипендиального фонда, финансируемого на основе завещаний. Работа с молодежью, которой было бы дорого «все русское» и формирование у нее «русской идентичности» ведется уже на протяжении четверти века. Однако второе и третье поколения русских иммигрантов практически не говорят по-

русски, хотя и сохраняют интерес к русской культуре и истории: *«Посмотрите вокруг нас – где наши дети? А ведь каждый присутствующий на этом съезде, часть актива КРА. Если наших детей здесь нет, то, по-видимому, надежда на них плоха…Почему наша молодежь едет в Россию на заработки, а не для жертвенной работы для России в тот момент, когда это особенно нужно?»* [*Будзилович* 1974]. Призывы Будзиловича и других руководителей КРА не остались втуне и на базе КРА уже не первое десятилетие ведется работа с молодежью, под которой понимается не только исключительно молодежь из России, но и все те, *«…кому дорога и любима Русская культура, Русский язык и Русская духовность…Это объединение для тех, кто, находясь в США, любит Россию, помнит ее историю и гордится ею»* [Объединения русской молодежи в Америке]. Воспитание христианского миропонимания и приверженность историческим ценностям русской культуры стало идеологическим императивом в таких отрядах русских скаутов, как Дружина «Путивль», Дружина «Царское село» и других.

По мнению автора данной диссертации, создание Конгресса русских американцев на основе идеи сохранения «русскости», следует рассматривать как первую после 1917 г. попытку институализации русской идентичности в США. Среди всех возможных вариантов формирования новой коллективной идентичности в условиях иммиграции (русской, русско-американской, русско-советской, американской и т.д.) для руководителей КРА единственной вариантом сохранения «русскости» представлялось развитие всего русского на основе поддержки американского государства.

Данная стратегия построения иммигрантской идентичности получила свое аналитическое обоснование в начале 1980- х годов в работах британских социологов Эрнеста Геллнера, Бенедикта Андерсена и Энтони Д. Смита, в которых авторы предложили считать этничность не

естественным продуктом исторического процесса, а мифическими конструктами, создающимися городской элитой при помощи постепенного и целенаправленного формирования у представителей определенной группы ее этнокультурных и историко-культурных характеристик на основе коммуникативных технологий и мифологизации «нужного» национального нарратива. Процесс постепенного обретения мифом собственной реальности впоследствии получил название «сверхдетерминации», в рамках которого и происходит написание «официальной истории», популяризации народных традиций и кодификация языка [*Gellner* 1983; *Anderson* 1983; *Смит* 1983]. С точки зрения авторов конструктивистской теории «сверхдетерминации», и образование, и литература и искусство являются производными величинами (инструментами) в процессе построения этнокультурной идентичности.

Судя по отзывам самих основателей КРА, политика, проводимая этой организацией в начале 1970-х по детерминации русского населения США, не имела широкой поддержки среди всей массы русскоязычных иммигрантов в стране. В этой связи Петр Будзилович в своей пргограммной речи на юбилейном съезде КРА призвал внести существенные изменения в Устав Конгресса русских американцев, направленные на поддержку русской молодежи в США и принятии мер по ее вовлечению в деятельность русской общины.

Было принято решение об увеличениии стипендиального фонда КРА для выплат студентам и аспирантам, кторые состоян в КРА или являются детьми членов КРА и специализируются в науках о Россиии СССР. *«Было отмечено, что в этой области слишком мало специалистов и преподавателей в высших учебных заведениях, которые не имеют предвзятости по отношению к России, ее истокам, экономике и национальному вопросу… В 1986 г. был учрежден стипендиальный фонд для ежегодной выдачи по конкурсу поощрительной стипендии в 1000*

долларов… Лицо, пожертвовавшее 20 000 долларов или оставляющее такую сумму по завещеанию, имеет право назвать ее своим именем или именем свои родителей» [Русский американец 1995].

Альманах «Русский американец» в 1980-х годах инициировал публакации о создании русских молодежных организаций в США, первые из которых носили такие названия, как “Организация российских юных разведчиклв (ОРЮР”), “Дом русского скаута в Сан-Франциско”, Национальная организация русских разведчиков (НОРР), “Организация российских православных разведчиков”, “Сокольское движение” и др.

2.2. Формирование нового образа Русского мира в конце XX – начале XXI веков. Начало 1990-х годов ознаменовалось буквально взрывной активностью пропаганды русского языка и культуры [*Шалыгина* 2024]. Альманах «Русский американец» в таких рубриках, как «Русско-американская палата славы», «Вклад русских в науку и технику США», «Русское культурно-историческое наследие в США» публикует ряд статей о Музее русской культуры в г. Сан-Франциско, об историческом музее общества «Родина», о Музее русской истории при Свято-Троицкой духовной семинарии, историю колоколов Данилова монастыря в Гарвардском университете, этнографический материал о русской деревне Чураевке в штате Коннектикут, о Кубанском войсковом музее, Хиллвудском музее русского искусства, о выставке картин из Эрмитажа в Национальной галерее изящных искусств, о выставке собраний пасхальных яиц работы Фаберже в Ричмонде, о коллекции русского искусства Георгия Рябова, коллекции имени О.И. Пантюхова в Нью-Йоркской Публичной библиотеке, о музее Н. Рериха в г. Нью-Йорке, коллекции произведений русского искусства Николая де Базили. Публикуются исторические материалы о Доме русского епископа Иннокентия Вениаминова, просветителя и апостола Аляски, ныне причисленного православной

церковью к лику святых в Ситке, история создания штатного парка «Старая Ситка» и т.п.

Растущая степень интереса к русской истории и культуре в начале 1990-х годов, сформировавшая режим максимального благоприятствования ее расцвету за океаном, была напрямую связана с изменениями в отношениях России и США на тот период и во многом обеспечена заинтересованностью самих США в «раскручивании» позитивного имиджа всего русского. Американская либеральная пресса, тиражируя мнение таких влиятельных периодических изданий с многомиллионными тиражами, как “Time", "Newsweek", "U.S. News and World Report", приветствовала либерально-демократические реформы в России и тем самым опосредованно оказывала влияние не только на другие издания, но и в итоге на формирование общественного мнения американцев целом. [*Viereck* 2006: 191].

Новый образ России в США формировался, например, на основе такого периодического издания, как «Большой Вашингтон», первый номер которого увидел свет в ноябре 1996 г. Создатели журнала, в первую очередь С. Кузнецов, ставили перед собой задачу представить русскоязычной аудитории США обновленный имидж постсоветской России. На страницах журнала читатели должны были увидеть уже не «империю зла», а новую, открытую миру страну, которая воспринимала эмигрантов не как врагов и предателей, а уже как соотечественников, хранителей общих для метрополии и диаспоры культурных ценностей и традиций [*Воробьева*].

Но основная миссия «Большого Вашингтона», как представляется диссертанту, состояла в попытке объединения различных направлений в развитии русской иммиграции в СШ(А. На 15-летнем юбилее «Большого Вашингтона» проводившемся в Москве 15 декабря 2011 г. совместно с Домом Русского зарубежья им. А.И. Солженицына и под эгидой Комиссии по культуре и массовым коммуникациям Московской городской думы, Департамента внешнеэкономических и международных связей г. Москвы,

а также Московского дома соотечественников, присутствовали не только депутаты Московской городской думы, сотрудники МИД РФ, известные писатели, поэты, журналисты, но и Предводитель международного союза дворян князь А.К. Голицын, князь А.Н. Каменский и другие представители русского зарубежья.

Политику поддержки русской культуры в 1990-х годах начали проводить и многие другие русскоязычные газеты и еженедельники, хотя их идеологические платформы нередко существенным образом и различались между собой. В Бостоне начинает выходить информационно-аналитическое издание «Бостонский космополит», посвященное актуальным проблемам и событиям, происходящим в новейшей истории России. Не менее востребованным у русскоязычной аудитории иммигрантов США стала и литературная газета «Бостонский марафон, начало выхода первых номеров которой относится к 1998 г. и многие другие, отражавшие на тот период времени, по сути, интересы всех направлений русской политической жизни в иммиграции – монархизма, либерализма, радикализма и т.д. [*Адамович* 1999].

Анализ периодической печати русской иммиграции в США сегодня достаточно широко представлен в отечественной научной литературе. Но, тем не менее, хотелось бы сделать акцент на том, что разброс мнений на страницах иммигрантской печати по поводу того, как именно язык и культура помогут консолидации всего русскоязычного сообщества в Америке, скорее, затрудняет этот процесс, чем способствует его оптимизации и ускорению. Сориентироваться в идеологических тонкостях политических течений и других особенностях русскоязычных печатных изданий для постсоветского иммигранта, находящегося в состоянии кардинальной смены образа жизни, представляет собой достаточно сложную (а иногда и вовсе нерешаемую) задачу. Кроме того, переход большинства наиболее популярных русскоязычных газет и журналов США

с середины 2000-х годов на электронную версию [*Воробьева* 2013] еще более расширяет диапазон читательских возможностей, что в итоге способствует размыванию не столько коллективной, сколько личностной самоидентификации иммигрантов.

Весьма показательной представляется история советского врача смешанного этнического происхождения, переехавшего в США на ПМЖ в 1990-х годах. Потратив 15 лет своей жизни на подтверждение квалификации врача в США, Андрей реализовал «американскую мечту», добился успеха и высокого уровня жизни в иммиграции. Однако, находясь, фактически, на вершине успеха, Андрей задумался о своей этнической принадлежности, которой никогда раньше не придавал значения, но в новых условиях решил *выбрать* себе идентификацию, наиболее соответствующую его престижному положению в Америке. На вопрос автора описания и анализа этого кейса Екатерины Анастасовой, почему выбор Андрея пал именно на русскую идентичность в «белоэмигрантской версии», ответ был следующим: *«Это генетический зов, зов крови, необходимость. Это не вопрос выбора, а скорее отсутствия выбора».* Движимый любопытством и желанием узнать как можно больше о своем происхождении, Андрей сделал ДНК-тест, в том числе митохондриальный. Тест показал две линии его происхождения: длинную нордическую, линию викингов, о которой он часто упоминает в разговоре, и короткую, средиземноморскую, о которой он упоминает изредка, но кратко. Почему он сосредоточился на послереволюционном аристократическом сообществе? Потому что для него именно это сообщество хранит настоящее очарование русской истории и культуры. Где еще можно встретить Романовых, Шереметевых, Голицыных, Долгоруких и другие славные имена в истории русской аристократии, как не на традиционном балу Российского дворянского собрания? Где еще можно побеседовать с прекрасной аристократкой русской из Петербурга? Где еще уместно щеголять в самых изысканных

нарядах? Именно это сообщество олицетворяет для Андрея высокие идеалы русского дворянства, русской классической литературы, русского духа, мирового предназначения России и русского образа жизни» [*Anastasova* 2023].

Если говорить о радио и телевидении, то их вклад в процесс формировании новой русской идентичности в США имел немало особенностей, далеко не всегда принимаемых во внимание. Первые радиостанции в США появились в начале 1920-х годов и в то время находились в ведении того или иного конкретного города, территория которого могла покрываться данным радиосигналом. Общенациональная сеть радиовещания появилась только в конце 1920-х годов и позволила организовать уже единое информационное в стране (broadcasting network). Право собственности на созданную радиовещательную сеть поделили между собой крупные частные компании (РСА и General Electric и др.), постепенно выкупая радиостанции и конкурируя между собой, из-за чего уже концу 1920-х годов в радиоиндустрии США возник хаос (произвольное усиление мощности отдельных радиостанций, помехи на некоторых частотах и т.п.). Для ограничения произвола частных компаний при радиовещании в 1927 г. была создана Федеральная комиссия по радио (ФКР), полномочия которой фактически никем не контролировались. В итоге ФКР получила возможность классифицировать все радиостанции, определять форму их вещания, частоты вещания, мощность, расположение радиопередатчиков, устанавливала зоны покрытия эфира, выдавала и имела право отзывать лицензии на радиовещание и т.д. И, хотя американский закон о радио 1927 г. запрещал проводить цензуру эфира, ФКР получила право в некоторых случаях квалифицировать содержание эфира как «недостаточно важное для общества». Кроме того, учитывая высокую стоимость радиопередач, многие радиостанции сотрудничали со спонсорами, которые, в свою очередь, также оставляли за собой право

одобрять или нет любую радиопередачу, которым они обеспечивали техническое оснащение, гонорары работников радиостанции и т.п. [*Gibson* 1977: 236].

Очевидно, что при таком контроле радиовещания в США появление русскоязычных передач были серьезной проблемой. Однако изменение политики США к в отношении России привело к тому, что в феврале 1993 г. в столице штата Техас г. Хьюстоне начала вещание радиопрограмма на русском языке «Мы, Техас и Россия». Ее первые слушатели со слезами в голосе говорили о том, что случайно услышали русскую речь по радио, а до этого 15 лет жили в Хьюстоне, и ничего подобного не было **[**Шире круг 2009].

О том, какое значение для русскоязычного сообщества Техаса имела эта передача, говорит тот факт, что ее первые поклонники образовали впоследствии нечто вроде «клуба по интересам» и долгое время поддерживали дружеские отношения между собой. Радиопередачи, с одной стороны, способствовали сохранению иммигрантами своей культурно-языковой идентичности, а с другой – помогали адаптироваться в Америке. Тематика выпусков была ориентирована на поддержание уверенности иммигрантов в их правильном выборе США, как страны своего нового проживания, насыщана позитивными сюжетами и рассказами об успешных людях. Произведения русской классики читались известными в СССР актерами и бывшими советскими преподаателями русского языка.

Основные тематичские направления русскоязычного радио сложились еще в 1970- х годах и сразу же разделились на три противостоящих друг другу направления – правозащитная, социальная, историческая и литературная, сохраняющиеся до сегодняшенго дня [*Колчина* 2010]. Борьба между этими направлениями разделила и аудиторию русскоязычного радио, способствуя трансформации их идентичности в новых условиях.

Позитивный настрой как официальных структур, так и средств массовой информации обеих стран на продвижение русского языка в США, однако, не означал, что процесс его усвоения на практике будет простым. Дискуссия в интернете, организованная американскими лингвистами в 2016 г. со всей очевидностью, показала, что дифференциация педагогических методов преподавания русского языка в США не способствует его усвоению американцами. Одной из причин такого положения дел называется тот факт, что в США, как правило, используются учебники русского языка, написанные русскими же педагогами [*Rutherford* 1987]. Кроме того, интерес к русскому языку в США всегда был связан с политикой и не имел самостоятельного значения: *«Мы читали и переводили на занятиях, и Сэм Харпер, наш профессор, читал нам очень хорошие лекции о русских глаголах, склонениях, исключениях и т. д. В те дни никому, и уж точно не Сэму Харперу, не приходило в голову, что русский язык — это разговорный, живой язык... Я хотел усовершенствовать себя в русистике и стать преподавателем русского языка. Когда я рассказал об этом Сэму, он был очень обескуражен. Он сказал, что в моем плане нет смысла; что только «чудаки» и «чокнутые» идут в русистику* [*Parry* 1967: 82].

С другой стороны, посты на форуме «Привет» в социальных сетях рунета свидетельствуют, что в среде русскоязычных иммигрантов существует довольно широкий разброс мнений относительно того, какой язык должны изучать их дети в США:

«…Господа, кто-нибудь слышал про школы в Штатах, где преподавание ведется на русском языке? Я имею в виду Day School?».

«…Школ, где преподавание ведется, в основном, не на английском - нет (пока еще государственный язык, все-таки…)… Интересно, а зачем? Нет, я не осуждаю, но все-таки интересно - первый вопрос такой за 2 года»

«…А вы считаете, что детям русский знать уже и незачем? У многих моих знакомых дети, отучившись 1 год в паблик скул, между собой

разговаривали уже исключительно по-английски, хотя с родителями дома еще по-русски. Видел я семьи, где дети с родителями разговаривают по-английски, а родители им отвечают по-русски. Честно говоря, мне не очень такое нравится. А что плохого в том, что ребенок будет нормально знать русский и не путать падежи и склонения, тем более что в детстве язык намного проще. Русская школа у нас одна, но очень дорогая и далеко».

«…По-моему, русский язык детям знать желательно и по возможности надо постараться чтобы ребенок его знал как можно лучше, но не стоит на этом зацикливаться».

«…Возле Чикаго (в "русских" пригородах) есть две школы, где даются по-русски многие предметы (в частности, математика, которой нашим в здешних школах так сильно не хватает. Школы эти платные и - дополнительные к нормальным школам. Они - не сертифицированные, т.е. ребенок не может ходить только туда».

«…Я никоим образом не считаю, что детям не нужен родной язык (или два, или... как получится. Но если Вы не хотите, чтобы не только Вы сами, но и ребенок Ваш не имел общества, кроме соотечественников, всегда говорил неправильно и с акцентом по-английски, имел бы потом разнообразные трудности и обиды по жизни... А насколько ребенок говорит, читает, пишет по-русски — это все-таки забота родителей, а не школы, мне кажется...»

«*…Моему ребенку 5 лет. Видя примеры своих знакомых, я уверен, что английский язык будет для него если не родным, то основным, но возникают серьезные опасения, что не будет нормального знания русского. Что касается общества, то у нас процент русскоговорящих очень маленький и, как мы заметили, дети (его возраста) выбирают друзей не по языковым признакам».*

«…Английскии будет основным именно благодаря школе! А вот если и дома, и в школе, и со школьными друзьями по-русски, то сомневаюсь, что ребенок будет так уж хорошо говорить по-английски».

«…У моего мужа есть друзья-греки, оба родились здесь в греко-говорящие семье, ходили в школу при греческой ортодоксальнои церкви, и т.д. К моменту поступления в колледже они свободно говорили по-англиискu, но не как на родном языке. Английский у них был без акцента, конечно, но корявый, некоторые выражения были как-бы переведенными с греческого. Один из них стал программистом, у него никаких проблем не было. А вот второе хотел быть журналистом - ему пришлось долго и тяжело "переучиваться" родному языку! Поступаите, конечно, как хотите, ваше дело, только подумайте о будущем своего ребенка. Для него хорошее знание русского будет замечательным подарком, а вот хорошее знание английского - жизненной необходимостью!»

«…У многих моих знакомых есть дети 5-6 лет. Здесь они ходят в школу, до этого 1,5-2 года посещали американские дет. сады. Проблем с английским нет, говорят без акцента. На русском - тоже без акцента, и это как мне кажется полностью заслуга родителей. С детьми нужно заниматься. По воскресеньям ездят в воскресные русские школы, где таких нет, ищут частных русских преподавателей. Дома говорят только по-русски. Привозят из России прописи, сборники диктантов, учебники и т.п. и родители сами с детьми занимаются, если нет других вариантов".

«…Я знаю русскую Day School – в Сан Франциско есть гимназия при православной церкви, если это вас устроит, Я не знаю точно, какое там соотношение русского и английского, но знаю, что преподаётся и то, и другое. Здесь (в Bay Area) также есть школы (частные) с параллельным преподаванием (кроме английского) французского, немецкого, китайского...не знаю, может быть ещё какого-нибудь... - и часть предметов тоже преподаётся на этих языках».

«…Оставим иллюзии на этот счет - ребенок берет английский почти исключительно из школы. Отправив его в русскую школу, если таковая есть, вы искалечите ему жизнь. У таких детей будет всегда присутствовать акцент, и их словарный запас также будет хромать».

«…Думайте меньше о себе и больше о детях. В конце концов, сомнения, самокопания, ностальгия, утрата родины, престижа, языка и т.п. - это ваши проблемы а не их. Адаптация — это сложная проблема иммиграции, но не решайте ее за счет своих детей. Их же незамутненному уму интуиция подсказывает наиболее естественный путь выживания в новой стране и культуре - путем становления ее органической частью»[http://www.privet.com/ubb/smile.gif[/img:d7c1425ce6]].

Приведенный диалог свидетельствует, в первую очередь, о том, что мнения о необходимости сохранения русского языка в иммигрантской среде не имеют под собой общего знаменателя, позволившего бы сделать вывод о нем как о приоритетном ресурсе сохранения русской идентичности в США. Тем не менее, сам процесс поддержания русского языка иммигрантами на современном этапе остается на повестке дня и активно представлен в средствах массовой информации. Особенно широкое распространеие русского языка в средствах массовой информации США стало возможным лишь в начале 1990-х годо, когда на общенациональных кабельных телеканаах, базирующихся в г. Нью-Йорке, начали работать два русскоязычных канала - RTNWMNB и RTV. Собственником телеканала RTNWMNB является компания Russian Media Group LLC (RMG), основателем и президентом RMG - раввин Марк Голуб (Mark S. Golub). По данным компании, аудитория RTNWMNB в США 1990-х годов превышала 300 тыс. человек [*Почему в США вещают два русскоязычных канала 2006]*. Что касается телеканала RTV, то, по данным самой компании, аудитория этого канала в США к концу 1990-х годов составляла примерно 600 тыс. человек [Почему в США вещают два русскоязычных канала 2006]. Разность

идеологических платформ русскоязых каналов в США, отражающих состояние политической борьбы в самой России 1990-х – начала 2000-х годов, как показали данные включенного наблюдения автора диссртации, фактически не влияла на количество просмотров иммигрантами телепередач на русском языке, так как не являлись для них приоритетным контентм. Беседа телерепортера Ларисы Шараповой в 2006 г. со специалистами различных компаний, занимающихся установкой оборудования спутникова телевидения в различных штатах США, подтверждает данный вывод:

Гриорий Могилевский (компания E&E Electronics, Флорида и Иллинойс**):** *«Знаете, я живу здесь уже около двадцати лет. Много лет я работаю именно с русскими каналами, которые предоставляются различными спутниковыми платформами. Среди наших подписчиков – выходцы из России, Украины, Узбекистана, Литвы, Латвии и других стран. Разные каналы, разные платформы, разные вкусы… Первый канал…давно идет в США, русскоязычная публика его хорошо знает, с удовольствием подписывается и с интересом смотрит. Это сегодня как бы основной новостной и культурный канал прямо из России, с высоким качеством программ. Первый канал в цифровом качестве теперь предлагает компания DIRECTV… В состав этого пакета, кроме Первого Канала, входят и другие каналы, которые должны быть интересны нашим подписчикам: например, канал Время… Канал Время предлагает отличные передачи для старшего поколения: концерты с участием известных артистов прошлых лет в Колонном Зале, которые теперь просто нигде не увидишь, фильмы, ставшие классикой российского и мирового кинематографа, выпуски передачи "Голубой Огонек". Одним словом, уникальные программы для людей, выросших еще в Советском Союзе*» [Русскоязычные телевизионные каналы в США 2006] .

Альфред Мирозоян (компания USA Digital, Лос-Анджелес): «*Я из Ростова-на-Дону, живу в США уже шесть лет, из них пять лет занимаюсь установкой спутникового телевидения, особенно русскоязычных каналов. Наша компания занимается обслуживанием клиентов в Лос-Анджелесе, Глендэйл-Сити, других городах Калифорнии, в Денвере. Среди наших подписчиков русские, армяне, люди многих других национальностей. Когда я переехал в Америку, для меня очень важно было сохранить язык, смотреть новости из дома, я и сейчас всегда смотрю каналы из России… Кроме Первого, смотрю новости по РТР Планета. Также мне очень нравится канал Музыка Первого. Это очень заводной, молодежный канал. Современная европейская музыка, которой не увидишь на американских музыкальных каналах, интересные шоу про жизнь знаменитостей, и все это – 24 часа в сутки… Также мне очень нравится у DIRECTV возможность цифровой видеозаписи, просто незаменимая вещь. Вам не нужны ни кассеты, ничего – можно запрограммировать все выпуски новостей заранее и цифровой видеомагнитофон сам все запишет, даже если поменяется программа передач. Это очень удобно – я, например, очень много езжу по работе, не всегда есть возможность попасть домой вовремя, а любимые передачи пропускать не хочется»* [Русскоязычные телевизионные каналы в США 2006].

Евгений Ковинков (компания Dacson, Чикаго): «*Я из Молдавии, живу в США уже 14 лет. Уже много лет занимаюсь установкой спутникового телевидения, в том числе и русских каналов. Поскольку спутниковое телевидение по качеству сигнала значительно выше кабельного, оно пользуется очень высоким спросом у русскоговорящей публики… Мне нравится и канал Дом Кино. Там 24 часа в сутки идут российские блокбастеры, сериалы, самые популярные фильмы»* [Русскоязычные телевизионные каналы в США 2006].

Борис Демченко (компания Satellite Network, Нью-Йорк)*: «Я из Одессы, живу в США с 1988 года, несколько лет работаю на установке*

спутникового телевидения для разных, в том числе русскоязычных клиентов. Мы работаем с подписчиками в Нью – Джерси, Коннектикуте, Пенсильвании, конечно же, в Нью-Йорке и других местах. Сам обычно смотрю первый в стране канал на русском и на украинском языках – Музыка Первого. Нам, выходцам с Украины, это вдвойне интересно. Дом Кино очень полезный канал для любителей российского кино, там показывают все старые и новые популярные фильмы и сериалы. РТР Планета – для любителей новостей и спортивных передач. Мне лично нравится канал Время – старые, часто еще черно-белые фильмы советского времени, которые на видео не записывались, и их мало где можно увидеть…» [Русскоязычные телевизионные каналы в США 2006].

Русскоязычные программы на радио и телевидении в США в конце 1990-х годов вошли в перечень мер поддержки Российским проавительством соотечественников за рубежом, закрепленные Федеральным законом от 24 мая 1999 г. № 99-ФЗ “О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом”, утвержденный постановлением Правительства РФ от 31 августа 1994 г. №1064 [Федеральный Закон №99].

В статье IV указывается, что:

Правительству Российской Федерации надлежит “оказывать на основе соответствующих соглашений техническую, информационную и финансовую помощь русскоязычным периодическим изданиям за рубежом”;

В рамках двустороннего культурного сотрудничества регулярно проводить мероприяия по поддержке деятельности русских и славянских центров за рубежом, включая проведения фестивалей, выставок, конкурсов, гастролей театров, творческих коллетивов и исполнителей, а также иные акции подобного рода, направленные на сохранение и развитие русской культуры;

Добиваться на основе взаимности развития культурных связей, сохранения памятников исторического и культурного наслендия;

Учитывая необходимость изучения соотечественниками языка страны проживания, добиваться эффективной реализации соответствующих учебных программ [Федеральный Закон №99 1999].

Дальнейшее развитие правовой основы взаимодействия Рссийской Федерации с соотечественниками за рубежом предусмотрено в статье 5 Федерального закона от 23 июля 2010 г. № 179-ФЗ.

Статья 5 ФЗ №179:

В соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, международными договорами Российской Федерации, законодательством Российской Федерации, а также с учетом законодательства иностранных государств Российская Федерация оказывает соотечественникам содействие в реализации и обеспечении прав и свобод человека и гражданина, в том числе прав:

использовать русский язык и родные языки народов Российской Федерации для развития духовного и интеллектуального потенциала;

создавать национально-культурные автономии, общественные объединения и религиозные организации соотечественников, средства массовой информации и участвовать в их деятельности;

участвовать в работе неправительственных организаций на национальном и международном уровнях;

участвовать в развитии взаимовыгодных отношений между государствами проживания и Российской Федерацией;

Для соотечественников, которые вносят заметный вклад в поддержку Российской Федерации и развитие связей с Российской Федерацией, предусматриваются меры морального поощрения [Федеральный закон №79 2010]

Рссийские исследователи Русской Америки XX в. Ефим Пивовар, Ольга Воробьева и другие в разные годы делала подробный анализ тех мероприятий, которые проводились в США при поддержке представительств Российской Федерации. Так, уже в 1990-х годах начали восстанавливаться памятники русским писателям и общественным деятелям, создаваться музеи, устраивались праздники историко-культурного характера и т.п. [*Святославский* 1995: 116]. Сотрудничество культурно-просветительского общества «Русская Америка» с дипломатическими представительствами МИД РФ в США, в том числе с Генеральным консульством России в Сан-Франциско. Совместно с российскими государственными учреждениями были подготовлены различные юбилейные мероприятия и программы: в связи с 250-летием Русской Америки в 1991 г., 50-летием установления воздушного моста «Аляска – Сибирь», Международной морской экспедиции курсантов 1998 г. и т.п. Состоялась российско-американская экспедиция «К истокам Русской Америки – Дом на Сухоне» (по рекам и городам Русского Севера), «Северные храмы» к 200-летию православия в Америке и др. [*Воробьева* 2013].

В декабря 1999 г. в Вашингтоне прошло торжественное открытие Российского культурного центра – отделения Российского центра международного научного и культурного сотрудничества при Правительстве Российской Федерации, учрежденного в 1994 г. в структуре МИД в целях поддержки международного сотрудничества в науке, культуре и образовании (Росзарубежцентр). Впоследствии, на базе этой организации Указом Президента Российской Федерации от 6 сентября 2008 г. (№ 1315) было создано Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество), к которому перешли полномочия Росзарубежцентра [*Воробьева* 2013].

В г. Сакраменто (столица штата Калифорния) с 2003 г. и до недавнего времени работала воскресная школа «Тарзанка», которая обучала русскому языку не только детей постсоветского пространства, но и всех желающих. Методика обучения русскому языку в школе «Тарзанка» была разработана на основе обязательного закрепления и применения полученных знаний в различных обстоятельствах и в чем-то оказалась схожа с ролевыми играми. Нововведением стала и многоуровневая система преподавания языка, когда дети разного возраста и разной степени подготовки занимались по раздельным программам и с различной степенью интенсивности. Если для начинающих ставилась задача научиться только читать и писать, то для более «продвинутых» учеников предусматривалось углубленное преподавание русского языка на грамматической, синтаксической и стилистической основе. Более того, такие ученики получали возможность знакомиться с элементами образности и особенностями применения русской лексики (синонимы, антонимы, метафоры, пословицы, поговорки, «крылатые выражения» и т.п.).

Система преподавания русского языка в разновозрастных группах воскресной школы в Калифорнии кардинальным образом отличалась от системы обучения английскому языку, например, латиноамериканскими детьми в американских школах, где дети, совсем не владеющие английским языком, оказывались в одной группе с носителями языка. В результате такое обучение не только не приносило результатов, но и настраивало учащихся друг против друга, а нередко и разделяло их между собой по этнорасовому принципу [*Шалыгина* 2007: 148]. Обучение русскому языку детей, практикуемая в русских воскресных школах, наоборот, создавала атмосферу равного внимания и понимания детей с различным уровнем подготовки и возможностями. И как результат, – лояльность русскому языку, желание его изучать и дальше, а также интерес к русской культуре в целом. Знание и понимание основ классических произведений русской

литературы формировало не только эрудицию, но и, в конечном счете, закладывало прочный фундамент для закрепления русской идентичности в целом. Из интервью с Татьяной К. (58 лет, 2015 г.): «*Как вы считаете, обучение ваших внуков в русскоязычной школе в США как-то влияет на их отношение к русской культуре и к России в целом? – Конечно, влияет! Данила и Афина знают грамматический русский язык на уровне нашей средней школы. Плюс праздники, матрешки, деды морозы, костюмчики, песенки. Плюс театр на русском и довольно серьезные постановки. Плюс конкурсы, в которых выигрыш частенько бывает и поездкой в Москву или еще куда-нибудь, где живут носители русского языка (бесплатно). Дети все годы просто бежали в русскую школу по субботам…. Очень приличные педагоги, не ля-ля тополя, а серьезное обучение. – А сознание в пользу России как-то формируется? – Ну, конечно! Это же как в пословице: посеешь поступок – пожнешь привычку, посеешь привычку – пожнешь характер, посеешь характер – пожнешь судьбу… И здесь так же. Язык, культура, спектакли, море русского языка и культуры…»* [*Шалыгина* 2021].

Во многих русских школах параллельно проводятся и занятия по основам изобразительного искусства, когда происходит запоминание на русском языке таких профессионально специфических терминов, как фон, мольберт, штриховка, палитра, эксперименты с цветом, составление композиции и т.д. Но особенно ценным, учитывая низкий уровень преподавания точных дисциплин в американских школах, представляется методика занятий по математике, рассчитанная не только на закрепление школьного материала, но и на получение знаний, что называется, на опережение, для облегчения развития детей в дальнейшем, включая их профессиональное становление.

Успехи образовательно-просветительской деятельности русскоязычных общин США в 2000-х годах не оставались незамеченными. В 2003 году на втором заседании правления Международного совета

российских соотечественников (МСРС), которое состоялось 19-20 апреля 2003 г. в Ларнаке (Кипр), совместно с Правительством Москвы была учреждена специальная почетная награда "Соотечественник года". Это почетное звание будет присваиваться россиянам, проживающим за рубежом и вносящим значительный вклад в дело сохранения и развития русского языка и культуры за рубежом, за вклад в защиту прав соотечественников, за развитие культурного, научного и экономического сотрудничества зарубежных государств с Россией.

2.3. Политическая поддержка русских общин в США («Собирание общин русских»). На всем протяжении 2000-х годов повышенный интерес к русской культуре и русскому языку отмечался практически в большинстве штатов Америки. Учитывая этот факт, Россотрудничество содействовало проведению мероприятий в так называемой одноэтажной Америке, жители которой, в отличие от больших городов, не всегда имели возможность выехать за пределы своего штата. В этом случае для них устраивались специальные выездные мероприятия для встречи с российских артистов, проводились выставки, научно-познавательные программы, рассказывающие о достидениях российских ученых и т.д.

Однако, несмотря на успехи дипломатических усилий и общественно-просветительской деятельности по укреплению русской культуры в США, в 2013 г. на проходившем в это время форуме «Русская диаспора и культурная дипломатия» (г. Нью-Йорк), посвященном обсуждению проблем укрепления общественно-политического влияния русской диаспоры в США, было высказано предположение, что американские власти никогда не были по-настоящему заинтересованы в установлении культурных контактов с русской диаспорой, и это обстоятельство заметно повлияло как на ее дальнейшую судьбу, так и на формирование самоидентификации русскоязычных иммигрантов в целом [*Шалыгина* 2024].

По мнению же некоторых американских профессоров, выступавших на форуме, судьба русскоязычной иммиграции, сохранявшей на протяжении практически всего XX в. имидж слабо структурированной и лишенной общественно-политического влияния организации, зависела не только (и не столько) от США. Так, профессор Нью-Йоркского университета, директор Центра Йордана по изучению России, историк Янни Коцонис, причисляющий себя к «друзьям русской общины», отметил, что русская община долгое время была разобщена и плохо организована [Гуткин 2013], в первую очередь, по той причине, что фактически не получала какой-либо значимой культурной поддержки со стороны самой России. Правда, тут же оговорился, что «поддержка диаспоры [со стороны России] может вылиться в попытки диктовать, какой она (диаспора) должна быть». В ответ на такого рода опасения Генеральный консул РФ в Нью-Йорке Игорь Голубовский на приеме в честь участников форума (2013 г.) категорически отверг предположения о том, что Россия заинтересована в создании «пятой колонны» в лице русскоязычной иммиграции, и подчеркнул, что целью Москвы в данном случае является поддержка русского языка и культуры за рубежом [*Гуткин* 2013] .

По следам форума одна из его организаторов и участников, а также основательница и президент Русско-американского культурного центра «Наследие» (РАКСИ) Ольга Зацепина в интервью Русской службе «Голоса Америки» подчеркнула, что русскоязычные американцы *«…внесли огромный вклад в науку и культуру Соединенных Штатов, но, к сожалению, в Америке об этом знают единицы. Нам хотелось понять, в каком формате можно донести этот огромный багаж до американских студентов, изучающих Россию и русскую диаспору, чтобы американцы больше знали о том, какую роль сыграли русские в истории этой страны*» [*Гуткин* 2013]. Кроме того, О. Зацепина напомнила: «*Даже меньшие диаспоры имеют своих представителей в самых высоких структурах власти США. К*

сожалению, русской диаспоре в этом смысле особенно похвастаться нечем… Но нам кажется, что сегодня для русской диаспоры наступил новый интересный этап в ее самосознании и самоидентификации, когда надо понять, в какую сторону двигаться дальше…, поэтому хотелось бы выйти на научный уровень для того, чтобы услышать историю состоявшихся других диаспор в США с тем, чтобы сравнить, узнать, поучиться и понять» [*Гуткин* 2013].

Сами представители русской диаспоры предложили несколько вариантов ее развития. Например, президент Ассоциации русского дворянства в Америке Кирилл Гиацинтов указал на роль созданных иммигрантами организаций в сохранении русских культурных традиций в США. Особо была выделена молодежная организация, возглавляемая Михаилом Йорданом, «Русские скауты в США», которая сегодня объединяет подростков, родившихся в Америке, но сохраняющих русские культурные традиции [*Гуткин* 2013] и в перспективе способных реформировать руководство диаспорой.

По мнению протоиерея Свято-Николаевского Патриаршего собора в Нью-Йорке Александра Голубова, путь развития русской диаспоры в США должен пролегать через возрождение православных общинных поселений, таких, например, как «Ферма РООВА», основанная в 1926 г. Русским объединенным обществом взаимопомощи в Америке (РООВА) на территории штата Нью Джерси и просуществовавшая там вплоть до 1965 г., когда вынуждена была прекратить свое существование. О судьбе русской диаспоры протоиерей Голубов высказался метафорически: «*Диаспора – это рассеяние. Идет сеятель – сеет, разбрасывает зерно. Но дело не в зерне, а в том, куда оно попадет и что вырастет. Это старый церковный разговор. У кого зерно попало на хорошую почву, там что-то хорошее вырастет. У кого-то зерно попало на дорогу и его затоптали. А у кого-то зерно попало в бурьян и там заглохло. Так и с идентификацией. Если зерно упало на*

камень – они себя не будут считать ни русскими, ни русскими американцами» [*Гуткин* 2013].

Н.П. Случевский, правнук П.А. Столыпина, родившийся в Сан-Франциско, заявил, что русская диаспора в США сможет действительно стать опорой для Русского мира только через возрождение крестьянства: *«Community development… это английское словосочетание невозможно перевести на русский язык. Когда мы говорим о community development, мы говорим о возрождении села, о наших истоках, о духовном начале в самом хорошем смысле этого слова, без всякой пафосности. Это возрождение самосознания: кто ты, русский человек? Это не вопрос русского шовинизма. Все мы, принадлежащие России, одни и те же – у нас одна земля*» [*Гуткин* 2013]

На конференции прозвучало еще одно, более радикальное предложение изменить то, что многие считают частью «русской традиции» и культуры – патриархальный уклад, отношение к женщинам как к слабому полу. Его озвучила Элизабет Йордан – фотохудожник и соосновательница Центра по изучению России при Нью-Йоркском университете. *«Женщины должны быть услышаны и получить место за столом, за которым принимаются решения, касающиеся их жизни – не только в России, но и в русской диаспоре* [*Гуткин* 2013]… *женщины вправе сами решать такие вопросы, как право на аборт, права сексуальных меньшинств, и так далее. Я не призываю женщин отказаться от своих обязанностей. Я сама – мать пятерых детей, и я понимаю, что нет ничего важнее этого. Но я считаю, что женщины должны иметь право голоса во власти и в бизнесе…*». По мнению Элизабет Йордан, русские культурные традиции и православная церковь подавляют женщин: *«Я 11 лет прожила в России, и видела это своими глазами каждый день. Считается, что раз это такая традиция, то так оно и должно быть. Но мир развивается и мы, находясь в диаспоре, можем оглянуться и признать, что это неправильно. Женщины в Америке*

достигли гораздо большего прогресса, чем в России. Я думаю, что и россиянам пора по-взрослому отнестись к этому вопросу. Потому что это ужасно для женщины – ежедневно ощущать свое бессилие. И это не служит ничьим интересам, а только тормозит развитие России» [*Гуткин* 2013].

Сама Элизабет Йордан работала в Африке, в Индии, на Гаити и в других странах третьего мира, где, как принято считать, женщины наиболее ущемлены в своих правах из-за отсутствия образования. Однако, отмечает Э. Йордан, хотя женщины в России хорошо образованы, это не помогает им добиться прогресса [Гуткин 2013]: «*В России образование лишь добавляет женщине обязанностей… Даже если женщина занимает высокую должность, она все равно должна дома приготовить обед мужу, пока тот сидит на диване. Лучший пример этого – Женский день, 8 марта. Некоторые женщины в этот выходной весь день стоят на кухне и готовят праздничный обед, а к концу вечера их мужья оказываются в стельку пьяными. Должна сказать, что эта ситуация постепенно меняется в последние годы. Но, когда я впервые приехала в Россию в 1993 году, это считалось нормальным, "потому что такая традиция". Я считаю, что такие традиции пора менять»* [*Гуткин* 2013].

Феминистская позиция, предлагающая, по сути, переформатирование традиционного сознания русскоязычных иммигрантов США и необходимость его «подгонки» под американские (евроатлантические) ценностные нормы [*Шалыгина* 2024], совпала и с мнением известного культуролога, профессора Нью-йоркского университета Бориса Гройса, который, подводя итоги форума, выразил уверенность, что самоидентификация русских американцев должна меняться с каждым поколением. Если этого не будет, считает он, диаспора перестанет быть живым организмом и превратится в исторический феномен [*Гуткин* 2013].

Еще более заострила проблему самоидентификации русскоязычных иммигрантов США Ольга Зацепина: «*Идея в том, чтобы каждый попытался для себя ответить на вопрос: что такое русская община? Причисляете ли вы себя к этой общине или нет? Достаточно ли русского языка, на котором говорите вы и ваша семья, что бы вы считали себя причастным к русской общине? Является ли русский язык достаточной и единственной частью культуры, которая объединит людей, или все-таки в основе объединения общины должна быть некая базовая культура?.. Может быть, пройдет 50–20–30, а может, и сто лет – но надеюсь, что все-таки раньше – когда люди, живущие в Америке и говорящие по-русски, смогут ответить на эти вопросы сами для себя*» [*Гуткин* 2013].

Дискуссия 2013 г. по поводу статуса русской диаспоры в США стала одной из многих подобных, которые подчеркивали остроту и актуальность проблемы сохранения русского мира в Америке. И это несмотря на то, что работа по развитию русского языка и сохранению русской культуры среди русскоязычного сообщества США активно продолжала проводиться и в XXI в., охватывая все больше сфер деятельности. Так, в рамках Всемирного координационного совета российских соотечественников в 2006 г. был создан собственно Координационный совет организаций российских соотечественников (КСОРС) в США. В непосредственные задачи КСОРС входило налаживание устойчивых взаимоотношений между объединениями русской диаспоры [*Рождествина* 2010] в США, образование, социальные проекты, обмен опытом, повышение профессионального и управленческого уровня организаторов локальных сообществ, обеспечение их общения и взаимодействия.

Принятие Устава американского подразделения КСОРС состоялось в том же году в Российском центре науки и культуры в Вашингтоне. В нем приняли участие члены КСОРС, представляющие большинство русских общин в США: председатель Наталья Сабельник (Сан-Франциско,

Калифорния), вице-председатели Елена Брэнсон (Нью-Йорк), Ольга Зацепина (Нью-Йорк), Ольга Тарасова (Норман, Оклахома), секретарь Елена Суворова-Филипс (Хьюстон, Техас), члены КСОРС София Гринблат (Хьюстон, Техас), Игорь Кочан (Нью-Йорк), Михаил Моргулис (Норд-Порт, Флорида), Елена Старосельская (Вашингтон, округ Колумбия), Светлана Соколова (Гейтерсберг, Мэриленд), Василий Ступин (штат Вашингтон) и др. Руководитель представительства Россотрудничества О.С. Жиганов, присутствовавший на мероприятии, подробно проинформировал собравшихся о том, как Россотрудничество участвует в реализации правительственной Программы работы с соотечественниками, проживающими за рубежом, каким проектам отдает приоритетное значение. Он подробно остановился на порядке подачи заявок на финансирование проектов соотечественников по линии Россотрудничества, рассказал о культурных программах для молодежи «Здравствуй, Россия!» и об уникальной возможности для американцев (в том числе и с русскими корнями) бесплатно получить высшее образование в российских вузах. За основу Устава КСОРС был принят документ, обсуждавшийся на V Форуме российских соотечественников, проходившем в августе того же года в Нью-Йорке. На Форуме очень активно обсуждалось, могут ли в Координационный совет входить граждане России, временно проживающие в США. «Да, могут, если они на законных основаниях находятся в США», – предлагалось закрепить в Уставе КСОРС [*Игнатьева* 2014].

В 2014 г. во время приема членов КСОРС в посольстве РФ в США основное внимание было уделено работе с русскоязычной молодежью. Екатерина Шагвина, представитель Русского центра г. Нью-Йорка отметила: «Наша главная цель – улучшение имиджа России в США… На мой взгляд, очень важно, чтобы русскоязычная молодежь участвовала в этом». Игорь Корчан, президент организации «Русская молодежь Америки», член Координационного совета организаций российских

соотечественников, рассказал на встрече, что организация празднования 70-летнего юбилея Великой Победы в США рассчитана, в том числе и на активное участие русскоязычной молодежи США в этом мероприятии. В частности, были озвучены детали автопробега молодых российских байкеров, которые должны были стартовать из Пскова во Владивосток, перелететь в Сан-Франциско и по хайвеям (скоростным трассам) добираться до Нью-Йорка. По пути к ним должны были присоединиться американские байкеры, в том числе и из русскоязычных общин в США, и все вместе они планировали встретить День Победы в Нью-Йорке.

Представитель от Американского общественного центра в Аризоне Лев Коровин рассказал об организации RAMA (Russian-American Medical Association) как интерактивной площадке для обмена опытом, а также об участии молодых докторов в «медицинских миссиях» RAMA. Надежда Граникина из Нью-Йорка рассказала о благотворительной работе и гуманитарных проектах Синодального отдела по работе с молодежью. Эту тему продолжили Светлана Батрак и Анна Кирьякова из «Русской молодежи Америки» (штат Флорида), сообщившие об отправке контейнеров для помощи пострадавшим во время украинского конфликта. О молодежных проектах рассказывали также Александр Золотов (г. Вашингтон, организация «Заря»), Юрий Мазуренко (Сиэтл, Российско-Американская ассоциация молодежи), Александр Трубецкой и Кристина Бурбело (члены православного прихода г. Вашингтона) и другие [Там же].

Примеров, подтверждающих активность русскоязычных общин в США, включая молодежный сегмент, достаточно много, и рамки данного исследования не позволяют дать полное описание их деятельности. Тем не менее в блогосфере Рунета нередко можно встретить достаточно резкие суждения по поводу того, что русскоязычная диаспора в США не имеет перспектив на развитие. Особенно в этом смысле выделяется сетевое сообщество «*пора валить*» на портале ЖЖ («pora-valit.livejournal.com»).

Главная претензия представителей молодежной аудитории этого портала заключается в том, что все предпринимаемые организаторами русскоязычных диаспор в США усилия по реализации проектов, способных их объединить, являются всего лишь попытками сохранить стиль жизни старших поколений иммигрантов и никак не встроены в быстро меняющуюся среду. «*Новое поколение мигрантов приехало не для того, чтобы создать тут уменьшенную копию России… Старшие поколения, те, кто построил здесь старческие дома, церкви и библиотеки, постепенно вымирают, а молодежь в эти заведения почти не ходит… Любые попытки создавать русские фестивали или вечера культуры выглядят жалко: туда приходят одни старушки. Говорю это не без горечи. Скажем, греческие фестивали – это ого-го что такое, с танцами, пиром горой, всевозможной веселухой… А у нас как-то не складывается… Зато какие душевные у нас посиделки, когда в одной компании собираются умные, толковые, сильные духом ребята! Если все делается не на публику, а на себя, то в таких компаниях просто душой отдыхаешь*», – так, например, писал один из участников группы (ник – Agent-marge) в августе 2013 г.

В данном случае уместно привести мнение О. Зацепиной, президента центра «Наследие», созданного Русско-американским культурным объединением (РАКСИ), которая, выступая в 2012 г. в Колумбийском университете на презентации своей книги «Русские в США. Общественные организации русской эмиграции в XX–XXI вв.» (в соавторстве с А. Ручкиным), отметила, что будущее русскоязычной диаспоры в США, как и всего Русского зарубежья, зависит от самих русскоязычных иммигрантов: «*Русские должны собраться вместе, помогая и поддерживая друг друга. Нас в Америке становится всё больше и настало время, когда мы должны создать свою общину, которой пока, к сожалению, нет… Полноценная диаспора формируется тогда, когда есть свои представители в органах власти в штате, в Конгрессе… А это возможно, только если есть*

сотрудничество и сплоченность… Сохранение и передача историко-культурного наследия, духовных и национальных традиций позволит современной русской диаспоре по праву занять ведущее место среди этнических групп американского общества и сыграть важную роль в развитии межгосударственных отношений» [*Крылов* 2012].

Стоит уточнить, что упомянутая книга О.С. Зацепиной и А.Б. Ручкина издана самим Русско-американским культурным центром «Наследие» в Нью-Йорке и полностью основана на первоисточниках (архивных документах российских дипломатических представительств в США, изданиях фонда «Русский мир», а также на материалах «Справочника американских организаций, созданных изгнанниками из СССР» и публикации AARCE «Русскоязычное сообщество Северной Америки: культура и просвещение»). Важно и то, что книгу предваряет обращение Министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова и Чрезвычайного и Полномочного Посла в Вашингтоне С.И. Кисляка, подчеркивающее, что «*развитие отношений партнерства с зарубежными соотечественниками всегда будет среди приоритетов внешней политики России… Это также касается их законных прав и интересов, укрепления позиций русского языка и культуры за рубежом*» [*Зацепина* 2011].

Значимость книги, кстати, ничуть не уменьшается, а, скорее, наоборот, возрастает, в связи с теми замечаниями и пожеланиями, которые были высказаны при ее обсуждении. Н.Ю. Забелина пишет: «*К числу уникальных организаций, деятельность которых освещена в книге, можно отнести Русскую академическую группу (в США с 1923 г.) и Американо-Русский союз помощи "Отрада" с 40-летней историей. Задача Группы состояла в помощи русским ученым первой и второй волны эмиграции в адаптации, в установлении контактов с американскими коллегами, в трудоустройстве…. "Отрада", созданная русскими изгнанниками, до США скитавшимися в разных странах, стала знаковым культурным*

центром на Восточном побережье США. В нем стремятся преодолеть "разрыв поколений" в среде "русских американцев". Сходные задачи пытается решить и Конгресс русских американцев – не эмигрантское, а американское этническое объединение. Почти 40 лет Конгресс ведет заметную патриотическую и благотворительную работу, в том числе и в поддержку социально незащищенных слоев современного российского общества» [*Забелина* 2013].

Традиция сопричастности незащищенным слоям общества характерна для всех русскоязычных общественных организаций в США. Еще в 1926 г. под влиянием известий о бедственном положении детей русских эмигрантов силами русской диаспоры было создано Общество помощи русским детям (ОПРД), которое отказалось делить русских детей на тех, кто живет в России, и тех, кто живет за рубежом. Средства собирались традиционным для американской практики путем – проведением благотворительных мероприятий. Успешная деятельность ОПРД не только заметно подняла имидж русскоязычной диаспоры в США в те годы, но и создала ей репутацию надежного партнера среди деловых и общественных кругов в США.

Популярность среди русскоязычного сообщества США приобрели и многие другие проекты, инициированные бывшими соотечественниками. Некторые были поддержаны Посольством России в США, Правительством Москвы, Московским патриархатом и Домом русских соотечественников. Стремление к объединению под символом «русская Америка» не только собственно этнических русских, но и всех русскоязычных иммигрантов с территорий, некогда входивших в сферу интересов СССР, также является характерной чертой русских общественных организаций в США. В 2013 г. на открытии Русского павильона современного искусства на Манхэттене силами русских общественных организаций центра была представлена живопись, скульптура, графика, фотографии и видеоинсталляции как

признанных, так и молодых художников из России, Прибалтики, Закавказья и даже из стран Восточной Европы. В организации выставки принимал участие и Музей русского искусства в США (штат Нью-Джерси), российско-американское общество «Северный Крест» и другие организации, как российские, так и американские.

Активная деятельность русских центров США, как считают их организаторы, в конечном счете направлена на то, чтобы «*… вписать русскую культуру и историю в Америку, чтобы как можно больше американцев знали нашу общую историю и историю русских американцев. Ведь, когда знаешь, – начинаешь понимать; когда понимаешь, – начинаешь уважать. Всё это можно осуществить деятельностью в совместных проектах русских организаций*» [*Зацепина* 2020].

Однако в процессе проведения диссертантом полевого исследования становится очевидным, что на пути объединения русского мира в США существует немало сложностей. На фоне геополитических расхождений в межгосударственных отношениях увеличился и разброс мнений среди русскоязычной молодежи по поводу перспектив русского мира в США. С одной стороны, более явными стали претензии, предъявляемые молодежью к русскоязычной общине. Петр, менеджер гольф-клуба (28 лет): *«Русская община – да, помогает. Но не так, как еврейская, например. То есть формально русская община никак не помогает тебе найти работу, например. Но если тебе еще в России дали какой-нибудь номер телефона здесь, то можно спокойно позвонить и никто тебя на пошлет… Вот я, например, звоню и говорю, что неделю как в Америке, и мне дала телефон ваша сестра … Потом-то я узнал, конечно, что они с сестрой в давней ссоре, но тогда этот мужик запросто назначил мне встречу и потом помогал, как мог… Даже в компании своих водил, тех, кто уже давно здесь… У них тут своя община, друг другу тебя рекомендуют и так по цепочке начинаешь что-то тут понимать. Не отказывают, нет, если что-*

то там посоветовать надо, например… даже работу помогают найти. Вообще большинство русских начинают свою карьеру здесь с работы на своих же. Обычно работу дают владельцы русских компаний или магазинов, евреи, которые тут уже лет 20–30 живут. Люди нормальные, отзывчивые, но сами-то они четко понимают, что тебе некуда деться с подводной лодки…» [*Шалыгина* 2021].

С другой стороны, молодежь, с подозрением относящаяся к процессу консолидации русскоязычных общин в США, практически открыто высказывает претензии руководству общин из-за того, что те не учитывают этническое разнообразие постсоветской иммиграции и излишне артикулируют «русскую тему» в реализации своих проектов.

Подобного рода позицию занимают многие русскоязычные иммигранты, не являющиеся этническими русскими. Именно их точку зрения выразил Алек Брук-Красный (р. 1958), первый русскоязычный депутат законодательной Ассамблеи штата Нью-Йорк, общественный деятель, меценат и предприниматель, эмигрировавший из СССР в США в 1989 г.: «*А кто такой русский в США? Это и русский, и еврей, и узбек, и татарин, и выходец из Украины или Беларуси. Для среднестатистического американца – это любой человек, приехавший из республик бывшего Советского Союза и говорящий на русском языке. Организаторы месячника [месяц русской культуры] настаивают на том, что свой, отдельный вклад в историю США внесли этнические русские? Что ж, не спорю, такая точка зрения имеет право на существование. Кстати, недавно в свет вышла книга "Русские в США", изданная организацией, возглавляемой инициаторами резолюции, в книге именно их точка зрения и представлена… Но речь идет о тексте составленной по этому поводу резолюции. Я уже получаю звонки от своих избирателей с недоуменными вопросами: а о ком, собственно, речь? О каких русских? Если организаторы решили не брать в расчет организации и землячества, объединяющие выходцев из стран*

бывшего СССР, образовательные институты, русскоязычные СМИ (заметьте, все они объединяют русскоязычных людей, выросших на русской культуре, культивирующих ее в своих семьях здесь, в Нью-Йорке, и среди инициаторов месячника их нет) и оставить текст резолюции в нынешнем виде, то, повторюсь, я буду голосовать против, поскольку даже мне, не говоря уже о моих коллегах, из предложенного текста неясно, о каком сегменте русско-американской истории идет речь… Департамент российского МИДа по работе с соотечественниками очень хочет, чтобы все, кто родился в бывшем СССР и кто говорит по-русски, считали себя россиянами за рубежом, российской диаспорой в Америке…» [Чем дальше в лес, тем больше дров? 2012].

Итогом публичного выступления Брука-Красного по поводу ежемесячного проведения Дней русской культуры в Нью-Йорке стало предложение о включении в коалицию спонсоров этого мероприятия не только представителей русских предпринимателей из среды русскоязычных иммигрантов, но и представителей еврейских и других общин постсоветского сообщества в США. Таким образом, на сегодняшний день в культурном единстве русскоязычного сообщества, долгие годы не имевшего сугубо этнических маркеров, все чаще звучат акценты, которые свидетельствуют о новых, этнокультурных реалиях иммигрантской идентичности.

Но, помимо расхождений внутри русскоязычного сообщества США, начиная с 2014 г., постепенно усиливалось и внешнее давление на его жизнедеятельность. В ноябре 2021 г. Координационный совет российской диаспоры в США вынужден был прекратить свою деятельность из-за «беспрецедентного давления со стороны силовых структур США», о чем официально было заявлено на сайте КСОРС: *«Решение принято в связи с расследованием американских спецслужб, в результате которого на протяжении последнего года по меньшей мере три сотни российских*

соотечественников в США, от студентов до пенсионеров, были подвергнуты следственным мероприятиям ФБР», – заявили в организации [*Шалыгина* 2024]. Членам неформальной и неполитической организации КСОРС были инкриминированы связи с представителями российской дипмиссии в США, Россотрудничества, Федерального агентства по делам молодежи, фонда Росконгресс, Русского географического общества и координаторами движения «Бессмертный полк». По сути, акция со стороны государственных структур США была направлена на прекращение деятельности КСОРС, направленной на сохранение и развитие русского наследия в Америке, что на неизвестное время подводит черту и под самим существованием русской общины в этой стране.

ВЫВОДЫ.

1. Согласно данным американской статистики, преобладающая часть русскоговорящего населения в США к началу XXI в. сохраняла русский язык как основной в рамках домашнего общения (language spoken at home) и испоользовала его в качестве основного коммуникативного средства в повседневном общении.
2. Одним из факторов сохранения русской идентичности в США стала активность воспитанников Первого Русского кадетского корпуса, борющихся за русскую культуру и литературный русский язык в иммиграции.
3. Вклад в сохранение русской идентичности внесла Лига русских женщин, основавшая традиции культурно-просветительской и благотворительной деятельности в США, а также многочисленные общественные организации, возглавляемые женщинами старшего поколения (О.Зацепина, Н. Чернина и др).
4. Среди «хранителей» русскости в США особую роль играет Конгресс русских американцев (КРА), основанный в 1974 г.

5. С конца 19990-х годов активную поддержку сохранения русского языка и культуры в США оказывает Правительство Российской Федерации, Московский Патриархат, Россотрудничество.
6. Среди представителей 5-ой волны русскоязычных иммигрантов отсутствует единство по поводу сохранения русского языка в иммиграции.

ГЛАВА 3

Стратегии развития украинской диаспоры в США

Начало изучения иммиграционных процессов на Украине относится к 1960-м годам, когда начали использоваться архивные данные, статистика, а также воспоминания и письма эмигрантов, прояснявшие обстоятельства их переселения в США и дальнейшую судьбу уже на новом месте жительства [*Шлепак*ов 1960], В 1970–1980-е годы исследовательское поле украинской иммиграции расширилось, включив в себя данные зарубежных исследований по проблемам развития мировых миграций и основные направления миграционной политики в принимающих странах [*Фролкин* 1975, *Шамшур* 1987].

3.1. Исследовательские традиции изучения миграционных процессов на Украине **в XX – начале XXI веков.** *Эволюция исследовательской традиции изучения миграционных процессов на Украине***.** В 1991 г. в академической науке Украины на фоне идеологической перестройки начался пересмотр и всей миграционной истории страны. Нельзя сказать, что работы ученых советского времени, которые заложили основу для современных исследований миграционных процессов, в том числе и на Украине, были полностью изъяты из научного оборота, но тот факт, что они подверглись определенного рода интерпретациям, не вызывает сомнения. Академические учреждения и индивидуальные исследовательские программы на Украине также претерпели изменения. Миграционные исследования в известной степени зависели от политического режима в стране и, в частности, от националистически ориентированной цензуры, но при этом сохранялся доступ к новым эмпирическим данным и зарубежным методологиям изучения миграционных процессов. Миграции советских времен, в основном депортации и политическая эмиграция, получили новое звучание и стали особо чувствительной темой на Украине. При этом немало исследователей

остались на той позиции, что международная миграция является отклонением от нормы и потому представляет собой реальный вызов обществу.

Конференция Содружества Независимых Государств (СНГ), организованная в 2009 г. Управлением Верховного комиссариата Организации Объединенных наций по делам беженцев ООН по делам беженцев (УВКБ ООН), дала большой импульс исследованиям по вопросам миграции, предложив план действий, который способствовал изучению различных аспектов миграционной ситуации в Украине. В переходный период наиболее активными были исследования в области права в связи с необходимостью создания новой законодательной базы для регулирования миграционных процессов. Постепенно появились и другие области исследований, особенно в социологии и экономике, например, разработка новых концепций и типологий украинской миграции. Украинские исследования, как правило, игнорируют миграции предыдущих десятилетий, сосредоточиваясь на новых миграционных явлениях, которые можно разделить на три основные группы: 1) трудовая миграция (общий термин, часто используемый для обозначения различных других миграционных схем и форм миграции, таких как нерегулярная или круговая миграция); 2) незаконная миграция; 3) этническая миграция и репатриация [*Шалыгина* 2024].

Большинство исследований украинской трудовой миграции за последние два десятилетия касалось выборочных групп мигрантов из конкретных регионов или конкретных тематических областей, при этом в основном использовались качественные крупномасштабные методы обследования, а не скудные количественные исследования. Подробные углубленные выводы, основанные на этнологической методологии исследований, были представлены в 1994 г. [*Pirozhkov* 1997]. Проводилось 440 глубинных интервью в домохозяйствах мигрантов в Киеве, Черновцах

и нескольких селах недалеко от Львова. В результате были сделаны выводы о том, что эмиграция постсоветского времени служила для украинцев стратегией выживания в годы экономического кризиса и переходного периода. Качественные лонгитюдные исследования проводились и в 2002 г., когда та же методология была применена для обсуждения изменений в структуре, характере и предназначении миграций [Ukrainian Migration 2016].

С развитием трудовой миграции из Украины в этой сфере начали работать неправительственные организации, базирующиеся на Украине и в странах назначения. В 2002 г., например, Львовская неправительственная организация «Женские перспективы» провела одно из первых исследований с участием украинских переселенцев в Италии. Другое исследование было инициировано группой ученых из Львова в сотрудничестве с Украинской греко-католической церковью в восьми странах назначения. Материалы примерно 100 глубинных интервью выявили психологические проблемы, послужившие одной из основных причин миграции [*Malynovska* 2011]. В дальнейшем исследование затронуло и проблемы детей, которые после эмиграции родителей остались в Украине. В 2006 г. Центр по правам женщин «Ла Страда – Україна» провел 103 интервью с детьми в нескольких регионах Украины, на основании которых были сделаны выводы о том, что дети, родители которых находятся за границей, имеют ряд проблем психологического и социального характера и все чаще демонстрируют уязвимость и девиантное поведение [Ukrainian Migration 2016].

Одно из первых исследований нелегальной миграции с использованием подробных интервью было проведено в 1999 г. (совместный венгерско-польско-украинский проект, финансируемый МОМ). Еще одной публикацией, включающей анализ международного права и украинского законодательства, стала «Незаконная миграция и торговля женщинами», изданная Институтом государства и права Национальной академии наук

Украины. Условия жизни и правовой статус нелегальных мигрантов были изучены другой украинской группой исследователей, предоставившей подробный анализ изменений в ситуации мигрантов за семь лет [*Ukrainian Migration 2016*], с 2001 по 2008 г. [*Braichevska* 2009]. Появились работы и о репатриации, в основном крымских татар, вернувшихся на свою историческую родину, что привело к рекордно высокому сальдо миграции в период с 1991 по 1993 г. [Ukrainian Migration *2016*], когда население увеличилось на полмиллиона, хотя коэффициент рождаемости оставался отрицательным [*Ильясов* 1999].

Наиболее глубокие исследования, касающиеся миграции, самими украинскими исследователями проводились по истории депортации и борьбы за реабилитацию сотен тысяч репатриантов, вернувшихся на Украину в 1991–1993 гг., после нескольких десятилетий проживания в Западной Европе. Число украинцев, оказавшихся там в годы Второй мировой войны, достигало 3 млн [*Pawliczko* 1994]. Среди этой группы были и коллаборационистски настроенные украинцы, которые считали нацистский режим меньшим из двух зол, по сравнению со сталинской Россией, и украинские патриоты, которые были заклятыми врагами Советского государства, а также политзаключенные [*Bilan* 2017: 63]. После капитуляции нацистской Германии в 1945 г. все эти люди, независимо от причин нахождения в плену, стали единой массой политических беженцев, которым со стороны стран – участниц антигитлеровской коалиции предоставлялась защита и обеспечивалась значительная степень мобильности. Подавляющее большинство украинских беженцев на этом основании отказались возвращаться на родину и вплоть до начала 1990-х годов проживали за пределами Украины (Там же: 59). Такое решение политических беженцев основывалось на вступлении в силу новых миграционных законов, предоставивших дополнительные льготы и возможности интеграции в американское общество.

3.2. Миграционная политика США в отношении украинцев. Одним из важнейших законов для украинских мигрантов стала Конвенция ООН 1951 г. о статусе беженцев, отразившая стремление государств-участников второй мировой войны более широко рассматривать тему прав человека и ставшая важнейшим принципом международного права. Конвенция была принята 28 июля 1951 г. Конференцией полномочных представителей по вопросу о статусе беженцев и апатридов, созванной в соответствии с резолюцией 429 (V) Генеральной Ассамблеи ООН [Международные акты о правах человека 2000*]* от 14 декабря 1951 г и вступила в силу 22 апреля 1954 г. г. Под термином «беженец» подразумевается лицо, ставшее жертвой преследований по признаку расы, вероисповедания, гражданской принадлежности, политических убеждений [Международные акты о правах человека 2000] и не желающее пользоваться защитой своей страны (Нормативный акт 1951). Статьи Конвенции предусматривают правила проживания беженцев, их правовой статус на новом месте проживания, соблюдение их авторских и промышлённых прав, прав на создание ассоциаций, обращения в суд, работу по найму, социальное обеспечение со стороны государства, систему пайков, жилищный вопрос, образование, свободу передвижения, обеспечение льготными проездными документами, ограничение налоговой нагрузки и т.д. Даже если беженец переезжает в США незаконным путем, но сам незамедлительно обращается в надлежащие инстанции с просьбой о предоставлении убежища, на него не налагаются никакие взыскания и сохраняется свобода передвижения по стране на время оформления документов. Принудительная высылка беженца из страны допускается только по соображениям государственной безопасности или общественного порядка в стране нового пребывания, но запрещена в страну, где жизни и свободе беженца грозит опасность (Нормативный акт, гл. 5, ст. 33).

Одна из заключительных статей Конвенции ООН 1951 г. посвящена правилам ее ратификации любым государством, получившим приглашение участвовать в Конференции полномочных представителей по вопросу о статусе беженцев [Нормативные акты о правах человека 2000]. Однако реального механизма обеспечения их прав оказалось не выработано, что позволило США отказаться от ратификации этого документа и вплоть до 1970-х годов не проводить никакой долгосрочной политики в отношении беженцев на своей территории.

Тем не менее так называемая разовая помощь беженцам и «беглецам от коммунистического режима» Соединенными Штатами в этот период все-таки оказывалась, поскольку Закон США 1948 г. о перемещенных лицах позволял в течение двухлетнего срока принять 202 тыс. беженцев из Европы (Закон США 1948 г. о перемещенных лицах). Характерной особенностью этого закона стала оговорка, что число принятых в этот период политических беженцев должно быть включено в будущие иммиграционные квоты для стран их происхождения. Кроме того, в Законе 1948 г. также оговаривались американские предпочтения по поводу того, какими профессиями должны обладать перемещенные лица. Например, требовалось, чтобы 30% беженцев составляли сельскохозяйственные рабочие [Нормативные акты о правах человека 2000].

А.Н. Клоков, автор исследований по истории украинской миграции в США, вспоминает по этому поводу: *«…Эта оговорка объясняет, почему сестра моей бабушки – моя двоюродная бабушка и ее муж получили доступ в Соединенные Штаты из лагеря перемещенных лиц только после того, как согласились поселиться в Канзасе в качестве фермеров, несмотря на то, что они ни дня в своей жизни не занимались сельским хозяйством»* [*Klokiw* 2020: 773].

Однако под давлением президента Гарри Трумэна, признававшего дискриминационную риторику этого закона, искусно откорректированные

ограничительные меры Закона 1948 г., позволявшие регулировать нежелательные для США миграционные потоки, были пересмотрены и к 1951 г. максимальное количество беженцев составило 414 744 человек, то есть увеличилось более чем вдвое, по сравнению с первоначальным их числом. Расширение иммиграционных квот позволило уже к марту того же года тысячам лиц славянского происхождения, находившихся ранее в немецких лагерях для военнопленных, перебраться в США (Закон США 1951 г.).

Год спустя, в 1952 г. вышел еще один закон об иммиграции и гражданстве, до сих пор считающийся основным, так как в нем были сведены воедино все законодательные регуляторы по иммиграции. Впоследствии этот закон приобрел известность как INA (Immigration and Nationality Act). Закон 1952 г. примечателен еще и тем, что сохранял систему квот по национальному происхождению и при этом не содержал никаких конкретных условий для приема беженцев. То есть украинцы, как, кстати, и многие другие этнические сообщества, смогли в этот период практически без каких-либо ограничений переселяться из европейских лагерей для перемещенных лиц напрямую в США. Возвращение в Украинскую Советскую Социалистическую Республику, как описывают ситуацию сегодняшние украинские исследователи, практически не рассматривалось беженцами, т.к. представляло для них реальную опасность подвергнуться «национальным, религиозным или политическим преследованиям на своей родине» [*Pawliczko* 1994: 92]. Аргументом в пользу переезда в США стало и то, что Международная организация по делам беженцев (International Refugee Organization, IRO), активно действовавшая с начала 1947 г., предоставляла беженцам гарантию «невыдворения» из США.

В послевоенный период мотивационным фактором массового переезда украинцев в США стало, по-видимому, и то обстоятельство, что СССР и Европа находились тогда в состоянии разрухи, что резко

контрастировало с условиями благополучной жизни за океаном. В общей сложности лагеря для перемещенных лиц, находившиеся в Германии и Австрии, с 1947 по 1957 г. покинуло 187 тыс. человек, из которых 80 тыс. направились в США и еще 30 тыс. – в Канаду [*Pawliczko* 1994: 92].

Активизации украинской иммиграции 1950-х годов (третья волна) способствовал и Закон Маккарена-Вуда («Закон о внутренней безопасности», 23 сентября 1950 г.), согласно которому коммунистическая партия США объявлялась «агентом иностранной державы», обязана была регистрироваться в Минюсте США и регулярно сообщать полные данные как о должностных лицах внутри самой партии, так и об их внешних контактах. Один из авторов этого закона сенатор Пэт Маккаррен был известен как «убежденный антикоммунист и воин холодной войны» и при написании иммиграционного Закона руководствовался тем, чтобы иммиграционная политика США стала «инструментом внутренней безопасности для борьбы с реалиями коммунистической тактики».

В итоге Закон Маккаррена, по сути, послужил платформой для поддержки иммиграции в Америку граждан, не согласных с коммунистическим режимом в их стране, обеспечив им таким образом благоприятные правовые и экономические условия пребывания в США. Руководствуясь этим Законом, многочисленные гражданские организации, такие, например, как Объединенный украинско-американский комитет помощи, оказывали значительную поддержку украинским перемещенным лицам, открывая для них «окно возможностей» по трудоустройству и социальной поддержке (Закон Маккарена-Вуда). Аналогичный функционал содержал в себе и Закон Браунелла-Батлера (1954 г.), направленный на фактическое уничтожение всех левых партий в США (Закон Браунелла-Батлера, 1954 г.).

В 1967 г. многолетняя борьба компартии США против преследований со стороны американских законодателей закончилась ее победой и эти

законы были отменены. Тем не менее, свою роль по защите иммигрантов, не согласных с политическим и экономическим режимом в своей стране и с этой целью переезжающих на ПМЖ в США, они выполнили. Четвертая волна украинской иммиграции, начавшаяся после 26 декабря 1991 г., то есть после официального распада Советского Союза, уже откровенно квалифицируется некоторыми украинскими исследователями, прежде всего, как «освобождение от экономических и политических оков коммунистического правления» [*Klokiw* 2020: 776].

Иммиграционные законы США во многом компенсировали неспособность украинской политики регулировать сложившуюся геополитическую ситуацию. Западные эксперты, характеризуя Украину того времени, нередко даже называли ее «больным человеком Европы» и «…потенциально несостоятельным государством из-за геополитического положения, исторического бремени и допущенных ошибок в институциональном развитии и политике» [*Sutela* 2012]. Опираясь на американские законы об иммиграции, большинство украинских переселенцев не только ощутимо облегчали себе устройство на новом месте, но одновременно принимали и новую для них модель жизненной стратегии, которая противостояла идеологическими конструктами советского образа жизни.

Какое-либо международное сотрудничество Украины в области миграционной политики до начала 2000-х г. также фактически отсутствовало. Как определяют сами украинские исследователи, в стране ни власть, ни общественность не придавали миграционным процессам стратегического значения. И даже создание новой Государственной миграционной службы Украины в 2011 г. (Указ Президента Украины от 06.04.2011 № 1085/200, утвержденный Постановлением Кабинета Министров Украины №360 от 20.08.2014) не улучшило ситуацию – политика, касающаяся трудовой миграции и украинских граждан,

проживающих за рубежом, фактически не проводилась. Этим обстоятельством объясняется и отсутствие какой-либо официально упорядоченной статистики конкретно по украинской диаспоре в США вплоть до начала XXI в. [Указ Президента Украины 2011].

«Численность и плотность расселения украинских иммигрантов в США». Американская перепись 2000 г. является первым официальным свидетельством количества украинцев в США, дезагрегированных по отношению к общему количеству русскоязычных иммигрантов постсоветского пространства [U.S. Immigration and Naturalization Service. Statistical Yearbook of the Immigration and Naturalization Service: 1991–2001. Washington, D.C.: U.S. Immigration and Naturalization Service, 1997 to 2003]. Стало очевидным, что именно благодаря американской политике квотирования с 2001 по 2003 г. с Украины в США выехало максимальное количество беженцев – 17 595 человек (U.S. Immigration and Naturalization Service 2003). Однако уже к 2004 г., когда в международной политике начали происходить новые конъюнктурные изменения, фокус иммиграционных квот США в очередной раз поменялся, но уже в пользу беженцев из Африки, Восточной Азии и Ближнего Востока. В результате число украинских беженцев в США в 2009 г.[*Шалыгина* 2021] снизилось до 1 тыс. человек в год, а в 2013 г. - до 227 человек в год. [*Шалыгина* 2021].

По состоянию на 2015-2019 годы почти половина украинских иммигрантов проживала в трех штатах: Нью-Йорке (22%), Калифорнии (16%) и Вашингтоне (9%). Нью-Йорк, Лос-Анджелес, Сакраменто (Калифорния) и Вашингтон составляли около 31 процента от общего числа украинских иммигрантов в Соединенных Штатах. По данным аналитического центр*а* Института миграционной политики США (Migration Policy Institute, MPI), украинская диаспора сегодня входит в число 35 наиболее многочисленных диаспор США, занимая в нем 30-е место (русская диаспора в этом списке занимает 21 место) [Top Diaspora Groups 2023].

Ниже в таблице 6 приводятся более полные данные на 2020 г. по численности и расселению украинцев в США. Важно уточнить, что использование в диссертации одного и того же источника по установлению численности русских и украинцев в США на 2020 г. существенно облегчило понимание распределения русскоязычных иммигрантов на территории США в новейшее время.

Таблица 2

Численность и плотность расселения украинцев в США (2020 г.)

УКРАИНЦЫ								
Штат	Всего украинцев	% от населения штата	Штат	Всего украинцев	% от населения штата	Штат	Всего украинцев	% от населения штата
Нью-Йорк	140637	0.7%	Колорадо	14625	0.3%	Мейн	2539	0.2%
Калифорния	114146	0.29%	Индиана	9042	0.1%	Вирджиния	2366	0.3%
Пенсильвания	97421	0.8%	Миссури	8411	0.1%	Вермонт	2355	0.4%
Нью-Джерси	57597	0.6%	Теннеси	8063	0.1%	Арканзас	2339	0.1%
Флорида	56146	0.3%	Невада	7512	0.2%	Небраска	2262	0.1%
Вашингтон	55965	0.7%	Кентукки	5134	0.1%	Нью-Мексико	2135	0.1%
Иллинойс	54427	0.4%	Делавер	5081	0.5%	Гавайи	2064	0.1%
Огайо	42111	0.4%	Нью-Гемпшир	5047	0.4%	Аляска	2003	0.3%
Мичиган	39143	0.4%	Род-Айленд	4684	0.4%	Луизиана	1585	0.0%
Мэриленд	26305	0.4%	Айдахо	4405	0.2%	Западная Вирджиния	1468	0.1%
Массачусетс	25365	0.4%	Айова	4329	0.1%	Южная Дакота	989	0.1%
Техас	23779	0.08%	Канзас	4058	0.1%	Висконсин	922	0.2%
Северная Каролина	21107	0.2%	Северная Дакота	3887	0.5%	Миссисипи	849	0.0%
Орегон	18417	0.4%	Монтана	3739	0.3%	Вайоминг	813	0.1%
Аризона	17152	0.2%	Оклахома	3614	0.1%	Коннектикут	214	0.6%
Миннесота	17132	0.3%	Алабама	2737	0.1%	Южная Каролина	118	0.2%
Джорджия	15268	0.1%	Юта	2691	0.1%			

Источник: Current Population of United Statse of America. The 2020// U.S. Racial and Ethnic Makeup By Residents with One Race Reported// https://uscanadainfo.com/race-ethnicity-in-united-states/

Конъюнктурные колебания численности украинской диаспоры в США, однако, не повлияли на ее активность, которая постоянно возрастала, благодаря деятельности общественных организаций, оказывающих иммигрантам не только финансовую и материальную помощь, но и являющихся проводниками идеологии «украинства» как таковой.

Подобного рода организации начали появляться в США еще более 100 лет назад на волне первых украинских переселенцев за океан - Украинский народный союз (1883 г.), Украинский братский союз (1910 г.), Ассоциация украинских католиков, (1914 г.) и многие другие. Каждая из этих организаций имела собственный печатный орган, который в основном на протяжении многих десятилетий формировал украинскую идентичность в США, постепенно отстраивая ее от собственно русской идентичности, которая в конце 19 в. позиционировалась как единая по отношению к западному миру [Приложение 2, рис.2].

3.3. Механизмы формирования украинской идентичности в США. Наиболее характерным примером начала постепенной отстройки украинской идентичности от всего русскоязычного сообщества европейской части России является деятельность Украинского народного союза, издающего газету «Свобода», которая выходит в США и по сей день. С самого начала своего существования (1893 г.) и вплоть до 1910 г. эта газета, как и весь Украинский народный союз того периода, идентифицировали себя с малороссами и соответственно называлась либо газета русского народа, либо малороссийская газета, либо просто русская газета. Печаталась газета «Свобода» долгое время тоже на русском языке [Приложение 2,рис.3,4,5,6].

Но в 1914 г. при прямом финансировании со стороны Австро-Венгрии, откровенно стремившейся к украинизации малороссийской прессы и отделению Малороссии от России, газета «Свобода» начинает

издаваться уже с использованием украинского шрифта и подзаголовком «Урядовый (государственный) Орган УкраинсЬкого Народного Союза в Америці», что само по себе уже свидетельствует о выделения самостоятельной украинской общины в США. Правда, самоидентификация редакции газеты «Свобода» с Малороссией сохранялась еще довольно продолжительное время и присутствовала даже в англоязычных изданиях.

«*Деятельность украинских организаций в США*». Дальнейшая судьба украинских печатных изданий в США складывалась в непосредственной связи со стратегией развития всей украинской диаспоры и целеполаганием общественных организаций, формировавшихся внутри нее [*Шалыгина* 2021]. Наиболее представительным и координирующим органом всех украинских организаций США считается созданный еще в 1940 г. Украинский конгрессный комитет Америки (UCCA), который является национальной зонтичной организацией, объединившей несколько десятков национальных украинско-американских братств (около 1 млн американцев украинского происхождения). В состав UCCA вошли не только братские организации, но и образовательные, ветеранские, религиозные, культурные, социальные, а также профессиональные, политические и гуманитарные структуры (всего более 30 организаций). Кроме того, UCCA стал основателем Всемирного Конгресса украинцев (UWC) – международной ассамблее практически всех украинских организаций за пределами самой Украины. В Соединенных Штатах UCCA является и организацией-членом Центрально- и Восточноевропейской коалиции (CEEC), которая координирует усилия национальных этнических организаций, поддерживающих прочные культурные, экономические, политические и религиозные связи со странами Центральной и Восточной Европы, включая Украину [https://www.ceecoalition.us/].

Первый украинско-американский конгресс, собравшийся в мае 1940 г. (г.Вашингтон), включал в себя 804 делегата из 168 населенных пунктов

США, которые представляли крупные братские организации, Украинскую национальную женскую лигу Америки, украинские православные приходы и братства, Ассоциацию греко-католических русинских братств, национальные дома и политические клубы, включая хоровые, танцевальные и драматически самодеятельные объединения. На этом съезде была создана Федерация украинцев в Соединенных Штатах, которая объявила о своей миссии сохранять украинскую идентичность в иммиграции всеми доступными им средствами - финансовые сборы, поддержку образования, благотворительные, пропагандистские и политические акции и т.д. Для координации подобного рода мероприятий в Вашингтоне было создано Украинское информационное бюро во главе с американским политиком от демократической партии конгрессменом Джеймсом А. Хэмиллом (1877–1941 гг.). Позднее, уже в 1977 г., на базе Украинского информационного бюро в США была создана постоянно действующая организация при UCCA – Украинская национальная информационная служба (UNIS), которая получила официальные полномочия сотрудничества с членами Конгресса США и Украинским собранием при Сенате США.

Характерно, что Первый украинско-американский конгресс в 1940 г. продолжался всего один день и приоритетные позиции среди выступавших имели почти исключительно американские законодатели – член большинства в Палате представителей Патрик Дж. Боланд, декан Палаты представителей А.Дж. Сабат, сенатор Джозеф Ф. Гаффи, сенатор Джеймс Дж Денис, сенатор Фрэнсис Т. Мэлони, член Палаты представителей Дж. Гапрольд Фланнери, член Палаты представителей Льюис К.Рокфеллер, член Палаты представителей Джерри Вурхис, член Палаты представителей Фрэнсис Т. Уолтер и Кэролайн О’Дэй – первая женщина-демократ, избранная в Конгресс [The Washington Post 1940: 6]. На Конгрессе были представлены такие темы, как «В какой степени украинцы внесли вклад в развитие Америки?», «Наша помощь Украине» и т.п.

Всего в США было проведено 22 Конгресса UCCA (последний датируется 2019 г.), которые, начиная уже с 1940-х годов, стали называться «Конгрессами американцев украинского происхождения». Для каждого заседания и непосредственно под кураторством официальных структур США разрабатывалась своя собственная повестка, определявшаяся развитием исторической ситуации в мире и той роли, которую украинцы должны были играть в этом процессе. Однако помощь со стороны официальных лиц правительства США и средств массовой информации, с точки зрения представителей украинской диаспоры, не всегда была последовательной. Например, при подготовке и проведении Второго конгресса UCCA (1944 г.), когда рассматривался вопрос о вступлении Украины в Организацию Объединенных наций, делегаты Конгресса высказывались в том духе, что ощущают русофильские настроения среди представителей американской прессы и в целом недостаточную поддержку «украинства» в США. Тем не менее, на Втором Конгрессе была одобрена американо-украинская программа по сближению во время войны и создание Объединенного украинско-американского Комитета помощи жертвам войны и беженцам [Resolutions Passed at the Second Congress of Americans of Ukrainian Descent].

Во время Третьего Конгресса американцев украинского происхождения, состоявшемся в мае 1946 г. в г. Вашингтоне, делегаты официально приняли идеалы Атлантической хартии 1941 г., известные как «четыре свободы» Франклина Делано Рузвельта и Уинстона Черчилля – свобода слова, свобода вероисповедания, свобода от нужды и от страха. И, хотя на Третьем Конгрессе официальных представителей США также не было, установка украинских делегатов на принятие идеалов американской власти была зафиксирована формально и, став частью меморандума UCCA, практически сразу же была доведена до сведения делегатов Парижской мирной конференции 1946 г. [«Известия» 1946], где собрались

представительства стран всего мира. Кроме того, по итогам Третьего Конгресса (1944 г.) UCCA получила возможность координировать украинско-американские усилия по принятию Закона 1948 г. о перемещенных лицах, предусматривавшего въезд в США более 200 000 человек, 85 000 из которых были украинцами [The Story of the Ukrainian Congress Committee of America 1951: 29]. Благодаря спонсорской помощи благотворительных организаций UCCA, к 1952 г., таким образом, численность украинских иммигрантов в диаспоре практически удвоилась [The Ukrainian Heritage in America. New York: Ukrainian Congress Committee of America. 1991: 23–71]. Украинская диаспора в США, как было отмечено на Четвертом конгрессе, начала расширять свою географию и включила в себя Панамериканскую конференцию украинцев, Украинско-Канадский конгресс, Центральное представительство Украины в Аргентине и Общество друзей украинской культуры в Бразилии.

На Четвертом Конгрессе украинцев американского происхождения в США (ноябрь 1949 г.), собравшем 472 делегата из различных регионов США, было отмечено, что начал меняться и состав диаспоры, пополнявшийся после войны за счет вновь прибывавших украинцев из СССР, которые заметно отличались от предыдущих периодов, когда в США переезжали в основном неграмотные политические беженцы, спасавшиеся от голода, нищеты и политических преследований. Украинские источники отмечают высокий уровень образования послевоенных переселенцев, обучавшихся в советских школах и, как правило, имевших 10 классов образования или диплом о среднетехническом и даже университетском образовании, профессиональные навыки и т. д. Подчеркивалось, что новоприбывшие принесли с собой организационный склад ума, который в итоге привел к появлению и процветанию в Америке таких организаций, как Украинско-американская молодежная организация, Федерация украинских студенческих организаций Америки, Организация

демократической украинской молодежи и Научное общество Шевченко [The Ukrainian Heritage in America. New York: Ukrainian Congress Committee of America. 1991: 23–71]. При этом факт социально-экономического развития СССР в предвоенные и послевоенные годы, заложившего основы всей советской системы массового образования в стране, в качестве основной причины появления в США высокообразованных украинцев даже не рассматривался, а квалифицировался как «соблазны коммунистического марксизма» [Free World Call Made By Truman 1949].

Следует упомянуть, что, например, по данным Центрального статистического управления при Совете Министров СССР, в Украинской Советской Социалистической республике в период 1940–1960 годов отмечен второй (после РСФСР) показатель роста при подготовке рабочих в школах и профессиональных училищах: 1946 г. – 93,0 тыс. человек в год, 1952 – 112, 7 тыс. человек в год, 1960 – 133,4 тыс. человек в год [Женщины и дети в СССР 1969: 147].

С другой стороны, факт переезда в США наиболее образованной части украинской молодежи в 1950-х годах пусть косвенно, но свидетельствовал об укреплении идеологического ресурса диаспоры, ориентированной на полноценное взаимодействие с американской властью. О самом настрое иммигрантской молодежи 1950-х годов, переезжающих в США, свидетельствовало, в частности, и то, что они зачитывали на Конгрессе приветствия переселенцам, а также предоставляли отчеты о своих соотечественниках на Украине, их перемещениях, занятиях, ориентациях на будущее и т.п., подчеркивая тем самым неразрывную связь между украинцами в США и соотечественниками на Украине. Из послания президента США Гарри Трумэна IV-му Конгрессу американских украинцев: *«Вас следует похвалить за ваш интерес и участие в нашей демократии, а также за интерес и усилия по оказанию помощи вашим родственникам за рубежом, которые не могут пользоваться преимуществами свободного*

общества, которым нам в Соединенных Штатах повезло пользоваться» [Resolutions 1951: 29].

Внимание к послевоенному IV-му Конгрессу американцев украинского происхождения проявили также заместитель государственного секретаря США Герберт А. Фирст, редактор «Свободы» Лука Мишуха, директор Службы иммиграции и натурализации США Эдвард Дж. Шонесси и президент основатель недавно созданной «Всемирной федерации украинских женских организаций» Елена Кисилевская, которые призывали вновь прибывающих из СССР украинцев «поделиться правдой о жизни за Железным занавесом» [Resolutions 1951: 29]..

Проведение V-го Конгресса (4–6 июля 1952 г.) американцев украинского происхождения, на который собрались уже 799 делегатов из 25 штатов, было ознаменовано обращением Министра внутренних дел США Оскара Л.Чепмена к присутствующим с речью о важности украинской культуры для США и ее гармоничном развитии во взаимодействии с американской культурой [The Ukrainian Heritage in America 1991: 23–71]. Наиболее примечательной особенностью V-го Конгресса стало присутствие генерал-лейтенанта армии США и бывшего директора Манхэттенского проекта Лесли Гроувза, сотрудника Совета национальной безопасности США Эдварда О'Коннора и адмирала в отставке Алана Кирка, которые сделали доклады по международной обстановке, холодной войне с СССР и кампании на Корейском полуострове, обозначив тем самым путь к солидарности украинских иммигрантов с международной стратегией США.

Сближение UCCA с американскими правительственными структурами как во внутренней, так и во внешней политике США продолжалось и на всех последующих конгрессах, проводимых украинскими американцами, все более и более противопоставлявшими себя таким образом русской диаспоре. На VII Конгрессе (1959 г.), где собрались делегаты от польской, литовской, латвийской, белорусской, чешской и

словацкой диаспор, обсуждалась тема некой насильственной русификации славянских народов и противостояния этой политике в иммиграции. Было предложено усилить политическую составляющую вещания «Голоса Америки» среди всех этнических сообществ Советского Союза, проживающих в США. На VIII съезде украинских американцев (октябрь 1962 г.) с докладом выступил Джон Балкунас, Президент Конференции американцев центрально- и восточноевропейского происхождения, в котором также провозглашалась политика противостояния русской культуре в целом.

Если учесть, что Украинской Конгрессный комитет Америки фактически объединял представителей всех общественных организаций украинцев в США, то следует сделать вывод и о единой для них политической и идеологической платформе, формировавшей долгие десятилетия их собственную этнокультурную идентичность, принципиально «отстроенную» от Русского мира в целом и при этом находившуюся под непосредственной опекой со стороны американских государственных органов. Список украинских общественных организаций в США сегодня насчитывает десятки названий и отражает фактически весь спектр социально активных структур, формирующих лидеров мнений в диаспоре: Совет помощи украинцам» (RODU), Образовательный совет (UCCA), Федерация украинских общественных организаций Америки (SUSTA), Организация защит «четырех свобод для Украины» (ODFFU), Организация защиты Левкищины (OOL), Организация за возрождение Украины (ODWU), Украинско-американская ассоциация юристов (UABA), Украинско-американский фонд свободы (UAFF), Украинско-американская молодежная ассоциация (UAYA/SUMA/CYM), Украинский комитет по правам человека, Украинская медицинская ассоциация Северной Америки (UMANA), Украинская национальная ассоциация (UNA), Украинская национальная ассоциация кредитных союзов (UNCUNA), Украинская

национальная информационная служба (UNIS), Объединенный украинско-американский комитет помощи (UUARC), Женская ассоциация защиты «четырех свобод для Украины» и т.п.

В задачи данной диссертации не входит подробный анализ деятельности каждой из указанных организаций, сформированных в рамках украинской диаспоры в разное время и с различными целями. Важно то, что все общественные организации украинцев фактически представляли собой зонтичную структуру, функционирующую, как уже было упомянуто, на единой идеологической платформе и охватывающей все важнейшие сферы социальной жизни иммигрантов. Тем не менее, активность, например, женских общественных организаций украинцев в США носила вполне самостоятельный характер, ориентируясь по большей части на международные структуры женского движения и формируя у своих членов феминистскую идентичность как часть политической борьбы за независимость Украины [*Шалыгина* 2024: 40–46].

Первые украинские организации женщин в США, появившиеся еще в начале XX в. своей основной задачей ставили как можно более быструю аффилиацию с международным женским движением, представленным в США многочисленными организациями из разных стран. Таким образом, как предполагали женщины-активистки, сама украинская диаспора в США могла бы оказывать действенную поддержку соотечественникам на Украине в их борьбе за независимость своей страны [*Шалыгина* 2024].

Активность украинских организаций совпадала и с целями профсоюзных организаций США, которые на протяжении всех первых десятилетий XX в. вели активную работу по обучению и вовлечению мигрантов в деятельность международных институтов, планируя таким образом облегчить их [*Шалыгина* 2024] положение в новой стране проживания [*Шалыгина* 2024]. Однако, по мнению многих современных американских исследователей, в подоплеке активного процесса

американской помощи иммигрантам в начале XX в. лежало не столько стремление к реальному улучшению их положения в стране нового проживания, сколько опасение, что быстро растущее число различных этнических сообществ, являясь носителями своих собственных культурных традиций, может угрожать безопасности страны, лишая ее население чувства национального единства и преданности американскому государству *[Шалыгина* 2024]. Особенное беспокойство американских властей вызывало то обстоятельство, что английским языком не владели 34% мужчин призывного возраста, которые в военной обстановке не понимали приказы на английском языке. По данным Бюро переписи населения США, в 1910 г. в Соединенных Штатах проживало 13 млн иностранцев, и из них почти 50% не могли говорить по-английски [*Шалыгин*а 2024].

Государственную политику тотальной американизации поддерживали и частные агентства, такие, как Ford Motor Company, например, а также многие религиозные организации (как протестантские, так и католические) – Национальный католический совет, «Рыцари Колумба» и другие. Не меньшую активность по американизации иммигрантов проявляли и патриотически настроенные структуры в США («Лига национальной безопасности», Национальная торгово-промышленная палата), в число которых входили и некоторые женские организации – «Сыновья и дочери американской революции», «Колониальные дамы Америки» и др. [*Шалыгина 2024*]. Национальная федерация женских клубов даже приняла всеобъемлющую программу помощи иммигрантам по их быстрейшей интеграции в американское общество, обеспечивая переселенцам содействие при оформлении документов, воссоединение семей, предоставление переводчиков и информацию о трудоустройстве, своевременно предупреждали о мошеннических действиях и в случае нужды обеспечивали доступ к адвокатам [*Шалыгина* 2024].

С другой стороны, двойственность позиции крупнейших институтов США в отношении иммигрантов не всегда устраивала те международные организации, которые проводили политику культурного плюрализма в стране. С их точки зрения именно политика культурного плюрализма, а не тотальная американизация способна облегчить интеграцию иммигрантов в американское общество, причем не только за счет обеспечения переселенцев жильем, работой, образованием, медицинским обслуживанием и т.п., но и учитывая при этом специфику их культурных традиций [*Шалыгина* 2024].

Политика культурного плюрализма, начавшая проводиться международными организациями США уже в первой трети XX в., оказалась как нельзя более созвучна и идеям разрозненных на тот момент небольших женских организаций украинцев в США, создаваемых там иммигрантами на волне сочувствия к деятельности Союза Українок в Западной Украине 1920-х годов. Активность женских украинских организаций чаще всего проявлялась в волонтерском участии при строительстве церквей, научных и культурных учреждений, организации образования детей на украинском языке и т.п. Но в перспективе небольшие организации украинских женщин планировали объединиться для решения более фундаментальной задачи сохранения и развития украинской идентичности в условиях иммиграции. Идея объединения окончательно сформировалась еще в 1925 г., когда на Генеральной ассамблее Международного совета женщин (ICW), Национальный совет женщин Украины (NCW) был исключен из этой крупнейшей международной организации, созданной еще 1888 г. Причиной принятия решения об исключении NCW стал тот факт, что на момент проведения Генеральной ассамблеи ICW в 1925 г. Украина уже стала частью СССР, а, согласно уставу ICW, членами этой организации могли быть только представители суверенных государств [*Шалыгина* 202]).

Объединение украинских женских организаций США состоялось лишь два десятилетия спустя, когда в 1945г. была создана самостоятельная Украинская национальная женская лига Америки (UNWLA). Планировалось, что организация объединит женщин украинского происхождения в иммиграции и будет заниматься культурной и благотворительной деятельностью, развитием образования и в целом поддержкой украинцев за рубежом. Но основной, стратегической целью UNWLA стало сохранение культурного наследия соотечественников и их национальной идентичности в США [*Шалыгина* 2024].

С момента своего официального признания в 1948 г. UNWLA стала первой этнической организацией в США, вошедшей в структуру Всеобщей федерации женских клубов (GFWC), что на практике означало возможность участия в национальных и международных мероприятиях наравне с другими американскими женскими организациями. В том же 1948 г. UNWLA стала одним из основателей Всемирной федерации украинских женских организаций (WFUWO), и этот шаг не только значительно увеличил возможность доступа украинских женщин в сектор международных неправительственных организаций (НПО), но и фактически обеспечил им прямое участие в деятельности Организации Объединенных наций (*Fox* 2012: 13–21). В начале 1950-х гг. UNWLA была принята и в Национальный совет женщин США (NCW), а одна из самых активных членов этой организации Ирина Куровицкая в 1993 г. даже заняла высший пост NCW, став Президентом американской ассоциации женщин. В период с 1999 г и вплоть до 2008 г. И.Куровицкая возглавляла и UNWLA [*Шалыгина* 2024].

В отличие от Американской ассоциации русских женщин в США (ААРЖ), характерной чертой UNWLA с самого начала ее существования является содействие усилению этнической идентификации украинской диаспоры в США. Тенденция к укреплению собственной этнокультурной

идентичности в женских организациях украинских иммигрантов заметно усилилась к 2019 г., что и было отмечено сотрудницей Центра гендерных исследований Европейского университета (г. Санкт-Петербург) Ириной Кошулап в процессе проведения полевых исследований среди активисток этих организаций [Шалыгина 2024]: «*Для большого количества женщин UNWLA стала делом их жизни – это было пространство, которое они создали для себя, пространство, где они могли реализовать свои амбиции, развить свои навыки, стать частью достойного дела… Принятие «национального дела» придавало силы, потому что они верили в его важность, но также и потому, что это позволяло им научиться подавать петиции своим сенаторам или международным организациям и общаться с местной прессой, когда они хотели исправить какую-то информацию, связанную с Украиной, или объяснить разницу между Россией и СССР»* [*Шалыгина* 2024]. В отношении перспектив развития украинской женской организации в США каких-либо серьезных разногласий в научном дискурсе не возникает, так как стратегия их развития, определенная еще в начале XX в., фактически не меняет своего главного направления – укрепление украинской идентичности в США. Однако стремление к интеграции в мировое женское движение неизбежно ведет к принятию и его ценностей [*Шалыгина* 2024], что придает всему женскому движению украинок в США достаточно сложный характер, совмещающий в себе как сугубо националистические идеи, так и идеи мирового феминизма – интерсекциональность, инклюзивность, небинарность и т.п., бросающие вызов одномерным гендерным идентичностям. Членство зонтичной организация украинских женских структур в США в международных организациях (Национальный совет женщин США, Всемирное движение матерей и др.), таким образом, представляет собой идеологической инструмент воздействия на общественное сознание украинских иммигрантов в США [*Шалыгина 2024*] и активизирует развитие у них новых

форм как гендерной, так и этнокультурной идентичности в целом [*Шалыгина* 2025: 217–223].

Средства массовой информации. Зонтичный принцип организации распространялся на только на устройство общественных структур украинской диаспоры в США, но и на ее средства массовой информации. По данным американского историка украинского происхождения Л.Р. Виннера, за все время существования украинских общин в США появилось примерно 420 украинских печатных изданий, которые выходили в свет с разной периодичностью, но регулярно - еженедельно, два раза в неделю, ежемесячно или раз в квартал [*Wynar* 1986: 202]. Не все издания украинской диаспоры дожили до сегодняшнего дня, но сам процесс производства украиноязычной прессы в США фактически не прекращался. В конце XX – начале XXI в. несомненными лидерами украинской прессы в США являлись такие газеты, как «Свобода» и «Время и события», еженедельники «Народная воля» и «Национальная трибуна», «Украинские вести», ежемесячник «Наша жизнь». Общий тираж периодических изданий на украинском языке в США достигал 189 221 экз. в месяц [*Wynar* 1986: 202].

По мнению исследователей украинской периодики в США, украинское общество, оторванное от исторической родины, вынуждено было само заботиться о собственной печати, которая, существуя в качестве составной части различных культурных, общественных, религиозных организаций, финансировалась исключительно на их добровольные пожертвования [*Панарин* 2002: 259]. По этому принципу, например, в 1950-годах создавалась так называемая Нью-Йоркская группа, первоначально объединявшая украинских поэтов-авангардистов, творческая деятельность которых началась в Нью-Йорке. Постепенно группа разрослась, включив в себя украинских писателей, художников и журналистов в иммиграции – Эмму Андиевскую, Женю Васильковскую, Веру Вовк, Богдана Рубчака, Романа Бабовала и др. Члены группы имели общее эмигрантское наследие

и сильную озабоченность чистотой украинского языка, но при этом объединяло также и общее желание дистанцироваться от чрезмерно националистических идей предыдущего поколения. В последующем Нью-Йоркскую группу нередко называли «украинскими шестидесятниками» в иммиграции, стремящимися к послевоенному возрождению Украинской культуры в США.

Однако Нью-Йоркская группа была, скорее, исключением в истории развития украинских медиа за океаном. Значительно большей популярностью и воздействием на массовое сознание иммигрантов с самого начала пользовались многочисленные профильные издания, популяризирующие деятельность профильных и политических объединений. За последние годы в информационном пространстве украинской диаспоры США появились «Известия Общества украинских инженеров», «Врачебный вестник», «Украинский журналист», «Украинский историк» и т.п. Чрезвычайно востребованными (особенно среди молодежи) являются публикации о стипендиальных программах или информация о награждении стипендиями одаренных украинцев, сообщения о новейших разработках в IT-сфере, объявления о стартапах и международных проектах. Общество Тараса Шевченко, например, имеет свою постоянную страницу в журнале «Свобода», где можно ознакомиться с проведенными конференциями и новейшими исследованиями в области языкознания, литературоведения, истории. Украинская свободная академия наук регулярно информирует о выпуске сборников своих научных трудов. Различные молодежные объединения (например, Национальная скаутская организация «Пласт») на страницах собственных печатных органов «Юношеский мир», «Пластовый путь», «Информационный бюллетень» освещают свою деятельность по сохранению украинской идентичности и социокультурного развития будущих поколений (награждения

стипендиями, баллы дебютанток, спортивные соревнования, различные культурные симпозиумы и др.).

Проблемам образования посвящены сообщения в журнале «Начальная школа», газетах «Время и события», «Мост», «Свобода». На страницах украинской периодики широко освещаются события, связанные с функционированием и научной деятельностью украинских университетов, которые хотя и находятся, например, в Европе (Украинский свободный университет), но являются своего рода барометром, указывающим на состояние украинской высшей школы также и для американских украинцев, ее роли в деле сохранения национальной идентичности. Общая доля публикаций в периодических изданиях о перспективах развития украинского образования и науки составляет приблизительно около 12% всех материалов [*Мерфи* 2007: 201]. Кроме того, украинские периодические издания в США являются и своеобразным репрезентативным источником украинской литературы, как классической, так и современной. Литературные произведения представлены в рубриках «Литературная страница», «Культура», «Из редакционной почты», «Новости литературы и искусства».

Даже краткий обзор украинской периодики на страницах интернета за последнее время позволяет сделать вывод о том, что периодическая печать диаспоры является агитатором и проповедником идей независимости Украины, контактом, который обеспечивает духовную связь иммигрантов и их потомков с родиной и различными группами в рамках диаспоры, обмен мнениями и источником знаний об исторической родине, языке, культуре.

Тем не менее, следует уточнить, что даже согласно экспертному мнению самих украинских журналистов, украинские СМИ в США почти на 90% работают за счет американских грантов (данные Оксаны Романюк, эксперта украинской общественной организации «Институт массовой информации»). Например, Программа партнерства СМИ Украины (UMPP)

с 2002 г. осуществляет широкую поддержку сотрудничества между украинскими и американскими медиа и направлена на создание четырех проектов ежегодно, включая и небольшие города самой Украины. Сама UMPP финансируется Бюро по вопросам образования и культуры Государственного департамента США через Отдел по связям с общественностью. Основная цель UMPP – обучать украинских журналистов по всей территории США (350 человек ежегодно), адаптировать их журналистские навыки к американским условиям [https://www.government-grants-for-women.net/opportunity/ukraine-media-partnership-program/50455].

Тем не менее, несмотря на регулярную поддержку украинских медиа со стороны Госдепартамента США, сравнивая сложившуюся ситуацию с достижениями других этнических общностей в США, следует отметить, что украинская диаспора значительно уступает в своей политической активности латиноамериканской или, например, азиатской, которые достигают значительно больших высот в процессе интеграции в американские институциональные структуры.

Американское образование как инструмент влияние на украинскую идентичность. В сфере образовательной деятельности одну из ведущих позиций по укреплению украинской идентичности иммигрантов в США занимает Украинский научный институт Гарвардского университета, основанный в 1973 г. ведущими украинистами во главе с Омельяном Прицаком. Гарвардский украинский исследовательский институт (HURI) был создан в 1973 г. (г. Кембридж, штат Массачусетс, США) и с тех пор является крупным научным центром по изучению украинского языка, истории и литературы (A guide to Ukrainian). В HURI проводятся научные исследования в области антропологии, археологии, а также истории искусства, социологии, культурологии и других смежных дисциплин. Институт публикует «Гарвардский журнал украинских исследований», серии коллективных научных трудов, а также бюллетень «Перспективы

современной Украины» и т.п. Еженедельно проводятся семинары по украинской тематике, а с 2001 г. – тематические встречи с исследовательскими группами, разрабатывающими актуальные проблемы в сфере политики и сохранения украинской идентичности [*Шалыгина* 2021].

Родительской организацией HURI является Гарвардский университет, который, как и другие частные университеты США, имеет 4 основных источника финансирования: 1) доходы от научных исследований, которые проводятся по заказу частных компаний и государственных организаций; 2). Доходы от патентов, принадлежащих вузу; 3). Оплата стоимости обучения студентами; 4). Эндаумент, т.е., собственность университета, которая возникла в результате пожертвований (земля, недвижимость, сдаваемая в аренду, финансовые вливания жертвователей). Украинский гарвардский университет финансируется Гарвардским университетом, который, к примеру, начиная с 1990 г., получил от основателя инвестиционного фонда Citadel Кеннета С. Гриффита пожертвований на сумму не менее $75 млрд. [https://www.chicagotribune.com/business/ct-biz-forbes-billionaires-illinois-20180306-story.html].

Приблизительно в том же ключе функционирует и Научное общество им. Шевченко (Shevchenko Scientific Society, SSS), одна из старейших академических организаций украинцев США, основанная еще в 1873 г. во Львове. Ликвидированное советской властью в 1939 г., это научное сообщество было восстановлено в 1947 г. уже на территории США, сохранив не только принципы и идеологию своей организации, но и архивы с материалами по истории Украины (включая историю украинской диаспоры), а также специализированную библиотеку и коллекции произведений искусства, находящиеся сегодня в ее штаб-квартире в Нью-Йорке. Одной из важнейших функций SSS является финансирование научных конференций, симпозиумов, еженедельных публичных лекций по украинской тематике при тесном сотрудничестве с крупнейшими американскими научными

институтами, занимающимися украинскими исследованиями. Само существование (особенно после 1991 г.) большого количества украинских научных учреждений в крупных городах США убедительно свидетельствует о том, что украинская иммиграция четвертой волны к началу 2000-х годов уже состоялась и приобрела весьма внушительный инструмент воздействия на сознание молодых членов диаспоры, тем самым обеспечивая себе преемственность в сохранении украинской идентичности среди новых поколений [*Шалыгина* 2021].

В начале второго десятилетия XXI в. Центр демографических и социоэкономических исследований опубликовал в «The Ukraine Weekly» данные проведенного сравнительного исследования украинцев с остальным населением США по таким параметрам, как уровень образования, профессия, процентное количество владельцев бизнеса, уровень бедности, доход в расчете на семью и стоимость дома. Данные анализировались на уровне страны и по крупным городам, в которых проживает 2000 или более украинцев: Нью-Йорк – 160 тыс., Филадельфия – 60 тыс., Чикаго – 46 тыс., Лос-Анджелес – 44 тыс., Детройт – 33 тыс. Это дало возможность объективно сравнить социоэкономический статус американцев украинского происхождения с остальным населением США, а также их количество в профессиях, связанных с политикой и средствами массовой информации [*Wolowyna* 2015].

Параллельно было проведено исследование по изучению занятости украинских иммигрантов последних волн, основанное на изучении специализированных украинских СМИ. Несмотря на определенную ограниченность такого подхода, полученные данные, как видно из таблицы, все же дают некоторое представление об экономическом статусе украинской диаспоры в современных США. Например, безработица среди украинцев на 2-3% ниже, чем в целом по США; количество бизнесменов среди украинцев на 5% выше,чем в среднем по США. Особо показательны

комментарии к полученным статистическим данным в различных сферах профессиональной занятости [Прилолежение 2, рис. 7]. Отмечается, что процентное количество украинских телеведущих в США, оказалось крайне малым, а количество аналитиков, репортеров и редакторов в этой сфере, напротив, значительно превышало средние показатели по стране. Комментируя полученные результаты такого рода, сами украинские исследователи объясняют данный факт тем, что их соотечественники в США предпочитают «…не выставлять свое происхождение напоказ» [*Шалыгин*а 2021].

Не менее показательны и результаты проведенного исследования по сравнению доходов украинских иммигрантов и американцев [Приложение 2, рис. 8]. Комментарии по поводу доходов украинских иммигрантов, приводимые в исследовании, включают и данные в абсолютных числах: так, средний доход в расчёте на семью среди украинцев в 2010 г. был заметно выше, чем у населения страны в целом – 59 200 и 52 100 долл. соответственно. Самые высокие доходы были отмечены в Стэмфорде (штат Коннектикут) – 159 тыс. долл., Вашингтоне (округ Колумбия) – 103 тыс. долл. и Сан-Хосе (штат Калифорния) – 100 тыс. долл. Самые низкие (36 тыс. долл. и ниже) – в Эшвилле (Северная Каролина), Сарасоте (Флорида), Спокейне (Вашингтон) и Сакраменто (Калифорния). Во всех этих городах, кроме Сарасоты, более половины украинцев – иммигранты четвертой волны.

Таким образом, данные, приведенные Центром демографических и социоэкономических исследований, демонстрируют весьма ощутимые успехи украинских иммигрантов в США. Но, по мнению некоторых украинских аналитиков, успешность украинской диаспоры в США сильно преувеличена. Как полагает И. Винниченко, советский и украинский историк, этногеограф, директор общественного Института исследований диаспоры (Иллинойский университет), продвижение его соотечественников

на вершины властных структур было отмечено лишь в единичных случаях и, судя по всему, лишь в определенные отрезки времени, когда в американском обществе складывалась достаточно благоприятная для их продвижения конъюнктура. Например, В. Дудич, личность достаточно известная в штате Иллинойс, в 1993 г. становится сенатором этого штата. Видный американский правовед украинского происхождения А. Лозинский в те же годы возглавил Всемирный конгресс украинцев.

Известный юрист Б. Футей в 1993 г. получил пост федерального судьи США, после чего неоднократно бывал с группой американских правоведов и предпринимателей на Украине, организовывая различные конференции, симпозиумы, семинары, а также консультируя украинских юристов и правоведов по созданию нового законодательства и обустройства судебной системы в самой Украине [*Vynnychenko* 1993:69]. Среди высокопоставленных американских политиков можно также упомянуть и первого посла США в Украине Р. Попадюка (1992–1993 гг.), дивизионного генерала армии США, советника министра обороны М. Кравцива и некоторых других. Тем не менее, имена высокопоставленных американских украинцев никогда не были известны основной массе представителей диаспоры в США и, насколько можно судить по разговорам с самими представителями украинской диаспоры, не являлись примером для подражания для основной массы украинских иммигрантов, так как на их повседневную жизнь высокопоставленные политики и чиновники украинского происхождения никогда не оказывали какого-либо ощутимого влияния.

В последующие годы успешность украинских иммигрантов чаще проявлялась в бизнесе, чем в политике или в общественной деятельности. Причем, если в Канаде некоторым украинским иммигрантам удалось построить мощные финансовые империи (например, Е. Мельник, миллиардер, владелец клуба НХЛ «Оттава Сенаторс»), то в США их

экономической основой стал малый и средний бизнес в пищевой промышленности и туризме, а также церковь, кредитные союзы, банки и магазины. В крупном бизнесе себя реализовали единицы американских украинцев, но их успех получил достаточно весомый общественный резонанс и в той или иной мере повлиял (и продолжает влиять) на укрепление этнической идентичности иммигрантов в целом [*Шалыгина* 2021].

Значительных успехов в США добился, например, Дж. Гинянский, владелец компании *Winner Group* в Делавере (штат Пенсильвания), занимающейся продажей дорогих автомобилей, а также строительным бизнесом. Еще одним известным украинским иммигрантом считается М. Блейзер, переехавший в США из СССР в 1978 г. и уже к началу 1980-х годов ставший, по версии Forbes, одним из четырех наиболее успешных иммигрантов из Советского Союза, а с 1993 г. - главой Международной инвестиционной компании *SigmaBleyzer* [*Шалыгина* 2021]. По словам М. Василика, старшего вице-президента PBN Company, крупная украинская предпринимательская деятельность в США сосредоточена прежде всего в руках «детей иммигрантов, которые успешно ведут бизнес в сфере компьютерных технологий, металлов, нефти и банковской деятельности» [*Шалыгина* 2021].

Престиж крупного украинского бизнеса в США работает на укрепление идентичности еще и в том смысле, что свои активы бизнесмены нередко переводят на историческую родину, т.е. на Украину. Так, к началу 2000-х годов крупнейшими украинскими активами *Sigma Bleyzer* стали телекоммуникационная компания «Воля», Севастопольский морской завод, «Полтава-кондитер», Запорожский мясокомбинат, Мелитопольский завод тракторных гидроагрегатов и разработчик информационных систем управления «Софтлайн».

Характерной чертой успешных украинских иммигрантов в США является тот факт, что они гордятся своим происхождением больше, чем их соотечественники, живущие на родине, которые восхищение иммигрантов своей принадлежностью к украинской нации порой воспринимают как чудачество, как и их новые жизненные ценности и приоритеты, связанные с языком, отношением к религии и т.п. [*Шалыгина* 202]. Но при этом речи о возвращении на родину среди представителей успешных украинских иммигрантов не идет. По словам А. Гундера [*Письменная* 2014], директора по внешним связям и коммуникациям представительства *GlaxoSmithKline,* состоявшиеся украинские иммигранты («те, у кого получилось»), кто все-таки иногда приезжает на Украину, на самом деле тяжело переживают отсутствие на родине комфорта и правил поведения в повседневной жизни, ставших для них привычными в США, «*…когда, например, соседи не могут одновременно закончить ремонт в своих квартирах, когда некуда сходить поиграть в гольф, когда слишком дороги потребительские кредиты и т.п.»* [*Шалыгина* 20221].

Еще более сложными для украинских бизнесменов, сталкивающихся с реалиями жизни на родине, оказываются культурные различия в построении корпоративных и деловых отношений в целом. «*Главное,* – считает А. Мак, партнер юридической фирмы «Магистр & Партнеры», намеревавшийся «раскрутить» свой бизнес на Украине, – *не пытаться здесь всех учить, как правильно работать. Это вызывает недоумение и даже агрессию. Важно понимать специфику здешнего делового мира… для украинских компаний важны личные отношения… тут нужно дружить с партнерами или клиентами… а в США деловые отношения носят достаточно формальный характер*…» [*Шалыгина* 2021].

Знания особенностей американской деловой среды, с которой неизбежно сталкивается любой иммигрант, поставивший своей целью достичь успеха в США, без всякого преувеличения становятся для него

определяющими. С точки зрения британского эксперта Р. Льюиса, главы международного консалтингового центра, предоставляющего услуги в сфере кросс-культурного взаимодействия «Richard Lewis Communications», американская деловая культура относится к категории так называемых *моноактивных,* в отличие от *полиактивных*, объединяющих, например, итальянцев, латиноамериканцев, и *реактивных*, т.е. «слушающих», объединяющих жителей Японии, Китая, Тайваня, Сингапура, Кореи, Турции, Финляндии и т.п. В моноактивных культурах принято планировать свою жизнь, составлять расписание, организовывать деятельность в определенной последовательности, занимаясь в данный момент только одним делом. Представители американской деловой культуры считают, что при линейной организации труда можно действовать более эффективно и добиваться значительно больших результатов. «Американские бизнесмены обладают репутацией самых жестких деловых людей в мире, тем не менее с ними во многих отношениях легче всего иметь дело. Это вызвано тем, что их философия проста. Их цель – заработать как можно больше и как можно быстрее, используя для достижения этой цели такие средства, как упорный труд, быстрота действий, приспособленчество и власть (в том числе и власть самих денег). В принятии деловых решений они, как правило, не руководствуются сантиментами и считают, что доллар... всемогущ. Такое целенаправленное стремление американцев к получению прибыли часто воспринимается как безжалостное» [Шалыгина 2021].

Результаты включенного наблюдения диссертанта свидетельствуют, что среди всех постсоветских иммигрантов четвертой волны в США украинцы проявляли наибольшую готовность как можно быстрее освоить азы делового поведения в стране своего нового проживания и стать полноправной частью ее социально-экономической структуры. Однако далеко не все характерные черты американской культуры им удавалось

перенять легко и без потерь для своей профессиональной и личностной самоидентификации.

История Андрея С. (32 года), молодого украинского хирурга, приехавшего в США по туристической визе, но оставшегося здесь навсегда, является ярким примером преодоления тех трудностей, с которыми молодые профессионалы сталкиваются в иммиграции. Андрей, будучи украинцем по происхождению, получил медицинское образование советского образца, которое позволило ему начать делать успешную карьеру в одной из государственных клиник г. Омска. Однако начавшиеся в стране перемены и обострение этнонациональной ситуации в середине 1990-х годов спровоцировали усиление украинских акцентов в его личностной самоидентификации, что в результате и привело к решению эмигрировать в США. Сценарий интеграции в американскую социально-экономическую структуру в случае с Андреем С. был один – получение грин-карты любым способом и сдача экзаменов на подтверждение российского диплома врача. И, если получение грин-карты благополучно разрешилось с помощью женитьбы на девушке, у которой эта крин-карта уже имелась, то подтверждение медицинского диплома оказалось достаточно проблематичным.

Из интервью с Андреем С. (2005 г., Сан-Франциско): *«…Прежде всего твой ВУЗ должен входить в список вузов, имеющих в США право на подтверждение диплома (ECFMG – Educational Commission for Foreign Medical Graduates) … Потом надо сдать экзамен на сертификат USMLE (United States Medical Licensing Examination): Step 1 и Step 2, который в свою очередь делится еще на два экзамена Clinical Knowledge (теория) и Clinical skills (практика). Шаг 1 – это основной медицинский экзамен, который надо проходить в виде тестирования на компьютере, и в котором 370 вопросов! Длится этот экзамен, кстати, около 8 часов с 45-минутным перерывом. Шаг 2 – это 400 вопросов, и проводится он также в виде*

компьютерного тестирования. Основными предметами являются патология, физиология, фармакология, микробиология, анатомия с подчеркнутой нейроанатомией, биохимия и "behavioral science" – смесь психиатрии со статистикой и деонтологией. А еще туда же включают и интердисциплинарные предметы – эмбриологию, генетику и молекулярную биологию. Но самое крутое – все экзамены сдаются на английском языке! А правильный ответ в каждом тесте только один. И еще: в среднем на каждый вопрос теста отводится чуть больше минуты… Английский надо знать на хорошем профессиональном уровне, а у меня с этим не очень хорошо было сначала… Но если все это удается пройти и получить сертификат, то потом еще надо подать заявление на резидентуру (т.е., врач-стажер) и пройти систему "Match", т.е. получить место в больнице США и отработать там по специальности от 3 до 5 лет. Но это уже легче, потому что стажировка неплохо оплачивается – от 45 до 55 тысяч долларов (в год) и можно нормально жить… не как все врачи в Штатах, но вполне приемлемо. Через какое-то время ты начинаешь рассылать заявления на прохождение интервью, это примерно 15–20 интервью, в разных штатах по-разному. Результаты интервью потом еще рассматриваются в Вашингтоне и проходят компьютерную обработку на совпадения и комбинации. И, если все проходит, дальше ты врач в США со всеми вытекающими! Правда, есть еще небольшая фишка – 65% клиник США не рассматривают кандидатов, сдавших экзамен со второго раза… Но до это еще надо дойти…» [*Шалыгина* 2021]

Сложности натурализации украинских иммигрантов в целом ничем не отличаются от аналогичных трудностей любой другой этнической общности в США. Тем не менее именно в отношении украинских иммигрантов чаще всего появляются устойчивые мифы, которые свидетельствуют, например, о сильной поддержке со стороны их диаспоры. Фактор широкой диаспоральной поддержки «украинства» при

одновременном участии в этом процессе официальных американских структур стал играть особенно заметную роль в судьбе представителей пятой волны украинской иммиграции. *«Предыдущим поколениям украинцев в США пришлось столкнуться с серьезными трудностями в своем стремлении сохранить идентичность, что объясняется, прежде всего, их преимущественно низким социально-экономическим статусом, а также ассимиляторским характером американского образования, нацеленного на проведение политики "плавильного котла" в США. Наплыв "перемещенных лиц" после Второй мировой войны и затем, в конце 1980-х – начале 1990-х годов, т.е. после прекращения существования СССР, изменил ситуацию. В США с Украины эмигрировали в основном хорошо образованные люди, нередко владеющие на достаточно высоком уровне английским языком. Сочетание благоприятствующих иммиграции факторов в эти годы способствовало даже появлению в общественном сознании мифа о существовании будто бы "могучей" украинской диаспоры в США, способной оказывать любую организованную помощь соотечественникам, прибывающим на новое место жительства. Но в реальности эта диаспора, несмотря на все усилия ее активистов, все же имеет как минимум два слабых места – радикальный водораздел межпоколенных ценностей и не менее радикальные различия между западным и восточным сегментами диаспоры*» [Шалыгина 2021].

Водораздел между различными поколениями в украинской диаспоре был обусловлен объективными обстоятельствами, связанными, в первую очередь, с разными стартовыми условиями эмиграции. «*Многие украинские общины за рубежом так и не могут наладить друг с другом полноценное сотрудничество… Представители четвертой волны украинцев-эмигрантов нередко идут за помощью к русским, еврейским, польским общинам, а не к украинским. Не секрет, что многие из них не владеют свободно родным языком и не особо хотят его изучать, чтобы полноценно общаться с*

украинской диаспорой… Экономические условия на новой родине для них складываются не совсем благоприятно. По-видимому, в такой ситуации им не до разного рода фольклорно-этнографических или культурно-образовательных и воспитательных акций, регулярно проводимых украинскими общинами. Видимо, этот ситуативный момент недопонимают представители третьей волны украинской эмиграции, когда упрекают новоприбывших в такой пассивности, в нежелании посещать богослужения в церквях. А взаимопонимание возможно лишь при условии, если все стороны понимают ситуацию и способны идти навстречу друг другу» [*Vynnychenko* 1993: 67. Цит. по, *Шалыгин*а 2021].

Еще более сложным образом складываются отношения между представителями четвертой и пятой волн иммигрантов-украинцев. Также как в среде этнических русских, молодые украинские иммигранты сетуют на то, что «старые иммигранты», относящиеся сегодня к иной возрастной категории, не в состоянии осознать новые реалии. Наиболее популярное мнение молодых украинцев о «стариках» предыдущей волны сводится к тому, что те до сих пор воспринимают Украину как «деревню», а не крупную индустриальную страну, поскольку за годы железного занавеса оказались максимально отчуждены от бывшей родины и не понимают, в чем суть современной презентации украинской этничности.

Особенно болезненной точкой в отношениях двух последних волн украинских иммигрантов между собой все чаще становится само понятие «украинства». С точки зрения молодежи, старшие поколения стали «слишком американцами», используя свое происхождение лишь в качестве торгового бренда, приносящего стабильный доход. В Чикаго, например, американские украинцы построили так называемое украинское село («Ukrainian Village») с современными домами, в которых разместились украинские католические и православные церкви, культурный центр, магазины, бизнес-центр, кооперативы, кредитные союзы (на вывесках –

украинские названия). Однако все управленческие функции в этом селе осуществляют американцы.

Руководство самой украинской диаспоры, состоящее из представителей четвертой волны, чаще всего не стремится к вершинам власти, оставляя за американцами всю полноту управленческих функций. Статистические данные также свидетельствуют о динамике межпоколенческого разрыва по отношению к украинскому языку: в 1980 г., например, из 730 тыс. жителей США украинского происхождения (сюда не входят около 500 тыс. потомков закарпатских русинов) только 123 тыс. назвали родным языком украинский [*Неймер* 2003. Цит. По: *Шалыгина* 2021].

Включенное наблюдение, проведенное в рамках данного исследования, показало, что молодые украинские иммигранты объясняют такое отношение к американской власти тем, что в 1980–1990-е годы сама стартовая мотивация старшего поколения основывалась на идее «стать настоящими американцами» во что бы то ни стало, окончательно зачеркнув таким образом свое советское прошлое вместе со всеми нерешенными проблемами, включая собственную советско-украинскую этничность. Более того, американское государство воспринималось украинскими иммигрантами третьей и четвертой волн как символ надежной защиты от советского режима и уже поэтому в их понимании требовало к себе уважения и осознанного подчинения.

Поддержка украинской диаспоры со стороны американского государства осуществлялась чаще всего через лоббирование ее интересов на законодательном уровне. Как правило, для лоббистских целей временно создавалось совместное украинско-американское неформальное объединение (кокус), которое в основном состояло из американских конгрессменов, представлявших украинские проекты в высших эшелонах власти США. Но в подготовительной работе кокуса принимали участие

украинские общественные организации, включая профессиональные сообщества, женские клубы и многие другие структуры диаспоры, которые становились первичным источником финансирования и продвижения проектов.

К наиболее активным украинским организациям, поддерживающим сегодня жизнедеятельность диаспоры в США, можно отнести Объединенный украинско-американский комитет помощи, который сегодня возглавляет Л. Кий, Украинский конгрессный комитет Америки (М. Савкив), Украинско-американский координационный совет (И. Говдяк), Союз украинок Америки (И. Куровыцкая) и др. С помощью подобного рода организаций украинская диаспора получает кредиты, техническую помощь на реализацию своей жизнедеятельности и т.п. Частично получаемое диаспорой американское финансирование идет и на поддержание ее контактов с исторической родиной.

Однако заботы старшего поколения о жизнедеятельности диаспоры и непосредственно связанной с ней американо-украинской идентичности, судя по всему, никак не соприкасаются с заботами сегодняшней украинской молодежи, переехавшей жить в США. Представление о современных актуальных проблемах молодежной ментальности, ее ценностных ориентирах в иммиграции и поисках ответа на вопрос: «Кто мы здесь?», думается, лучше всего могут дать либо включенное наблюдение, либо анализ (пусть даже предварительный) материалов молодежных интернет-форумов. И если включенное наблюдение не всегда оказывается возможным в нынешней геополитической обстановке, то виртуальный формат изучения ситуации, наоборот, сегодня постоянно насыщается новой информацией.

На интернет-форуме «Голос русскоязычной Америки» в течение 2015-2020 годов опубликованы молодежные посты, рассказывающих о настроениях и планах украинских иммигрантов. Так, одна из наиболее

активных украинских авторов форума Елена Базу (23 года), веб-дизайнер и лайфстайл-блогер, прожив год в Нью-Йорке и не имея там особых проблем с работой по специальности, в итоге все же решила вернуться в свой родной Киев. Причины возвращения Елены домой, судя по ее постам, никак не связаны с симпатией или антипатией по отношению к США в целом. Подобно большинству ее сверстников, девушка практически индифферентна к таким понятиям, которые относятся к большой политике, этнической принадлежности (как своей собственной, так и среди своего окружения), патриотическим лозунгам и т.п. Более того, Елена отмечает много положительных черт своей жизни в Нью-Йорке – архитектуру города (*«волшебный андеграунд Бруклина*, *hi-end fashion в Верхнем Вестсайде»*), возможности продвижения к успеху (*«тут можно взлететь на самую вершину, только познакомившись с нужными людьми, а в этом городе это легко…»*), сферу обслуживания (*«…мне нравится, что посылки из Амазона и Сефоры приходят через 2 дня, что любые новые книжки можно купить в день релиза, любые бренды, любые товары – все доступно…»*), и даже рестораны (*«в Нью-Йорке так много "правильных" ресторанов, отелей, кофеен, что я даже за год не смогла обойти все в моем Форскверe»*).[Почему после года жизни в Нью-Йорке 2016].

Помимо повседневных, житейских плюсов, Елена отмечает и такие, с ее точки зрения, позитивные стороны жизни в Нью-Йорке, как свобода и ощущение сильного государства. Например, рассуждая об американской свободе, она пишет: «*Тут вас не будут осуждать ни за что, не будут удивляться вашему цвету волос или странным ботинкам, тут комфортно быть геем или растить ребенка с двумя отцами. Все самые свободные взгляды вы можете реализовать в этом городе, вопрос только – нужно ли вам все это на самом деле?*». В отношении государства Елена считает: «*Я – даже как эмигрант – чувствую защиту со стороны государства. Я могу пожаловаться по любому поводу, и правда будет на моей стороне. Ну и то,*

что государство серьезно озабочено архитектурой города, публичными пространствами, защитой граждан и т.д.» [Почему после года жизни в Нью-Йорке 2016].

Причины, по которым украинская молодежь и сама Елена, в частности, все-таки не готовы связывать с Америкой свои жизненные стратегии, кроются, скорее, в прагматичности и космополитичности сознания современных украинских иммигрантов, ставящих во главу угла почти исключительно собственные, индивидуальные приоритеты, но не коллективные ценности сохранения этнической идентичности в условиях диаспоры США. Как пишет в своих постах Елена, работать только ради денег она в принципе не хочет: «*Опыт работы тут бесценный, но, когда для меня карьера перестала быть приоритетом, я снова решила, что больше нет смысла сидеть в офисе, хоть даже и в Нью-Йорке*» [*Шалыгина* 2021].

Большое значение украинская молодежь придает, например, дружеским связям, которые, кстати, как уже отмечалось в разделе о русских, являются характерной чертой советского образа жизни, но не американского. В целом, судя по ситуативным интервью автора диссертации, русскоязычная среда в США является для молодых украинских иммигрантов наиболее комфортной с точки зрения дружеского и повседневного общения, но есть и нюансы: Е. Базу: «*Можно бесконечно долго мне доказывать, что новых друзей завести легко, и что я просто не стараюсь. Я заводила новые знакомства с инстаграмерами, много общалась на своих блогерских ивентах, у меня есть пара хороших англоязычных знакомых, но друзьями я их назвать не могу. В русскую диаспору я не особо рвалась, потому что дружить только из-за того, что вы говорите на одном языке, – сомнительное удовольствие. В итоге только с одной Ниной мы общаемся постоянно. Когда-то казалось, что у меня в Киеве два с половиной друга, но сейчас смотрю со стороны и понимаю, как*

много людей меня ждут, и как я по всем скучаю. И меня делает счастливой не сам Киев, а мои друзья и родные, которые все там» [Почему после года жизни в Нью-Йорке 2016].

Проблемы для украинской молодежи создает и само коммуникативное пространство в США: «*Из-за того, что тут люди со всего мира, в быту общаться для меня невозможно. У нас нет никакого общего бэкграунда (культуры, детства и т. д.), и новое знакомство всегда превращается в собеседование – а что ты, а как у вас, а как ты вот? И всегда одни и те же вопросы. А если вы не смотрите местное ТВ и локальные шоу, то пиши пропало, особенно если вы попадаете в общество американских граждан, не приезжих. Там шутка на шутке, а вы – как баран на новые ворота. Поэтому мне нужно сильно интегрироваться, чтобы чувствовать себя комфортно… Сначала меня восхищало, что люди открытые, легко идут на контакт, легко знакомятся. Но по прошествии времени я понимаю, что просто не могу жить среди этих людей. Они не плохие – они другие. В Нью-Йорке неоднородное общество, и я в нем чувствую себя некомфортно…*» [Почему после года жизни в Нью-Йорке 2016].

Интервью 29-летнего украинского программиста Дмитрия Осипа (Калифорния, Кремниевая долина)**:** *«За год жизни в США у меня не появилось ни одного американского друга, но есть пара русскоговорящих друзей, как и у многих других эмигрантов. Сложно понять, что в голове у людей с другим [американским] менталитетом… И в Украине у меня довольно много друзей, я до сих пор с ними общаюсь…»* [*Шалыгина* 2021].

В целом, приведенные примеры тематических форумов свидетельствуют о существенных межпоколенческих различиях формирования новой идентичности украинских иммигрантов США. Если старшее поколение по-прежнему сохраняет свое диаспоральное целеполагание, ориентированное на американские ценности и максимально

возможную интеграцию в американский социум, сегодняшняя украинская молодежь больше придает значение таким ценностям, как самореализация, комфорт общения, жизнь рядом с близкими людьми, независимо от страны проживания и т.п. И если, например, для достижения успеха в США потребуется отказаться от своего языка и образа мыслей, украинская молодежь не готова воспринимать это как адекватную жертву, в отличие от старшего поколения. Кроме того, очевидным фактом, по-видимому, уже является и отсутствие у украинской молодежи идеализации «американской мечты», что также свидетельствует о трансформации идентичности среди представителей нового поколения иммигрантов.

ВЫВОДЫ.

1. Вектор этничности как часть общесоциальной идентичности украинских иммигрантов достаточно подвижен, в силу чего нередко становится инструментом геополитических технологий.
2. Активная поддержка украинской диаспоры со стороны американских властей остается неизменной на протяжении десятилетий и тем самым принципиально отличает ее от русской диаспоры в США, формируя у этих двух групп русскоязычных иммигрантов различные сценарии при трансформации их идентичности.
3. Ценностная шкала украинской молодежи в США не включает в себя каких-либо границ, обозначающих запретное пространство убеждений и идеалов. Политические, экономические и социальные событий, происходящие в современном мире, не способствуют формированию у новых поколений устойчивой и ясно выраженной гражданской идентичности, а количество лозунгов и призывов только усиливает отторжение любой идеологии.
4. Восприятие новым поколением украинских иммигрантов своей этнической принадлежности может как полностью нивелироваться, так и обостряться, вплоть до радикальных настроений. В повседневной

жизни представители пятой волны украинской иммиграции, объединенные с любыми другими представителями русскоязычной общности в США проблемами самореализации и достижением успеха, фактически игнорируют этничность как несущественный для себя фактор адаптации.Понятие «украинства» становится одной из наиболее болезненных точек в межпоколенческих отношениях.

5. Деятельность украинских общественных организаций в США носит зонтичный характер и представляет собой единую сетевую структуру с общим целеполаганием, иерархией соподчинения и доминирующей ориентацией на возрождение украинства в новых условиях американского государства.
6. Активную позицию в рамках украинской диаспоры США занимают женские общественные организации украинских иммигрантов, также имеюшие зонтичную структуру, возглавляемую UNWLA, формировавшуюся десятилетиями и ориентировнную на самостоятельную интеграцию в международные женские организации. Тенденция к укреплению собственной этнокультурной идентичности в женских организациях украинских иммигрантов заметно усилилась к 2019. В отличие от Американской ассоциации русских женщин в США (ААРЖ), характерной чертой UNWLA с самого начала ее существования является содействие усилению этнической идентификации украинской диаспоры в США. Стремление к интеграции в мировое женское движение неизбежно ведет к принятию и его ценностей, что придает всему женскому движению украинок в США достаточно сложный характер, совмещающий в себе как сугубо националистические идеи, так и идеи мирового феминизма - интерсекциональность, инклюзивность, небинарность.
7. Членство зонтичной организация украинских женских структур в США в международных организациях (Национальный совет женщин

США, Всемирное движение матерей и др.) представляет собой идеологической инструмент воздействия на общественное сознание украинских иммигрантов в США и активизирует развитие у них новых форм как гендерной, так и этнокультурной идентичности в целом.

ГЛАВА 4

Механизмы укрепления еврейской идентичности постсоветских иммигрантов в США

Трансформацию идентичности русскоязычных евреев четвертой и пятой иммиграционных волн в Америке нельзя рассматривать вне контекста истории всех еврейских организаций США, начавших формироваться здесь едва ли не с середины XVII в. Но несмотря на долгую историю их существования в США, деятельность еврейских организаций становится по-настоящему заметной для американского общества лишь в начале XX в., когда возникает Американский еврейский конгресс (1920 г.) и первая еврейская студенческая организация «Гиллель» (1923 г.). На этот же период приходится и первая большая волна еврейских переселенцев из России – 3,3 млн человек за период с конца 1880-х по 1920-е годы включительно [*Chiswick* 1999: 72]. Вторая крупная волна еврейской эмиграции из России, по данным Института изучения труда в Бонне (IZA, независимая некоммерческая организация, сотрудничающая с Боннским университетом) пришлась уже на 1980–2009-е годы и включала более 600 тыс. человек [*Chiswick* 2012].

Более полноценной и достоверной статистики по еврейской эмиграциипо данному вопросу не существует, в силу особенностей иммиграционного учета в США. Известно, однако, что русскоязычные евреи, прибывшие в США из распавшегося Советского Союза, с одной стороны, имели очень высокий уровень образования, с другой – слабо владели английским языком, что серьезно затрудняло им поиск работы по специальности и не позволяло рассчитывать на высокие заработки [*Chiswick* 2012]. Однако, благодаря мониторинговым исследованиям американских социологов, известно также и то, что русскоязычные евреи в США достаточно быстро осваивали как английский язык, так и нормативные правила применения профессиональных навыков в Америке, что давало им возможность уже в скором времени после прибытия на новое место жительства

успешно решать многие проблемы структурной ассимиляции (вхождения в социально-экономическую среду США) [*Mincer* 1974: 65]. Другим фактором успешной адаптации постсоветских евреев является их расселение в тех же районах, где уже ранее проживали еврейские диаспоры. Автору настоящей работы известны иммигрантские семьи, состоящие из 8–12 человек, в которых евреем являлся только один из ее членов, но вывозил всех остальных. Таких евреев здесь называют «паровозы». В большинстве случаев это представители так называемой экономической иммиграции, которые являются оплотом еврейской диаспоры в целом.

Немалое значение имеют и такие факторы, как устойчивая межпоколенная трансляция миграционных настроений, наличие постоянно действующего «коридора» иммиграции через Израиль, издание в послевоенных США иммиграционных законов, благоприятствующих еврейской иммиграции и в целом поддержка еврейской общины со стороны американских властей. Но особое место в ряду всех факторов, обеспечивающих относительно более успешную, по сравнению с другими этническими потоками, адаптацию русскоязычных евреев в США, занимает филантропическая деятельность еврейской диаспоры.

4.1. Принципы формирования еврейских общественных организаций в США. «Краткая история формирования еврейских организаций в США». Первой еврейской организацией, которая начала использовать американские законы для защиты прав американских евреев, включая русскоязычных иммигрантов, стал Американский еврейский конгресс (AJCon), основанный в ноябре 1918 г. и со временем ставший наиболее влиятельной организацией в США, заложивший основу для сплочения лидеров страны в борьбе за равные права для всех американцев, независимо от расы, религии или национальности. В середине 2000-х годов эта организация потеряла четверть благотворительного бюджета, отстаивая свое право финансировать проекты, посвященные свободе слова и правам

женщин в США (наиболее крупные жертвователи в эти годы проявляли значительно больший интерес к Израилю и борьбе с антисемитизмом). Сегодня AJCon активно отслеживает предоставление федерального финансирования проектам, связанным с принципами благотворительной деятельности и оказания социальных услуг.

Кроме того, AJCon была одной из первых еврейских организаций, в состав которых входили как мужчины, так и женщины, использовавшие свои ресурсы, включая финансовые, на решение проблем еврейских женщин в США. Женский отдел в AJCon, созданный в 1933 г., занимался подобного рода деятельностью в течение примерно 50 лет, прежде чем был выделен в отдельную организацию по поддержке прав женщин и феминизма в целом.

Аналогичным образом создавалась и такая еврейская женская организация, как ОРТ (WAO). В действительности ОРТ (Организация по реабилитации через обучение мирового масштаба) была создана в России еще в конце XIX в, но ее американская версия появилась в США только в 1922 г. и состояла тогда исключительно из мужчин. Основателем ОРТ в США стал гражданин Германии барон Гораций де Гюнцбург. Спустя 5 лет, в 1927 г., женщины, в основном жены мужчин, являвшихся членами этой организации, присоединились к ней, основав собственную группу (Women's American ОРТ), основной целью которой первоначально стал сбор средств на социальную работу ОРТ в целом. Позднее деятельность WAO сосредоточилась на помощь перемещенным лицам и создании профессиональных и технических школ по всему миру, включая США. Деньги на благотворительность женская организация собирала с помощью небольших мероприятий (базаров, например). Но когда проблемы восточно-европейских евреев (включая евреев из СССР) в США стали возрастать, WAO организовала в 1928 г. такое крупное благотворительное мероприятие, как гала-концерт в Карнеги-холле с участием известного

скрипача русского происхождения Эфрама Цимбалиста. В качестве покровителей (дарителей) концерта были указаны лидеры Международного союза женщин-швейников, а также известные еврейские дамы из Германии и Восточной Европы [*Rader* 1970].

Во второй половине XX в. WAO уже видела свою миссию в массовом распространении просвещения на еврейские общины в США, чтобы они в итоге сами могли собирать деньги для беженцев. Создавая учебные программы и обучающие группы, WAO укрепила свои контакты с такими крупными еврейскими компаниями в США, как United Jewish Appeal и Israel Bonds, что не только способствовало росту членства в данной женской организации, но и увеличивало ее влияние на деятельность ОРТ по всему миру через финансовую поддержку зарубежных операций ОРТ.

Не менее (если не более) значимым результатом растущей власти WAO можно считать и тот факт, что постепенно происходила ее американизация, т.е. подчинение всех сфер деятельности общественной организации нормативному законодательству США. Продвижению и росту популярности WAO в немалой степени способствовала и сама тактика воздействия ее организаторов на сознание женщин, живущих в пригородах американских городов и представлявших собой основную массу ее целевой аудитории. По словам лидеров WAO, они стремились проводить как можно больше неформальных встреч среди этой категории американских женщин (в основном домохозяек), устраивали для них и гламурные мероприятия, способствуя дружескому сближению участниц и формированию у них чувства принадлежности к важному и социально значимому делу. В середине первого десятилетия XXI в. WAO еще больше расширила свою помощь еврейским иммигрантам из России, обеспечивая их программами ускоренного обучения для взрослых, стипендиями для подготовки учителей, ведущих преподавание предметов на иврите, расширяя постепенно и социальную помощь нуждающимся в виде продуктовых

корзин, одежды, способствуя оборудованию школ, проводя культурные мероприятия и т.п.

Характерной чертой еврейских организаций женщин в США, начиная с 1970-х гг., можно считать постепенное объединение в более крупные структуры, способные централизованно руководить общественными организациями и более адресно распределять ресурсы среди иммигрантов. В 2007 г. ORT и WAO объединились для создания ORT America и включения этой структуры в World ORT.

«Зонтичный» принцип организации еврейских общин характерен и для такой общественной организации, как Объединенные еврейские общины (United Jewish Comunities, UJC). Сегодня на территории Северной Америки действует 155 локальных федераций еврейских общин и 400 независимых общин, а ее координирующим органом является Совет еврейских федераций [Council of Jewish Federations, CJF) [*Wertheimer* 2008: 31]. В 2004 г. сотни тысяч членов этой организации пожертвовали около 2 млрд долл., включая средства на капитальные проекты (например, строительство школ, общинных центров и т.п.), доходы от наследственных, завещательных и фамильных фондов, активы которых постепенно переходят в распоряжение федераций. Главным инструментом сбора и каналом поступлений годовых пожертвований для еврейских общин Америки до 1999 г. был Объединенный еврейский призыв (United Jewish Appeal, UJA), преемником которого позднее стал UJC. С ним сотрудничают такие общенациональные организации, как Американский еврейский комитет, Американский еврейский конгресс, Антидиффамационная лига и ряд других – со своей историей, структурой, источниками финансирования и программами. Под эгидой CJF создаются агентства и программы, облегчающие многочисленным федерациям получение правительственного финансирования общинных учреждений в таких сферах как охрана здоровья, образование, дома для пожилых и престарелых. Отдельно от UJA-

Federations активно работает религиозный сектор, включающий синагоги и конгрегации всех течений иудаизма, дневные еврейские школы и другие образовательные программы. Религиозный сектор самостоятельно, без помощи федераций, занимается сбором средств и пожертвований.

Американский еврейский ежегодник (AJYB) весьма осторожно оценивает сумму общих пожертвований в 2–2,5 млрд долл. ежегодно. При этом достоверных данных о названных суммах не существует, что, кстати, свойственно и религиозным учреждениям других конфессий. Все они, имея в качестве бесприбыльных организаций безналоговый статус, не должны представлять годовые финансовые отчеты в Налоговое ведомство США (IRS), как это делают все остальные организации. Приоритет религии в еврейской благотворительности соответствует и общеамериканской тенденции: в сборе средств доля религиозных организаций всех вероисповеданий составляет в США 35% (на 2-м месте – светское образование, составляющее приблизительно 15%). Сам факт крупных религиозных пожертвований не вызывает вопросов, так как число верующих в США составляет около 70% от всего населения страны, а сами религиозные организации традиционно являются основными центрами филантропии [КЕЭ. Т. 8: 92].

Независимый сектор еврейских организаций в США. В то же время среди еврейских доноров существует много несогласных с тем, как федерации и синагоги собирают и на что расходуют их деньги. По этой причине они предпочитают искать либо создавать иные структуры для этих целей, или используют принцип прямой передачи пожертвований избранным организациям и программам как в США, так и в других странах. Предположительное число только общеамериканских независимых еврейских организаций – около 300. По сути, в еврейской филантропии, помимо общинного и религиозного, сегодня функционирует и третий –

независимый – сектор, все три активно конкурируют между собой в борьбе за симпатии и средства еврейских доноров.

В составе независимого сектора следует выделить группу общеамериканских агентств и организаций, посвятивших себя общественным связям еврейской общины с ее «внешним окружением». Их деятельность координирует «зонтичная» организация – Еврейский совет по связям с общественностью (JCPA). Среди ведущих независимых агентств, формирующих свои бюджеты за счет пожертвований, следует назвать в Антидиффамационную лигу, профиль которой – противодействовать антисемитизму в Америке и за ее пределами (годовой бюджет составляет около 35 млн долл.). Не менее влиятельным считается и Американский еврейский комитет, занимающийся борьбой с экстремизмом во всех его формах (40 тыс. членов и примерно 10 млн долл. годовых расходов), а также Американский еврейский конгресс и др.[Jewish News. 12.03.2012].

Независимый сектор патронирует и большинство культурных и образовательных учреждений: музеи (например, Еврейский музей в Нью-Йорке, бюджет около 12 млн долл.), еврейские архивы, библиотеки, фонды и исторические общества (например, Институт восточноевропейского еврейства в Нью-Йорке с бюджетом более 3 млн долл.), университеты, колледжи и др. Многие из образовательных учреждений, опекаемых еврейскими организациями, являются целевыми, т.е., целенаправленно обеспечивают образование членам еврейских общин: Hebrew University в Балтиморе, Hebrew College в Бостоне, Национальный еврейский центр по подготовке лидеров местных общин и т.п. Такие университеты, как Brendies University (бюджет 170 млн долл.), Yeshiva University (около 200 млн долл.), Touro College и др., ориентированы на чисто светское образование, но имеют в своем составе школы и программы по еврейской религии и истории, которые финансируются еврейскими донорами. Сюда можно отнести уже упоминавшуюся студенческую организацию «Гиллель», созданную в 1923 г.

в ответ на отказ принимать евреев в студенческие братства и лагеря многих американских колледжей. Сегодня эта организация является самым крупным в мире объединением еврейских молодежных лагерей и кампусов с годовым бюджетом в 60 млн долл., пополняемым в основном пожертвованиями частных лиц и фондов.

4.2. Система еврейской благотворительности как основной механизм сохранения идентичности еврейского населения. *«Целеполагание филантропической деятельности»*. Филантропическая деятельность в США представляет собой социокультурный феномен, который начиная с конца XIX в. постоянно наращивает свои возможности и влияние на жизнь американского государства. Сегодня это самостоятельная отрасль экономики в рамках огромного сектора бесприбыльных организаций, объем годовой «продукции» которой, т.е. общая сумма пожертвований, составляет почти четверть триллиона долларов. Несмотря на то, что в американской филантропии участвуют представители всех национальностей и религий, данная сфера общественной деятельности все же в весьма значительной степени подпитывается именно «еврейским капиталом», который не только демонстрирует таким образом лояльность Америке, но и следует древней еврейской традиции, зародившейся еще в библейские времена. Традиция помощи бедным является не столько обязанностью, сколько добровольным актом пожертвований со стороны имущих членов общины – *tzedaka*, что в переводе с иврита означает справедливость, или праведность.

В США начало организованной еврейской филантропии было положено в конце XIX в., во время первой массовой еврейской иммиграции в США, когда существующие разрозненные общины были не в состоянии расселить, одеть, накормить, трудоустроить и обучить языку и нормам американской жизни огромное число бедных и неграмотных эмигрантов из России и Восточной Европы. Первый опыт централизации

филантропической деятельности был заимствован у еврейских общин Западной Европы, но окончательно сложился в Бостоне, где в 1895 г. была создана региональная федерация местных еврейских общин. В дальнейшем этот опыт быстро распространился на все средние и крупные города и центры компактного проживания евреев в США [*Нитобург* 1996].

В первой половине XX в. еврейская филантропия оказалась в центре событий, связанных с активной иммиграцией еврейского народа в Палестину и финансированием Объединенного палестинского призыва. В этот период своей истории еврейские организации на территории США одновременно выполняли две важнейшие миссии: во-первых, массированную поддержку создания, развития и защиты государства Израиль, которая достигла своего пика во время шестидневной войны и войны Судного дня; во-вторых – поддержку четвертой волны еврейской эмиграции из бывшего СССР и стран Восточной Европы. Их выполнение потребовало огромных финансовых и организационных ресурсов и, следовательно, дальнейшего развертывания всей сети еврейских филантропических организаций.

Для мигрировавших в США русскоязычных евреев 4-ой волны (1990-е гг.) возможность поддержки со стороны этих организаций являлась одним из важнейших (если не главным) аргументом при принятии решения о переезде в Америку. Сами еврейские филантропические организации воспринимали десятки и даже сотни тысяч советских евреев 1990-х годов как серьезный вызов, с точки зрения обновления логистических и финансовых программ их обеспечения. Но, с другой стороны, представители 4-ой волны постсоветских иммигрантов еврейского происхождения считались носителями уникального опыта советского прошлого и особого менталитета, способного приносить американскому государству большую пользу. По этой причине, невзирая на слабую ориентацию постсоветских иммигрантов в новой для них ситуации,

еврейские филантропические организации в США стремились поддерживать их по многим направлениям (начальная финансовая помощь, специальные образовательные курсы, квотирование предоставляемого жилья, льготные программы для пожилых и т.п.).

Особенно важной миссией в деятельности еврейских организаций была политическая поддержка иммигрантов, точнее лоббирование на уровне конгресса и администрации США ключевых решений, обеспечивающих как саму возможность массовой иммиграции постсоветских евреев, так и создание для них необходимых материальных условий (большая квота на иммигрантов из бывшего СССР, статус беженца и другие льготы, согласно знаменитой поправке сенатора Лаутенберга). Благодаря этим усилиям, еврейские иммигранты 1990-х годов широко использовали правительственную помощь, при том, что взамен от них не требовалось практически ничего, кроме желания и готовности приобщаться к ценностям еврейской жизни [Русский бизнес и община 1998].

Однако результаты включенного наблюдения диссертанта показали, что усилия общественных организаций еврейской общины США по интеграции постсоветских евреев в американскую реальность чаще всего воспринимались последними лишь как надежный и стабильный источник помощи, не облагаемый какими-либо обязательствами с их стороны. Среди тех еврейских семей в США, повседневная жизнь которых в течение нескольких месяцев проходила на глазах у автора данной диссертации, только одна семья (муж, жена и дочь 9 лет) проявляла открытое стремление следовать еврейским традициям. Во время одного из визитов в эту семью отец семейства вежливо, но безапелляционно прервал общую застольную беседу, чтобы провести вечернюю молитву. Надев на голову кипу и взяв дочь за руку, он уединился вместе с ней в соседней комнате, где они и находились в течение 30–40 минут. Мать девочки (тоже еврейка по этнической принадлежности) все это время оставалась с нами, объясняя, что

и посещение синагоги, и молитвы, и еврейские праздники – это исключительно желание мужа, а не ее, но что она относится к этому вполне благосклонно и не препятствует приобщению дочери к религии. В России эта семья, как выяснилось, совсем не интересовалась религией и вела светский образ жизни. Но переехав на ПМЖ в США и включившись в соответствующую программу, мужчина принял решение встраиваться в новую американскую жизнь по тем правилам, которые были предложены еврейской организацией [*Шалыгина* 2021].

Большинство же российских евреев 1990-х годов не считали себя связанными такого рода обязательствами и уделяли все свое внимание, как и большинство постсоветских иммигрантов других этнических сообществ, более насущным, по их мнению, проблемам (поиску работы, устройству детей в школу и т.д.). Помощь со стороны еврейских филантропических организаций нередко воспринималась постсоветскими иммигрантами как должное и не всегда оказывалась во благо последним, скорее, расслабляя их, чем помогая быстрее адаптироваться. Кроме того, далеко не все иммигранты, приехавшие из бывшего СССР, осознавали, что выделяемая им филантропическая помощь – это сугубо добровольное дело состоятельных доноров, которое в какой-то момент может и прекратиться. Л. Варельджан, возглавлявшая Русский отдел федерации Нью-Йорка со дня его создания в 1989 г., рассказывала, что формирование более или менее постоянного актива доноров, следующих принципам так называемой просвещенной филантропии, дело весьма трудоемкое и длительное. Когда состоятельных людей в первый раз просят «поделиться», они весьма отзывчивы, но потом наступает период непростого перехода к регулярной благотворительности («как? опять? ведь мы уже давали!»). К тому же размер регулярных поступлений сильно варьирует и может составлять от 10 долларов до 1 млн долларов [*Фурман* 2015: 147].

В целом, в кампаниях по сбору средств силами UJA-Federation сегодня принимают участие несколько тысяч домохозяйств-доноров, как миллионеры, так и неработающие иммигранты или пенсионеры. Один из постоянных информантов диссертанта в иммигрантской среде, Михаил Б., регулярно раз в месяц получал в виде благотворительной помощи от UJA-Federation большую картонную коробку с консервами всех типов, от овощных и фруктовых до мясных и рыбных. Но, так как Михаил в основном питался за $100 в месяц в доме для престарелых за $100 в месяц, где проживал с 1996 г. в достаточно комфортной двухкомнатной квартире, то консервные банки очень быстро скапливались, и у него появлялась возможность делиться с теми, кто только недавно прибыл в США, имел весьма ограниченные средства и еще не успел в полной мере подключиться к системе благотворительных акций еврейской общины [*Шалыгин*а 2021]

Продуктовая помощь, являясь наиболее распространенной формой помощи еврейских организаций постсоветским иммигрантам еврейского происхождения, таким образом, опосредованно выполняла и своего рода объединительную функцию в русскоязычном сообществе постсоветских иммигрантов, причем, независимо от их этнической принадлежности. «Вновь прибывших» (так обычно называют только что приехавших в США на ПМЖ из России) еврейские семьи нередко приглашали на домашние обеды или в недорогие рестораны, по факту нивелируя таким образом какие-либо этнические барьеры и руководствуясь исключительно личным знакомством или даже рекомендациями своих друзей или родственников из России. Включенное наблюдение диссертанта позволило выявить, что подобная модель поведения в 1990-х годах была характерна практически для всех без исключения постсоветских иммигрантов в США.

На основании использования методики изучения отдельного случая (case study) удалось зафиксировать доминирующую среди русскоязычных иммигрантов установку на помощь бывшим соотечественникам,

выходящую нередко далеко за рамки продуктовых подарков. Так, семья московских преподавателей, имевшая вид на жительство в США (2002 г.) и проживавшая в г. Сан-Леандро (штат Калифорния) уже на протяжении 7 лет, пригласила своих давних знакомых, также проживавших в США уже не первый год, к себе на ужин вместе с их новыми знакомыми, которые недавно переехали в Америку на законных основаниях, но еще плохо ориентировавшимися в новой для них среде. В процессе застольной беседы выяснилось, что у «вновь прибывших» нет возможности приобрести машину, без которой передвижение в американских городах является затруднительным. Хозяева практически одновременно и даже без согласования друг с другом, предложили «вновь прибывшим» передать им на безвозмездной основе одну из трех своих машин, которая фактически самими хозяевами не использовалась, но требовала регулярной оплаты стоянки. Смена владельца машины была официально оформлена ее бывшими хозяевами на следующий же день [*Шалыгина* 2021].

Анализируя данный случай безвозмездного дарения дорогостоящей вещи, по сути, малознакомым людям, с которыми иммигрантов связывало лишь чувство принадлежности каждого из участников этой сделки к единому когда-то для них советскому государству, можно сказать, что ощущение единого прошлого не является для них пустым звуком и так или выполняет свою объединительную функцию. Для американской повседневности безвозмездная передача не нужных в хозяйстве вещей также не является исключением, и на улицах небольших городков нередко можно увидеть целые коллекции мебели, светильников, посуды и других принадлежностей домашнего обихода, которые выставляются хозяевами по разным причинам и сопровождаются табличкой «Free» (т.е., можно свободно забирать эти вещи себе). Однако данное правило не распространяется на автомобили, причем даже самые изношенные, которые всегда найдут в США своего покупателя. Одно из объяснений – автомобиль

в Америке всегда воспринимается не только как средство передвижения, но и, что еще важнее, как средство для заработка, что особенно актуально для многих малоимущих иммигрантов.

Но основная помощь русскоязычным иммигрантам еврейского происхождения – это все-таки финансы. Несмотря на то, что периодические падения индексов фондовой биржи негативно отражаются на возможностях еврейской филантропии, ее развитие, по мнению аналитика и блогера Ф. Фурмана, проживающего в США, приобретает все более устойчивый характер, благодаря, прежде всего, усилиям наиболее активных членов еврейской общины. В 1990-е годы свой Русский отдел учредила еще одна из старейших организаций независимого сектора – гуманитарный фонд Бней-Цион. «Под энергичным руководством его президента Б. Кидермана отдел в течение ряда лет смог создать актив членов фонда и регулярных жертвователей. Свой богатый “бней-ционовский” опыт Б. Кидерман принес в UJA-Federation, где он в роли вице-президента организации внес свежую струю в деятельность ее русского отдела. Недаром его нередко называли в прессе “мистер Телетон” за организацию массовых кампаний по сбору годовых пожертвований» [*Фурман* 2015]. За последние годы одной из наиболее успешных акций фонда Бней-Цион стала организация регулярного раздела «Филантропия в Америке» в газете «Русский бизнес и община», где публикуются все новости и очерки о филантропической деятельности, приводятся отчеты по результатам фискального года.

Причины успеха еврейской филантропии, по-видимому, кроются в уникальной и весьма продуктивной технике сбора средств, которая основана как на поощрении, так и на принуждении жертвователей совершать взносы «на общее благо». Самые крупные вклады (фамильные, завещательные и наследственные фонды) являются результатом длительных и обстоятельных переговоров с участием адвокатов и банкиров, которые предлагают различные инструменты «инвестирования» в

филантропию, выгодные не только получателям, но и самим донорам, например, пожизненная доля в доходах от пожертвованных активов для родственников и детей доноров, сокращение налога на наследство и другие льготы. Не меньший эффект дает и метод «card calling», основанный на использовании репутационной конъюнктуры. Суть метода заключается в том, что доноры получают персональное приглашение («гостевую карточку») на званый обед или другое рейтинговое мероприятие, где каждый из них должен публично объявить сумму своего благотворительного взноса на следующий год. При этом также публично озвучивается сумма, которая была внесена каждым благотворителем в прошедшем году. Внести сумму меньше предыдущей означает навредить своей репутации, что и становится главным инструментом воздействия на жертвователей [Русский бизнес и община 2005].

Таким образом поддерживается постоянный баланс финансовых вливаний в общину и гарантируются выплаты иммигрантам из России. Можно сказать, что обеспечение необходимого уровня жизни, по сути, является самым действенным инструментом «мягкой силы», способным наглядно убедить иммигрантов из России в преимуществах американского образа жизни. И эмоционально насыщенные письма уже состоявшихся иммигрантов к тем, кто еще только собирался выехать из России на ПМЖ в США, являются ярким тому подтверждением.

Людмила Б. (42 года): «*Люди здесь, конечно, встречаются разные. Но в большинстве это добрые, приятные люди, которые пытаются помочь тебе. Это очень приятно. (Здесь это называется to have fun) … Жизнь изменилась кардинально. Приходится учиться всему до мелочей. Здесь даже, извините, унитазы не такие и душ включается по-другому, чем в Союзе. Но я надеюсь, мы скоро освоим все эти сложные приемы и жить будет спокойнее. На этой или следующей неделе собираемся покупать машину. Даже как-то не верится, что мы, наконец, будем иметь её… Нам*

очень, очень вас жалко. Вы бы знали какая жизнь здесь! Конечно, все бывает, но я только два раза за этот месяц видела пьяных. Да и то это не наши пьяницы. Они держатся на ногах и даже очень галантные, хотя глаза их почти закрыты. Воздух, еда, вода – все чудесное. Начинаем потихоньку привыкать к чудесам… И здесь так красиво!!!» [*Шалыгина* 2021].

В арсенале «мягкой силы» еврейской общины, кроме финансовой поддержки, присутствует и идеологическая составляющая, основанная на том, что помощь ближнему прописана в библейских и талмудических традициях, что еврейство представляет собой единую социокультурную общность, даже несмотря на различия этнической принадлежности и сектантские течения, и что сплоченность евреев гарантирует их безопасность во всем мире. Подобного рода идеологические константы не только поддерживали еврейскую общину США на протяжении почти ста лет, т.е. практически с начала ее образования, но и способствовали быстрому и успешному ее развитию.

4.3. Причины размывания еврейской идентичности в современных США. «*Что угрожает еврейскому наследию США*?». Важнейшим инструментом продвижения идеологии единства и «нерушимых скреп» членов еврейской общины в США является Американская ассоциация еврейской прессы (AJPA), основанная еще в 1944 г. издателем Габриэлем Коэном и фактически объединившая все еврейские газеты, журналы, а также журналистов и аффилированные организации по всей Северной Америке. Первоначально в состав AJPA входили исключительно еврейские еженедельные газеты на английском языке, но постепенно ограничение в виде непременной принадлежности к еврейской общине были сняты и к 1980 г. AJPA насчитывала 75 организаций-членов, а на сегодняшний день объединяет уже 120 изданий [*Белл* 2024]. Сегодня публикации в изданиях AJPA считаются особенно престижными и регулярно, начиная с 1981 г.,

участвуют в Мемориальном конкурсе писателей, финансируемом за счет гранта его основателя Саймона Рокауэра (Rockower Brothers).

Конкурс включает в себя несколько номинаций, награды за победу в которых отражают приоритеты AJPA – написание статей о выдающихся предпринимателях, (премия Бориса Смоляра), написании статей о социальной справедливости и гуманитарной деятельности, журналистские достижения в освещении сионизма, еврейского наследии, истории еврейского народа, роли евреев в развитии США, межконфессиональных отношений, международной политике американского правительства, антисемитизме, особенностях повседневной жизни американских евреев в США и других странах, антисемитизме, идеологии иудаизма и т.п. (AJC – American Jewish Press Association).Что касается идеологии иудаизма, то следует отметить то внимание, которое еврейская община в США, воспринимая данное религиозное течение в качестве особо чувствительного инструмента «мягкой силы», уделяет его трансформациям в современном мире.

По данным такой влиятельной общественной организации, как Американский еврейский комитет (American Jewish Committee, AJC), основанному еще в 1906 г. и периодически публикующему результаты телефонных интервью членов еврейских общин в США (без анализа), их отношение к иудаизму далеко не однозначно и во многом отличается от израильского.

Так, в 2018 г. в телефонном опросе, проводившемся с 18 апреля по 10 мая, приняли участие 1001 человек среди членов еврейских общин старше 18 лет. Отвечая на вопрос о том, какую роль в жизни американских евреев играет Израиль *(«Забота об Израиле - очень важная часть моей жизни»),* 41% респондентов ответили, что полностью согласны с этим (Agree strongly), 29% – что, скорее, согласны, чем не согласны (Agree somewhat), 19% - что, скорее не согласны, чем согласны (Disagree somewhat), и 9% – что

полностью не согласны с таким постулатом (Disagree strongly). 2% респондентов не имели никакого мнения на этот счет. В целом лояльность израильскому государству подтверждают 60% еврейских иммигрантов США, и цифра эта фактически не меняется на протяжении десятилетий [Annual Survey 2011].

В рамках того же обследования AJC 2018 г. на вопрос: «*Считаете ли Вы, что принадлежность к еврейству – это, в первую очередь, вопрос религии, или, в большей степени, это вопрос этнической принадлежности и культуры?»* 56% респондентов ответили, что считают принадлежность к еврейству вопросом этнической принадлежности и культуры (Mostly a matter of ethnicity or culture), 24% – что это вопрос религиозной принадлежности (Mostly a matter of religion) и 17% – что и то, и другое для них имеет значение в равной степени (Both equally). На вопрос, является ли ортодоксальный иудаизм главным связующим звеном между американскими евреями и израильтянами, 53% опрошенных членов американских еврейских общин ответили, что да, имеет, но лишь в какой-то степени (Weakens ties between Israeli and American Jews), 35% ответили на этот вопрос отрицательно (Has no effect on ties between Israeli and American Jews) и только 7% подтвердили наличие такой связи между еврейской диаспорой в США и евреями Израиля (Strengthens ties between Israeli and American Jews). Относительно неортодоксальных форм иудаизма и их возможного распространения в Израиле, 43% членов американской диаспоры ответили, что такое развитие событий «*может улучшить качество еврейской жизни в самом Израиле»,* а 37% заявили, что предложенные исследователями варианты ответа их не устраивают и что вопрос для них слишком сложный. Примечательно, что всего 10% опрошенных ответили, что, хотя неортодоксальные формы иудаизма для самого Израиля неактуальны, в США они могли бы укрепить еврейскую жизнь диаспоры [Опрос AJC 2018].

Динамика религиозных убеждений» в иммиграции. Особенно быстро меняется отношение к традиционным еврейским свадьбам и разводам. Если, например, в 2016 г. негативное отношение к необходимости заключать еврейский брак и проводить свадьбу только при условии юридически оформленного признания брака со стороны Главного раввината выражали 70% опрошенных AJC членов еврейской диаспоры (Опрос AJC 2016), то в 2018 г. протест против данного закона выразил уже 81% опрошенных членом еврейской диаспоры в США [Опрос AJC 2016].

Динамика религиозных убеждений» в иммиграции. К концу второго десятилетия XXI в. необходимость реформ иудаизма ощущалась уже практически большинством членов еврейской общины в Америке. Лишь 6% ее членов на вопрос AJC об их религиозной идентификации в рамках иудаизма ответили, что относят себя к ультра-ортодоксальному направлению (Haredi), 5% заявили, что являются современными ортодоксами (Religious Zionist), 14% назвали себя консерваторами (Masorti), 29% – реформистами (Refor), 14% – светскими иудеями (Secular), 5% – реконструкционистами (Reconstructionist) и еще 25% респондентов выбрали ответ «другие» направления иудаизма [Опрос AJC 2018 №17].

Однако столь непростая структура религиозной идентификации в еврейской общине США фактически не затронула постсоветских иммигрантов-евреев, так как сама переживала период активного реформирования. Результаты включенного наблюдения диссертанта показали, что лишь единицы русскоязычных евреев в США пытались вникнуть в суть таких течений иудаизма, как реформистское, консервативное, ортодоксальное и конструктивистское. И если *ортодоксальный иудаизм*, основанный на классическом религиозном знании, заключенном в Торе, воспринимался ими как сугубо отвлеченное понятие, не имеющее отношения к реальной повседневной жизни, то, например, *консервативный иудаизм,* отличающийся умеренностью своих

правил и норм, оказался более понятным постсоветским евреям и не вызывал у них отторжения. К тому же консервативный иудаизм, благодаря своим умеренным правилам, еще в 1950-х годах привлек почти половину всех русскоязычных евреев, живущих в США, и уже тогда стал для них своего рода новой традицией [*Гительман* 1995: 18].

Постсоветские иммигранты еврейского происхождения почти по инерции подтверждали свою приверженность консервативному иудаизму, который допускает довольно широкое понимание компромисса между традиционным вероучением и современным его прочтением [*Шалыгина* 2021]. Так, последователям консервативного иудаизма, например, разрешено не соблюдать регулярное посещение главного религиозного института общины – синагоги, а также еврейских общинных центров. И наоборот, разрешено перенимать светские манеры поведения и обычаи нееврейского общества. Единственное, что запрещается его последователям, это вступление в брак с представителями нееврейских конфессий. Для тех иммигрантов из бывшего СССР, которые воспользовались помощью еврейской общины для переезда в США, такие правила оказались вполне приемлемыми и не вызывали неприятия.

Что касается *реформистского (прогрессивного) направления,* то оно требовало более активной социальной позиции своих последователей. Суть его заключается в изучении этических норм иудаизма, соблюдении социальной справедливости и поощрении общественной активности диаспоры. При этом канонические правила реформистского направления допускают значительную свободу мысли среди своих последователей и делают акцент не только на проблемах религиозного, но и светского характера. Это проявляется, например, в том, что члены общины могут оказывать помощь нуждающемуся вне зависимости от его расовой, этнической или религиозной принадлежности. Для бывших советских граждан (четвертая волна иммиграции) такого рода установка была

особенно значимой, так как позволяла делиться продуктами благотворительных еврейских организаций с родственниками, друзьями и знакомыми, прибывающими из бывшего СССР и, как правило, нуждающимися не только в моральной, но и в материальной поддержке.

Кроме того, основные пункты реформистского течения иудаизма, закрепленные в Питсбургской платформе 1937 г., допускали смешанные браки между евреями и христианами и даже оформление таких браков раввинами по еврейскому обряду. Проповеди и молитвы в реформистских синагогах читаются на английском языке в сокращенном формате, что сильно облегчает пребывание в синагоге русскоязычных евреев-иммигрантов, не владеющих ивритом. Известный американский журналист Шломо Громан склонен считать, что статистические данные преувеличивают численность евреев в США за счет того, что учитывают данные так называемых «реформистских общин», зачисляющих в евреи людей, имеющих, например, еврейских предков не только по материнской, но и по отцовской линии, а также людей, прошедших «облегченный» обряд перехода в иудаизм. Таким образом, искусственно приписав к евреям сотни тысяч человек, «реформисты» говорят об имеющем место в США росте их популярности и влияния [Демонстрации против политических уступок 2002].

Адаптированность реформистского направления иудаизма к реалиям современной американской жизни проявляется и в том, что женщины имеют право стать раввинами, допускаются к чтению Торы и могут быть *хазанами* (канторами). Последним по времени религиозным послаблением в рамках реформистского течения иудаизма стало допущение гражданских браков между лицами одного пола, что подтверждает интегрированность канонов реформизма в социокультурный ландшафт американской жизни.

Еще более современным выглядит конструктивистский иудаизм, основная идея которого состоит в том, чтобы постоянно меняться в

зависимости от конкретных исторических условий, места и времени. Единственным «жестким» правилом конструктивистского иудаизма является понятие Бога как высшей морально-нравственной инстанции, сопоставимой с некой космической силой и служащей залогом соблюдения моральных идеалов и ценностей человеческой цивилизации, не предусматривающей в этом смысле абсолютной свободы выбора. Не трудно заметить, что конструктивистское направление иудаизма находится в противоречии не только с ортодоксальным и консервативным течениями, но и с религиозным реформизмом, допускающим, например, нарушение традиционных религиозных правил и норм поведения. Согласно конструктивистскому иудаизму, представления иудея о Боге напрямую зависят от того, как он сам понимает окружающий мир и свое место в нем [*Радзиховский* 2004: 2].

Наличие столь различных течений в американском иудаизме заметно облегчает жизнь бывшим советским гражданам еврейского происхождения в США. Реформаторство в иудаизме, по сути, позволяют иммигранту вести привычный образ жизни, достаточно формально исполняя свои обязанности по отношению к иудейской общине, а от нее взамен получая реальную помощь и поддержку. Довольно расхожее представление о том, что переезд в США по «еврейскому каналу» вынуждает иммигрантов менять привычную для них самоидентификацию, на деле оказывается мифом. Иудаизм не является для русскоязычных иммигрантов решающим фактором смены идентичности, а скорее, наоборот, благодаря происходящим в нем реформам, позволяет сохранять привычные для иммигрантов ценности, поколениями формировавшиеся на родине.

Обстоятельством, препятствующим процессу смены идентичности постсоветскими иммигрантами еврейского происхождения в США, можно считать и постепенное переформатирование стратегии донорских организаций. Уже к середине 2000-х годов среди доноров еврейской

общины в Америке стало нарастать убеждение, что их миссия по поддержанию русскоязычной общины в основном выполнена, что, во всяком случае, острый период «врастания» постсоветских евреев в американское общество прошел, и что для дальнейшего развития общины нужны другие цели и другая организация, уже не подразумевающая оказания помощи еврейским эмигрантам из постсоветской России в той мере, в которой это делалось раньше.

Подтверждением происходящих перемен, оказывающих влияние на процесс самоидентификации постсоветских евреев США, стали исследования американских социологов, проводившиеся в 2004 (Сан-Франциско), 2011 (Ист-Бэй) и 2017 годах в еврейских общинах Калифорнии. Комплексное исследование 2017 г. фактически включает в себя эмпирические данные предыдущих исследований и к тому же содержит в себе сравнительные материалы, позволяющие использовать дихотомический подход для анализа происходящих в еврейской диаспоре США изменений. Само исследование 2017 г. охватило 10 еврейских поселений, расположенных в районе Калифорнийского залива (Сан-Франциско - Bay Area), и получило название «Портрет еврейской жизни и общин в районе Залива» [A Portrait 2021]. Исследование было инициировано Федерацией еврейского сообщества Сан-Франциско, где проживает четвертая по величине еврейская община США, и осуществлено группой американских социологов под руководством Стивена М. Коэна, Джейкоба Б. Укелеса и Эшли Гроссе. По свидетельству авторов этого исследования, оно является первым в истории комплексным исследованием всей еврейской области Залива (округа Аламеда, Контра-Коста, Марин, Напа, Сан-Франциско, Сан-Матео, Санта-Клара, Санта-Крус, Солано и Сонома) и освещает такие вопросы, как численность еврейского населения в районе Залива, структура их домохозяйств, семейной жизни, особенности повседневности, трансформация еврейской идентичности в современных

условиях и т.д. Основной задачей данного исследования стало расширение круга еврейских учреждений, филантропов, введение новаторских предложений в их работу и создание нового, «яркого» образа еврейской общины в США.

В исследовании принимали участие профессора Калифорнийского университета (г. Сан-Франциско), Стэнфордского университета, Университета Вандербильта, а также Еврейские организации Северной Америки под руководством Директора Community Impact Джули Голд. Результаты исследования были опубликованы 13 февраля 2018 г. на сайте Федерация еврейских общин Сан-Франциско [The Jewish Community Federation of San Francisco, the Peninsula, Marin and Sonoma Counties 2017].

Д. Гроссман, президент Федерации еврейского сообщества Сан-Франциско, комментируя результаты исследования в журнале «The Times of Israel», отметил, что некоторые тенденции, определившиеся в результате исследования, оказались весьма неожиданными. Так, например, выяснилось, что еврейская община района Залива является самой молодой в США (37% взрослого населения здесь составляют люди в возрасте от 18 до 37 лет, и этот показатель выше, чем в любой другой еврейской общине США). Кроме того, еврейская община района Залива является и самой образованной: 42% респондентов получили одну или несколько степеней выпускников, по сравнению с 28% в общенациональном исследовании американских евреев, проведенном Pew Research Center в 2013 г.

Выяснилось также, что наиболее молодые и образованные члены еврейского сообщества США, живущие в районе Залива (одном из самых благополучных в стране), в значительно меньшей степени, по сравнению с другими евреями США, ощущают важность своей принадлежности к этому сообществу. Например, лишь 26% респондентов из района Залива сообщили, что очень важно быть евреем, по сравнению с 38% на западе и 48% в остальной части США. Четверо из десяти опрошенных обозначают

свое вероисповедание как реформистский иудаизм, а еще четыре человека из 10 вообще не идентифицируют себя ни с одной еврейской деноминацией. В этой связи важно уточнить, что, хотя в городах Залива существует достаточное количество синагог и еврейских общинных центров, они не встроены в еврейские кварталы и не образуют улиц, которые можно найти в других городах Америки, с кошерными мясными магазинами, кошерными пекарнями, гастрономами, еврейскими книжными магазинами и другими признаками общинной жизни.

Один из респондентов проведенного группой С.М. Коэна исследования, Л. Гринберг (62 года), заявил, что из четырех городов, в которых он жил со своей семьей, *«в районе Залива труднее всего воспитывать еврейского ребенка*», так как здесь фактически отсутствует интерес к какому-либо формальному участию в жизни общины, членству в синагоге и отправке детей в еврейские лагеря [*Ghert-Zand* 2018].

Кроме того, что особенно подчеркивается в результатах исследования С.М. Коэна, в еврейской общине Залива проявляется общенациональная тенденция растущего нейтралитета по отношению к Израилю, особенно среди молодых людей либерального мировоззрения. Опрос AJC 2018 г. также показал, что более половины (53%) молодых членов еврейской общины США отмечают постоянно возрастающую враждебность в студенческих кампусах по отношению про-израильски настроенным студентам [AJC 2018, № 29].

Несмотря на то, что более 40% респондентов (в возрасте от 35 до 49 лет) уже побывали в Израиле, 20% из них заявили, что не очень привязаны к еврейскому государству. И еще почти четверть отметили, что существование еврейского государства в мире не имеет большого значения. Сам Коэн так прокомментировал ситуацию: «*Эти показатели имеют для меня большой смысл как для ученого… Мы видим движение от коллективного чувства еврейской идентичности к более индивидуальному*».

Подчеркивается также, что снижение степени лояльности Израилю постепенно может привести к ослаблению «единого еврейства» в мире или даже к поддержке движения BDS (Boycott, Divestment and Sanctions), представляющего собой глобальную политическую кампанию, призывающую, в том числе, и к экономическому давлению на Израиль [*Ghert-Zand* 2018].

Ослабление брачных и родственных связей в еврейской общине США. Размывание еврейской идентичности, как отмечают сами американские исследователи, становится особенно заметным при анализе процессов деформация родственных уз как неотъемлемой части большой еврейской общины. Согласно данным опроса С. Коэна 2017 г., так называемая молодежная когорта в Заливе, т.е. члены еврейских общин в возрасте от 18 до 34 лет, постепенно увеличивается и стабильно «находится на подъеме», составляя сегодня 37%. Однако 53% из них не состоят в браке, а 21% поддерживают партнерские отношения, не планируя создание семьи [The Jewish Community Federation of San Francisco, the Peninsula, Marin and Sonoma].

Помимо снижения репродуктивных настроений, в данном исследовании отмечается и такой фактор «размывания» еврейской идентичности, как межнациональные браки. Установлено, что в 25% еврейских домохозяйств Залива один из супругов является испаноязычным, имеет азиатско-американское или афроамериканское происхождение, а также другое этническое или расовое, кроме белого. При этом, среди более молодых респондентов (18-34 года) процент смешанных браков заметно выше, чем среди более респондентов более старшего поколения – соответственно 38% и 27%. К этой же категории репродуктивных рисков следует, очевидно, отнести и достаточно большое число небинарных пар в общине– 10% среди всех респондентов в еврейских общинах Залива и 20%

– среди респондентов Сан-Франциско [The Jewish Community Federation of San Francisco, the Peninsula, Marin and Sonoma].

Смешанные браки для американских евреев представляют непосредственную опасность не только из-за утери «чистоты крови», но и в том смысле, что супруг или супруга иного, не еврейского происхождения, скорее всего, будет ориентироваться на интересы своих родственников, друзей, знакомых, что еще больше в итоге «размывает» собственно еврейскую идентичность. Одним из наиболее убедительных аргументов в пользу именно такого сценария развития событий в связи с увеличением количества смешанных браков является тот факт, что «еврейские доноры» стали больше жертвовать «на сторону», то есть на так называемый независимый сектор и на общеамериканские филантропические нужды. А это университеты, музеи, другие учреждения культуры, которые не входят непосредственно в еврейскую общину, но имеют свои попечительские советы, политические партии, которых лоббируют в своих интересах. В итоге распределение еврейского благосостояния за последние 25 лет, как отмечается в Американском еврейском ежегоднике, упомянутом выше, стало заметно иным и неизбежно сопровождается, по мнению лидеров еврейской общины, исчезновением национальной и религиозной идентичности американских евреев в целом [Американский еврейский ежегодник].

По словам Сэма Клигера, главы отдела AJC по связям с русскоязычной общиной и руководителя исследовательской организации RINA, масштабных исследований по смешанным бракам, подтверждающим или, наоборот, опровергающим мнение о сохранении традиции бракосочетания «со своими», не проводилось. Причину устойчивости такого рода представлений о еврейской общине в США Клигер видит в том, что еврейская молодежь *«…варится в «русском» соусе – дни рождения, свадьбы, тусовки, социальные сети, соседи, друзья родителей и т.д. Если*

три дня в неделю вы проводите в компании русскоязычных американцев (а евреев среди них – большинство) – то найти суженого (суженую) среди них гораздо легче, чем за пределами общины…» [*Клигер* 2016. Цит. по, *Шалыгина* 2021] Однако, по мнению Клигера, тенденция на самом деле иная - количество браков между русскими евреями и иностранцами неуклонно растет, несмотря на данные социологических опросов. Так, дочь его знакомых, русскоязычная еврейка из Нью-Йорка, *«…вышла замуж за ирландца-католика, девушка из другой нью-йоркской семьи - за WASPa (англосакса - протестанта), девушка из Нью-Джерси – за филиппинца. Молодой русскоязычный еврей из Коннектикута женился на дочери христианского пастора – афроамериканца, и у них уже двое детей. А еще один «наш» парень живет с девушкой из Саудовской Аравии… Сын приятельницы (наполовину грузин, наполовину ашкеназский еврей), выбрал в спутницы жизни польку, приехавшую в США по студенческой визе (тоже удачный брак, родилась дочь)»* [*Шалыгина 2021*].

Учитывая сказанное, можно заключить, что русскоязычные евреи, переехавшие на ПМЖ в США на волне новых возможностей, появившихся в результате прекращения существования СССР, в дальнейшем едва ли будут стремиться связывать свою жизненную стратегию в иммиграции с «еврейским проектом». Семьи еврейских иммигрантов, переезжающие в США с детьми, с самого начала (а чаще всего еще во время построения планов переезда) имеют в виду интеграцию именно в американское общество, а не в еврейскую общину.

Эта особенность постсоветской иммиграции достаточно отчетливо проявлялась еще в иммигрантских нарративе 1990-х годов. Так, семья Андрея З. (39 лет), переехавшая из Москвы в США (штат Калифорния) в 1993 г., была изначально ориентирована на полноценное вхождение в социально-экономическую и культурную среду американского общества. Сам Андрей, готовясь к переезду на ПМЖ в США, целенаправленно изучал

тонкости американского английского языка, корпоративные правила поведения на американских фирмах, стилевые оттенки ношения повседневной одежды и т.п. Уже после переезда в Америку, планируя, например, ближайшие личные или деловые визиты, каждый раз подчеркивал, что чем меньше времени проводить среди русскоязычных иммигрантов, тем быстрее удается встроиться в собственно американское общество. В отношении членов своей семьи (жена Светлана и двое детей – Катя 17 лет и Петя 8 лет) Андрей в иммиграции сразу же начал придерживаться тех же принципов – детям рекомендовалось избегать русскоязычной среды и постараться общаться исключительно с носителями именно американского языка, в первую очередь, со своими сверстниками.

Хотелось бы отметить некий парадокс, на который обычно мало кто обращает внимания, анализируя скорость и полноценность вхождения иммигрантов в принимающее общество. Многие русскоязычные иммигранты четвертой волны (любой этнической принадлежности), переехав в США и ориентируясь на полноценную интеграцию в американскую жизнь, в то же время не хотят отказываться от собственного культурного багажа, обретенного ими во время получения советского образования (школа, университет, музыкальные и театральные училища и т.п.), и некоторых сторон советской социализации в целом.

Особенно это относится к жителям крупных городов Советского Союза, где посещение театров, концертов классической музыки, кинопремьер и т.п. всегда считалось нормой культурной жизни и не перегружало в то время семейный бюджет большинства советских граждан. Осознавая ценность полученного в СССР образования и стремясь при воспитании своих детей в условиях иммиграции привить им понимание значения интеллектуального капитала, Андрей З. установил «домашнюю норму» сочинений по русской классической литературе для своего сына-школьника – одно сочинение в неделю. При этом, как уже было сказано,

стратегическое целеполагание в семье было достаточно жестко ориентировано на отказ от повседневного общения на русском языке вне дома. Возникший когнитивный диссонанс по поводу необходимости владения русским языком разрешился подростком в пользу практически полного отказа от него. Уже через год пребывания в США сын Андрея говорил на русском языке с сильным американским акцентом, не задумываясь о грамматике.

В то же время, но уже в другой иммигрантской семье московских интеллигентов еврейского происхождения, которая так же, как и семья Андрея З., перебралась на ПМЖ в США в 1993 г., в отношении к так называемым адаптационным схемам не существовало никаких установленных правил. Семья Михаила Б. эмигрировала из России, если можно так сказать, «в пустоту» (хотя и с полным пакетом иммиграционных документов), т.е. без знания английского языка, достаточного финансового капитала и востребованных на новом месте жительства профессий. Какой-либо стратегии выживания в новых условиях у них не было. Расчет был почти исключительно на благотворительные еврейские организации. Вживание в новую среду проходило нелегко, ощущалось полное отсутствие английского языка, что порождало страх перед любыми внешними коммуникациями. В такой ситуации решение проблемы максимально быстрого принятия американского образа жизни долгое время не было актуальным для членов этой семьи. Скорее речь шла не о вживании в новую среду, а о выживании в ней. В домашней обстановке обсуждались насущные проблемы повседневной жизни, то есть поиск работы, получение водительских прав, устройство сына в школу и т.п., а не переживаний по поводу соответствия или несоответствия американского и российского менталитетов. К тому же все ближнее окружение семьи состояло исключительно из русскоязычных иммигрантов, создавая дополнительные барьеры для органичного вхождения в американскую среду. В результате

подросток сохранил свободный русский язык, включая аутентичное московское произношение. Что касается английского, то обучение в школе и постоянное общение со сверстниками (в начальных классах *public school*, а затем в католической школе) позволило ему без особых усилий полностью освоить и американский английский. Иными словами, процесс разрыва с русскоязычной культурой в значительной степени индивидуален и зависит от множества субъективных факторов, значение которых чаще всего не становится предметом осмысленных иммигрантских рефлексий и не влияет на формирование стратегии их адаптации.

Отсутствие среди большинства русскоязычных иммигрантов стремления окончательно разорвать связи с Россией отметила и американская исследовательница В. Кишиневски, написавшая книгу «Русские иммигранты в Соединенных Штатах: адаптация к американской культуре».

Из интервью с В. Кишиневски: «*Я изучала иммигрантов 1970–1980-х годов. Эти люди уезжали навсегда, поэтому они рвали личные связи с Россией. Да, у уехавших оставались советские родственники, были какие-то взаимоотношения, но эти люди строили свою жизнь на том, что будут жить в США. То есть, большое значения ими уделялось аккультурации. Они делали упор на изучение английского языка, на работу, на культурную жизнь, и на то, чтобы их дети были как можно больше интегрированы в американское общество. Люди, приехавшие в США после распада СССР, колоссально отличаются от предыдущей волны иммигрантов. Они сохраняют тесную связь с Россией. Довольно часто они говорят «дом», подразумевая Россию. Они регулярно ездят в Россию, подписываются на русскую прессу, смотрят русское телевидение, на каких-то собраниях живо обсуждают политическую жизнь России, интересуются результатами выборов и пр. Они делают инвестиции в России, покупают там жилье... Очень многие отдают детей в ясли и детские сады, где*

преподавание идет только на русском. Я знаю много детей, которые дополнительно учатся математике у русских учителей, потому что много русских считают, что в США с этим есть большие проблемы. Эмигранты этой волны ходят на концерты гастролирующих российских артистов, смотрят российские фильмы и телесериалы и т.п. В общем, они гораздо больше интересуются культурной, политической и экономической жизнью России» [*Кишиневски* 2007. Цит. По: Воробьева 2019].

Несмотря на то, что район Залива и, в частности, Кремниевая долина нередко ассоциируются с высоким уровнем дохода в США, проведенное исследование показало, что на самом деле в этом регионе существуют весьма значительные экономические различия среди домохозяйств. Так, процент еврейских семей, имеющих годовой доход 250 тыс. долл. и 50 тыс. долл., оказался практически одинаковым – соответственно 13% и 11%. При этом почти четверть еврейских семей сообщили, что их уровень дохода ниже среднего или они «не могут свести концы с концами». В выводах исследования отмечено, что в социальной помощи нуждаются не только пенсионеры, но и молодые люди, не имеющие постоянной работы. Высокий уровень социального расслоения в этом районе, по данным исследования С. Коэна, приводит к сегрегации населения, отсутствию постоянных контактов между различными группами еврейского населения Залива, что еще больше увеличивает отток молодежи, уезжающей в поисках работы.

Светская некоммерческая организация Еврейская федерация (JF) и ее партнеры рассматривают результаты проведенного исследования как отправную точку для процесса общесистемного обучения и обсуждения того, как решать проблемы еврейской общины в Америке и использовать новые возможности. В связи с этим Д. Гроссман заметил: *«Мы с оптимизмом смотрим на возможность в будущем изменить результаты исследования… У нас невероятно динамичная еврейская община. Мы – большое, высокообразованное сообщество, в которое входят люди,*

действительно заинтересованные в создании и продвижении новой еврейской жизни… Мы также отличаемся предпринимательским духом, и здесь в еврейских руках сосредоточены значительные финансовые потоки, что может послужить базой значительной филантропии, направленной на то, чтобы сделать позитивные изменения в еврейской общине и сообществе вокруг нас» [*Ghert-Zand* 2018. Цит. По: Шалыгина 2021].

Резюмируя сказанное, следует отметить, что результаты проведенного С. Коэном исследования, равно как и включенного наблюдения автора данной диссертации, пока не дают полноценной картины тех изменений, которые происходят сегодня в самоидентификации американских евреев. Единственное, что можно утверждать вполне определенно, это целенаправленная и вполне успешная работа самой еврейской диаспоры США по сохранению своей финансово-политической базы, обеспечивающей постепенное увеличение ее численного состава и материального положения тех, кто исповедует иудаизм и считает себя членом еврейской общины. Эффективность такого рода стратегии подтверждает тот факт, что еврейская община сегодня является одной из самых влиятельных в США и, как никакая другая, содействует успешному функционированию американского государства. Несмотря на то, что евреи составляют менее 3% населения США, абсолютное большинство из них заняты на работах, требующих высокой квалификации. Так, около 40% членов еврейской диаспоры занимают руководящие должности в промышленности и в научной сфере США, а 24% имеют ученую степень [Statistical 2012: 62].

ВЫВОДЫ.

Изменение этнокультурной идентичности постсоветских иммигрантов еврейской этнической принадлежности происходит в следующих направлениях:

1. Еврейская идентичность русскоязычной иммиграции в США переживает период деидеологизации, выражающейся, прежде всего, в десекуляризации, когда предпочтение отдается не традиционным направлениям иудаизма, а его модернизированным формам, облегчающим социокультурную адаптацию иммигрантов в целом.
2. Этнокультурная идентичнность постсоветских еврейских иммигрантов в условиях глобализации наполняется глокальными ценностями, не имеющими жесткой привязки к их исторической родине. Преобладает тенденция индивидуализации еврейской идентичности, развивающеся преимущественно в мультикультурной форме. Коллективная идентичность американского еврейства разивается почти исключительно за счет благотворительности и донорства и выполняет объединительную функцию в процессе адаптации постсоветских иммигрантов еврейского происхождения.
3. Одной из основных причин размывания индивидуальной этнокультурной идентичности американских евреев постсоветских волн являются смещанные браки.
4. Объединение еврейских организаций женщин в США (WAO), начиная с 1970-х гг. приобретает все более централизованную форму, что позволяет более адресно распределять финансовые ресурсы среди иммигрантов и способствует сохранению их коллективной идентичности.

ГЛАВА 5
Ментальные границы этнокультурного кода русских и американцев

Несмотря на различия в сценариях трансформации исходной идентичности русскоязычных иммигрантов постсоветского времени в США, игнорировать их общую ментальную основу, формировавшуюся на протяжении жизни нескольких поколений в условиях единого для них государства, вряд ли возможно. Существует как минимум два уровня рассмотрения ментальных изменений, определяющих в итоге и новую идентичность постсоветских иммигрантов в США – эволюция отношения к их общему советскому прошлому и степень восприятия/принятия американских ценностей и американского образа жизни в целом. По сути, речь идет о замене одного этнокультурного кода другим, и от того, насколько велика для иммигрантов окажется культурная дистанция между двумя этими кодами, зависит вся архитектура их новой идентичности.

5.1. ***Ценностные приоритеты русского этнокультурного кода.*** Современные проблемы «русскости», обсуждаемые сегодня как в общественном, так и в научном пространстве, имеют достаточно долгую по времени историю своего с существования и потому отражающая различные точки зрения по поводу своей сущности и эволюционных изменений. В данном разделе диссертации автор ставит перед собой конкретную задачу определить те историко-культурные маркеры менталитета русских, которые, с одной стороны, являются ощутимым препятствием для смены их этнокультурного кода в иммиграции, а, с другой стороны, способны объединять все русскоязычное сообщество при контакте с инокультурной средой (в данном случае – с американской).

«Дискуссия по поводу понятия менталитета». Само понятие «менталитет» является достаточно спорным и сегодня также дискутируется в гуманитарных науках [*Буянова* 2006]. В самом широком плане понятие

«менталитет» приравнивается, например, к таким научным категориям, как «национальный характер» или «психотип нации» и является предметом междисциплинарных исследований (этнопсихология, этнология, социальная антропология, политология и т.п.). Чаще всего сегодня при изучении менталитета народа применяется системный метод, позволяющий учитывать множество факторов: естественно-географические (размер территории проживания), демографические (численность, доминирующий возрастной состав), этническая и расовая гомогенность, климатические условия проживания, частота межкультурных контактов (открытость/закрытость), социально-экономический тип жизнедеятельности (коллективный, индивидуалистический, кочевой, оседлый и т.д.).

Оценки менталитета русского народа, начало которых можно отнести еще к XVIII–XIX вв., сильно разнятся между собой, в зависимости от исторического времени создания самих произведений или от позиции их авторов. Если, например, историк Николай Карамзин, описывая в XVIII в. тяжелые климатические условия становления русской народности, акцентировал внимание на неизбежности формирования сильного духа, физической бодрости и неутомимости русских, «презирающих невзгоды, голод и нужду» [*Карамзин* 1994: 55–56. Цит. по: *Шалыгина* 2021], то сегодня многие авторы тот же самый фактор непростых климатических условий на территории России связывают с появлением у русских таких качеств, как сплоченность и патриотизм, а также важность для них общих целей развития» [Историогенез 2015]. Территориальным пространством России нередко объясняется наличие у русских «широкой души» [*Сикевич* 1996], так называемая народность в национальном характере русских выводится из их неразрывной связи с землей [*Синякина* 2011: 98), а особая «степная» психология, выражающаяся в отсутствии в характере русских ощущения естественных границ и неодолимом стремлении к перемещению

в пространстве определялось как «монгольское ощущение континента» и противопоставлялось «ощущению моря» у европейских народов [*Савицкий* 1993: 124]. С климатом и обширностью территорий России нередко связываются и такие особенности русских, которые обнаруживают себя в профессиональной деятельности: мечтательность, вдумчивость, бесконечные рефлексии, созерцательность, органично сочетающиеся с недооценкой своего труда, послушанием, терпением, а, с другой стороны – коллективизмом, чувством локтя, готовностью оказать поддержку и помощь [Менеджмент... 2015].

Что касается историко-культурных маркеров формирования национального менталитета, то, с точки зрения некоторых современных отечественных исследователей, он неразрывно связан с монотеистической верой: «Вера формирует смыслообразующие устремления человека, вектор мышления и воли, которые программируют его жизнь и деятельность, его воззрения, намерения и поступки ... Вера определяет первичную систему знаний, структуру ментальной матрицы, наполняет её содержание. Более того, вера обусловливает и характер политической власти целой страны, особенности системы права, её экономический уклад, нравственность, духовность, саму жизнь и судьбу народов, государств, каждого отдельного человека» [*Ракитянски*й 2015. Цит. по: *Шалыгина* 2021].

В отношении русского народа высказывается также мнение, что на формирование его менталитета значительно большее влияние оказали дохристианские верования, чем православие [Русский менталитет ... 2015]. Комментируя подобного рода подход к объяснению самого механизма формирования русского менталитета, член-корреспондент РАН А.В. Юревич отмечает: «*Принятие православия состоялось на Руси вследствие того, что эта религия отвечала основным особенностям менталитета наших предков, а это сдвигает область объяснения в дохристианское прошлое нашей страны*» [Историогенез 2015:105-125). Т.е., с точки зрения

Юревича, существующая двустороння связь между менталитетом и религией в историческом времени обычно разрывается и речь может идти только о влиянии религии на менталитет, а не наоборот [*Юревич* 2016: 93]. В рамках дискуссии о взаимосвязи религии и менталитета русский менталитет противопоставляется капиталистическому сознанию, которое, согласно теории немецкого социолога Макса Вебера, своими корнями уходит в протестантский аскетизм, диктующий модель поведения по принципу «время-деньги» [*Вебер* 2013]. Однако в этой связи хотелось бы упомянуть и известную работу немецкого философа первой половины XX в. Вальтера Беньямина «Капитализм как религия» (написанную в 1921 г., но впервые опубликованную только в 1985 г.), в которой утверждалось, что капиталистическое сознание не столько «выросло» из протестантской религии, как писал Вебер, сколько само сформировалось как религия [*Benjamin* 1996: 288–292]. Дискуссия по данному вопросу остается открытой, но, как представляется автору диссератции, для дальнейшего изучения различий в русской и американсклй ментальности имеет немалое значение.

Еще более острые дискуссии вызывает так называемая гибридность русского менталитета, т.е. влияние на русский психотип восточного славянства, с одной стороны, и татаро-монгольского влияния, с другой. По мнению Н.С.Трубецкого, «…с одной стороны, ханское господство породило такие отрицательные черты в народе, как склонность к разбою и мятежу, неразвитое правосознание, низкопоклонство и заискивание, а также неуважение к частной собственности, с другой – воспитало такие позитивные свойства, как терпение и стойкость, проницательность и способность стойко выносить жизненные тяготы, умение самопожертвования и самоотдачи делу, гибкость и покладистость в процессе общения с другими [*Юревич* 2016].

Влияние восточного славянства на формирование русского менталитета, по-видимому, также нельзя назвать ни доминирующим, ни однотипным, что было отмечено еще Н.М. Карамзиным: «*Поляне были образованнее других, кротки и тихи обычаем, стыдливость украшала их жен, брак издревле считался святою обязанностию между ними, мир и целомудрие господствовали в семействах. Древляне же имели обычаи дикие, подобно зверям, с коими они жили среди лесов темных, питаясь всякою нечистотою, в распрях и ссорах убивали друг друга, не знали браков, основанных на взаимном согласии родителей и супругов, но уводили или похищали девиц. Северяне, Радимичи и Вятичи уподоблялись нравами Древлянам, также не ведали ни целомудрия, ни союзов брачных, но молодые люди обоего пола сходились на игрища между селениями: женихи выбирали невест, и без всяких обрядов соглашались жить с ними вместе, многоженство было у них в обыкновении*» [*Юревич* 2016].

За последние годы (особенно после распада СССР) русский менталитет все чаще оказывается сопряжен с понятием евразийства. Само по себе евразийство, как идейное течение, возникшее в 1920-х годах, имело в своей основе достаточно рациональное начало, учитывая многовековое продвижение русских на восток, включая Урал [Юревич 2016], Сибирь, а также Среднюю и Центральную Азию. Смешение на протяжении веков европейских (славянских, угро-финских, северокавказских и др.) и азиатских (тюркских, монгольских, сибирских и др.) народов привело к их взаимной ассимиляции и, в итоге, способствовало формированию единой и многонациональной российской культуры и одновременно к формированию имперского характера Российского государства, что не могло не отразиться и на русском менталитете [Россия в глобализирующемся мире… 2007]. Однако одной из наиболее характерных особенностей имперского менталитета русских является сформировавшаяся в их сознании за долгие века освоения огромных территорий с не самым

благоприятным климатом ответственность за те народы, которые населяли эти территории, но по разным причинам не стремились к их расширению.

Таким образом, даже краткий обзор исторической информации позволяет акцентировать внимание на том, что на всей территории, которую русские осваивали на протяжении веков, должно было сложиться этногетерогенное общество с особым типом взаимоотношений между народами, который способствовал социокультурной интеграции, т.е. культурному обмену при сохранении и развитии равноценного этнокультурного своеобразия всех населяющих эти территории народов. Можно добавить также, что все институциональные формы государственных образований, от Российской империи до Российской Федерации, так или иначе следовали интеграционному принципу ее развития, постепенно закладывая в сознание изначально этногетерогенного общества те или иные формы единого комплекса доминант мировосприятия.

Наличие коллективного сознания у русскоязычного населения России существенно укрепило свои позиции в советское время, которое фактически обеспечило общий идеологический знаменатель для различных проявлений этнокультурной идентичности в стране. Сложившаяся в итоге система ценностей, с одной стороны, глобализировала советское общество, а, с другой - создала почву для возникновения культурной турбулентности, понимаемой сегодня как глокализация, т.е. стремление к восстановлению, сохранению и развитию аутентичной этноидентификации, которая в Советском Союзе была фактически лишена функционала своего развития [*Тишков* 2003].

Иммиграционные законы США, как было показано в предыдущих главах, несмотря на объединение всех постсоветских иммигрантов в повседневной жизни термином «русские», четко разделяли их по этнической принадлежности, вводя квоты и привилегии именно по

этническому признаку. В результате проведения подобного рода политики все русскоязычные эмигранты, въезжающие в США по иммиграционной визе, изначально были вынуждены идентифицировать себя согласно заявленной в их въездных документах единой этнической принадлежности.

Особенно заметно вынужденная дифференциация по этническому признаку ощущалась среди представителей 4-ой волны переселенцев из Советского Союза (1990-е годы), у которых фактически не было переходного периода для перестройки своего самосознания. В процессе проведения включенного наблюдения в узком кругу так называемых «кухонных посиделок», регулярно (в среднем раз в неделю) собиравшихся в жилищах, арендуемых представителями этой волны русскоязычных иммигрантов в Сан-Франциско (чаще всего – часть дома), автору диссертации удалось установить несколько постоянно обсуждаемых среди них тем, которые так или иначе отражали попытки осознания иммигрантами психологических констант своего нового статуса в США, и на этом основании провести ранжирование подобного рода тем.

В основу ранжирования обсуждаемых на «кухонных посиделках» тем был положен так называемый принцип ценностного гайда (путеводителя), который в различных вариантах достаточно широко используется с конца 1990-х годов российскими социологами, психологами, этнографами и другими специалистами гуманитарных дисциплин для выявления эволюционных сдвигов в ценностной шкале россиян после прекращения существования СССР [*Гринберг* 2002]. В данном случае было выявлено несколько психологических констант, свидетельствующих о наличии у представителей 4-ой волны переселенцев в США нескольких доминант мировосприятия, характеризующих их отношение к понятию «русскость». В общей сложности было учтено мнение 102 человек, собиравшихся вместе для проведения досуга. Чаще всего разговоры о «русскости» происходили на парковых лужайках для барбекю по выходным во время «гостевания»

друзей и знакомых по домам, а также во время родственных сборов по семейным праздникам (г. Сан-Леандро, административный округ мегаполиса Сан-Франциско, штат Калифорния, март 2002 г.).

В большинстве случаев сам процесс ведения подобного рода «русских разговоров» технически никак не фиксировался, т.е. аудио-и видеозапись не велась, поскольку живое общение с иммигрантами, их споры между собой, спонтанно возникающие ассоциации были значительно более информативны, чем любая форма опроса или даже глубинное интервью на эту тему. Еще одна причина, по которой все записи приходилось вести исключительно постфактум, заключалась в специфическом ощущении опасности, которое характерно для поведения всех постсоветских иммигрантов 4-ой волны в США, в связи с не декларируемым контролем за их коммуникациями со стороны иммиграционных органов в стране их нового пребывания. Даже письма в Россию передавались иммигрантами в 1990-х годах, например, исключительно с оказией, а не пересылались стандартным образом по почте.

Ниже представлена таблица, которая составлена диссертантом с целью выявления данных о присутствии в сознании русскоязычных иммигрантов США 4-ой волны элементов так называемого русского психотипа, который гипотетически мог сохраниться не только у собственно этнических русских в иммиграции, но и у других постсоветских переселенцев, проживавших с ними в едином государстве на протяжении нескольких поколений.

Таблица 3

Самоидентификация русскоязычных иммигрантов США с ценностями Русского мира (2005 г.)

№	Историко-культурные доминанты русского психотипа	Этнические Русские (48 чел.)	Этнические Украинцы (34 чел.)	Этнические евреи (68 чел.)

1	Открытость иным культурам и влияниям	43	5	7	27	10	58
2	Межнациональная терпимость	47	1				
3	Самокритичность	-	-	-	-	-	-
	Коллективизм	25	23	3	31	64	4
5	Мессианство	12	31	-	-		
6	Жертвенность	36	12	-	-		
7	Мобилизационный тип психоэнергетики	46	2	30	4	57	11
8	Симбиоз автократии и демократии	-	-	-	-	-	-
9	Традиционализм	29	17	15	19	27	36
10	Футуроориентация сознания	-	-	-	-	-	-
11	Широкий ценностный диапазон	-	-	-	-	-	-
12	Правдоискательство	-	-	-	-	--	-

Для получения глубинной информации, представленной в таблице №1, использовались методы качественного исследования в формате проведения специальных фокус-групп. Данный метод разработан отечественными психологами и обусловлен необходимостью выявления скрытого эмоционального представления респондентов об изменениях в их мировосприятии после переезда в страну своего нового проживания. Как правило, подобного рода эмоциональные переживания не осознаются иммигрантами и не подлежат их осознанной рефлексии (чаще всего просто скрываются), в силу чего понять истинное положение вещей, связанное с трансформацией самоидентификации переселенцев, обычно оказывается весьма затруднительно. Однако «бессознательные желания и отождествления зачастую могут быть обнаружены посредством проективного интервьюирования или внимательного наблюдения несоответствий, ошибок, эмоциональных проявлений. Благодаря дополнительным проективным методикам можно выявить и чисто

интуитивные сферы сознания, которые вводят во внутренний мир» русскоязычных иммигрантов США [О.Т. *Мельникова*].

В данном исследовании были использованы такие проективные методики, как «аналогии» (вербальные символы жизни в России), «направленные мечты» (представления о ближайшем будущем своего проживания в США), «ранжирование и категоризация» (определение условной шкалы ценностей американских и российских реалий), «персонализация» (воображаемый образ личного успеха в Америке).

Полученные в результате использования диссертантом проективных методик данные были сопоставлены с тематическим гайдом, содержащим в себе наиболее характерные для русского психотипа мировоззренческие черты [*Абрамов*: 113–119], и дифференцированно распределены между собственно русскими, украинцами и евреями как наиболее многочисленными сообществами постсоветских иммигрантов в США.

Из таблицы видно, что отношение представителей всех трех этнических сообществ к доминантам русского психотипа имеет достаточно заметные различия, что может свидетельствовать не только о выраженной ментальной специфике, но и о наличии у каждого из этих сообществ собственного сценария формирования этнокультурного кода в иммиграции. Иными словами, условный русский этнокультурный код, который на протяжении поколений объединял собственно русских, украинцев и евреев в СССР как в стране их общего проживания, в США во многом теряет свое объединяющее значение.

Открытость иным культурам и влияниям. Эту особенность часто характеризуют как «всечеловечность» русской души, которая проявляется, *в* частности, в весьма высоком уровне межнациональной терпимости, умении адаптироваться к разным этнокультурным условиям, в обостренном интересе к опыту других стран и народов, сопровождающемся готовностью опробовать и применить его у себя [*Гринберг* 2005]. Однако полевые

материалы 2002 г. позволяют судить о том, что данная составляющая русского культурного кода в иммиграции так и остается приоритетом для этнических русских.

Развитая самокритичность. Самокритичность как рефлексивная черта русского культурного кода практически не обсуждается в иммиграции и не представляет собой сколько-нибудь значимую ценность [*Гринберг* 2005].

«Стихийность» и стремление отыскать «настоящую правду»; «правда» как абсолют, который нередко приобретает форму стихийного нигилизма. Например, в иммиграции нередко происходит отторжение еще недавно общепринятых мифов о «Граде на холме», в которых ими постепенно «обнаруживается» несправедливость. Как видно из полученных полевых данных, в отличие от этнических русских, ни представителей украинского сообщества, ни еврейского данная проблема практически не волнует.

У*беждение в исключительности страны и ее исторического пути* Среди русскоязычных иммигрантов США, регулярно посещающих православные храмы в стране своего нового проживания, данная проблема не является актуальной даже для этнических русских.

Идея жертвенности. Среди представителей этнических русских в США понятие жертвенности вызывало, скорее, ностальгические чувство по образу жизни в СССР, чем какое-либо иное. Среди других групп подобного рода вопросы не обсуждались и даже вызывали недоумение, ввиду отсутствия прецедентов.

С*пособность к очень быстрой психоэнергетической мобилизации*. Учитывая необходимость структурной ассимиляции и интеграции в американский темп жизни, можно считать, что данный элемент русского культурного кода, так или иначе объединявший народы бывшего СССР, в иммиграции оказался весьма востребованной в известной мере

приоритетной ценностью для всех исследуемых русскоязычных этнических сообществ в США, что отражено в числовых показателях приведенной таблицы и ниже будет анализироваться более подробно.

Смешение автократических и демократических традиций. Русская культура представляет собой симбиоз двух традиций – автократической (характеризующейся конформизмом, непротивлением насилию, архаическими обычаями верноподданничества) и демократической (принцип «соборности», способность увлекаться различными общечеловеческими идеями и т.п.). Данная тема также не вызвала интереса ни у одного из трех обсуждаемых в данной работе сообществ. Причина – декларированное доминирование демократических норм в повседневной жизни населения Америки.

Традиционалистские ценности, идеи и представления. Для постсоветских иммигрантов традиционалистские ценности не являются приоритетными, существуют в дискретном виде и «работают» ситуативно.

Футуроориентация сознания. «Придет время, и мы станем жить хорошо». Русскоязычные иммигранты постсоветского периода всех представленных в данной диссертации сообществ иронично и даже скептически восприняли предложение обсудить эту тему, поскольку в США принято ориентироваться исключительно на прагматические ценности, имеющие конкретное измерение во времени.

Как видно из сказанного, этнокультурный код представителей даже первой постсоветской волны переселенцев в США претерпел достаточно заметные изменения, которые особенно отчетливо нашли свое отражение в различных этнических сообществах иммигрантов. Однако непростая архитектура этнокультурной идентичности, сложившаяся к началу 1990-х годов и характерная для всех русскоязычных переселенцев первых постсоветских волн в США, на их новой родине получила, к тому же, дополнительную аксиологическую нагрузку в виде американской системы

ценностей, что еще более усложнило самоидентификацию переселенцев, учитывая необходимость интеграции в их сознании одновременно нескольких этнокультурных кодов, формировавшихся на протяжении веков различными путями и на основе кардинально противоположных принципов.

5.2. ***Историко-культурные конструкты американского этнокультурного кода.*** Относительная схожесть понятий этнокультурного кода и ментальности нации требует отдельного, системного изучения, которое в российской историографии началось еще в начале 1990-х годов, т.е., сразу же после утери советскими гражданами своего единого идеологического пространства и начала эпохи «ментальной растерянности», ознаменовавшейся *«массовым непатриотическим поведением, самоуничижением, неверием в собственные способности, потерей духовных ценностей и ориентации на… западные, преимущественно западнные ценности»* [*Прокипишин*а 2003]. Однако параллельно возникли вопросы и к сути американской ментальности, истории ее формирования, особенностей развития и схожести/нескожести с российской ментальностью.

В самих Соединенных Штатах, как и в России, при изучении ментальности американской нации сложилось несколько направлений, отражающих особенности различных исторических периодов и смену нескольких историко-философских парадигм. Такие авторы, как Э. Валлерстайн, Дж. Тернер, В. Мейер, Д. Бурстин акцентировали внимание на том, что формирование американского менталитета могло происходить под влиянием, например, удаленности от центров цивилизации, богатого ландшафта, относительно мягкого климата, позволяющего на протяжении года выращивать разнообразные сельскохозяйственные продукты. Сочетание подобного рода факторов и приоритет географической изолированности способствовали возникновению ощущения

недосягаемости и, как следствие, развития мировосприятия, независимого от влияния других культур.

Немалую роль в формировании американского менталитета сыграл и такой историко-цивилизационный фактор, как стремление переселенцев на новых землях трансформировать свои старые культурные модели поведения таким образом, чтобы окончательно разорвать культурные связи со Старым Светом. Подобная рода тематика обсуждается, например, в работах Р. Пирса, М. Кюрти, А. Де Торквила.

Еще одним важным обстоятельством, повлиявшим на формирование американского менталитета является установка переселенцев на завоевание для себя нового жизненного пространства, несмотря на сопротивление коренного населения. Современные российские историки, сравнивая в этом смысле российскую и американскую нации, приводят аргументы, разделяющие конечное целеполагание продвижения американцев на запад, а русских на восток в середине второго тысячелетия нашей эры, сравнивая между собой «русскую идею» и «американскую мечту», которая, как полагают некоторые отечественные исследователи, и легла в основу разности русского и американского менталитетов [*Прокипишин*а 2003].

Наиболее спорным, по мнению автора данной диссертации, в дискуссиях о формировании русского и американского менталитетов стал постулат о решающем значении редигии в этом процессе, предопределившей, как полагают многие исследователи, приоритет рационального в менталитете американцев под влиянием протестантства и чувственного - в менталитетет русских под влиянием православия.

Поскольку данный постулат частично уже обсуждался в предыдущем параграфе, здесь хотелось бы лишь подчеркнуть, что далеко не все исследователи признают решающий факт влияния религии на менталитет нации. Так, трое ведущих исследователей проблем национального

менталитета в американской исторической науке середины XX в., Д. Бурстин, Р. Хофстдетер и Л. Хартц в качестве основателей так называемой «школы консенсуса» предложили прочтение американской цивилизации как абсолютно неприемлющей абстрактные догмы и теории, характерные для «прогрессистской» историографии в США того периода. С точки зрения основателей «школы консенсуса», схоластическая идеология, которая много веков доминировала в Европе, для жизни переселенцев в условиях непредсказуемости освоения новых пространств, требующих быстрых и зачастую принципиально новых реакций и моделей поведения, переселенцам, не подходила.

Например, полагал Бурстин, «*демократическая нация, как и любая другая, нуждалась в методах определения стратификации общества. Так как категории классов, которыми пользовались в Старом Свете, были неприемлемы, то открывались определенные возможности для введения и использования количественных категорий. Статистические сообщества, порождение новой статистической науки, выдвинули ранее неизвестные пути объединения людей в определенные группы, между которыми имеются серьезные различия. Все группы были равноценными. Ни одна из них не рассматривалась как «лучшая» по сравнению с другими. Создавалось впечатление, что количественные оценки людей (один человек – один избирательный голос) символизировали равенство, к которму стремилось демократическое общество»* [*Бурстин* 1993].

Именно предприимчивость и смекалка, а, главное, трудолюбие, по мнению Бурстина, обеспечили в итоге американской нации ее особый менталитет “лидера”, проявляющийся в самых различных сферах социальной жизни. Соратник Бурстина по “школе консенсуса” Ричард историк, профессор Колумбийкого университета Ричард Хофстедте (1916-1970), в своей известной книге «Американская политическая традицияи и ее создатели», переведенной на русский язык в начале 1990-х годов изложил

свои идеи о природе капиталистического мировоззрения и его принципиальных отличиях от коммунистического мировоззрения. По его мнению, несмотря на многочисленные дискуссии, посвященные сути капиталистического сознания, в США изначально воспринимали экономическую и финансовую грамотность как наиболее важные качества человека [Хофстедте 1992].

Известный сторонник идеи американской исключительности историк Луис Хартц в своей работе «Либеральная традиция в Америке» отметил, что адекватное понимание философско-идеологических концепций, востребованных Соединенными Штатами Америки, возможно только в сопоставлении, например, с социальными войнами на территории европейских стран. Американцы, доказывал Л. Хартц, развивались иначе: изолированность материка позволяла им формировать свои собственные историко-культурные традиции на основе либерализма и демократии [*Хартц* 1993. Цит. по: *Шалыгин* 2012]. Концепции истории США в духе следования *принципам консенсусного развития* содержали в себе абсолютизацию исторического пути США, подчеркивая бóльшую, по сравнению с Европой, степень политических свобод и меньшую степень социального неравенства, достигаемые на основе экономической и политической демократии.

Концепции истории США в духе следования принципам консенсусного развития содержали в себе абсолютизацию исторического пути США, подчеркивая бóльшую, по сравнению с Европой, степень политических свобод и меньшую степень социального неравенства, достигаемые на основе экономической и политической демократии. Однако американские историки середины XX в. нередко выстраивали свои концепции «исключительности» исторического пути США, имея в виду лишь некоторые штаты колониального периода [*Brown* 1955]. Развернувшаяся в американской историографии научная дискуссия

показала, что тезис о господстве демократии среднего класса [Шалыгин 2012] в США не имеет под собой достаточной источниковедческой базы и потому не характерен для всей Америки.

В 1990-е годы в американской историографии складывается новое направление – постколониальная критика, которая стремилась сформировать представления о так называемой мировой периферии по отношению к США. К этой группе относятся работы А. Шлезингера-мл., Б. Перкинса, А. Стефансона. Так, А. Шлезингер-мл. описывал американскую историю и менталитет американцев как борьбу двух противоположностей. С одной стороны, американцы – это избранный народ и поэтому должны и могут изменить мир. Но, с другой стороны, американцы такой же народ, как и все, с теми же достоинствами и недостатками. Шлезингер-мл. отмечает, что американцы, осознав успех «эксперимента под названием Америка», в большинстве своем уверовали в собственное мессианское предназначение. Исходя из этого, внешняя политика США с самого начала в большей степени основывается на придуманных ими же догматах (доктрина Монро, изоляционизм, морализаторство, кампания за права человека, решающая роль Америки в истории), нежели на реальности. Отцы-основатели Америки, согласно исследованию А. Шлезингера, были твердо убеждены, что предпринимают невиданный в истории эксперимент, возрождая в новых условиях принципы Римской республики. Однако преимущества, которыми они располагали, были обусловлены, с их точки зрения, благоприятными географическими и демографическими моментами, а не божественным вмешательством. Бенджамин Франклин, один из отцов-основателей США, например, объяснял неизбежность независимости Америки такими прозаическими факторами, как рост населения и свободные земли, но отнюдь не замыслом Провидения [*Шлезингер-мл.* 1992. Цит.по: *Шалыгин* 2012] .

Тем не менее идея «Провидения» владела умами первых американцев не в меньшей степени, чем идея «эксперимента». Корнями «провиденческая» идея уходит в историю кальвинистского учения, согласно которому «каждая эпоха находится в руках Божьих». Первые колонисты Новой Англии ощущали себя покинувшими родной дом по некоему призыву свыше для того, чтобы, претерпев невообразимые лишения и испытания в стране, полной опасностей, стать, по выражению генерала армии Конфедерации в годы Гражданской войны в США 1861–1865 гг. Эдварда Джонсона, «…воинами Христа в Новой Англии, подлинным чудом века» [*Miller* 2001:145. Цит. по: *Шалыгин 2012*]. Писателю Герману Мелвиллу принадлежат известные слова об особом американском предназначении: «*Мы, американцы, особые, избранные люди, мы – Израиль нашего времени; мы несем ковчег свобод миру... Бог предопределил, а человечество ожидает, что мы свершим нечто великое; и это великое мы ощущаем в своих душах. Остальные нации должны вскоре оказаться позади нас... Мы достаточно долго скептически относились к себе и сомневались, действительно ли пришел политический мессия. Но он пришел в нас*» [*Мелвилл* 1973: 35. Цит. по: *Шалыгин* 2012].

Однако Конституция Соединенных Штатов Америки, как писал английский историк и политический деятель Джеймс Брайс (1838–1922), была творением людей, которые верили в первородный грех и были полны решимости не оставить ни одной двери, которую можно было закрыть… Они были смелыми и невозмутимыми реалистами, ввязавшимися вопреки теологии в грандиозную игру [*Bryce* 1888. Цит. по:*Шалыгин* 2012].

Отцы-основатели не остались равнодушны к предположению, что открытие Америки – это порочная ошибка. Возможно, первое поколение американцев и смотрело на новое государство как на эксперимент и, возможно, также думало, что этот эксперимент будет недолговечным. Но в своих инаугурационных и прощальных речах отцы-основатели положили

начало традиции подчеркивать удачное течение «эксперимента». Так, в инаугурационной речи Вашингтона говорится: «Сохранение священного огня свободы и судьба республиканской модели правления справедливо считаются глубочайшим и конечным образом зависящими от эксперимента, доверенного рукам американского народа». В прощальной же речи Вашингтон выдвигает аргумент в пользу того, что, если и имеется сомнение, то «пусть опыт разрешит его. Прислушиваться к спекулятивным рассуждениям в таком деле преступно... Оно (становление американского государства) вполне заслуживает полного и честного эксперимента» [*Иванян* 2004. Цит. по: *Шалыгин* 2012].

Далее был сделан еще один шаг к тому, что Александр Блэкберн, назвал «империализмом правого дела», а от Блэкберна – к мессианской демагогии Альберта Дж. Бивериджа: «*Бог готовил англоязычные и тевтонские народы в течение тысячи лет не для пустого и ленивого самосозерцания... А из всей нашей расы Он отметил американский народ как нацию, избранную Им для того, чтобы в конце концов быть ведущей в деле возрождения мира*» [*Шлезингер-мл.* 1992: 289. Цит.по: *Шалыгин* 2012].

Таким образом, создавалось впечатление, что в лице Соединенных Штатов Америки была создана нация, уникальная по своей добродетельности и свободная от мотивов, которыми руководствуются все остальные государства. «*Америка единственная идеалистическая нация в мире»,* – заявил двадцать восьмой президент США Вудро Вильсон (1913–1921 гг.) в ходе своей поездки в западные штаты в 1919 г. –*Это великая идеалистическая сила в истории… Я верю, что она содержит в себе духовную энергию, которую ни одна другая нация не в состоянии направить на освобождение человечества... В ходе великой войны Америка обладала неограниченной привилегией исполнить предначертанную судьбу и спасти мир*» [*Шлезингер-мл.* 1992: 289. Цит. по: *Шалыги*н 2012].

Среди американских исследователей в 1980-х годах существовало мнение, что возникновение и быстрое развитие американской нации в основном обязано принудительной аккультурации иммигрантов, сформировавшей в итоге этнократическую основу политический системы в США [*Persons* 1983]. Культура США описывалась как «плавильный котел» («melting pot»), в котором слились воедино культуры различных этнических общностей, составляющих население страны. Сам принцип «плавильного котла» был озвучен еще в начале XIX в. Джоном Квинси Адамсом, писавшем об иммигрантах так: «*Они должны сбросить свою европейскую кожу и никогда больше не возвращаться к ней. Они должны смотреть вперед в будущее, а не оглядываться назад на своих предков; какими бы ни были их собственные чувства, их дети должны стать приверженцами этой страны»* [*Light* 1989: 360]. На практике это означало, что с самых первых дней своего пребывания в США «вновь прибывшие» должны были беспрекословно принимать англосаксонские обычаи. Однако история показала, что единого знаменателя для определения сценария развития миграционных процессов не существует.

В середине XX в. некоторыми американскими исследователями были предприняты попытки сопоставления американской и российской моделей государственного устройства на многонациональной основе, что в итоге привело к различным и даже взаимоисключающим выводам. Так, с одной стороны, высказывалось мнение, что Соединенные Штаты возникли на основе включения в свою молодую нацию иммигрантов как самых обездоленных представителей других наций, нашедших в Новом Свете пристанище и свободу, а Россия якобы развивалась на основе насильственной ассимиляции покоряемых национальных меньшинств [*Pipes* 1969: 312]. Согласно другой точке зрения, проблема этнических меньшинств и дискриминации по национальному признаку в США стоит намного острее, нежели в России, в связи с тем, что крепостное право в

России никогда не было основано на этническом и тем более расовом признаке, в отличие от рабства в США [*Hollander* 1969: 284]. Между этими крайними точками зрения существует ряд промежуточных, приверженцы которых не столь категоричны в своих суждениях.

В конце 1980-х годов американский журналист Д. Шиплер писал, что, «несмотря на многонациональность Советского государства, включавшего тогда в себя более 100 национальных, этнических и расовых групп, СССР никогда не был “плавильным котлом”, так как все эти группы сохраняли свои языки, алфавиты, некоторые элементы религиозных традиций, самобытные культуры, историческую гордость и ряд других формальных проявлений национальной идентичности» [*Shipler* 1989: 337]. В какой-то мере подобного рода характеристика СССР соответствует и нынешнему подходу к культурному плюрализму в Америке, по отношению к которому используются метафоры «миска салата» («salad bowl» или «tossed salad»), «пицца» («pizza») и т.п., отражающие суть единого культурного пространства с сохранением ярко выраженных этнических особенностей отдельных групп населения.

Но при этом нельзя отрицать и существование определенной двойственности в отношении современного американского общества к многонациональности в своей стране. С одной стороны, весь процесс социализации в США построен на идее поликультурности («меняющиеся лица нации»), закрепляющей в сознании подрастающего поколения чувство национальной гордости и ориентацию на собственные этнокультурныеи ценности. А с другой стороны, в США по сей день сохраняются проблемы, связанные с разнообразием расовых и этнических характеристик населения, что противоречит российскому менталитету и создает дополнительные сложности для установления взаимопонимания и интеграции русскоязычных иммигрантов в американское общество.

5.3. **Ценностные дихотомии в российско-американских отношениях.** *Взаимосвязь языка и менталитета*. Формирование национального менталитета под влиянием развития языка была сформулирована еще В. Гумбольдтом как расхождение в культурно-языковых кодах: «Языки – это иероглифы, в которые человек заключает мир и свое воображение» [*Гумбольдт* 1985: 349]. В первой половине XX в. американский лингвист и антрополог Эдуард Сэпир (1884–1939) совместно со своим учеником Бенджамином Ли Уорф (1897–1941) выдвинули гипотезу о взаимосвязи характера мышления с грамматическими и семантическими категориями языка, вызвавшую в свое время многочисленные критические замечания по поводу того, что именно – язык или мышление – является детонатором возникновения этого симбиоза [*Маслова* 1997: 36]. Тем не менее с идеями Сэпира – Уорфа в какой-то степени и сегодня солидарны представители европейского направления неогумбольдтианства (Л. Вайсгербер, Г. Гольц, Г. Ипсен, П. Гартман и др.).

Некоторые российские исследователи языковой идентичности народов, следуя теории Сепира – Уорфа, в 1990-х годах также рассматривали возможность реконструкции «коллективного бессознательного» (менталитета) через «комбинаторику концептов языковых значений» [*Карасик* 1992: 15]. Другие, напротив, утверждали, что «сознание невозможно понять посредством лингвистического исследования текста» [*Мамардашвили* 1997:40. Цит. по: *Леонтович* 2000]. Связь с гипотезой Сепира–Уорфа прослеживается и в конструктивистских направлениях теории коммуникации, согласно которым, действительность оформляется с помощью языка, а коммуникация – это «феноменологическое пространство в пересечении социального и психологического» [*Макаров* 1998: 28. Цит. по: *Леонтович 2000*]. С их точки зрения, именно язык структурирует и «конструирует» действительность, которая сама по себе пассивна и

аморфна. Для обозначения этого явления используется термин «in-form» («информировать» и «придавать внутреннюю форму»).

К концу XX в. в этой области было проведено достаточно много исследований, выводы которых сходятся в одном: развитие языка и менталитета народа находятся в тесной взаимосвязи между собой. Сегодня этнолингвистами рассматривается вопрос о существовании у каждого народа собственного *лингвосоциокультурного кода,* содержащего в себе базовые значения его самоидентификации. Если конечное целеполагание иммигранта в новой этнокультурной среде направлено на смену собственной самоидентификации, то, по мнению этнолингвистов, речь должна идти не просто о механическом накоплении культурно-языковых знаний, а о глубокой трансформации всего лингвокультурного кода самого иммигранта [*Астафурова* 1997: 26].

Однако помимо общих закономерностей, непосредственно связанных с постепенным освоением нового языка, специалисты в области межкультурных коммуникаций выделяют целый ряд парадоксальных «ловушек», которые даже при отличном владении иностранным языком могут серьезно тормозить усвоение лингвокультурного кода принимающей страны.

Во-первых, при соприкосновении различных культурно-языковых систем, возникающих в иммиграции, происходит естественная модификация привычной для каждой из сторон модели общения с трудно предсказуемым для установления взаимопонимания результатом [*Bootzin* 1991: 286]. Во-вторых, возможно возникновение дисбаланса объемов информации о своей и чужой культуре, что также не способствует взаимопониманию между представителями различных культур. В-третьих, в случаях, когда иммигранту при общении с представителем принимающей страны необходимо объяснять собеседнику все тонкости своей культуры, заложенные в ней имплицитно, исчезает фактор экономии усилий при

установлении взаимопонимания, являющийся залогом эффективного общения. В-четвертых, коммуникативные неудачи в иммиграции могут возникать из-за «разности когнитивных структур в феноменологических полях» представителей разных культур [*Макаров* 1998: 32], что способно привести к неадекватному поведению. В-пятых, несовпадение скриптов (привычных, стереотипных действий внутри каждой культуры) [*Леонтович 2*002] или неправильный выбор ситуативных речевых средств маркируют иммигранта как «чужака» и серьезно усложняют его взаимоотношение с носителями другой языковой культуры. В-шестых, общий объем культурной памяти у иммигрантов, особенно принадлежащих к первому поколению, в той или иной форме всегда сохраняет свое доминирующее значение в процессе адаптации к другой культуре.

Помимо перечисленных ментальных «ловушек» усвоение русскоязычными иммигрантами 1990-х годов лингвокультурного кода американцев осложнялось еще и тем, что статус английского языка в мире является наиболее вероятным кандидатом на положение глобального, в силу чего он является родным языком для подавляющего большинства жителей США, Канады, Великобритании, Ирландии, Австралии, Новой Зеландии, Южной Африки и ряда государств Карибского бассейна, а, кроме того, используется как официальный язык в более чем 70 государствах мира и имеет приоритет как иностранный язык, преподаваемый в школах более чем 100 стран мира, включая Россию [*Белая 2008*].

Широкое распространение английского языка по миру как глобального коммуникационного средства неизбежно приводит к диверсификации как грамматических, так и фонетических его особенностей, порождая множество этносоциолингвистических модификаций [*Тимофеев* 1998]. Особенно ярко эти модификации начинают проявлять себя в сфере межнациональных и межрасовых отношений многонационального государства, когда иммигранты сталкиваются с

необходимостью выбора адекватных средств общения при идентификации носителей смешанной соматики (оттенки цвета кожи, разреза глаз, степени курчавости волос и т.п.), имеющей для американцев значение едва ли ни «визитной карточки» в процессе повседневного общения человека. По мнению известного американского лингвиста Э.Д. Хирша, различные этнорегиональные варианты английского языка, скорее, создают дополнительные барьеры в процессе коммуникации, чем снимают их [*Hirsch* 1988: 75].

Таким образом, восприятие русскоязычными иммигрантами в США американского английского, даже при весьма хорошем знании английского, который они изучали у себя на родине, во многом соответствует знакомству с любым другим новым для них языком, отражающим иную культуру [*Weaver* 1993: 159–160]. Преодоление языкового барьера, а также способы, которые иммигранты применяют для решения этой задачи, представляет собой самостоятельную проблему, так как отражает степень их адаптации и готовность к смене идентичности.

Этнофилизмы как фактор, препятствующий смене лингвокультурного кода постсоветских иммигрантов в США. Наиболее характерным примером языкового барьера, возникающим в процессе интеграции русскоязычных иммигрантов в американское общество, можно считать восприятие ими стереотипных американских этнонимов. В данном диссертационном исследовании была предпринята попытка на базе включенного наблюдения выявить наиболее типичные сложные для восприятия иммигрантов этнофилизмы (или этнических эпитеты), которые в США обычно используются в качестве обращения к представителям той или иной этнической группы или расы, но далеко не всегда адекватно воспринимаются иммигрантами, в силу этимологических особенностей подобного рода терминов. Ориентация в ассоциативном пространстве этнических эпитетов необходима иммигрантам для полноценной

коммуникации с представителями новой для них культуры и установления взаимопонимания с ее носителями. Однако этнофилизмы зачастую имеют негативную коннотацию, незнание которой способствует возникновению конфликтогенной ситуации и наносит ощутимый ущерб всему процессу адаптации иммигрантов. Ниже приводятся примеры наиболее сложных для идентификации русскоязычными иммигрантами этнических эпитетов в США, собранные автором в процессе включенного наблюдения и уточненные на основе Оксфордского словаря современного слэнга Джона Айто и Джона Симпсона (2010 г.).

Наибольшие коммуникативные трудности у постсоветских иммигрантов вызывали (и вызывают) этнонимы, относящиеся к темнокожему населению США. Объяснение этому факту, очевидно, следует искать в долгой и достаточно болезненной истории формирования межрасовых отношений на территории Америки, их ситуативной инверсии и длительному периоду накопления в коммуникативных практиках. Происхождение некоторых этнонимов, относящихся к афроамериканцам, иногда датируется даже XVIII или XIX вв., т.е., рабовладельческим периодом в истории США, но продолжающих использоваться и сегодня.

В данном разделе приводится авторская систематизация этнофилизмов, вызывающих наибольшие затруднения у русскоязычных иммигрантов США. Например, термин *Afro engineering (niger rigging)* изначально появился как обозначение «негритянского такелажного дела», но со временем обрел коннотации с некачественной, кустарной работой и стал использоваться для обозначения чернокожих американцев как менее ценных работников, по сравнению с белыми американцами. В начале XX в. появился термин *Alligator bait,* подразумевающий якобы тот факт, *что* афроамериканцы ни на что не годны, кроме как стать приманкой для аллигаторов. Со временем данный этноним чаще всего стал использоваться по отношению к чернокожим детям, не склонным к послушанию.

Уничижительным считается эпитет водевильного образа *Aunt Jimamy,* т.е., означающий чернокожих женщин, стремящихся угодить белым женщинам и особенно распространенный на юге США. К этой же категории эпитетов, унижающих достоинство черных женщин относится и имя *Ann (Мисс Энн)*, который, как правило, используется по отношению к черной женщине, ведущей себя «как белая». Исторически сложившимся считается этноним *Black brute (buck)*, относящийся к чернокожим мужчинам, отказывающимся подчиняться законам белых властей и считавшихся неисправимо жестокими, грубыми и развратными. Изначально негативный смысл содержится и в слове *Blue gum*, подразумевающем якобы неискоренимую леность чернокожих. Серьезным оскорблением считается и *выражение Porch Monkey (обезьяна на крыльце)*, понимаемое не только как якобы изначально присущую чернокожим леность, но и неспособность обеспечить себе и своей семье достойное существование и по этой причине постоянно сидящим на крыльце своего убогого жилища. В не менее негативном смысле используется и *Coon* (продажность), применяемое также к чернокожим.

К анализу этнофилизмов следует добавить и личные впечатления диссертанта при проведении включенного наблюдения. Основной характеристикой человека при первом знакомстве в США является его в той или иной форме отмеченный социальный статус и, прежде всего, наличие работы. Если кто-то из тех, кто живет в США достаточно долгое время и хочет помочь «вновь прибывшему» быстрее встать на ноги, то, представляя его, например, даже работнику в автосервисе, обязательно начнет с того, что сообщит о кредитоспособности клиента в самой простой форме, как, например, - «у него есть работа!». Обычно этой характеристики в подобных случаях оказывается достаточно, чтобы машину приняли в работу. Пустое времяпрепровождение, когда иммигрант сидит дома и не предпринимает активных усилий для поиска заработка, в США не поощряется. Такой

человек быстро обретает имидж «обезьяны на крыльце» и в дальнейшем уже вряд ли может рассчитывать на оказание помощи своего окружения при трудоустройстве.

Термин *DEI hire* носит дискриминационный оттенок и используется в одинаковой мере как по отношению к небелым, так и по отношению к женщинам, которые могут получать работу только через *tokenism* (социальную практику, направленную на искоренение неравноправия в США и борющуюся за инклюзивность, т. е. баланс социального и гендерного равенства в стране), но не имеют права занимать руководящие должности. DEI *hire*, как правило, используется при заочной характеристике человека и далеко не однозначно воспринимается русскоязычными иммигрантами, не знакомыми с тонкостями употребления этнонимов в США. Результатом обычно становится неадекватная ориентация в деловой среде и потеря коммуникативных возможностей иммигранта.

Еще более усложняет ситуацию с восприятием норм языкового поведения русскоязычных иммигрантов в США разнообразие этно-расового состава населения страны. По отношению к американцам, имеющим европейские корни, например, использование этнонимов артикулирует социальный статус – bog *(bogtrotter, т.е. «болотный рысак»)* применяется по отношению к ирландцам, *bohunk*.- к выходцам из Восточной Европы, *china Swede* – к финским иммигрантам, dago – к итальянцам, грекам, испанцам и португальцам, *cheeseating (поедающие сыр*) – к французам, *hike* – к сицилийским иммигрантам и т.п. Каждый из этнонимов считается прозвищем, но далеко не всегда доброжелательным, поэтому для несведущего человека (т.е., не знакомого с тонкостями американской лингвокультуры) их использование в повседневном общении может привести к нежелательным этно-расовым конфликтам, которые в США находятся под особым надзором государственных и общественных структур.

Особенно примечательно использование в этом смысле такого термина, как *Injun*, появившегося в связи с обсуждением политики в отношении коренного населения США и артикуляцией ее коррупционной составляющей. Термин Injun означает человека, использующего политические инструменты для получение собственной выгоды в деле «защиты» коренного населения Америки. Тонкая грань, отделяющая в данном вопросе правозащитника от коррупционера, носит откровенно ситуативный характер и практически является манипулятивным инструментом в национальной политике страны, находящейся вне компетенций иммигрантов.

Рунглиш как собственный лингвокультурный код русскоязычных иммигрантов. Не менее острую проблему в процессе адаптации русскоязычных иммигрантов к американской языковой культуре представляет процесс формирования в их среде собственного лингвокультурного кода, который, скорее, усложняет, чем упрощает их межкультурные контакты на новом месте проживания. Представители 4-ой и 5-ой волн русскоязычной иммиграции, независимо от их этнической принадлежности, по прибытии в США практически сразу же сталкиваются с феноменом, получившим название *рунглиш,* т.е., нарушением всех основных правил как русского, так и английского языков при соединении русскоязычной и англоязычной лексики.

Появление подобного рода лингвистической практики связано именно с постсоветской иммиграцией, так как русскоязычные иммигранты, живущие в США по 30-40 лет, сохраняют литературный русский язык, на котором говорят как дома, так и в окружении своих бывших соотечественников. Как правило, это потомки белоэмигрантов, возложившие на себя миссию во всем объеме оберегать русскую культуру и русский язык в иммиграции. Воспоминания бывшего кадета Константина Федоровича Синькевича, обучавшегося в Крымском кадетском корпусе,

дислоцированном в г. Стрнище (1920 гг., Сербия): *«В нас воспитывали чувство любви к корпусу, к русской армии, к России, к ее славным воинам, писателям, поэтам, художникам и композиторам, и, прежде всего, к русским государям, веками собиравшими землю русскую в одну великую и могучую державу… Патриотическими лозунгами и девизами были украшены все стены наших помещений. Весь день, едва открыв утром глаза, мы находились под влиянием этих призывов, запомнившихся навсегда. Знаменитое стихотворение К.Р. «Наш полк», все кадеты без зазубривания знали наизусть, а другое его стихотворение, «Кадету», переписывали на первую страницу своих альбомов или дневников. Каждый, перечитывая его в сотый раз, чувствовал, что оно относится к нему лично, что оно написано для всех, но и для каждого в отдельности»* [*Крымский кадетский корпус*].

Причина, по которой постсоветские иммигранты после переезда в США начинают активно использовать рунглиш, представляет собой достаточно широкую исследовательскую задачу, решению которой посвящены специальные этнолингвистические работы. Так, по мнению российского лингвиста Сафоновой А.Е., апеллирующей к результатам изучения отдельных случаев из повседневной практики коммуникаций украинцев в Великобритании, участники исследования продемонстрировали «…заметное влияние акцента родного языка на английское произношение как с точки зрения мелодики, так и прочих фонетических особенностей, свойственных их родному языку» [*Сафонова* 2020]. Данная особенность поведения, как полагает Сафонова, подтверждает «гипотезу критического периода», согласно которой таким образом происходит удержание акцента родного языка и (подсознательный?) отказ от полной ассимиляции с носителями языка в стране нового проживания.Иными словами, использование рунглиша в

США может свидетельствовать о неосознанном стремлении иммигрантов к сохранению своей этнокультурной идентичности.

Другая концепция принадлежит канадской исследовательнице Элизабет Гэтбонтон (Конкордия университет), которая предлагает объяснять включение иммигрантами фонетических особенностей родного языка в язык носителей принимающей культуры стремлением сохранить лояльность своей иммигрантской группе [*Gatbonton* 2005]. Нередко в этнолингвистических исследованиях встречается и такая точка зрения, согласно которой стремление иммигрантов к чистому произношению при использовании языка носителей в новой стране проживания вызывает много нежелательной критики и обычно звучит фальшиво [*Lybeck* 2002].

В данном диссертационном исследовании для понимания причин использования русскоязычными иммигрантами (причем не только 4-ой, но и 5-ой волны) рунглиша в практиках повседневного общения даже после 10 лет проживания в США был использован инструмент кейс-стадис вкупе с включенным наблюдением и полуструктурированным интервью. Данный подход относится к категории качественных исследований и позволяет выявлять скрытые факторы влияния на появление феномена рунглиш в среде постсоветских иммигрантов США. Основная задача проведения интервью диссертантом состояла в получении ответов на вопрос, является ли рунглиш лингвистической формой стремления иммигрантов к сохранению своей этнокультурной идентичности или причины его активного использования русскоязычным сообществом США имеют иное происхождение. В качестве респондентов были отобраны несколько русскоговорящих семей, имеющих детей-школьников и проживающих в г. Сан-Франциско не менее 10 лет (1993–2003 гг.), всего 14 взрослых и 7 детей-подростков.

Опрос проводился в формате «длинного стола», т.е. с учетом максимально возможного уровня осведомленности исследователя о

повседневной жизни членов каждой семьи (возраст, уровень дохода, образования, специфика профессиональных занятий, режим дня, коммуникативные предпочтения, проведение досуга и т.д.), сведения о которой были выявлены заранее в процессе нескольких этапов проведения включенного наблюдения. Последовательное использование двух основных методов полевого исследования – включенное наблюдение и проведение неструктурированного интервью в изучаемой группе – позволило максимально расширить возможности получения информации, так как в каждом отдельном случае обеспечивало рефлексивное взаимодействие между респондентом и интервьюером. Так называемая «двойная рефлективность» (методология, предложенная еще в 1990-х годах британским социологом Теодором Шаниным) учитывает не только мнение самих респондентов по поводу изучаемого предмета, но и открытое обсуждение этого предмета с интервьюером, т. е., своего рода двойную его интерпретацию. Кроме того, в рамках методологии «двойной рефлексивности» учитываются также те смыслы изучаемого предмета, которые признаются, в том числе, и всей группой респондентов. В итоге ожидаемый результат опроса, по мнению Т. Шанина и его последователей, способен приобретать «эвристическую силу» и глубоко проникать вглубь изучаемой проблемы [*Штейнберг* 2009: 25].

Перечень вопросов для проведения неструктурированного интервью с респондентами, использующими в своих повседневных практиках рунглиш, был составлен с учетом таких факторов, как возраст, профессиональная занятость, опыт изучения английского языка, продолжительность проживания в США, возможности и сложности изучения английского языка в США, общее восприятие иммигрантами образа жизни американцев, реакция членов диаспоры в целом на использование рунглиша и др. Полученные в результате проведения интервью ответы по большей части представляют собой расширенную

рефлексию иммигрантов о своей жизни в США, способах коммуникации как с членами диаспоры, так и с американцами различной этнической принадлежности.

Использование рунглиш относится исключительно к «внутреннему» культурному коду среди «своих» и, на первый взгляд, имеет чисто утилитарное объяснение: «*Ему (ей) так проще*», «*…да, вот так и забывают русский…*», *«… а что, на английском точнее и короче получается…*» и т.п. Набор слов и даже целых выражений на рунглише довольно обширен, однако усваиваются они «вновь прибывшими» достаточно быстро, буквально после первого объяснения их общепринятого значения. Наиболее употребительными считаются, например, следующие выражения:

«Welcome to America! Тут все турку едят!» (индейка" – "turkey; иногда произносится и как «тёрка»)

«Купи слайсик турки» (кусок индейки)

«*Надо пожарить турку на бэкъярде, а то вэкэйшн же…*» (на бэкъярде - на заднем дворе, вэкэйшн – выходные дни)

«Мать хотят отправить в нарсельком» (Nursing home – «дом престарелых)

«Апартмент хороший такой – апгрейдид бэдрумс, волкин клозетс…» (улучшенные ванные комнаты, большие кладовки, в которые можно войти)

«Хаттаб у них есть, никаких забот!» (хаттаб –сокращ. от выражения Home attendant – сиделка)

«Вынеси гарбич» (garbage – мусор)

«Жалуются, что таксы больше стали» (tax – налоги)

Закажи мне шримпы! (креветки)

Принтер аут офф пейпер» – (в принтере закончилась бумага)

«Столько сейлов вчера было!» (много покупок)

«У них теперь трехбедрумная квартира у оушена» (трехспальная квартира у океана) [Шоп, турка 2011].

Журналист и лингвист по своему базовому образованию, полученному в России, Лео Мозес, переехавший в США 20 лет назад, так «диагностировал» состояние русского языка в США: «*Можно ли защитить себя от рунглиша? Это возможно, но для этого вам придется устранить любое общение с русскоязычными иммигрантами. В Америке почти не осталось чистого русского, зато здесь есть английский и русская версия английского. Если ваш круг общения состоит из американцев, в течение десяти лет вы выработаете достаточный языковой навык, чтобы считаться почти носителем. Но если вы будете общаться с русскими, перспективы не такие радостные – вы не только не улучшите английский, но и похороните заживо родной. Я назвал эти изменения необратимыми не для красивого слова, а потому что проверил диагноз на себе. Человек, который всю жизнь ратовал за абсолютную чистоту языка, настолько погряз в лингвистической миксологии, что иной раз не может сказать и одного предложения, в котором бы не было идиотских заимствований»* [Шоп, турка 2021].

Итоги проведения неструктурированного интервью позволили сделать несколько важных выводов. Во-первых, рунглиш используется исключительно при общении членов русскоязычных диаспор между собой, независимо от того, является ли эта диаспора собственно русской, украинской или еврейской. При общении с американцами как с носителями английского языка русскоязычные иммигранты рунглиш не употребляют («*Они* [американцы] *ведь по-русски не пониают*!»). Во-вторых, использование рунглиша при общении друг с другом в основном характерно для иммигрантов, не ставящих перед собой цель стать полноценными американцами и по этой причине не стремящихся в полной мере освоить ни грамматику, ни фонетику английского языка. Говорить на английском для

них, судя по всему, затруднительно, что и определяет в итоге круг их общения. Для тех русскоязычных иммигрантов, кто имеет достаточно высокий уровень образования и у кого нет проблем с усвоением иностранного языка, рунглиш неприемлем и воспринимается как дурной тон. В-третьих, использование рунглиша иммигрантами 1990-х годов является своего рода маркировкой границ между теми, кто приехал в США раньше, и теми, кто переехал недавно, определяя статус первых как старожилов и вторых, наоборот, как неопытных новичков («неместных»), нуждающихся в опеке. Рунглиш, таким образом, постепенно становился мерилом ассимилированности иммигрантов и принятия ими американского образа жизни, в каких бы парадоксальных формах это ни проявлялось.

5.4. Влияние американского феминизма на самоидентификацию русскоязычных иммигрантов. Помимо лингвокультурного измерения культурной дистанции, не меньшее значение для коммуникаций постсоветских иммигрантов в США имеет и гендерное измерение, обладающее особой чувствительностью к так называемым нормам восприятия и вербализации «мужского» и «женского».

Философские постулаты современного американского феминизма». Соотношение мужественности (маскулинности) и женственности (феминности) в США намного более динамично, чем в России и нередко подвержено радикальным изменениям, в связи с социокультурными изменениями в американском обществе. Детонатором гендерных изменений в США являются влиятельные направления феминизма, реконструирующие традиционные модели маскулинности/феминности как в самих Соединенных Штатах Америки, так и далеко за пределами, по сути, предлагая определять новые параметры этих понятий для всего мира [*Шалыгина* 2021].

Сегодня, по версии Forbs, к наиболее влиятельным феминистским организациям относятся UN Women (Женщины ООН), WEDO (Women’s

Enviroment and Development Organization – Женская организация по развитию и охране окружающей среды), Women's International League for Peace and Freedom (WILPF – Международная женская лига за мир и свободу), Business and Professional Women's Foundation (BPWF – Женский профессионально-деловой фонд), International federation of University Women (IFUW – Международная федерация университета женщин), Global Fund for Women (GFW – Глобальный фонд для женщин), NOW (National Organization for Women – Национальная организация для женщин) и многие другие.

Идеологическая палитра феминистского инструментария в США настолько разнообразна, что фактически охватывает все наиболее известные на сегодняшний день философские течения. Так, *либеральный феминизм* фокусирует свое внимание на возможности женщин откровенно демонстрировать и поддерживать свое равенство с мужчинами, делать свой собственный выбор и принимать самостоятельные решения в любой сфере жизни [*Stetson* 1991: 14–18; *Norton* 1989: 420]. *Экофеминизм* напрямую связывает авторитарность мужчин с господствующим отношением человека к окружающей среде [*Allison* 1995)]. Главный тезис *анархо-феминизма* – борьба с патриархатом как в личной, так и в общественной жизни - в последние годы оказался напрямую связанным с оппозицией по отношению к традиционной семье, образованию и институту брака (М. Харман, Лоис Вайсбрукер, М.Е. Лазарь и др.). *Черный феминизм* утверждает, что классовое угнетение, расизм и сексизм неразрывно связаны друг с другом (интерсекциональность) и отражают современный уровень дискриминации (А. Дэвис, Кимберли Креншоу, Элис Уокер и др.). *Постколони*альный феминизм сегодня принято связывать с так называемым Глобальным Югом и общей геополитической установкой на многополярность современного мира, борьбу за гендерное равенство, в котором признается равенство всех этнорасовых женских движений и отказ

от приоритетности их западных моделей (Джамайка Кинкейд, Франц Фанон и др.). В США активно проявляет себя и *социалистический феминизм*, ставящий перед собой цель искоренения патриархата путем противостояния общепринятым гендерным ролям (Энн Кредт, Кейт Миллет и др.), а также *постмодернистский феминизм,* декларирующий множественность истин, ролей и реальностей. Новейшими направлениями американского феминизма можно считать такие движения, как трансфеминизм, чикано-феминизм, постструктуралистский феминизм, транснациональный феминизм и др.

С позиций философской антропологии конструирование новой модели поведения в полоролевой сфере сопряжено с тенденциями постепенного отказа от эссенциалистских позиций в изучении природы человека как вечной, неизменной сущности и обращения к более конструктивному объяснению ее эволюционных изменений [*Шалыгина* 2021: 339]. С начала XXI в. так называемому фундированному биоконсерватизму, «обеспокоенному» возможным биотехнологическим изменением человека [*Хабермас* 2002], начинает активно противопоставляться антиэссенциалистская антропология трансгуманизма, считающая естественным явлением радикальную трансформацию человеческой природы. При этом чаще всего не принимается во внимание тот факт, что и сам эссенциализм способен к трансформациям (философский закон «исключенного третьего»), постепенно обретая формат неклассического эссенциализма.

Согласно основным концептам неклассического эссенциализма, природа человека находится в постоянном развитии, в силу чего противопоставление биоконсерватизма и трансгуманизма становится, по сути, бессмысленным. В современном антропологическом дискурсе более актуальным является тезис о конвергенции концептуальных положений эссенциализма и антиэссенциализма, которые представляют собой крайние

точки единого ценностного континуума знания о человеческой природе, но которые постепенно сближаются (биологический подход) или даже начинают взаимодействовать между собой (философский подход). Например, неклассический эссенциализм «соглашается» учитывать индивидуальное в процессе исторического развития человеческой природы, а антиэссенциализм «признает» наличие общего у неповторимых индивидуальностей. Или: с позиций неклассического эссенциализма, человек – это динамическая константа, а с позиций антиэссенциализма, человек – это материал, который приспосабливается к изменениям социокультурного окружения [*Шалыгина* 2021].

«Поло-ролевые дихотомии в отношениях американцев и русскоязычных иммигрантов». Анализировать современные трансформации поло-ролевых традиций в иммигрантской среде, как представляется, следует с учетом фундаментальных позиции двух кардинальным образом противостоящих друг другу течений в рамках гендерной теории.

На примере тщательного проведения американскими исследователями социолингвистического анализа поло-ролевых особенностей мужского и женского поведения видно, насколько глубоко ими изучались данные исследований по этому поводу в собственной стране, и насколько традиционным, т.е., основанным на признании гендерной бинарности, был в те годы их методологический инструментарий. Например, изучение лингвокультурных особенностей мужчин и женщин в США показало, что в американском английском прилагательные *logical (логически мыслящий), aggressive (сильный, волевой), dominant (упрямый), forceful (безрассудный), hard-headed (дерзкий), reckless (непреклонный), stern (суровый), argumentative (любящий спорить)* употребляются преимущественно для характеристики мужчин, а прилагательные *poised (уравновешенная), gentle (нежная, мягкая), soft-hearted (мягкосердечная),*

submissive (покладистая), fearful (легковозбудимая), excitable (робкая), shy (застенчивая), touchy (обидчивая) – для описания женщин. А в парах таких лексем, как *master/mistress (хозяин/любовница), bachelor/spinster (холостяк/старая дева), governor/governess (правитель/гувернантка)*, «мужские» существительные, как правило, имеют нейтральную или положительную оценочность, в то время как «женские» – отрицательную [*Леонтович* 2002].

Однако по отношению к русскоязычным женщинам-иммигранткам из бывшего СССР американские исследования проводились в несколько иной тональности. В этот период (1970–1980-е годы) в американской литературе стали появляться попытки создать таклй образ русской женщины, который бы вызывал негативные чувства у американцев по отношению к советскому образу жизни и, наоборот, подчеркивал бы преимущества американского образа жизни, когда женщина ухожена, хорошо одета, кухня в ее доме оборудована всем необходимым, перед домом цветник и т.п.

Восприятие американскими мужчинами русских женщин впервые стало формироваться в США на основе политически ангажированных технологий, характерных для периода холодной войны. Но и после прекращения существования СССР технологии по создания специфического имиджа русской женщины сохранили свою актуальность. В середине 1995 г., например, американские студенты, получившие задание описать русскую женщину, представляли ее следующим образом:

«…Она всегда уставшая, замученная тяжелой домашней работой после трудового дня на предприятии, не имеет времени радоваться жизни».

«…Типичная русская женщина - лет сорока или старше - с утра до вечера крутится, чтобы добыть пропитание для своей семьи. Она отрицательно относится к общественной жизни и не понимает демократии».

«…Она постоянно приносит себя в жертву, значительно больше, чем мужчина, очень рано старится и мало живет».

«…Не имеющая никакого представления о радости секса».

«…Измученная одинокая мать, которой все время недоплачивают на работе и недодают простого человеческого внимания в обществе, рано потерявшая привлекательность, не научившаяся радоваться - и все равно неистово мечтающая о неземной любви».

«…Она просто с ума сходит от хорошо одетых и приятно пахнущих мужчин».

«…Она не равноправна с мужчиной и хуже, чем просто человек второго сорта, потому что не понимает, как бороться за лучшую жизнь».

«…Угнетена государством и «мужским» обществом, и еще больше - жестоким обращением мужа, который никогда не помогает».

«…Смертельно уставшая от тяжелой работы, от надоевшего мужа, с которым не имеет возможности развестись из-за бедности и квартиры, и часто - от родителей мужа, у которых тоже нет своего жилья» [Представление американцев о российской женщине после развала СССР 2020].

Образ русской женщины позднего советского периода, закрепленный в сознании американцев, способствовал формированию у них представлений о ней как исключительно об искательнице «заокеанского мужа» в качестве идеального варианта решения всех своих проблем в перестроечной России [*Шалыгина* 2024]. Основной причиной стремительно растущего количества русско-американских браков и стремление русских женщин переехать за океан, согласно этой логике, объявлялась нехватка так называемых «брачных мужчин» в России, т.е., не способных обеспечить семье финансовую безопасность и материальный комфорт, а, кроме того, злоупотребляющих алкоголем, курением и т.п., приводящим к их высокой смертности [*Johnson 2007*]. По мнению других американских социологов,

Леванта и его коллег, в российском менталитете излишне укоренены архетипы мужественности (маскулинности), не поддающиеся изменениям во времени и попросту разрушающиеся в периоды социально-политических кризисов под давлением факторов риска [*Levant* 1996]. Третий вариант объяснения социологами США всплеска в конце XX – начале XXI вв. заинтересованности русскоязычных женщин в заключении брака с партнером из Соединенных Штатов, заключался в том, что опыт постсоветских женщин, по сути, признавался интерсекциональным, т.е. бросающим вызов одномерным структурам, отдающим приоритет лишь какому-то одному аспекту идентичности, например, этнической принадлежности, классу, статусу иммигранта и т.п. (*Yuval-Davis* 2006].

Все перечисленные конструкции, как полагают сами американские социологи, изначально являются гибкими и изменчивыми, формирующимися на пересечении целого ряда социокультурных факторов, характерных для того или иного периода исторического времени, и потому не должны восприниматься как раз и навсегда определенные локации. С другой стороны, социокультурный опыт постсоветских женщин в США, благодаря такой логике, признается уникальным, так как соединяет воедино их привилегированную расовую идентичность (белые) с маргинальной идентичностью женщин-иммигранток. Самим так называемым «невестам по почте» (по переписке), к тому же, приписывалась и девиантная идентичность, означающая зависимость от американского мужа и связанную с этим статусом уязвимую социальную позицию в США [*Oum* 2003; *Arieli* 2007].

В контексте рассматриваемой темы интерсекциональность русскоязычных женщин-иммигранток США следует воспринимать как сложно сконструированную идентичность, отдельные элементы которой обладают разными степенями резистентности к американской культуре. К наиболее устойчивым элементам гендерной идентичности русскоязычных

иммигрантов, судя по включенному наблюдению диссертанта и проведенным интервью, относятся бинарные оппозиции маскулинности и фемининности, архетипически заложенные в традиционной модели их поло-ролевого поведения. И, с этих позиций, поведение русскоязычных женщин-иммигранток в США, как считают американские феминистки. провоцирует появление у американских мужчин состояние когнитивного диссонанса.

С одной стороны, имплицитно присущая американским мужчинам маскулинная модель поведения якобы вынуждает их искать себе брачную пару среди женщин тех культур, где сохраняются традиционно бинарные поло-ролевые отношения. А, с другой стороны, американские мужчины, ориентирующиеся на категории женской независимости, пропагандируемые феминистской идеологией [*Шалыгина 2024*], сегодня уже не пытаются даже подать им пальто или помочь донести тяжелую сумку, открыть дверь и т.п. Более того, Включенное наблюдение диссертанта позволило в середине 2000—х годов зафиксировать многочисленные случаи проявления подобного рода отношений среди американских мужчин и женщин. Например, даже незначительная ссора пары в общественном месте давала женщине право тут же обратиться к полицейскому с жалобой на притеснение со стороны ее спутника. В итоге мужчину немедленно усаживали в полицейскую машину, отвозили в полицейский участок и на неопределенный срок там задерживали, выясняя все обстоятельства произошедшего. Такого же рода ситуации повторялись в магазинах, аптеках, общественном транспорте и т.п., формируя, по сути, признаваемую американским обществом модель отношений между мужчинами и женщинами.

Материалы включенного наблюдения диссертанта, проводившегося в районе Калифорнийского залива в середине 2000-х годов, свидетельствуют, что привычные для большинства русскоязычных мужчин-иммигрантов

жесты оказания вежливого внимания женщинам, например, в общественных местах в США уже в те годы могли быть расценено как *харассмент*, то есть домогательство со стороны противоположного пола, и привести к вполне реальному наказанию, включая уголовное. В одном из туристических агентств г. Сан-Франциско, например, среди рекламных буклетов туристических поездок по США, лежащих на столе для посетителей, на видном месте располагалась пачка глянцевых листков с руководством для путешественников, если они вдруг окажутся в группе с русскими. На черно-белых картинках красными линиями были отмечены сцены, в которых мужчина, например, пропускает женщину в открытую дверь, подает ей руку, помогает сесть на стул и т.д. Любое из выделенных изображений было перечеркнуто, так как являлось напоминанием об агрессивных сексуальных намерениях, которые якобы исходят от русских мужчин, проявляющих внимание к женщине в путешествии.

К середине второго десятилетия XXI в. американские женщины-блогеры сами озаботились тем, как «уберечь» своих соотечественников-мужчин от ошибок харассмента. При этом речь не идет о пересмотре самого концепта харассмента, скорее, наоборот, американки пытаются перестроить отношение мужчин к женщинам на основе принципиального изменения мужского восприятия противоположного пола. Например, по мнению блогера Анны Кларк, мужчинам необходимо научиться перестать видеть в женщине – деловом партнере именно женщину и просто начать «тренировать» свое воображение различными отвлекающими образами, представляя на месте миловидной девушки, например чемпиона мира по смешанным единоборствам, серийного убийцу и т.п. [*Clark* 2017]. Таким образом, как предполагается, естественное и физиологическо обусловленное восприятие женщин у американских мужчин должно уступить место чувству опасности и мобилизовать у них соответствующие рефлексы.

Но подобного рода модели мужского поведения не находят положительного отклика у русскоязычных женщин-иммигранток и в результате провоцируют новую цепочку недоразумений и межкультурного непонимания [*Шалыгина* 2024]. В качестве комментария к происходящим в США гендерным трансформациям и их восприятию носителями русскоязычной культуры представляется важным привести мнение российского политолога Сергея Михеева, прозвучавшее в телепередаче известного телеведущего Владимира Соловьева 30 сентября 2021 г. на телеканале «Россия 1». Суть выступления Михеева сводилась к тому, что современная американская аналитика все чаще содержит в себе женское начало как особый способ мышления, которое, по мнению политолога, значительно более эмоционально, чем так называемое мужское, и нередко откровенно непредсказуемо. Михеев в своем выступлении использовал и такие выражения, как «истеричность официальной американской аналитики», «упертость» и т.п., что также связывал с особенностями женской психологии. По его мнению, «женское начало» фактически стало доминировать в менталитете американского политического истеблишмента («вырвалось на свободу») и лишило его холодного расчета, присущего мужскому началу. В результате, уверен российский политолог, «достучаться до здравого смысла (американских официальных лиц. – *Н.Ш.*) и их аргументов стало попросту невозможным.

Разница между мужским и женским началом, как можно понять из выступления Михеева, не должна исчезать, «одно не должно поглощать другое», иначе «женский характер» современной американской политики может стать опасным для мирового равновесия. Актуальный на день выпуска данного политического телешоу мем «красивая переводчица Путина» Михеев прокомментировал как спонтанное проявление «нормальных» мужских реакций со стороны американцев, буквально «задушенных» многочисленными гендерными ограничениями в

собственной стране, но еще не утерявшими окончательно своего мужского начала. Главная опасность такого положения дел в Америке, подвел итог своему выступлению Михеев, это то, что от «этих людей», отказавшихся от своей природой данной сущности, сегодня зависят судьбы мира и человечества. Их мышление и мировоззрение, изменившееся до неузнаваемости под влиянием феминизма, «лишено здравого смысла… они уже не совсем понимают, что происходит в мире на самом деле, так как для них исчез главный критерий – разделение на мужское и женское». Подчеркнув, что трансгендеры – это отнюдь не смешное, а реально опасное для современного мира явление, Михеев напомнил и о том, что с помощью подобного рода трансформаций человек теряет свою идентичность и становится безоружным перед новыми технологиями управления.

При общем сравнении поло-ролевого общения американцев и русскоязычных иммигрантов в процессе включенного наблюдения было отмечено несколько существенных различий. Набор «позволительных» фраз в процессе случайного общения мужчин и женщин в незнакомой обстановке в русскоязычной культуре обычно достаточно строго регламентирован и не выходит за рамки, если можно так сказать, нейтральной в сексуальном отношении тональности. Так, условно русская манера общения мужчин и женщин сохраняет известную долю стыдливости, которая не позволяет женщине, например, спросить у мужчины в общественном месте, как пройти в туалет Вежливость и комплиментарность в поведении мужчин по отношению к незнакомым женщинам в общественных местах для россиян являются едва ли не обязательными признаками хорошего тона. Однако для американской культуры именно комплиментарность и вежливость мужчин по отношению к незнакомым женщинам в общественных местах могут быть расценены как домогательство со стороны мужчины [*Шалыгина* 2024].

Кроме того, дистанция полов, установленная в США, для русскоязычных иммигранток во многих случаях оказывается трудно принимаемой, например, во время совместного посещения ресторана, где, согласно американской традиции, каждый платит сам за себя, если не было иной договоренности. Подобного рода поведение мужчин и женщин среди американцев считается проявлением уважения к достоинству и независимости женщин, в то время как для русскоязычных иммигранток данная особенность американской культуры стабильно остается некомфортной и нередко мешает началу формирования близких отношений [*Шалыгина* 2024].

Блогер Мария Гурьева: «*Вопрос, кто должен платить на первом свидании, всегда довольно неловкий. Особенно если вы встречаетесь с иностранцем и еще не очень хорошо знаете его менталитет. Согласно данным опросов Money и SurveyMonkey, подавляющее количество американцев убеждены, что на первом свидании должен платить мужчина. При этом за такую практику выступают 85% мужчин и только 72% женщин. Однако в том же опросе респонденты мужского пола отмечали, что их огорчит, если спутница даже не попытается предложить ему заплатить поровну. Интересно, что популярный сайт для знакомств с иностранцами Match.com пишет в рубрике советов, что примерно до 4–5-го свидания молодому человеку стоит оплачивать счета самостоятельно, демонстрируя и свой финансовый статус, и серьезность намерений по отношению к девушке, а дальше она тоже должна проявить инициативу* [Отношения с иностранцем].

Однако русскоязычные представительницы 5-ой иммиграционной волны (в основном молодежь, переехавшая в США в середине 2000-х годов) отмечают значительно более сложную логистику развития поло-ролевых отношений с американскими мужчинами, которая далеко не ограничивается общеизвестными фактами о посещении ресторана.

Блогер Ольга, 24 года: *«Отношения разные, кто-то какие-то стадии опускает, а кто-то застревает в них на всю жизнь. Мои наблюдения. Я живу в относительно большом городе, здесь немного по-другому. Мое окружение составляют американские студенты 19-24 лет. Это с их слов. Вынос мозга по мне. Пишу то, что рассказали. Есть стадия "talking" это когда что-то намечается. После нее идет процесс hanging out. Вроде такого осмотрительного встречания. Часто с сексом. Или "booty call" так называемый звонок по нужде (сексуальной, конечно). Затем dating, стадия встречательная. Кстати, и на свидания можно ходить с другими людьми по-прежнему. Потом "seeing each other" похоже на dating. Но появляются зачатки эксклюзивности. Pmx это pretty much exclusive (почти эксклюзивные права на постель с одним человеком), но пока без официального объявления. Потом кто из пары предлагает быть exclusive и, если оба соглашаются, это значит, что спать с другими уже нельзя. И уж потом in relationship (отношения в нашем понимании). Если все идет хорошо (уже знакомы/отношаются пару лет, пара съезжается. Период сожительства варьируется. Часто еще несколько лет. Потом следует предложение. Стадия подготовки к свадьбе (планируют за год-два) Покупка квартиры или дома. Приобретение собаки.* Планирование детей. *Ну и потом рутина совместной жизни лет на 20. Пенсия, путешествия. Дальше дом престарелых (с внуками здесь не принято сидеть) … Что мне показалось прикольным: если на день рождения или на Новый год девушке молодой человек дарит собаку, это пипец какое событие. Значит, что намерения очень серьезны* [Красивая американская…].

Дарья, 26 лет**:** *«В моем окружении было много интересных людей, которые развиваются и строят своё будущее. Таким не до отношений. Американцы очень простые, их мало что беспокоит, они любят проводить время для себя - развлекаться, куда-то ездить, собираться с друзьями.*

Майка я встретила в лагере волонтёров, мне показалось, что он не похож на других. Наши отношения продлились полгода, я больше не выдержала. Он оказался очень пассивным, это касалось всех аспектов наших отношений. По словам других девушек, это слабая сторона американцев. Со вторым парнем не сложилось по этим же причинам. Американцам не хватает эмоций, в них нет искры. Я бы не смогла выйти замуж за такого человека, мне было бы очень скучно…» [Американцам не хватает эмоций 2020].

Блогер Мария Гурьева, 34 г. основательница компании «Study America»: «*…Обычно свидания в США гораздо проще: это обычное общение в кафе, прогулки, походы в кино. Популярное место для знакомства у американцев — это бар или ресторан. На улице оно происходит редко, потому что ритм жизни в городах очень высокий и большинство передвигается на машинах или такси…»* [Отношения с иностранцем].

Юлия Ярмоленко**,** журналистка украинской службы «Голос Америки»: «*Когда подружки с Украины спрашивают, что мне кажется странным и чего не хватает в отношениях с американцами, я рассказываю совсем не о финансовой составляющей ухаживаний. Я честно признаюсь: не хватает спонтанности, иррациональности, бессмысленных романтических поступков, красивых жестов без долгих объяснений и обоснований. Это в Америке тоже есть, но в основном на Netflix — в разделе романтических* комедий [Отношения с иностранцем].

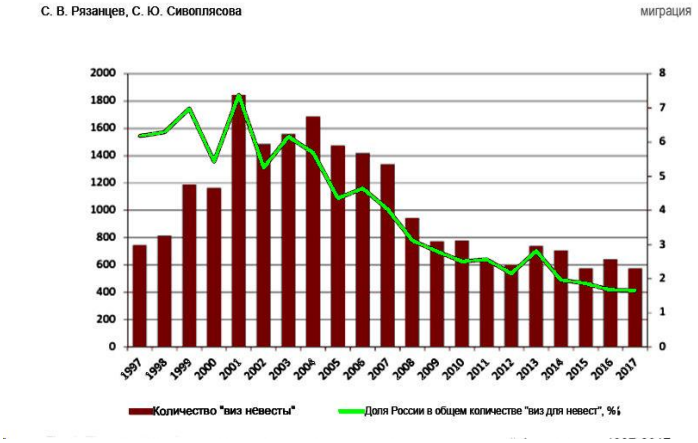
Если попытаться свести все разнообразие пабликов Рунета на эту тему к общему знаменателю, то основной причиной поло-ролевой дихотомии в отношениях русских и американцев окажется недовольство современных россиянок, живущих в США, недостатком маскулинных черт в поведении американских мужчин. В свободном практически от всех поло-ролевых ограничителей американском обществе русскоязычные женщины, в отличие от американок, нуждаются в сохранении традиционных норм

поведения, основанных на четко распределенных бинарных установках. При этом речь не идет об идеологическом противостоянии каким-либо феминистским движениям американок в США, скорее, наоборот, русскоязычные иммигрантки попросту игнорируют эти движения, формируя свою собственную модель «женской свободы» [*Шалыгина* 2024].

Русско-американские браки. Одним из результатов такого ценностно-эмоционального несовпадения поло-ролевых ожиданий, причем, достаточно глубокого несовпадения, которое далеко не всегда обнаруживается в количественных исследованиях и по этой причине недостаточно артикулируется в научном дискурсе, как представляется диссертанту, стало заметное снижение и количества русско-американских браков, активно заключавшихся в 1990-начале 2000-х годах на основе заключения брачных контрактов американских мужчин и русскоязычных женщин постсоветского пространства, так называемые «невест по почте». Ниже приводится диаграмма, наглядно демонстрирующая снижение русско-американских браков, заключавшихся в США, опубликованная С.В. Рязанцевым и С.Ю. Сивоплясовой [*Ryazantsev* 2018].

Рисунок 7.

Динамика заключения русско-американских браков в США (1997-2017 гг)



Цит. по: The number of «bride visas» issued by US to the citizens of the Russian Federation in 1997—2017. Source: Report of the Visa Office 2017. U.S. Department of state — Bureau of Consular Affairs

На диаграмме видно, что пик заключения русско-американских браков в США пришелся на начало 2000-х годов, когда экономическая ситуация в самой России была особенно тяжелой, но потом количество заключенных браков достаточно резко стало снижаться. Согласно данным Госдепартамента США, ведущего статистический учет иммигрантов по типам выданных виз, включая так называемые «визы невест», россиянкам в течение 20 лет (1997–2017 гг.) была выдана 21.700 брачных виз.

Приведенные данные о динамике заключения русско-американских браков в 1990-начале 2000-х годов свидетельствует, в том числе, и о нарастании проблем, связанных со сложностями установления взаимопонимания в семейной жизни. В качестве одного из интернет-источников информации для изучения брачных предпочтений русскоязычных иммигрантов в диссертации использовался форум Рунета «Говорим про Америку», на котором теги раздела «Беседка: дискуссии и посиделки» являются одними из наиболее востребованных [Говорим про Америку].

Скажите, пожалуйста, а на каком языке вы разговариваете с мужем? У вас свободный английский? – «… Не как носитель, конечно, мой акцент всегда со мной, от него не избавиться. Словарный запас тоже далеко не как в русском. Но у меня второе образование – английский, поэтому говорила на нем изначально при знакомстве с мужем, хотя это и выглядело как твоя моя не понимай, … с поиском и переводчиком».

Bowhunter, январь, 2009 г. «…Дома с женой говорим по-русски, с детьми иногда по-русски, но, если хотим быть уверены, что дети нас поняли, говорим с ними по-английски. Дети… родились не в России, поэтому русский язык для них не родной. Кое-как говорят на нём, естественно, с

акцентом и с ошибками (“Я уходю”). Ни читать, ни писать по-русски, конечно, не умеют. Я когда-то хотел, чтобы мои дети знали русский язык. Отдал старшего сына в какую-то русскоязычную группу, где детей учили языку ставили детские спектакли на русском. Каждый вечер читал ему книги на русском языке. Однажды я читал ему “Капитанскую дочку” и прочтя главу “Поединок” спросил его, всё ли он понял. Он ответил, что всё понял, а когда я спросил, что такое поединок, он ответил, что это такой обед, когда все едят.

Даже те дети, чьи родители прилагают неимоверные усилия, чтобы их дети знали русский как родной, никогда не добиваются стопроцентного успеха. Я помню, как в Бостоне во время party хозяин рассказывал, как его сын свободно говорит по-русски наравне с любым московским парнем его возраста. Тут как раз появился его сын и один из гостей решил проверить этого парня. Сын хозяина, действительно очень бойко говорил по-русски и почти без акцента. В конце этого миниэкзамена гость сказал: “Да, ты не лыком шит!” Мальчик задумался, а потом спросил: “Shit -понял, а что такое “нелыком”[Вопрос к живущим в Америку].

Судя по результатам проводимых автором неструктурированных интервью среди молодых женщин, работавших на кассе и в цехах русского магазина на ул. Гири в г. Сан-Франциско (всего 6 человек), их выбор брачного партнера после переезда в США, был связан не с белыми американскими мужчинами, о чем немало россиянок мечтают, находясь у себя на родине, но не в эмиграции [*Маховская* 2003], а с соотечественниками или мигрантами из других стран, чаще всего, из стран Восточной и Юго-Восточной Азии. Изучение новых тенденций межэтнических браков, проведенное в рамках проекта Корейского института перспективных исследований, показало, например, что среди американских корейцев от поколения к поколению, начиная с 1960-х годов, постоянно растет доля межэтнических браков. Уже к 1990 г. в этой этнической группе был самый

высокий процент смешанных браков среди всех азиатских общин США – 70% [*Min* 2009]. И это несмотря на то, что корейцы являются самым поздним звеном эмиграции в США, по сравнению с китайцами или японцами. Наиболее привлекательными брачными партнерами, судя по результатам этого исследования, для американских корейцев каждого поколения всегда становились белые супруги, но не рожденные в США, а лишь натурализовавшиеся. Причем среди женщин-кореянок такой выбор брачного партнера был заметно предпочтительнее, по сравнению с мужчинами-корейцами – соответственно 50,0% и 23,4% в 2006–2008 гг. [*Min* 2012].

К сожалению, исследований, в которых приводились бы конкретные статистические данные о том, с представителями каких именно белых народов азиатские иммигранты в США вступают в браки, пока нет, поэтому делать обоснованные выводы о том, насколько часто заключаются браки между, например, кореянками и русскоязычными иммигрантами на данный момент нет возможности. Но по результатам включенного наблюдения, большинство молодых людей, которые в начале 1990-х годов, еще будучи детьми, переехали с родителями из России в США, предпочитали жениться на девушках-азиатках – филиппинках, кореянках или японках. Приблизительно из 10 брачных союзов, заключенных в начале 2000-х годах среди молодых русскоязычных мужчин-иммигрантов США, шестеро женились на азиатках, один молодой человек – на иранской девушке, еще один – на литовской девушке-иммигрантке и двое – на своих соотечественницах из России. Правда, заключение россиянками браков с латиноамериканцами, филиппинцами и другими представителями третьих стран в США нередко оказывалось и откровенно прагматичным расчетом, если у потенциальных мужей уже имелся вид на жительство – брак с владельцем грин-карты автоматически обеспечивал ее получение и второму супругу [*Ryabov* 2018:47]. Но в любом случае общение на упрощенном

английском языке ментально оказывалось более комфортным и снимало многие барьеры взаимонепонимания между супругами, не обязывая ни одну из сторон следовать общепринятым в американском обществе нормам поведения и облегчая тем самым создание собственного формата брачных отношений.

Русские девушки-иммигрантки в тот же период времени предпочитали выходить замуж также за русскоязычных иммигрантов. И лишь одна девушка-информант, принимавшая участие в проведении неструктурированных интервью, *Ирина Б.,* вышла замуж за американца. Брак был заключен в Калифорнии, затем Ирина переехала к мужу во Флориду, где у него был свой дом и служба в полицейском управлении. Но через год этот брак был расторгнут по инициативе самой Ирины, и причина развода заключалась в том, что «…*говорить вообще было не о чем, я оставалась дома одна, за окном луг с коровами, вечером немного посидим перед телевизором и все…». Мама Ирины, Людмила Б., оправдывая дочь, комментировала ситуацию так: «В самом деле, а чего он хотел?! Чтобы московская девочка смотрела с утра до ночи на этих коров?!*» [Шалыгина 2021]

Обширный нарратив хэштегов Рунета на тему «Выйти замуж за американца» позволяет составить панорамную картину тех рефлексий, которые возникают у русскоязычных женщин-иммигранток после заключения брака с американцем. В данной работе использован архив женского интернет-клуба Ольги Таевской, который на протяжении более 10 лет является возможностью для русскоязычных женщин-иммигранток рассказать свою реальную историю и поделиться опытом решения собственных брачных проблем в США. Ниже приводятся выдержки из писем россиянок, вышедших замуж за американских мужчин, и, в ответ на упреки незнакомого им мужчины-соотечественника (проживающего в

США), пытающихся объяснить мотивацию своего решения создать семью в Америке и с американцем при помощи брачного агентства.

Елена, 40 лет, 2005 г: «*Я живу в Америке уже 6-ой год, приехала по визе К1- визе невесты, когда мне было 39 лет, с двумя сыновьями, и всегда сочувственно отношусь к нашим женщинам и девушкам, пытающимся найти свою половинку здесь. Сама прошла через путь адаптации и знаю все прелести первых лет, но не пожалела ни секунды что приехала… Да, Алексей, это действительно возможно, вот так вот влюбиться в интернет-принца, особенно пожив с двумя детьми, с тогда нищенской зарплатой программиста в сибирской глубинке, где разом закрылись 3 завода, где нет ни надежд, ни перспектив, только разовые подачки в 5 долларов от родного папы-алкоголика, не хотящего ни видеть своих сыновей, ни заботиться о них. Особенно, когда у тебя родные не могут поддержать тебя, так как своих проблем хватает, да и просто нечем. И ты просто умираешь каждый день, видя, как твои дети недоедают, просто недоедают, я уж не говорю об их перспективах. А Вы, наверное, понимаете, какие перспективы у меня, у мамы двух сыновей в 39 лет в Сибири? Я имею в виду личную жизнь. Так вот, я Вам открою глаза - 0%, а, может, и минус 39%. Не буду объяснять почему, так как Вы, наверное, и сами большой мальчик и все понимаете* [Истории женщин, вышедших замуж за иностранцев]

Елена С.: «Мне пришли горы писем из разных стран, оказывается, я очень даже ничего, просто красотка, мои параметры 170 см и 53 кг - просто праздник, то, что я программист - просто невероятный плюс, а дети – это просто два плюса! Значит, что я серьезный человек, не бросаю своих родных, могу выжить с детьми (в Сибири живу!). Вам, Алексей, даже не представить, что такое для женщины такое внимание, да еще после того, что в родном городе тебя уже считают предпенсионного возраста, и при попытке сменить работу удивленно поднимают бровки - вам что, не

на пенсию еще, да что вы можете? У нас и молодым-то негде работать. А когда твой американский друг начинает звонить каждое утро и говорить по-английски - как ты спала, как ты себя чувствуешь, а вечером звонит и желает спокойной ночи, простые фразы, но ты постепенно чувствуешь, что для этого человека ты стала частью жизни, я уж не говорю о горе писем, просто по 3-4-5 писем в день, да какие письма!» [Елена_S (США, Вашингтон// https://www.newwoman.ru/zamuzh.html].

*Елена, 39 лет, 2005 г.***:** «*Насчёт разговоров, это, конечно, правильно. Ой, сколько я слышала этого в своей жизни! А то, что мы знали друг друга 6 месяцев до свадьбы - ну и что?! Я знала своего первого мужа 15(!) лет перед свадьбой и ровно 15 лет прожила так, что не буду рассказывать под пытками, и не желаю моему заклятому врагу такой жизни, до сих пор по ночам может кошмар присниться, что я должна с моим русским мужем жить, а утром вся подушка в слезах! Не могла разойтись - ну как же, это же неприлично! И, вроде, разговаривали на одном языке, а не понимали друг друга, ну ни домолиться, ни докричаться не могла я до его души. А тут я вижу душу моего американского друга – вот она: теплая, раскрытая, на все для нас готов, все старается сделать для нас! И когда он сделал мне предложение, что, интересно, Вы бы ответили? Вопрос на засыпку»* [Истории женщин, вышедших замуж за иностранца].

Лариса, 39 лет, 2005 г.: *«Мы прогрессивны и знаем, что под лежачий камень вода не течет. Мы идем на риск и приносим жертвы. Мы работаем тяжело и упорно, чтобы создать и сохранить крепкую семью. Мы, женщины, начинаем жизнь с нуля, переезжая жить в новую страну без друзей и близких, без работы и с минимальным знанием языка. Мы адаптируемся и учимся жить в новой стране. Мы добиваемся успеха в личной и профессиональной жизни. Мы продолжаем любить нашу Родину по рождению, и находим место в наших сердцах для любви к нашей новой Родине по семейному положению. Нам предоставлена замечательная*

возможность узнать две культуры и показать на своем примере людям, с которыми наши жизненные дороги каждодневно пересекаются, что те негативные ярлыки, о которых они слышат о русских (СССР, СНГ, и т.п.) женах - далеки от правды. Мы именно те, кто стирает эти ярлыки о нас, когда окружающие нас люди могут судить о нас не по нашим красивым словам о том, какие мы хорошие, а по нашим поступкам и делам, а также по нашим и наших мужей счастливым лицам, выражение которых понятно на всех языках» [Истории женщин, вышедших замуж за иностранца].

Людмила Шропшайр, русскоязычная американка, живущая в США, автор бестселлера «Американские слезы русской жены», попыталась обобщить наиболее типичные случаи отношений американских мужчин и их русских жен, опираясь в том числе и на собственную историю брака с американцем.

«…Я хотела рассказать женщинам правду об особенностях характера американского мужчины. То, что поняла по своему опыту… Они абсолютно не отличаются терпимостью. Они быстро загораются и также быстро остывают. Через два-три месяца они уже не хотят учить тебя ни английскому, ни вождению машины… очень важно и то, что комфорт и бытовые удобства американский мужчина ценит выше чувств. Только в молодом возрасте американец может жениться по любви… Я познавала американскую действительность во всех ее проявлениях. На это у меня ушло примерно 8 лет. Кем я только не работала за это время!.. В то время, когда мой американский муж целыми днями сидел на диване, я чистила офисы и дома, переводила и консультировала, работала учителем музыки, гувернанткой, шофером… Одновременно училась на компьютерных курсах. На сон порой оставалось по два-три часа в день… В книге я честно, без прикрас рассказала, как менялся мой характер. Я стала более жесткой, практичной, предельно четко организовывала свое время… Без этого было бы не выжить… Одна из моих героинь из глубинки

Оклахомы, Ольга, потрясающая красавица, бывшая актриса. Ее американский избранник обещал, что когда она выйдет за него замуж, ей не придется менять свои привычки: концерты, театры, культурная жизнь… А когда она поверила и прилетела – запер ее в глухой деревне, на псарне. Ольга растила ему собак-мастифов, которых он продавал за большие деньги. Она же жила в нищете, в старом, убогом трейлере…» [Из интервью Л. Шропшайр. Русская Америка. 15.11.2005].

Евгения, 28 лет, 2022: «После раздумий Вы приняли решение попробовать выдать себя замуж за рубеж, некоторое время провели на сайтах знакомств, встретились с избранником - и вот долгожданная виза стоит у Вас в загранпаспорте. Теперь сложно будет убедить окружающих, что Вы не знаете языка страны, в которую собираетесь поехать с визой невесты... Ну разве что в той стране можно будет попробовать. Однако не удастся убедить старых знакомых, что не знаете языка! Скорее они заподозрят Вас в том, что Вы его знаете отменно, потому что у Вас получилось. И вот Вы в самолете заполняете так называемую форму I-94. По прибытию в первый аэропорт Штатов Ваши документы подвергнутся еще одной тщательной проверке - и Вам напомнят, что при определенных условиях Вы должны покинуть страну до указанной даты - три месяца спустя после приземления. Три месяца - много это или мало... Это в самый раз. Допустим, Вы встречались со своим избранником несколько раз, а вероятнее всего - один. И все эти встречи имели скорее торжественно-флиртовой формат, а теперь Вам предстоит погрузиться в так называемую атмосферу культурного шока и очень может быть - непривычный климат... Вероятно у Вас будет некоторый стресс - может быть и разговаривать во сне будете, мучиться бессонницей, неуправляемым эмоциональным состоянием. Поэтому очень важно - кто тот человек, который Ваш жених. Насколько Вы смогли создать так называемое личное пространство за время своего

виртуального общения. Нет, он не обязан жениться на Вас в следующие несколько дней по прилету. Очень может быть, что ему захочется внимательно присмотреться к Вам - и взвесить все за и против того проекта, в который он принял решение ввязаться. Ему интересно увидеть Вас в быту, Вашу хозяйственность, умение готовить и создать эмоциональный комфорт в его холостяцком жилье. Он все еще выбирает Вас... Очень может быть, что и не выберет - и оплатить билет назад ему покажется проще, чем продолжать этот проект. Всё потому, что с момента, когда он примет решение о женитьбе - он становится Вашим спонсором - то есть человеком, который несет перед обществом все бремя финансовых обязательств на время Вашей интеграции в общество. Личные отношения форсировать не нужно. И не нужно стараться выйти замуж любой ценой, если Вы понимаете, что с этим человеком Вам не хочется быть рядом. Лучше вернуться. Неважно как Вы обставили свой отлет! Вернуться – лучше» [Почему этого не нужно делать или памятка для американских невест].

Как видим, диапазон мотиваций, способствующих заключению русскими женщинами брака с американцами, достаточно разнообразен. Но, можно сказать, их объединяет одно важное обстоятельство – отсутствие иллюзий относительно сделанного выбора. Что же касается украинских женщин-иммигранток в США, то перечень их мотиваций при выборе брачного партнера выглядит несколько иначе. На англоязычном сайте «UA Brides» суммируются наиболее привлекательные для украинок черты американских мужчин:

Западный менталитет, дающий женщинам больше свободы. Западные мужчины склонны гораздо больше уважать и ценить заботу женщин. Американские мужчины знают, как заставить женщину почувствовать себя любимой и ценной. Они никогда не видят свою жену

домработницей, няней, прислугой, а видят в ней партнера, женщину, которую они любят.

Верность. Несмотря на то, что случайные свидания и связи на одну ночь очень распространены в культуре США, когда дело доходит до брака, они, как правило, более лояльны.

Амбиции. Они стремятся к успеху и могут обеспечить не только семью, но и комфортную жизнь женщине.

*Позитивност*ь. Несмотря на то, что американцы много работают и напряженный образ жизни может отнимать много времени, они все равно находят время для праздников, вечеринок и отпуска. Наслаждаться жизнью в полной мере – это то, ради чего они работают. Многие из них любят больше вкладываться во впечатления, чем в материальные вещи

Их не волнует мнение других людей. Американцы живут не ради красивой картинки или ради того, чтобы нравиться окружающим. Их искренне не волнует, сочтет ли кто-то их сумасшедшими, если они пойдут в местный магазин в пижаме. Подобное поведение никогда не наблюдалось в Украине, и оно дает ощущение свободы, что очень привлекательно.

Уход за собой. Американские мужчины заботятся о себе. Все американцы толстые – это огромный миф. Особенно современные мужчины, которые стараются иметь упаковку из шести кубиков и очень заботятся о том, что они носят. Кроме того, многие из них не боятся делать маски для лица или даже посещать косметолога, что положительно влияет на их внешний вид. Ох, и американская улыбка с прямыми белыми зубами очень очаровательна. Такого уровня заботы о себе никогда не встретишь у местных мужчин, так как они считают это немужественным. И это играет с ними плохую шутку, поскольку их женщины тянутся к иностранцам [Do Ukrainian women like American men? 2019].

В целом, женский нарратив хэштегов Рунета свидетельствует, прежде всего, о том, что тема русско-американских браков, начавшая обсуждаться

еще в 1990-х годах, не теряет свою актуальность и сегодня. Некоторые характеристики «брачной эмиграции» русскоязычных женщин были обозначены в монографии российской исследовательницы Е.В. Тюрюкановой «Миграции женщин из России: еще одна стратегия успеха»?», в которой приводятся возрастные параметры женщин, вызжающих «замуж за рубеж»: 60% - в возрасте до 30 лет; из них 7% - моложе 20 лет; 30% - в возрасте 30-40 лет. Средний возраст женщин, выезжающих замуж за рубеж, составлял в те годы 28 лет [Анашкина 2011].

Однако данные российских исследований последних лет [Рязанцев 2018: 96] показывают, что проблемы, связанные с брачной эмиграцией русскоязычных женщин в США только увеличиваются и нередко приобретают криминальный характер.

ВЫВОДЫ.

1.Ментальные границы русской и американской наций формировались веками и не могут не сказываться на ценностных предпочтениях представителей первых постсоветских волн русскоязычных иммигрантов в США.

2. Этнокультурная идентичность русскоязычных иммигрантов сохраняет такие ценности, как открытость иным культурам, стихийность и правдоискательство, самокритичность и идея жертвенности, смешение автократических и демократичнских установок, традиционалистские представления, футуроориентацию сознания.

3. Американская идентичность основана на независимости мировсприятия от других культур, стремлении к расширению жизненного пространства, идее самодостаточности, способности к принятию бвстрых решений в критических ситуациях, склонность к рационализации повседневной жизни, приоритету количественных оценок, предприимчивости и пр.

4. Полноценному взаимодействию американской и русской культур препятствуют такие факторы, как дисбаланс объемов информации о своей и чужой куьтуре, нейтрализующий возможность экономии усилий в процессе коммуникации, разность когнитивных структур, приводящая к взаимонепониманию, различия общих объемов культурнолй памяти, приоритетный статус английского языка как общепризнанного средства общения в современном мире и пр.

5. Односторонне использование культурно обусловленных американских этнофилизмов (стереотипные выражения, принятые в данной культуре) не способствует установлению взаимопонимания в русско-американском диалоге и не становятся частью новой русскоязычной идентичности в иммиграции.

6. Массовый переход русскоязычных иммигрантов на рунглиш имеет как утилитарное значение (общение между собой), так и более глубокий контекст отторжения правильного английского языка и неготовности принимать американскую культуру.

7. Интерсекциональность русскоязычных женщин-иммигранток США следует воспринимать как сложно сконструированную идентичность, отдельные элементы которой обладают разными степенями резистентности к американской культуре. К наиболее устойчивым элементам гендерной идентичности русскоязычных иммигрантов, относятся бинарные оппозиции маскулинности и фемининности, архетипически заложенные в традиционной модели их поло-ролевого поведения.

ГЛАВА 6
Структурная ассимиляция русскоязычных иммигрантов в США как фактор трансформации их этнокультурного кода в условиях информационно-компьютерных технологий

Термин «структурная ассимиляция» в отечественной науке о миграциях появился еще в 1980-х годах и был связан с исследованиями ведущего научного сотрудника Института этнографии АН СССР (прежнее название ИЭА РАН) Ш.А. Богиной иммигрантского населения Соединенных Штатов Америки. Под термином «структурная ассимиляция», прежде всего, подразумевался процесс вхождения иммигрантской группы в социально-экономическую структуру принимающего общества и выработку у иммигрантов алгоритма адаптации к новому для них устройству повседневной жизни. Большинство экспертов середины XX в. признавали сложность процессов структурной ассимиляции и, как правило, считали маловероятным для большинства этнических групп США достижения полной ассимиляции на протяжении жизни даже двух поколений иммигрантов [*Burma* 1954: 54].

Основная проблема структурной ассимиляции состоит в том, что это многоуровневый процесс, включающий в себя, как правило, одновременно несколько самостоятельных видов адаптации и выработки у иммигранта различных типов реакций: 1) структурную; 2) культурную; 3) брачную (амальгамацию); 4) идентификационную; 5) поведенческую (отсутствие дискриминации); 6) гражданскую (отсутствие конфликтов ценностей и отношения к власти. Различные типы ассимиляции вполне могли быть связаны между собой, но совсем не обязательно в последовательной зависимости. Характерным примером является процесс ассимиляции афроамериканцев США, которые в 1950-х – начале 1960-х гг. претерпели *культурную ассимиляцию*, но до сих пор не получили полномасштабной включенности в так называемую клубную систему и многие институции

США, т.е., не пережили полноценную структурную *ассимиляцию* [*Barber* 1975: 131–146].

Однако к 1990-м годам нормативная теория структурной ассимиляции, связанных с быстрым развитием информационно-компьютерных технологий (ИКТ), которые обозначили и принципиально новые точки напряжения в изучении адаптационных процессов иммигрантов.

6.1. Теоретический дискурс понятия структурной ассимиляции на рубеже XX–XXI веков. Относительно устойчивая теоретическая база изучения миграций в начале первого десятилетия XXI в. оказалась в эпицентре международных научных дискуссий по поводу пересмотра самого функционала ассимиляции. Главная проблема дискуссий была обозначена как поиск нового подхода к изучению ассимиляционных процессов, способного перевести их из сферы критических исследований академической науки в сферу прикладных эмпирических исследований. Основной причиной обострения проблематики, связанной с ассимиляций, стало распространение идеологии мультикультурализма в странах Западной Европы и США [*Collier* 2019].

Наиболее значимой теоретической работой, послужившей отправной точкой для дискуссии, стала статья американских социологов [*Alba* 2016: 2361–2369]. Широкое использование термина «интеграция» в разных значениях, оказывается не всегда оправданным. Например, в европейских исследованиях сравнительную динамику показателей занятости среди основного населения и иммигрантов нередко называют «экономической интеграцией» (так называемая статистическая модель «основного потока», или, проще, описательная социальная статистика), хотя в данном случае более уместным, возможно, мог быть и конкретный термин «адаптация». В североамериканских теоретических исследованиях интеграцией принято обозначать модель конструирования «расово сегментированной

ассимиляции» [*Portes* 1993: 74–96]. Но, как полагает А. Фейвелл, и в том, и другом случае интеграция подразумевает разделение труда внутри определенной экономической системы и сопровождающие эти разделения абстрактные ценности: «Понятие «интеграция иммигрантов» глубоко укоренено в методологическом национализме, обнаруживаемом во всех основных исследованиях и разработке политики в отношении «иммиграции», которая воспроизводит колониальное, ориентированное на национальное государство видение общества, поддерживаемое глобальным неравенством» [*Favell* 2019].

В контексте данной диссертации особого внимания заслуживает тема актуальности интеграционных процессов, т.е. может ли структурная ассимиляция (интеграция) считаться состоявшейся без полного соответствия иммигрантов культурным ценностям принимающего общества? Всегда ли полноценная интеграция иммигрантов в принимающее общество является желательной для этого общества? И, что в данном случае представляется особенно важным, является ли полноценная структурная ассимиляция желательной для самих иммигрантов?

В рамках современного этносоциологического дискурса данная тема является частью более глобальной проблематики, связанной с формированием транснациональной ментальности в условиях быстро развивающихся информационно-компьютерных технологий. Перспективы изучения миграционных процессов в условиях цифровой реальности подразумевают новые методологии исследований, учитывающие эмоциональную и интеллектуальную открытость интернет-пространства, инновации нелинейного познания, рост личностной самооценки, креативных возможностей и т.д.

Цифровая эпоха диктует и необходимость новых интерпретаций личностной идентичности. Одна из возможных интерпретаций заключается в том, что идентичность цифровой эпохи является объектом традиционный

культуры, но основанной на новых информационных технологиях (виртуальные музеи, электронные библиотеки, мультимедийные реконструкции и т.д.). Альтернативная точка зрения подразумевает, что цифровая культура – это качественно новая социально-антропологическая реальность, принципиально иная сфера коммуникативного воздействия на личность с помощью цифрового кодирования ценностной системы [*Галкин* 2012: 11–16]. При этом, как полагают исследователи развития цифровой культуры, традиционные институты общества оказываются в зависимости от динамичности этой культуры, интегрируясь в новые форматы обработки и хранения научной информации (база больших данных, 3D-моделирование, онлайн взаимодействие и т.д.) Такие новые понятия, как блокчейн, цифровые города, онлайн-платформы и т. п., трансформируют не только повседневные культурные практики, но и всю иерархию традиционных ценностей, придавая им новые характеристики и смыслы, меняя в итоге всю систему адаптивных механизмов.

В итоге информационно-компьютерные технологии, по сути, определяют сегодня весь ландшафт интеграционных процессов, задавая им новые параметры для развития. В качестве одного из важнейших параметров в диссертации рассматривается гендерный дифференциал социокультурной адаптации, позволяющий анализировать поло-ролевые различия структурной ассимиляции иммигрантов. В условиях США этот подход представляется особенно актуальным, учитывая, как уже было показано выше, наличие весьма существенных дихотомий в этнокультурных кодах американцев и русскоязычных иммигрантов. Различия в гендерных сценариях изменения этнокультурных кодов во многом определяют как перспективы адаптации русскоязычного населения в США, так и ресурсы развития Русского мира за океаном в целом.

6.2. Особенности структурной ассимиляции 4-ой волны русскоязычных иммигрантов в США (1990-е годы). В начале 1990-х годов

в сознании россиян сложилось устойчивое представление о том, что мужчины бывшего СССР в возрасте 25–40 лет, имеющие технического и математическое образование лучших вузов СССР, а также опыт работы с популярными в то время компьютерными программами, автоматически способны трудоустроиться в США. Основания для подобного рода надежд у российских программистов были вполне оправданными, так как собственно российские школы программирования к этому времени формировались уже на протяжении нескольких десятилетий. Становление школы программирования в России относится еще к середине XX в., когда появились электронно-вычислительные машина (ЭВМ – «Стрела» Урал», «Беседа», «Электроника») и были предприняты первые попытки разработок программного обеспечения (ПО). Создание в МГУ факультета вычислительной математики и кибернетики (ВМК) стало базой для разработок в области отечественного программного продукта, а школа анализа данных МГУ в 1980 г. стала Центром изучения программирования и компьютерных наук в СССР. В 1985 г. появилась Ассоциация вычислительной техники (АВТ), которая объединила советских специалистов в области компьютерных технологий.

В середине 1990-х годов многие российские программисты уже работали на совместных предприятиях, штаб-квартиры которых находились в Западной Европе и США, хотя сама производственная база развивалась и в России. В диссертации использованы материалы полуструктурированных интервью и включенного наблюдения среди сотрудников совместного предприятия ООО «Еврософт», созданного в Москве в 1992 г. и продолжающего выпускать высокорейтинговую продукцию ПО до сегодняшнего дня. Сотрудники «Еврософта», мужчины в возрасте 30-40 лет, получившие высшее образование в таких учебных заведениях, как МГТУ им. Н.Э. Баумана, МГУ им. М.В. Ломоносова, Московского энергетического института и Московского института инженеров транспорта (МИИТ),

объясняли специфику работы над российским программным продуктом АРКОН, который поставляется как на внутренний, так и на внешний рынок для автоматизированного проектирования зданий и сооружений.

Одной из наиболее обсуждаемых в процессе проведения полу-структурированного интервью тем стало сравнение работы программистов в России и США, особенности повседневной жизни в Кремниевой долине, зарплаты специалистов в американских компаниях, перспективы профессионального роста русскоязычных специалистов за океаном и т.п. Обсуждался также и опыт первых постсоветских программистов, переехавших в США с целью трудоустройства в американских- компаниях, их возможности для достижения успеха за океаном и трудности, с которыми им пришлось столкнуться. Результаты интервью были скорректированы при помощи официальной информации, опубликованной в отчете «Следующий этап Кремниевой долины: на волнах инновации», предоставленного хорошо известной в компьютерном мире инициативной группой «Next Silicon Valley» (NSV). Группа NSV известна тем, что регулярно отслеживает благосостояние и развитие одного из крупнейших научно-технологических центров современного мира, Кремниевой долины, расположенного на территории между городами Сан-Хосе и Сан-Франциско в Калифорнии [Русский мир 2018].

В начале 1990-х годов, когда программисты из бывшего СССР начали массово переезжать в США, на большинстве предприятий Кремниевой долины начался кризис перепроизводства микропроцессорной индустрии [*Шалыгина* 2023]. За предыдущие полтора десятилетия число фирм и, соответственно, рабочих мест в этой сфере постоянно росло, увеличившись к концу 1980-х годов более чем в два раза (со 100 тыс. до 276 тыс.). К началу 1990-х годов количество фирм насчитывало уже 3000,что привело к резкому спаду в развитии IT-компаний [Русский мир 2018]. Так называемый пузырь доткомов (dot-com – все интернет-компании), образовавшийся в

экономике в результате ничем не обоснованного роста акций на бирже высоких технологий американской IT-сферы (Nasdaq,1995–2001 гг.), стал причиной обрушения фондового рынка и массовой безработицы программистов [Fairlie 2013: 365–389].

Рисунок 8

Ситуация в Кремниевой долине, штат Калифорния, США (1990–2001 гг.)

Источник: [Силиконовая 2007].

Реальная ситуация с рабочими местами в высокотехнологичных компаниях США, таким образом, на протяжении как минимум первой половины 1990-х годов оказалась далека от «американской мечты», сформированной в сознании первых постсоветских переселенцев за океан. И основной причиной их интеграционного фиаско в США того периода стал недостаток информации о рыночной экономике за океаном, несмотря на то, что профессиональная подготовка российских программистов уже в конце 1980-х годов была на уровне общемировой.

Автобиографические воспоминания советского программиста Дмитрия Неведимового, создавшего в начале 1990-х годов успешный кооператив ТРИЗ (Теории Решения Изобретательских Задач) дают представление о формировании доминирующих мотивациях среди

советских высокообразованных специалистов для переезда в США сразу после прекращения существования СССР: «*Наш институтский курс широко охватывал инженерные и компьютерные предметы — физику, механику, электротехнику и микроэлектронику, высшую математику, системный анализ, информационные технологии, программирование, экономику социализма и так далее… Мы учились на больших ЭВМ поколения 1960-х годов, но мне хотелось быть впереди прогресса, поэтому уже на втором курсе я нашёл работу в одном из только что возникших научно-технических кооперативов. Деньги меня не интересовали. Притягивали новейшие персональные компьютеры (ПК). Утром в институте мы работали с перфокартами, зелёными терминалами и допотопным языком программирования ПЛ/1. Вечером в моём распоряжении был Эппл Макинтош, машина будущего… Я работал с искусственным интеллектом, лазерным принтером и цветной графикой… Наш кооператив создавал компьютерные программы на основе Теории Решения Изобретательских Задач. ТРИЗ анализировала мировой патентный фонд и выявляла закономерности в развитии техники. Были также разработаны принципы сильного мышления и логические и психологические алгоритмы для изобретателя… Превосходство технологий капитализма никогда не было столь очевидным. На занятия в институт я ходил как в музей науки и техники »* [*Неведимов* 2014].

Интеллектуальный потенциал советских программистов оказался весьма востребованным и на новом для постсоветской России пространстве рыночной экономики: *«Наши программы нашли хороший спрос у заводов и учебных институтов СССР, несмотря на высокую цену, 20 тысяч рублей за несколько дискет. Это равнялось цене двух автомобилей Жигули… наши программы не так далеко ушли от книжки по ТРИЗ за 1 рубль 40 копеек. Но магия диалога с персональным компьютером… и грамотный маркетинг создавали особый эффект»* [*Неведимов* 2014].

Тем не менее, характерной чертой отечественных программистов начала рыночной экономики в России была не столько предприимчивость и финансовые приоритеты, сколько стремление к осовению новейших технологий мирового уровня: *«Меня не особенно привлекала чисто менеджерская работа, и я продолжал участвовать в разработках. Я проектировал интерфейс, писал документацию, работал с базами данных, экспериментировал с трёхмерной графикой и звуком. Мне сильно не хватало свежей информации о рынке программ в США. Интернет в ту пору ещё не существовал. О выходе новых процессоров мы узнавали с задержкой в несколько месяцев. Я перечитывал всё, что попадало под руку, но всё равно сидел на голодном пайке*» [*Неведимов* 2014].

Возможность для русскоязычных программистов работать на крупные американские компании в области высоких технологий, появившаяся в начале 1990-х годов, была воспринята ими в качестве уникального шанса, прежде всего, профессиональной самореализации. Отсутствие необходимой информационной подготовки для переезда в США, как правило, не рассматривалось, что объясняется не только скоростью развития наступивших в стране перемен и фактической невозможностью их в полной мере отрефлексировать, но и целенаправленной деятельностью в России переходного периода американских специализированных структур по работе с общественным сознанием граждан бывшего Советского Союза.

Низкий уровень информированности постосоветских граждан о «заграничной жизни» вообще и об американской, в частности, по большей части был обусловлен недостаточным развитием в тот период технических средств передачи самой информации. Формально в начале 1990-х уже была «всемирная паутина», официальной датой рождения которой считается 17 мая 1991 г. Более того, русскоязычный сегмент Сети – Рунет – начал формироваться примерно в то же время, но широкую популярность в России

приобрел только к 1997 г. Однако гораздо важнее развития самих информационных технологий оказалось отсутствие возможности у россиян ими пользоваться. В 1990-е годы рубль быстро обесценивался, понижаяи уровень жизни россиян. Средний денежный доход, рассчитываемый на душу населения, почти у 30% россиян, как уже упоминалось, оказался ниже прожиточного минимума. При этом рост цен практически полностью нивелировал повышение зарплат, которых перестало хватать даже на продукты первой необходимости. Покупка компьютера в таких условиях для абсолютного большинства населения России оказывалась недоступной роскошью. И если в большинстве крупных городов США к началу 2000-х годов уже 87% населения имело подключение к Интернету [Силиконовая долина 2004], то в России число семей, способных приобрести в начале 1990-х годов компьютер, даже в столичных городах составляло менее 2% [*Зубова* 1995], не говоря уже об удаленных регионах и сельской местности.

Большинство же традиционных средств массовой информации в новой России активно тиражировали идею «американской мечты», содержание которой сводилось к рекламе американского образа жизни и якобы существующей за океаном синекуре, которая, как и в любой кризисной ситуации, постепенно превращалась почти в религиозную догму. [Русский мир 2018].

Внедрение мифа «американская мечта» в общественное сознание россиян происходило и при помощи целого ряда специализированных структур, имевших как советское, так и американское или смешанное происхождение, но одинаково активно обслуживавших идею «политической и экономической либерализации» страны (National Security Strategy). Например, только под эгидой одной из наиболее известных в тот период времени неправительственной правозащитной организации, носившей название «Национальный фонд в поддержку демократии» (НФПД, создана

в США в 1983 г.) на территории России, Украины и Белоруссии действовали такие организации, как «Американские друзья свободы слова за границей», «Центр демократии», «Фридом хаус», «Институт Сахарова», «Межпарламентская группа по правам человека в СССР» и многие другие. Трансляция основных принципов свободы и демократии «по-американски» велась через не менее специализированные издания – бюллетень «Гласность», альманах «Минувшее», журнал «Синтаксис» и т.д.

Сами американские пропагандистские издания воздерживались от финансирования откровенно антироссийских изданий, но перечисляли деньги для НКО в поддержку независимой культуры и распространение информации о западных ценностях [Women East-West]. В Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге и в Нижнем Тагиле открывались публичные библиотеки, которые наполнялись литературой по истории демократии, правозащитного движения, истории США, политологии, философии и т.п. направлениях [Annual Report 2000: 47].

На втором месте по объему информации пропагандистского содержания оказались крупные украинские города, где активную работу вели организации «Американцы за права человека на Украине», Всеукраинское педагогическое общество Ващенко, Донецкая школа прав человека, Европейско-Украинский культурный и образовательный фонд, издательство «Смолоскип» («Факел»), Союз украинских студентов, Харьковская группа защиты прав человека и др. Из политических партий это были Народное движение Украины «Рух», Народно-демократическая партия Украины, Христианский демократический союз, «Мист» и многие другие [Annual Report 2000: 47].

Таким образом, количество специализированных пропагандистских изданий на территории бывшего Советского Союза свидетельствует о

целенаправленном и планомерном формировании у граждан России новых форм социокультурной идентичности, ориентированной на американский образ жизни при изначальном отсутствии какого-либо критического к нему отношения.

Пионеры российской ИТ-индустрии, размещающие сегодня на страницах блогосферы Рунета соображения о своей мотивации переезда в США, делают акцент на том, что эмиграция в Америку воспринималась ими изначально как способ профессиональной и личностной самореализации, включая и решение проблем благосостояния: *«Сейчас мне стыдно за свои слова, но в середине 90-х я часто говорил что-то вроде: "Здесь я еще не родился: вот уеду в США – тогда все и начнется. Работы не было вообще: экономика-то рухнула. В тот момент мы жили в эру натурального обмена – "фирмачи" меняли мазут на сахар, а сахар – на гречку, народ "гонял" с товаром в Польшу. Программисты сидели без работы. Кто не жил в то время, вряд ли поймет. Мне хотелось ездить на хорошей машине, а не на папином "Запорожце", работать с C++, а не FoxPro*... [Но в первую очередь – *Н.Ш.] мне нужен был компьютер, а не зарплата. Я и когда в Америку переехал, начал с 30 тысяч долларов в год, хотя специалисты, знающие C++, уже тогда зарабатывали в три раза больше... Мне, молодому, зеленому, доверили писать большой проект – депозитарий ценных бумаг, которыми в ту пору были разные облигации... А гонораром за проект стала машина финансового директора – старенькая BMW... Конечно, я идеализировал Соединенные Штаты, как и все в Советском Союзе в то время... А по настоящему-то о жизни в Америке я вообще знал только по фильмам, где средний класс разъезжал на BMW»* [Рогачевский 2019].

Крах иллюзий при столкновении с американской реальностью, насколько позволяют судить полуструктурированные интервью диссертанта и блогосфера Рунета, для молодых русских мужчин-

программистов начала XXI в. проходил достаточно безболезненно, так как в полной мере, по словам самих программистов [*Шалыгина* 2023], компенсировался приобретаемым опытом. Но если минимальные удобства повседневной жизни («...однокомнатная студия, матрас на полу, телевизор, холодильник, микроволновка, компьютер – что еще надо для счастья?!») переносились ими достаточно легко, то многие профессиональные проблемы, возникавшие в процессе работы на ту или иную американскую компанию, русскими программистами с самого начала их жизни в Америке воспринимались весьма негативно и, мягко говоря, не способствовали укреплению лояльности по отношению к США в целом [*Шалыгина* 2023].

Рефлексивные посты в блогах самих русских программистов, переезжавших в тот период в Америку, позволяют сегодня судить о том, насколько их травмировали характерные особенности американского менеджмента, быстро разрушавшие искреннюю веру постсоветских граждан в существование за океаном справедливого мироустройства. Чаще всего эти особенности проявлялись по отношению к тем молодым программистам, которые не имели формального статуса в США, но в той или иной мере отмечались и другими категориями российских специалистов в американской ИТ-индустрии. Чаще всего информанты отмечают широкое распространение и фактическую легитимацию обмана со стороны американских менеджеров.

Одним из наиболее распространенных видов технологий американского менеджмента в ИТ-индустрии было приглашение высококлассных и «дорогих» специалистов из России, что называется, «вытащить» проект, а затем со словами «Спасибо друг, выручил» уволить его, отправив дальнейшее сопровождение проекта более «дешевому» программисту, например, в Индию [*Шалыгина* 2023].

Тот факт, что русскоязычные программисты в США относятся к категории «дорогих» специалистов, сегодня подтверждают многие

компании. Например, по данным венчурного фонда LETA Capital (data-driven инвестор), инвестирующего в трудоустройство русскоязычных программистов в различных странах мира, именно эта категория фаундеров (основателей наиболее масштабных проектов ИТ-бизнеса) позволяет рассчитывать на самую перспективную капитализацию стартапов в сфере программного обеспечения.

Благодаря анализу профилей сотрудников 4.900 компаний, проведенному LETA Capital в профессиональной соцсети LinkedIn (2020 г.), был составлен так называемый усредненный портрет современного русскоязычного программиста: «*Из всей выборки 63% имеют хотя бы степень Бакалавра (Bachelor's), 59% имеют также степень Магистра (Master's), а еще 15% (от бакалавров) или 10% от общего повышали свою квалификацию на курсах MBA (среднее время между Магистром и MBA – 4,72 года обучения). При этом 9% из всех бакалавров (или 5% от общего) и вовсе являются не просто IT предпринимателями, а имеют докторскую степень (Ph.D). Логичным также выглядит распределение по специальностям: почти 60% имеют техническое образование, а значительная часть гуманитарного образования получена в магистратуре, MBA и далее*» [Фонд Leta Capital].

Закрепившийся за русскоязычными программистами имидж «дорогих» специалистов лежит в основе и такого популярного варианта обмана со стороны американских компаний, который в их профессиональной среде обычно называют «прикрыть зад менеджера». Суть данной схемы заключается в том, чтобы просто найти такого специалиста, на которого можно было бы свалить вину за неудачный проект. В этом случае приглашение «дорогих» русских программистов преподносилось как последний шанс, который на самом деле должен был скрыть системные ошибки основных разработчиков. И когда заведомо неудачный проект вполне ожидаемо не удавалось спасти даже российским

программистам, в ход шли стандартные клише-отговорки («...если уж русский чудо-специалист не справился...» и т.п.). При этом сами американские разработчики также ожидаемо оказывались в стороне [*Шалыгина* 2023].

Как правило, русскими программистами подобного рода технологии американского менеджмента воспринимались особенно болезненно и неизбежно разрушали их самые устойчивые иллюзии по отношению к Америке: «*Каково было осознавать, что меня брали на работу, чтобы списать ответственность за провал? Поначалу я этого не понимал – честно старался изо всех сил. Но спасти проект часто даже не давали. Когда я говорил, что код нужно переписать, предлагали "изложить свое видение на бумаге", и, пока они примут решение, фиксить баги по списку. Как раз тот случай, когда солдат спит, а служба идет: изображай работу и жди, пока уволят, – потому что контракт не продлят вне зависимости от результата. Начальники обычно много совещались, но решений так и не выносили. И в какой-то момент говорили: "We are sorry!.." – и крокодиловые слезы по щекам*» [*Рогачевский* 2019].

Однако относительно низкая конкурентоспособность русских специалистов в США находила свое объяснение и в совершенно другой плоскости, связанной с разницей в менталитете, несовпадением так называемых культурных кодов, что для топ-менеджмента крупных американских ИТ-компаний отнюдь не является пустым звуком, а, напротив, далеко не в последнюю очередь принимается во внимание при проведении интервью с соискателями (чаще всего многоступенчатого). Учитывается не только резюме соискателя, но и его возможные поступки, случайно оброненные слова, реакция на стрессовые ситуации в инокультурной среде, которая нередко даже специально провоцируется (например, шутки по поводу конфликтов в межрасовой среде), и т.д. «*Будьте уверены, что если ваш американский партнер услышал бы от вас*

рассуждения на тему, что нет никакого коронавируса, что это «заговор масонов» или «сами пусть дома сидят, а я здоровый, мне можно» - он решит, что вы безответственный негодяй, которому плевать на других людей и который не следует правилам (!). И для него это может оказатьс]я гораздо значимее ваших профессиональных навыков» [Почему российские программисты не востребованы в США]

По мнению самих русскоязычных мужчин-программистов, работающих сегодня в США, их успешной карьере здесь зачастую мешают и собственные стереотипные привычки, характерные для многих россиян, но неуместные в Америке. К таким привычкам они сами относят, например, отсутствие самодисциплины: «*Возможно, сказывается генетическая память. Нам нужен постоянный надзор "сверху", иначе мы все будем откладывать на потом, ведь времени, кажется, еще много. С творческими профессиями бывает, что, скажем, вдохновение никак не приходит... Американцы этого не понимают и будут с подозрением относиться к такому работнику. Здесь ценят СТАБИЛЬНУЮ продуктивность: чтобы ты все время отчитывался, как проходит работа, показывал, на каком этапе готовности задание, и мог сам организовать свой рабочий день наилучшим образом... За океаном никому в голову не придет следить за тем, в какое время ты садишься работать и заканчиваешь, никого не волнует, если у тебя вдруг отключился интернет, муза ушла или хомячок рожает. От тебя ждут отличного результата к дедлайну. Как ты его достигнешь – дело твое, но будь добр – сделай все в срок и в нужном качестве* [Почему русские программисты не востребованы в США].

В культурный код американцев не «вписывается» и такая особенность менталитета русских, которую в США принято называть тягой к героизму. Русскоязычные программисты сами признают, что «*в последний момент, накануне дедлайна, русский может не спать 36 часов подряд, выпить 8 литров энергетиков, и сделать за это время работу, на которую была*

отведена неделя. И, главное, что после этого мы чувствуем не уколы совести, а гордость: преодолел, справился, ай да я! Дофамин и эндорфины кипят в крови, и мозг воспринимает такой режим как нормальный, и привыкает к нему все сильнее» [Почему российские программисты не встребованы в США]. Однако, судя по материалам полевого исследования диссертанта, американцев данное несовпадение культурных кодов в ИТ-сфере как раз устраивает, так как открывает новые выгодные возможности для их взаимодействия с русскими, а самим русскоязычным программистам попутно обеспечивает искомый драйв в их подсознательном стремлении к максимальной профессиональной самоактуализации:

- «*В 7 утра я встаю, в 8:00 – отклоняю офферы Google, Facebook** (принадлежит компании Meta, признанной экстремистской организацией и запрещенной в РФ.), *Oracle, HP и подобных. С 9:00 пишу код, который стирает 100 "человеческих" вакансий с рынка труда. Далее по расписанию – обед за счет компании. С 13:00 до 15:00 – еще немного кода. В 5 вечера у меня встреча с инвесторами, которые жаждут вложить деньги во все, к чему я прикасаюсь. В 19:00 я ужинаю в Ritz-Carlton. В 22 – оставляю мое экспертное мнение... под постом в блоге какой-нибудь компании. Пост быстро разносится по Сети, и компания внезапно становится успешной»* [Темная сторона работы программистом в Кремниевой долине].

- «*Формально рабочий день site-reliability engineer в Google начинается в 9 утра и заканчивается в 7 вечера. Однако на деле работа продолжается до 22:00. Сотрудник должен быть готов ответить на срочный вопрос в течение 5 минут... Я ухожу с работы в 7 вечера, обязательно с заряженным ноутбуком. Если по дороге придет оповещение о критичной ошибке, то мне придется бросить все и заняться ей. Если ошибка менее приоритетная – разберусь с ней дома... На часах почти полночь, пора домой. По пути думаю, как хорошо, что я живу в South Bay –*

недалеко ехать. Спать лягу уже за полночь, а будильник сработает в 6:30...» [Темная сторона работы программистом в Кремниевой долине].

Конкурентоспособность русскоязычных программистов особенно «испытывается на прочность» во время кризисов. Блогосфера «айтишников» в Рунете как часть медийного пространства свидетельствует, что трудоустройство русскоязычных программистов, даже владеющих языками программирования C++ и Java, в такой ситуации оказывалось весьма затруднительным. Однако, согласно свидетельским нарративам, молодые программисты, приезжающие из России налегке, т.е. без семьи и каких-либо определенных стратегий устройства на новом месте, сравнительно быстро находят для себя альтернативные варианты работы, не боясь потери в заработке и других неудобств (тактика достижения успеха под названием Job-hopping, от английского hop, что означает «прыгать»). Для этой категории российских программистов в США именно тактика частой смены компаний нередко оборачивалась не столько потерями в зарплате, сколько, наоборот, возможностью ее поднять: *«Такой паттерн наметился еще у поколения миллениалов, которые к 2025 году составят три четверти мировой рабочей силы. Они первыми поставили под сомнение приоритет многолетнего труда в одной компании в ущерб личным карьерным достижениям*» [В погоне за лучшей работой].

Относительно низкая конкурентоспособность россиян на рынке труда в американской IT-индустрии в первом десятилетии XXI в. была связана и с их неготовностью принимать быстро меняющиеся корпоративные правила игры в этой сфере. К началу 2000-х годов ситуация в американской IT-сфере начала стабилизироваться благодаря стремительному росту востребованности операционной системы Windows 95, упрощению интерфейса и, что особенно важно, появлению глобальной компьютерной сети Интернет. Относительная недавняя проблема с рабочими местами для программистов, включая русскоязычных

иммигрантов, потеряла свою остроту. Однако кризисная ситуация в американской ИТ-индустрии показала, что русскоязычные программисты в США довольно слабо ориентируются в условиях рыночной экономики, в силу чего сами оказываются не готовыми к жесткой конкурентной борьбе [*Шалыгина* 2023] .

Особенно очевидным этот факт стал в 2002 г., когда в Америке разразился очередной кризис, связанный с сокращением инвестиций в ИТ-индустрию из-за спада в экономике большинства стран. Многие компании в тот период начали активно проводить политику аутсорсинга и переводить свои производства в страны с дешевой рабочей силой, чаще всего в Индию. В силу этого обстоятельства «дорогие» русские айтишники (учитывая, в первую очередь, их высокий уровень образования) часто оставались невостребованными на рынке труда. Не менее ощутимо на них в те годы отразилась и политика так называемых бодишопов, т.е. найм в ИТ-компании статистов («тел»), с помощью которых менеджеры осваивали бюджет: чем большее количество специалистов работает над проектом, тем больше денег на него выделяется, даже если реально над проектом работают 2–3 человека. В качестве «тел» компаниям, стремящимся сохранить свое производство в условиях кризиса, высококлассные русскоязычные программисты, способные в несколько раз быстрее решать поставленные задачи, также оказались не нужны [*Шалыгина* 2023].

Еще более проблемной американская ИТ-среда становилась (и становится сегодня) для тех русских программистов, которые не обладали статусом незаменимых (рабочая виза L1), т.е. не владели современными языками программирования и не имели, с точки зрения американского работодателя, должного уровня креативного мышления при решении сложных профессиональных задач. Особенно это касается тех русских айтишников, которых американские компании начали «вывозить» из России в 2022 г. Достаточно быстро после переезда в США к ним приходит

осознание того, что «…*их статус внутри компании – "беженец" и их никто не ждет на других рынках, им дадут не ту работу, о которой они могли мечтать. Крупные корпорации могут сохранить более или менее близкое позиционирование для своих сотрудников, но для относительно небольших компаний это невозможно... Как сказал топ-менеджер одной из американских компаний, "наши сотрудники – беженцы, но они этого не понимают. У них нет права выбирать место, где они будут трудиться, зарплату, которую они будут получать. Нет никакой сказки, что кто-то будет о них заботиться*" [*Муртазин* 2022].

Для многих айтишников отъезд из России и сегодня нередко означает ощутимое понижение социального лифта, меньшие деньги (с учетом другой стоимости жилья, продуктовой корзины и т.п.) и потерю привычного уклада жизни: «*Обычно эта прослойка людей отлично жила в России, но превратившись в беженцев, они теряют практически все от прежнего уровня жизни... Сейчас многие утешают себя тем, что компании их не бросят на произвол судьбы, дадут пожизненную работу (!!!) и теплое место. Звучат такие рассуждения очень наивно. Во многих случаях люди получат какую-то работу, затем через год, максимум два от них могут отказаться, так как никакими уникальными умениями они не обладают и были нужны для работы в России. Вне России они, как правило, бесполезны*...» [*Муртазин* 2022].

Ситуация для русскоязычных программистов несколько улучшилась, в связи с принятием американской иммиграционной службой в 2017 г.решения о выдаче профессиональной визы H-1B, позволяющей определенным работодателям рекламировать свободные места в компаниях и спонсировать работника из-за рубежа. Однако сами программисты в своих постах описывают практику использования визы H-1B как субаренду специалистов других компаний без каких-либо серьезных перспектив профессионального роста(аутстаффинг): «*Наличие рабочей визы не дает*

вам права заниматься большинством высокотехнологичных видов деятельности. Ограничения на экспорт, такие как EAR или ITAR, не позволят вам работать в своей области до тех пор, пока вы не получите грин-карту, что займет несколько лет. Все это время вы будете вынуждены заниматься чем-то за пределами своей основной сферы деятельности, постепенно теряя свои навыки. Если вы уверены в своих силах, отправляйтесь в другие страны. США – единственная страна, где вы не являетесь "лицом со статусом США" с точки зрения законов об экспорте, даже с рабочей визой. Вам грозит серьезное тюремное заключение, если вы сделаете это без экспортной лицензии (которую почти невозможно получить) или грин-карты. Все остальные страны – Европа, Турция, Китай, Латинская Америка таких ограничений не имеют» [*Глущенко* 2022].

Анализ проблем, с которыми приходится сталкиваться русскоязчным мужчинам-программистам в США, свидетельствует, прежде всего, о том, что их усилия, направленные на интеграцию в профессиональну среду высокотехнологичных американских компаний, далеко не всегда заканчиваются успехом. Не менее важным в контексте данной диссертации является и то обстоятельство, что целеполагание самих русскоязычных программистов в США в условиях американского рынка, скорее, укрепляет их исходную идентичность, чем изменяет и адаптирует ее к американской культуре в целом.

6.3. Женские сценарии интеграции постсоветских иммигрантов США

В процессе интеграции русскоязычных иммигрантов в профессиональную и социально-экономическую среду США со временем обозначились некоторые особенности, среди которых одним из наиболее важных следует считать рост значимости гендерного измерения. В следующем разделе данной диссертации рассматриваются некоторые

аспекты женских стратегий структурной ассимиляции в США в условиях информационно-компьютерной эпохи, которые, как представляется автору, во многом предопределяют перспективыэтнокультурной идентичности русскоязычных иммигрантов за океаном в ближайшем будущем.

Периоды безработицы для мужчин-программистов, переезжавших в США вместе с семьей, нередко приводили к формированию у них состояния фрустрации, означающего блокировку целенаправленного поведения и снижение адаптивных функций [*Шалыгина* 2023}. Подобного рода состояние, в свою очередь, могло провоцировать и серьезные психосоматические заболевания, а также потерю уверенности в благополучном исходе всего «иммиграционного проекта» в целом. В такой ситуации чаще всего происходило перераспределение ролевых функций в семье и усиление поисковой активности женщин, выявленное диссертантом ранее и у нескольких других иммиграционных групп в США, а в середине нулевых годов обозначенное автором диссертации как гендерный дифференциал социокультурной адаптации иммигрантов.

Суть концепции гендерного дифференциала заключается в том, что женщины-иммигрантки из стран с доминирующими традиционными поло-ролевыми отношениями обладают бóльшим, по сравнению с мужчиной, потенциалом адаптации, благодаря привитым еще в детстве навыкам ведения домашнего хозяйства, которые способны обеспечивать своего рода устойчивый стартовый капитал в любой меняющейся среде. Однако в кризисной ситуации, включая инокультурные контакты, долговременное использование «женских» навыков для выживания семьи нередко приводит к смене гендерных приоритетов в семье и укреплению авторитета женщин. Феминистские концепции американских исследователей конца 1980-х гг. акцентировали внимание на том, что адаптационный потенциал мужчин в инокультурной среде, напротив, всегда выше, чем у женщин, благодаря

изначальному отсутствию у последних возможностей для своей самоактуализации [*Ghaffarian* 1987].

И та, и другая концепции, как представляется диссертанту, одинаково приемлемы, но по отношению к различным историческим периодам и к различным этническим группам. В отношении русскоязычных иммигрантов США конца XX – начала XXI веков можно предположить, что изначально высокий уровень образования как у мужчин, так и у женщин, характерный для советского образа жизни в целом, уравнял их ресурс адаптации к иноэтничной среде. Однако отсутствие достаточной информации об американском рынке труда, как было описано выше, а также иллюзии относительно правил и норм американского образа жизни расставили свои поло-ролевые акценты в повседневной жизни иммигрантов.

Крах мифа о высокой востребованности русскоязычных мужчин в «айтишной» сфере США в 1990-х годах фактически предопределил рост активности женщин. Поиск работы в США для семьи русскоязычных программистов в начале 1990-х годов, не владеющих в должной мере английским языком и в массе своей уже достигших среднего возраста 40 лет, оказался весьма затруднительным [Русский мир 2018]. Судя по личной переписке иммигрантов со своими родственниками в России, рассылка резюме у мужчин иногда занимала многие месяцы, а в некоторых случаях и годы: «… *Говорят, что здесь на несколько сотен резюме только один ответ бывает. Да и то сначала приглашают на интервью, да часто не одно, а три. И если понравишься, то берут на испытательный срок. Так сложно с работой… Вчера разговаривали с одним человеком из Нью-Джерси. Тот говорит, что вообще с работой в стране очень-очень плохо. Мы, конечно, немного огорчились. Но совсем духом пока не падаем…Володя рассылает свои резюме везде. Получил приглашение Аклохомы* [орфография письма сохранена автором статьи. – *Н.Ш.*] – *это штат недалеко от Канзасса. Но это пока еще ничто. Он только начал. И хотя экономическое*

положение сейчас очень тяжелое в стране, мы надеемся. А что еще остается делать.... Работа?! Это смешно! Такое кол-во эмигрантов в нашем штате. Может быть, в других штатах по-другому. Я не знаю. Все хотят работу, но найти ее тяжело...» [*Шалыгина* 2023].

Судя по личной переписке женщин-иммигранток, выходом из положения, как правило, оказывалась их поденная работа, приносившая всей семье хоть какой-то минимальный доход. Если семья иммигрантов не обладала достаточно солидным первоначальным капиталом или поддержкой родственников, то вынуждена была искать способы выживания. Как правило, вариантов было несколько: 1) на работу устраивалась женщина, которая и содержала всю семью; 2) мужчина отказывался от своих претензий на высокопрофессиональную деятельность и наравне с женой начинал зарабатывать деньги любым разрешенным законом способом; 3) семья получала социальное пособие: «*Всем эмигрантам типа нас дают пособие на 4 месяца по 750 $, пока кто-нибудь из нас (я или муж) не устроится хоть на какую-нибудь работу. После этого пособие тут же снимают – плати за все сам…»* [*Шалыгина* 2023].

Но, как бы привлекательно, на первый взгляд, ни выглядела жизнь на социальное пособие, женщины делали выбор в пользу поисков любой работы, даже если речь шла только о поденных заработках: *«Я проработала там 10 дней по 10 часов, а еще брала работу на дом … и заработала за это время $ 130+ кожаную куртку для сына…»* Говорили, что так надежнее, да и перспектив больше: *«…Главное здесь найти работу. А это ох как не просто! Моя ведущая по трудоустройству американка Синтия познакомила меня со своей портнихой. Зовут ее Регина, она полька, говорит по-русски. В Польше она 1,3 года сидела в тюрьме как политзаключенная и потом 9 лет назад приехала в Америку, не зная ни слова по-английски. Теперь она владеет “Dry clearning”, т.е. химчисткой и*

занимается переделкой одежды. Ей 43 года. Это невероятно энергичная, ловкая, быстрая, умная женщина, работающая день и ночь без выходных и праздников… Необычайно любящая людей и переживающая за них. К сожалению, она и живет, и работает очень далеко отсюда. Мне приходится вставать в 5-5.30 каждый день. Цель моего прихода к ней – научиться работать, понять, что я смогу, и, может быть, она мне поможет где-нибудь устроиться. Она не должна мне платить, т. к. является волонтером. Но все ж таки платит мне. Я проработала у нее 10 дней по 10 часов, брала работу на дом и заработала $130 + кожаную куртку для сына. Это конечно очень мало, но мы рады, т.к. я многому учусь у нее, и для нас и этот доход важен. Пока еще не пойму, сумею ли я зарабатывать таким образом. Языка пока не хватает, а вот курсы англ. яз. опять временно перестала посещать» [*Шалыгина* 2018].

Отсутствие у большинства постсоветских иммигрантов достаточного уровня владения английским языком стало характерной чертой структурной ассимиляции русскоязычной иммиграции в США 1990-х годов. Абсолютное большинство бывших советских граждан, внезапно получивших возможность переехать на ПМЖ в США, как выяснилось в ходе исследования, плохо владели в те годы английским языком (если не сказать, что вообще не владели). И это вполне объяснимо: подготовка к эмиграции, включая изучение английского языка, требовала времени для погружения в специальные программы обучения, которого у них фактически не было, учитывая ажиотаж иммиграционного бума в России 1990-х годов. Русскоязычные переселенцы рассчитывали быстро, как принято говорить в иммигрантской среде, «взять язык» просто по факту своего пребывания в США среди носителей языка. Но так как их основное общение, как правило, ограничивалось самим иммигрантским кругом, такой

вариант изучения английского языка также не мог принести ожидаемого результата.

Формально все иммигранты в США имеют право на бесплатное изучение английского языка в специальных языковых школах. Соединенные Штаты ратифицировали Глобальную Конвенцию ЮНЕСКО о борьбе с дискриминацией в области образования, принятую 14 декабря 1960 г. на одиннадцатой сессии Генеральной Конференции Организации Объединенных наций по вопросам образования, науки и культуры в Париже [Международные акты о правах человека. 2000]. В Статье 1 Конвенции 1960 г. указано, что «...выражение «дискриминация» охватывает всякое различие, исключение, ограничение или предпочтение по признаку расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, экономического положения или рождения, которое имеет целью или следствием уничтожение или нарушение равенства отношения в области образования, и в частности: a) закрытие для какого-либо лица или группы лиц доступа к образованию любой ступени или типа; b) ограничение образования для какого-либо лица или группы лиц низшим уровнем образования» [Международные акты о правах человека. 2000].

На основании этого документа в США уже на протяжении нескольких десятилетий действует государственная программа, предусматривающая бесплатное обучение легальных иммигрантов английскому языку. Во всех крупных и даже во многих небольших городах США существует множество специальных школ для взрослых (community college), в которых выходцы из самых различных стран распределяются по группам, в зависимости от фактического уровня владения английским языком. Условия обучения в таких школах предельно просты и у большинства иммигрантов не вызывают трудностей, даже наоборот, создают необременительную атмосферу погружения в англоязычную среду.

Согласно данным включенного наблюдения, большинство русскоязычных иммигрантов поначалу с удовольствием начинали посещать бесплатные школы обучения английскому языку в США, которые функционируют практически в любом муниципальном округе. Время, проведенное в школе, в какой-то мере снижало и напряжение адаптации, расширяло круг знакомых, позволяло ощутить уверенность в своих силах. Сами занятия проходили легко, так как были основаны на игровой системе, не включали в себя домашнее задание и в какой-то мере имитировали естественную языковую среду. «Студенты» приносили с собой кофе, празднуют дни рождения, готовят небольшие выступления и т.д.

Данные включенного наблюдения подтверждают и посты блогосферы: «*Сами занятия проходят весело, никого ничего не заставляют делать специально. Кто-то опаздывает и все дружно здороваются. Народ приносит кофе в термосах и воду. Атмосфера очень доброжелательная. Есть упражнения с соседом за столом, иногда учительница сама пробегала по всем, проверяя письменное задание. Упражнения все быстрые и простые. В пятницу все устраивают чаепитие и составляют список, кто что вкусное принесет к завтраку в класс»* [*Бойчук* 2018. *Цит. по: Шалыгина* 2021].

Однако, несмотря на, казалось бы, идеальные условия для изучения английского языка в США, русскоязычные иммигранты 1990-х годов в массе своей рано или поздно отказывались от посещения этих школ, так и не освоив в достаточной мере язык. Причина, судя по включенному наблюдению диссертанта и ситуативным беседам с женщинами-иммигрантами, заключается в том, что обучение в языковой школе для взрослых реально возможно только для тех, кто хотя бы временно не имеет финансовых проблем, не обременен заботой о детях-подростках и может позволить себе не заниматься постоянными поисками работы [Русский мир 2018]. Если семья иммигрантов владела необходимым стартовым капиталом

для первого этапа адаптации, то для обучения в школе проблем не возникало. Однако в большинстве случаев русскоязычные иммигранты 1990-х годов оказались буквально связанными по рукам и ногам множеством собеседований, непростым графиком поденной работы, территориальной удаленностью школы от места работы, а также необходимостью перевозить детей-подростков с места их учебы домой и обратно.

Система общественного транспорта в США, мягко говоря, неудобна для тех, кто вынужден, не имея своей машины, пользоваться им постоянно: «*Я давно хотела написать, но, честно говоря, нет сил и времени. Каждый день работаю по 9,5 часов и 3 часа на дорогу как min, а еще 2 раза в неделю заниматься английским… до 11 часов. Школа Анюты* (дочь. – *Н.Ш.*) *находится далеко от нашего дома и нам (мне) придется ее возить к 8 утра и забирать после занятий. Значит, все – плакал мой английский язык…»* [Русскский мир 2018].

Повседневная жизнь русскоязычных женщин-иммигранток в конце 1990 – начале 2000-х годов, таким образом, была далека от размеренности, носила достаточно хаотичный характер, с трудом поддавалась взвешенной логистике и сильно утомляла самих иммигрантов, буквально не оставляя сил на системное изучение языка. В результате, не имея стабильной финансовой и экономической базы для поэтапной адаптации в США, русскоязычные иммигранты 1990-х чаще всего осваивали язык в процессе повседневной жизни [Русский мир 2028]. Обычно освоения языка происходило дома, на улице, в транспорте и т.п. Кроме того, разнообразие телепередач американского ТВ позволяло выбирать наиболее подходящий формат для просмотра, тот, где проще было вообще что-то понять (реклама, комиксы, мультфильмы и т.п.). Художественные фильмы или ток-шоу на английском языке быстро утомляли иммигрантов и существенно не продвигали освоение ими английского языка. В итоге, у них в лучшем случае

наращивался словарный запас, но не знание, например, грамматических конструкций, позволяющих легко понимать англоязычную речь. Для похода в магазин такого уровня было достаточно, а для собеседования с работодателем – нет [Русский мир 2018].

Повседневность постсоветских иммигрантов США пока крайне недостаточно освещается в отечественной научной литературе по причине, прежде всего, фактической недоступности полевого материала. Но в данном случае автору диссертации предоставилась возможность проведения включенного наблюдения за повседневной жизнью бывших советских граждан в сочетании с неструктурированными интервью, описанием отдельных случаев и анализом блогосферы русскоязычных программистов. Согласно автору интерпретативной антропологии Клиффорду Гиртцу, обнаружение обобщенных принципов в процессе наблюдения локальных фактов повседневной жизни является гермпеневтическим мостом, позволяющим совершать многократное челночное движение между множеством значений, «пока не станет видимым некий узор» [Цит. по: *Рис* 2005:20]. Именно в рутинной деятельности и повседневных заботах заложен ответ на многие вопросы формирования адаптивного ресурса иммигрантов, их индивидуальных подходов к осознанию себя в новой для них среде [*Шалыгина* 2024].

Личная бумажная переписка женщин-иммигранток является одним из самых уникальных источников информации, так как содержит в себе подробное описание существующих у них повседневных проблем, не оставляющих времени для профессионального роста и самореализации. Одна из основных информантов диссертанта Ирина Ч., являясь высококвалифицированным инженером, так описывает свою повседневную работу в пошивочном ателье, где ей платили $6,5 в час и повседневные

заботы в г. Бостоне: «…*Принимаю заказы, выдаю готовые вещи и вкалываю, вкалываю… переделываю (пошире, поуже, пришить, подшить…). Устаю, не пересказать как. Без еды – тороплюсь, т.к. хочу побольше успеть. Но все оправдывает цель – так я привыкаю к английскому языку, ну, и вообще к здешней жизни… Вот уже произошла очень неприятная история из-за моего плохого английского. Я приняла заказ у очень приятной черной женщины. Прекрасное платье. Написала в квитанции. Только не знала, как объяснить, что надо там одну деталь убрать. Написала, как могла. Сальва (владелица ателье) не поняла и отрезала платье на 3 инча – это порядка 7 см (!!!). Если бы не язык! Теперь в понедельник надо придумать что-то с платьем. В общем, что и говорить…»* [Русский мир 2018].

Понижение социального статуса русских женщин- иммигранток 4-ой волны в США («нисходящий социальный лифт») было достаточно типичным сценарием в процессе их адаптации. Результаты включенного наблюдения свидетельствуют, например, что из пяти женщин, работавших в небольшом русском магазине в Сан-Франциско на ул. Гири (русскоязычный район), одна из них имела степень доктора филологических наук и до переезда в США была сотрудницей одного из научно-исследовательских институтов в Екатеринбурге. Другая женщина, москвичка, работавшая в том же магазине, имела консерваторское образование, третья – диплом Новосибирского педагогического института. Все они попали в Калифорнию разными путями, но исключительно по доброй воле, оставив в российских городах работу, дом, друзей и знакомых. Откровенно жаловаться на понижение своего социального статуса в их среде было не принято, но в частных разговорах нередко проскальзывало сомнение в правильности сделанного выбора [*Шалыгина* 2024].

Кроме того, снижение социального статуса нередко подвергалось смысловой инверсии и у русскоязычных женщин-иммигранток трансформировалось в общий критический настрой по отношению к повседневной жизни. Блогосфера и женские форумы в социальных сетях достаточно полно отражают разнообразие рефлексий русскоязычных иммигранток: «*Я хочу поделиться своими впечатлениями о том, какими я увидела американских женщин в повседневной жизни. Несколько первых месяцев я не переставала удивляться, как в таком виде американки могут появляться на улице. Во-первых, меня потрясло то, что лица у всех в первозданном виде, т.е. без малейшего следа косметики. Во-вторых, прическа – одна для всех, будь то семнадцатилетняя или семидесятилетняя: волосы ниже плеч, спереди длинная челка, зачесанная набок. Ходить по жаре с такой прической не очень удобно, поэтому все собирается в пучок на макушке с помощью аптечной резинки. В результате голова с таким хвостиком выглядит очень неопрятно. Мне такая прическа напомнила нашу школьную уборщицу тетю Марусю, которая собирала наскоро волосы в хвост, когда мыла в школе полы... В-третьих, "демократичная одежда" дам тоже потрясает воображение. Я, конечно, слышала, что они одеваются в то, что удобно… Но действительность превзошла всякие ожидания! На всех шорты, безразмерная футболка и обувь без задников "ни шагу назад"! И вот такое "хвостатое чудо в перьях" дефилирует по городу, посещает офисы, докторов и рестораны. При этом никто ничему не удивляется. Это только я такая наивная! Можно совершенно спокойно встретить женщину в магазине, одетую в розовенькую ночную пижаму. Первый раз я подумала, что, вероятно, из-за склероза она забыла сменить свой*

гардероб. Но таких дам впоследствии я видела множество [Красота по-американски].

Реакция россиянок на типичную повседневность американок является ярким примером несовпадения идентичностей, которые складываются из генетических, этнических, гендерных, возрастных и прочих черт индивидуума: цвета и состояния кожи, формы и черт лица, цвета глаз, структуры и цвета волос, особенностей фигуры и т.д., т.е. то, что обычно воспринимается глазами и что доступно всем, независимо от культурно-языковой принадлежности. Однако подобного рода биологические сигналы могут быть неверно дешифрованы, по терминологии, принятой в исследованиях по межкультурным коммуникациям, когда имеются в виду барьеры, неосознанно возводимые иммигрантами в инокультурной среде и затрудняющие их адаптацию [*Мёрдок* 1997:49–56].

Кроме того, восприятие внешности человека обычно содержит в себе и реакцию на определенный этнокультурный код. И это касается не только антропологических черт, но и манеры одеваться, разговаривать, улыбаться и т.д. Если этот код адекватно не прочитывается, то возникают не только коммуникативные барьеры, но и отторжение самой идентичности его носителя. *«Как разобраться в этом новом мире? Как упорядочить все в душе и в голове, разложить на привычные полочки: хорошо и плохо? Как отличить НЕПРИВЫЧНОЕ, НЕПОНЯТНОЕ от плохого? Как удержаться от крайностей критиканства и восхваления? Как избавиться от вбитых в меня и утрамбованных социалистической идеологией понятий “хорошо” и “плохо?!”»* [Штамм].

Инверсионное восприятие американской повседневности россиянками четвертой волны имеет еще одну, скрытую от поверхностного понимания сторону, связанную с расовыми различиями населения США. Критические замечания русскоязычных иммигранток обычно направлены

на представителей белой, англосаксонской расы. Внешние различия между американками англосаксонского происхождения и россиянками несущественны, и это должно было бы стать одной из предпосылок успешной коммуникации между ними [*Montaigne* 1998. Цит. по *Леонтович* 2022]. Но именно антропологическое сходство белых американок и русскоязычных иммигранток становится препятствием в установлении взаимопонимания между ними, что в свое время было подмечено и достаточно точно сформулировано режиссером Андреем Кончаловским: *«Один англичанин запомнился мне афоризмом: “Проблема русских в том, что они белые. Я сначала почувствовал в этом некоторое оскорбление, но потом изменил свое отношение к этому тезису. Ведь и правда: русские относятся к белой расе по своему генофонду и по происхождению. Этот факт и вызывает мисинтерпретацию русских Западом. <...> А все дело в том, что к туркам и индусам не прилагаются те мерки, которые Запад обычно прилагает к русским. Как будто с белым цветом кожи русские должны обязательно заимствовать весь тот свод ценностей, который движет западной культурой. И вот тут возникает то самое, необъяснимое для многих поведение – для многих, и американцев, в частности, неадекватное поведение русского человека»* [*Чередниченко* 1999: 43. Цит. по: *Шалыгина* 2021].

Несоответствие в системе взаимных ожиданий белых американок и россиянок в США, ощущаемое ими поначалу на уровне внешних различий в одежде, манеры вести себя в общественных местах и т.п., со временем нередко трансформируется в устойчивое отторжение и неприятие [*Леонтович* 2002]. Особенно такое отношение к американской культуре характерно именно для русскоязычных женщин-иммигранток 1990-х годов, которые, расставшись со своим высоким социальным и образовательным статусом в России, оказались вынуждены жить в недорогих районах

американских городов и заниматься не тем, к чему привыкли на родине, а тем, что может обеспечить минимальный уровень выживания в США.

Совокупный семейный доход этой категории русских иммигрантов, по результатам социологических исследований 1990-х годов, составлял от 32,5 до 50 тыс. долл. в год, или 1150–1750 долл. в месяц на члена семьи [*Березин* 2007], что соответствует и данным включенных наблюдений диссертанта. В эту сумму должна была «уместиться» вся система жизнеобеспечения семьи, включая не только оплату жилья и питание, но и медицинское обслуживание, образование ребенка (детей), транспортные расходы и т.д., что, учитывая, например, отсутствие постоянной работы, уже представлялось проблематичным. Но, согласно данным личной переписки иммигрантов и данным включенного наблюдения, русскоязычные иммигранты 1990-х годов считали весьма неплохим для себя вариантом доход и в 20–25 тыс. долл. в год, лишь бы этот доход был. Если говорить о начальном периоде пребывания семьи в США, наиболее вероятным случаем для работающей женщины без языка, по данным включенного наблюдения диссертанта, в 1990-х - начале 2000 годов годах была заработная плата в 6–7 долл. в час.

«*У нас жизнь полна впечатлений. Вживаемся, узнаем новое, переживаем конечно, не без этого. Главное здесь найти работу. Это очень не просто. Моя ведущая по трудоустройству американка Синтия познакомила меня со своей портнихой. Зовут ее Регина, она полька, говорит по-русски… Сейчас раннее утро (7 часов), воскресенье 26 июля. Все еще спят, а я привыкла вставать очень рано и уже не могу спать. Встаю почти каждый день в 5.30-6 часов утра, т.к. по 1,5-2 часа трачу на дорогу. 2 дня я работаю с 8-18 (а часто и подольше) у Регины – я писала вам о ней. Работаю просто за гроши. Она дает мне когда и как не*

определено, то $75 в неделю, то меньше, но я многому научилась уже у нее…» [*Шалыгина* 2021].

«Вчера, в понедельник 3 мая брала свободный день, чтобы уладить дела. Хорошо то как! Володя [муж. – Н.Ш.]все настаивает, чтобы я перешла работать к одному человеку и не мучилась, т.к. сейчас, когда я работаю у Сальвы 4 дня в неделю, а она хочет все 6, и у Артура 2 дня, я не могу брать свободные дни, т.к. работы скапливается очень много и Сальва пока терпит, но уже торопит переходить к ней насовсем. Платят все мало: Сальва 6,50/час, Артур 6/час, так что у Артура я вроде бы теряю немного денег и его бизнес новый неизвестно как пойдет. Но я у него одна и потом у него так красиво, в общем пока не хватает решимости от него отказаться. А с Региной получился большой разговор, и я потом даже заболела от расстройства. Она мой друг, но в бизнесе нет друзей и хоть она мне и говорила, что я за свою работу могу просить $10/час и что, мол, ей я нужна за эту сумму на 3 дня, а позже она предлагала работать вместе – это когда Артур собрался уходить, но продолжала платить по $5/час и не хотела прибавлять нисколько. Вот я и перестала к ней ходить. Она сразу взяла на работу китайку. Я очень переживала пока сумела принять решение, даже подхватила от расстройства грипп, и мы с Анюткой переболели и до сих пор немного кашляем. А вчера Регина опять, позвонила и опять приглашает, говорит, что я ей очень нужна. Трудно, т.к. все это очень и очень хорошие люди и я знаю себе цену и знаю, что не легко им будет найти мне замену. Омар работал очень хорошо, но не знал языка, да и ушел он – не остался, кажется, опять уехал в Алжир там у него двое сыновей остались…» [*Шалыгина* 2021].

Согласно теории «культурного шока», разработанной еще в 1954 г. американским антропологом Карлом Обергом [*Oberg* 1966] на активное продвижение идеалов «американской мечты» в сознание населения

постсоветского пространства, после переезда в США, как оказалось, не все бывшие граждане Советского союза в равной мере способны к принятию американской реальности на активное продвижение идеалов «американской мечты» в сознание населения постсоветского пространства, после переезда в США, как оказалось, не все бывшие граждане Советского союза в равной мере способны к принятию американской реальности, культурный шок включает в себя несколько фаз, которые при всей своей нормативности в каждом случае все-таки имеются и нюансы: 1) эйфория («медовый месяц»), когда человек переживает состояние восторга от столкновения с новой культурой; 2) осознание ценностных различий, когда возникает чувство непринятия некоторых особенностей новой культуры; 3) примирение с культурными различиями; 4) принятие культурных различий, когда в той или иной степени происходит слияние с новой культурной средой.

Письменные нарративы русскоязычных женщин свидетельствуют о том, что первую фазу культурного шока они нередко переживают, согласно терминологии Оберга, в состоянии эйфории:

«…Не перестаем удивляться красоте здешней, доброжелательности, разумности… Здесь огромный выбор всего… Господи, чего только нет в этих магазинах! И как смешно все устроено. В газетах, журналах есть купоны на скидку тех или иных товаров, продуктов. Периодически устраиваются распродажи подешевле. Купишь одни башмаки, вторые дадут за полцены и т.д. Ко всему надо привыкать… Были 3 дня праздников. Называется Мемориал день, это когда американцы чтут память погибших в войне. Трогательны для нас, развращенных неверием ни во что, их торжества. Все, от мала до велика, стоят и прикладывают руку к груди, когда исполняют американский

гимн. Везде американская символика. В магазинах все, даже ткани, с этой символикой! Полотенца, салфетки, значки, наклейки, шапки, футболки и т.д.» [*Шалыгина* 2021].

- «*Держитесь! Знаю, что вам очень трудно. Нам тоже трудно, только по-другому. Не по-глупому. Еды завались! А вам ведь подчас и поесть нечего. Но вы не сдавайтесь!.. Видели по телевизору вашу программу "Время", которую подготовило здешнее русское посольство. Опять стрельба и стрельба, митинги. У всех напряжение на лицах. Как вы там, а? Нам бы разбогатеть хотя бы слегка и тогда…!!! Так же, как раньше мне невозможно было представить себя в Америке, так и теперь, не могу представить себя в России. Как же здесь, в Америке, хорошо! Если бы вы были с нами! Надеюсь, все-таки встретимся здесь»* [*Шалыгина* 2021].

На втором этапе «примирения» русскоязычные иммигранты, как правило, уже перестают обращать внимание на такие различия, как внешний вид, манеры поведения, окружающая среда, магазины и т.п., к которым попросту привыкают. Этапы «примирения» и «принятия отличий» американского образа повседневной жизни для постсоветских иммигрантов нередко становится последней фазой адаптации иммигрантов, когда формируются этнокультурные анклавы в городах принимающей страны и устанавливается ритм повседневной жизни, не нарушающий основных правил коммуникаций анклава с внешней средой (типичный пример – русскоязычный район Брайтон-Бич в Нью-Йорке или китайские кварталы в мегаполисах США). Однако, что касается этапа «слияния», обозначенного К. Обергом как фактический переход к новому укладу повседневной жизни, в отношении русскоязычных иммигрантов вызывает значительно больше вопросов, так как затрагивает достаточно

болезненную для высокообразованных российских специалистов сферу карьерного роста и достижения успеха в США.

Стратегии карьерного роста русскоязычных женщин-иммигрантов. К концу 1990-х годов структурная ассимиляция постсоветских иммигрантов приобретает отчетливо выраженный характер поло-ролевой дифференциации. Это означает, что ориентация на так называемый мужской потенциал вхождения в социально-экономическую среду американского общества, изначально воспринимаемый как приоритетный, но подвергшийся достаточно серьезным испытаниям на рынке труда в первой половине 1990-х годов, перестает быть единственной стратегией достижения успеха постсоветских иммигрантов в США. Проблема выживания семьи и образования детей активизирует ресурс женских стратегий адаптации, развитие которых в иммиграции как кризисной ситуации принципиально отличалось от мужских.

Отличительной чертой женских стратегий адаптации в кризисной ситуации следует считать высокую степень поисковой активности. Опыт «нисходящего социального лифта» показал, что диапазон ресурсных возможностей русскоязычных женщин-иммигранток достаточно широк и может быть использован в самых различных направлениях. При этом немалое значение имел и сам факт осознания женщинами «открытых перспектив» в США. Если на начальных этапах пребывания в США, когда женщинам приходилось соглашаться на любую работу, невзирая на статус, лишь бы хоть как-то обеспечить семью, то на более высоком уровне адаптации и снижения издержек культурного шока у них достаточно быстро начинает формироваться твердая установка на поиск работы по специальности и стабильный карьерный рост [*Шалыгина* 2024].

Поисковая активность русскоязычных женщин-иммигранток в этом отношении намного превышает активность их соотечественников-мужчин. На форумах Рунета образованные россиянки, живущие в США, нередко сами с иронией обращают особое внимание на эту проблему в иммигрантском сообществе: *«Никто так горячо не мечтает о своем трудоустройстве, как русский безработный мужчина! И никто, кроме него, не назовет такое огромное количество проблем, с какими он сталкивается, желая осуществить свою мечту. К примеру, предложенная работа не соответствует его профессиональному образованию. Или: маленькая – с его точки зрения – зарплата, которую предлагают ему как специалисту. Мысль о том, что в данный момент он не зарабатывает вообще, причиной поиска работы не является»* [Марчант].

Высокая степень поисковой активности женщин в условиях иммиграции как в кризисной ситуации может объясняться активно-оборонительной формой реакции на стрессовую ситуацию. Согласно теории канадского физиолога Ганса Селье, реакция на стресс может носить либо активно-оборонительный, либо пассивно-оборонительный характер. Разница между этими двумя формами реакции заключается в том, что в первом случае поисковая активность носит постоянный характер и не зависит от достижений, и наоборот, решение одних задач стимулирует человека ставить перед собой все новые задачи, не останавливаясь на достигнутом. Во втором случае после достижения поставленной цели происходит добровольный отказ от дальнейшего поиска, что приводит к так называемой «болезни достижения» или «болезни Мартина Идена» [*Шойфет* 2008: 148]. В отношении распределения подобного рода биологических особенностей между мужчинами и женщинами

достоверных данных пока нет, но, по результатам проведенного автором диссертации исследования повседневной жизни русскоязычных иммигрантов в США (с учетом включенного наблюдения), активная форма реакции на стрессовую ситуацию адаптации, действительно, более характерна для женщин, чем для мужчин.

Выражается это, в частности, и в том, что, находясь фактически в одинаковых условиях с мужчинами в США, русскоязычные женщины 1990-х годов гораздо более активно занимались мониторингом ситуации на рынке труда [*Шалыгина* 2024]: *«Интересно, что самый высокий доход СМИ получают от рекламы рынка недвижимости, продажи автомобилей и... объявлений о вакансиях. Если проще: огромные площади газетной рекламы занимает "рынок труда" и объявления на тему: "требуется" … Причем, требуются самые разные профессии. Высококвалифицированный программист и курьер, врач-офтальмолог и учитель игры на губной гармошке. Даже при беглом просмотре можно найти несколько объявлений о том, что кто-то испытывает недостаток в специалистах вашей профессии или нуждается в ваших талантах. Обычно объявления о вакансиях даются сроком как минимум на месяц. Поэтому, перелистывая газетные подшивки, можно найти несколько адресов и смело обращаться, не пугаясь, что кандидат на вакантную должность уже найден… К тому же, в этой стране, не считается зазорным, имея основную работу, еще и подрабатывать. Например, на доставке газет и питания, репетитором или частным консультантом. Словом, не зарывать талант в землю, а использовать свои дополнительные знания и профессии на все сто процентов»* [*Марчант* 2009].

Карьерным успехам русскоязычных иммигрантов в немалой степени способствовали и законодательные акты США. Так, Иммиграционный закон

1990 г., подписанный Джорджем Бушем-старшим 29 ноября 1990 г., значительно увеличил процент иммигрантов с высшим образованием в стране - до 29%, что самым благоприятным образом сказалось на трудоустройстве постсоветских иммигрантов, обладавших дипломами о средне-специальном (эквивалент образования колледжа в США) и высшем образовании [*Batalova* 2017]. По данным официальной статистики США, число иммигрантов с высшим образованием на американском рынке труда в период с 1990г. по 2000 г. выросло на 89%, в период с 2000 г. по 2010 г. – на 55% и в период с 2010 по 2922 г. - на 56% [U.S. Census Bureau. 2024. 2022].

Наибольшее количество иммигрантов с высоким уровнем образования отмечено в штате Калифорния – 22% всех мигрантов с высшим образованием в США в возрасте от 25 до 54 лет. В большинстве своем это были специалисты в области высоких технологий, инженерных и математических наук. Но в период 1990-х – начале 2000-х годов трудоустройство по специальности для многих специалистов из бывшего СССР было весьма затруднительным из-за сложностей с признанием их документов, подтверждающих уровень образования. В силу этого обстоятельства, высококвалифицированным специалистам приходилось работать на низкоквалифицированных должностях, чаще всего – посудомойками, охранниками или водителями такси. С точки зрения современных американских аналитиков, подобного рода ситуация расценивается как растрата человеческого капитала (или «мозговая трата»). Закон США об иммиграции 1990 г., таким образом, частично исправил ситуацию при помощи введения визы H-1B для временных работников с образованием, которая позволяла работодателям и организациям нанимать определенное количество высококвалифицированных иностранных граждан для работы в Соединённых Штатах. Однако

юридические тонкости закона не всегда оказывались понятными для иммигрантов и, как правило, не использовались ими в полной мере.

Судя по результатам включенного наблюдения автора диссертации, наиболее действенным механизмом успешного поиска работы для большинства постсоветских иммигрантов в 1990-2000-х годах оставалась их собственная поисковая активность, позволявшая быстро и эффективно ориентироваться на американском рынке труда.

Наиболее успешным сценарием интеграции русскоязычных женщин в американскую среду стало преподавание в русскоязычных школах, которые они же сами и открывали. Анна Будняцкая, основатель русской школы Оранж Каунти (Калифорния), рассказывает: *«В ноябре 2017 года наша школа отпраздновала 15-летний юбилей. Мы начинали с маленькой группы "Мама и Я", родившейся на детской площадке в одном из парков Оранж Каунти. Мы разучивали песенки и проводили игры, интересные для двух- и трехлетних малышей. Наша цель была одна – сохранить русский язык у детей в англоязычной среде. Мы можем по праву называть себя первопроходцами, так как в это время в нашей области не было ни детских садов, ни школ, ни каких-либо русскоязычных организаций для детей… Сегодня из маленькой группы, когда-то организованной на детской площадке, выросла большая субботняя школа – Русская Школа Оранж Каунти самая крупная русская школа в Южной Калифорнии. На сегодняшний день в нашей школе преподают 22 учителя и посещают более 300 учеников, съезжающихся со всех концов большого Лос-Анджелеса. За годы развития для учеников нашей школы от 2-х до 16-ти лет были разработаны программы по русскому языку, литературе, развитию речи, русской истории, истории древнего мира, истории мировой культуры, географии, природоведению, математике, алгебре,*

геометрии, музыке, театру, изобразительному искусству, лепке, труду, танцам и другим предметам. Для малышей же есть группа “Мама и Я” – та самая, с которой все и начиналось много лет назад. Благодаря сильной академической подготовке, наши ученики могут участвовать в олимпиадах по русскому языку и математике, разработанных в России и Америке. Они выступают на концертах, ставят театральные постановки, участвуют в выставках по изобразительному искусству и керамике, демонстрируя актерское, хореографическое, музыкальное и художественное мастерство. Уже давно занятия проводятся не на детской площадке, как 10 лет назад, а в учебном центре, оборудованном для занятий с детьми дошкольного и школьного возраст» [*Будняцкая* 2025].

Аналогичные школы были созданы женщинами и в других штатах США. Например, Детский образовательный центр «Да Винчи», Школа русского языка (Ирина Ужанская), школа «Гармония» (Ульяна Бабанова) и др. Перечень предметов, которые предлагаются в русских школах США (русский язык, литература, развитие речи, математика, алгебра, геометрия, музыка, музыкальная фонетика, изобразительное искусство, лепка, рисунок, танцы, история России, история Древнего мира, история развития мировой культуры, география, природоведение, физика, астрономия, занимательная химия, шахматы, французский язык, гитара, программирование, журналистика), привлекают не только тех, кто уже живет в США, но и тех, кто только собирается переезжать туда на ПМЖ. Алексей (40 лет) спрашивает: *«У меня другая ситуация, я хочу переехать в штаты на ПМЖ, но мои дети говорят на русском языке. Они не смогут сразу пойти в школу с полностью английским языком, просто не поймут.*

Я хотел узнать есть ли школы для русских? Хотя бы пока не освоят язык» [Русские школы в США.

Кроме того, учитывая низкий уровень обучения в муниципальных школах США, учеба в русских школах становится серьезным подспорьем в системе американского образования. *«Конечно, перемены в первый год проживания в Америке для нашей дочери были очень большие. После маленькой (400 человек) элитарной школы в Новосибирском академгородке, где некоторые из учителей были нашими друзьями, ребенок оказался в огромной, хорошо организованной, но бездушной машине*» [Бакмастер].

Особенно тяжело даются иммигрантам первые месяцы обучения в американской школе из-за большой разницы в обучающих программах: *«Я должна подчеркнуть еще раз, что этот вывод относится только к подобному типу школ, то есть к большим городским школам. Именно эти школы являются объектом пристального всеобщего анализа. Результаты такого статистического анализа регулярно печатаются в газетах и журналах и присылаются всем жителям города по почте, так как, по сути, представляют собой характеристику среднего статистического студента данного города, а следовательно – и среднего уровня образования, потому что в таких школах учатся дети самых различных слоев общества. Две главные составляющие обучения в такой школе – это “госпожа удача” и “собственное желание”. “Удача” – потому что состав учителей очень неровный»* [*Бакмастер*].

Не менее тяжело давалась детям, обучавшимся в российских школах и особенности подготовки американских учителей. Рассказ русской иммигрантк Валентины Бакмастер, вышедшей замуж за американца и переехавшей жить в США, дает возможность реально сравнить две системы

образования: «*Некоторые действительно специалисты очень высокого класса, но другие – откровенная “посредственность”. То есть после обучения в такой школе одни дети выходят с минимальным объемом знаний по общеобразовательным предметам, а другие, у которых есть желание и возможности, имеют довольно высокий уровень, не лимитирующий их поступление в университеты. По данным “National Center for Education Statistics” 16,6% ребят бросают школу, не окончив ее, 33,3% довольствуются дипломом об окончании школы, 17,3% получают профессиональное образование в колледжах и 32,7% – в университетах. Мы были крайне удивлены, когда увидели, что студенты не заинтересованы в классах подготовки к колледжу. Например, в школе, где училась наша дочь, работал очень сильный преподаватель физики, но класс физика II (программа для поступающих в колледжи) открыть не удалось, так как во всей школе (4500 учеников) не нашлось необходимого количества желающих посещать этот класс. Иными словами, большинство диктовало образ жизни меньшинству…*[Бакмастер].

Кроме того, обучение детей в американских школах в значительной большей степени ориентировано на занятия физкультурой, чем на предметные дисциплины, что также нарушает естественный процесс получения знаний для русскоязыных детей: *«В американской средней школе больше играют, чем учатся. Российские школьники значительно опережают своих американских сверстников за счет большей интенсивности обучения. Так, наша дочь на родине училась в 8-м классе, здесь ее приняли официально в 9-й класс, но занятия она посещала с ребятами из 11–12-го классов. В физическом классе она была самой младшей, преподаватель называл ее “маленький гений”. Это “норма” для ребят из России. У моей приятельницы мальчик в один год проходил*

двухлетнюю программу и в 16 лет набрал достаточное количество кредитов (баллов) для поступления в университет…» [*Бакмасте*р].

Существует и проблема согласования школьных занятий для детей, которые приезжают учиться на короткий срок. *«Разница методик преподавания в русской и американской школах настолько велика, что согласовать программы, то есть выбрать класс, соответствующий знаниям студента, практически невозможно. Обязательно надо или что-либо доучивать самому или прослушивать во второй раз то, что уже "проходили" в русской школе. Кроме того, в Америке используется другая символика в физике, математике, химии. Здесь принята не метрическая, а британская система мер. Со всем этим разобраться за один год студент, конечно, не успевает. Возвращаясь домой, в свой родной класс, он привозит множество мелких проблем, что приведет к отставанию по всем предметам в следующем учебном году…»* [*Бакмастер*].

В целом, правила и нормы обучения в американских школах настолько сложны и многообразны для русскоязычных иммигрантов, что востребованность воскресных русских школ постоянно растет, облегчая социализацию детей и обеспечивая им достойный, с точки зрения родителей, уровень образования. И даже несмотря на вполне достойные условия пребывания детей в муниципальных школах США, русскоязычные иммигранты все-таки стремятся параллельно обучать своих детей и в русских воскресных школах, в которых открываются группы продленного дня и преподается русский язык. В студиях также работают русские педагоги, и занятия проходят только на русском языке. Для малышей существуют частные детские сады, где общение происходит на русском языке. Русские садики рассчитаны на 8 человек, потому что именно такое количество детей может воспитывать один преподаватель, получивший лицензию. Важно и то, что в эти садики можно отправлять детей уже с 2 лет.

Результатом системы преподавания, предлагаемой русскоязычными женщинами из иммигрантской среды, становится осознанное и отрефлексированное погружение детей в русский мир и усвоение ими соответствующих вербальных и образных символов. Женщины-преподаватели ставят со своими учениками спектакли по мотивам русских сказок и произведениям советских писателей («Финист – ясный сокол», «Праздник непослушания», «Новогодние приключения Маши и Вити» и др.), организуют просмотр лучших советских мультфильмов, разучивают стихи русских и советских поэтов, продвигают и высокотехнологичные проекты, ориентированные на русскую и советскую историю (например, создание интерактивных биографий участников Великой Отечественной войны) и многое другое [*Шалыгина* 2022].

Кроме того, русскоязычные женщины-преподаватели в США формируют в сознании детей и представление о межкультурной толерантности как в отношении собственно американцев, так и в отношении других народов мира в целом. Так, американский праздник «День благодарения» в русских школах адаптирован таким образом, что дети в этот день благодарят своих родителей, братьев, сестер, учителей, школу, друзей и т.д. (акция «Скажи спасибо!»). Кулинарные же навыки прививаются детям через изучение кухни народов мира, в первую очередь, узбекской, татарской и других народов бывшего СССР [*Шалыгина* 2022] .

Женские сценарии успеха русскоязычных иммигрантов в инокультурной среде, опирающиеся на систему школьного преподавания советско-российского образца, оказываются все более и более востребованными в США. Среди представителей 5-ой волны русскоязычных иммигрантов, начавших переезжать из России в США с 2000-х годов, именно женское преподавание становится основным профессиональным целеполаганием в процессе структурной ассимиляции. И, что особенно важно отметить в контексте данной диссертации, таким

образом происходит укоренение русско-советской культуры в североамериканском социуме, формирование так называемой «миски салата» [Women East-West 2023], т.е. сохранение и дальнейшее развитие материнской культуры в условиях иммиграции, главным «действующим лицом» в этом процессе все очевиднее становится женщина.

Таким образом, данный сценарий самореализации русскоязычных иммигранток в США можно считать успешным и перспективным. Если же говорить о той роли, которую этот сценарий играет в процессе формирования новой идентичности иммигрантов, то, как представляется, он укрепляет и продвигает ценности Русского мира в Америке. Именно благодаря активности женщин Русский мир за океаном, по сути, приобретает новое дыхание и возможности не только своего сохранения, но и развития.

Спуглеры Силиконовой долины. Альтернативным сценарием самореализации русскоязычных женщин в США, переезжающих вместе с мужем-программистом, стал сценарий «жены-домохозйка». Профессиональную визу H-1B, как правило, с самого начала выдавали мужчинам, в то время как их жены получали статус иждивенцев (dependents, т.е. «зависимые»), который не давал формального права на работу и подразумевал полную экономическую и социальную зависимость от супруга. В профессиональном лексиконе «айтишников» США для *обозначения статуса жен программиста даже появился свой термин – спуглер*ы, образовавшийся от соединения двух английских слов: spouse (супруга) и Google. Спуглеры – это женщины, в среднем около 25–32 лет, обычно имеющие либо высшее, либо востребованное в России среднее специальное образование, и до переезда в США, в той или иной степени реализовавшие себя на родине. Но надеясь на перспективы получения своими мужьями высокооплачиваемой работы в США, эти женщины чаще всего отказывались от продолжения собственной самореализации, даже в

таких творческих сферах, как наука, литература, журналистика, искусство и т.п. [*Шалыгина* 2024]

Статус спуглеров в Кремниевой долине лишь условно можно отнести к категории большого жизненного успеха, так как ни о каком социальном лифте в этом случае речь не идет. Учитывая тот факт, что среди русских программистов в США более 80% составляют молодые мужчины до 40 лет (данные компании Payscale на 2017 г.), их жены-спуглеры, как правило, становились домохозяйками и со временем фактически утрачивали перспективу трудоустройства по специальности, приобретенной на родине. Жизненное пространство жен-спуглеров постепенно «схлопывается» до размеров повседневных домашних забот и неизбежно перестает соответствовать медийному формату идеальной «американской мечты»: *«...Жизнь превращается в бесконечную скуку... город вокруг кажется красивым, но недоступным... и ты чувствуешь себя гадким лебедем, который не знает языка, не умеет правильно есть устриц и носить дизайнерскую одежду, у тебя болеет кот, а муж сидит на работе с десяти до десяти*...» [Жена –спуглер не сильно отличается от кота].

Сужение жизненного пространства спуглеров зависело не только от плохого английского языка или от отсутствия работы. Немалое значение имело изменение и всего жизненного ритма семей программистов. Рабочий график программистов, получивших работу в крупных американских компаниях, с самого начала их создания практически не оставлял сотрудникам времени на семью и семейные заботы: «*Просыпаюсь, принимаю душ. На час застреваю в пробке. Приезжаю на работу – уже невозможно нормально припарковать машину. Завтракаю за компьютером. Работаю. Обедаю. Работаю. На час застреваю в пробке. Сплю и так далее. Работать в Кремниевой долине – здорово!»* [Темная сторона работы программистом].

Важно уточнить, что специализация русскоязычных молодых женщин, получивших образование в университетах постсоветского пространства, зачастую была на весьма высоком уровне, и утрата важнейшего ресурса для самореализации в новых условиях ощущалась ими достаточно болезненно. Когда женщинам-спуглерам приходилось отказываться, например, от специальностей в области прикладной лингвистики или систем технической защиты компьютерной информации и «волонтерить» в Техническом музее инноваций (г.Сан-Хосе, штат Калифорния), их нереализованные амбиции способны были создавать дополнительное напряжение в семейных отношениях [Шалыгина 2021].

В роли спуглера мог оказаться и мужчина, если профессиональную визу программиста в США получал не муж, а жена, что хоть и редко, но все-таки случалось. Однако в этом случае ситуация для русскоязычных айтишников становилась еще более драматичной: *«Стараюсь настраивать себя позитивно: с удовольствием хожу по дому с пылесосом и слежу за тем, чтобы айпад любимой заряжался, пока она на работе. Налоговый консультант заявил прямо: “Сергей, ваш статус – домохозяин”. Я домохозяин, я домохозяин, я... Черт побери, где бы купить настоящую сметану, как дома?»* [Спуглеры – жены айтишников-мигрантов 2018].

Но и классический вариант переезда мужчины-«айтишника» с женой в США по контракту также нередко заканчивался драматично для семейных отношений. Андрей Третьяк, программист, живущий в Кремниевой Долине: *«В общем, заранее настройся, что через год американской жизни она тебя кинет. Редкое исключение, когда жена программиста тоже программист, работающий под той же операционкой. Такие люди живут долго и счастливо и умирают в один день от общего вируса. Но подобные пары так же редки, как виндовоз без багов. Чаще жена программиста – это нечто из совсем другого полушария мозга. Условно говоря, художница. Возможно, в России ты пристроил бы ее на какую-то околокомповую работенку вроде*

web-дизайна. И вот ты, крутой уокер, приезжаешь в Штаты на двадцать тысяч в год. Тут же покупаешь поюзанный "фордик" и уютненький кондомик с видом на паркинг. И выписываешь из России свою мышку-норушку, которая дома всегда была тише кулера и ниже драйвера… Через полгода оказывается, что мышка лучше тебя водит тачку и знает все окрестные бары. И конечно, уже говорит по-английски без акцента, чего никогда не может добиться ни один русский мужик… Более того, пока ты там давил батоны и варил свои варежки, твоя тихоня уже подружилась с несколькими другими опытными программистами. И нашла, что их красные "ягуары" рулят круче, чем твой "форд козлина" цвета "б/у"» [*Третьяк* 2005].

За последние годы, однако, сценарий, который условно можно назвать пассивной адаптацией спуглеров, постепенно начал уступать место принципиально иной позиции русскоязычных женщин, основанной на уверенности в необходимости собственной профессиональной самореализации, несмотря на любые возникающие барьеры.

Истории нескольких молодых украинских женщин, переехавших в США вслед за своими мужьями, получившими там работу программистов [Бандальер], объединяет наличие так называемой *зависимой визы*, то есть, такой визы, которая закрепляет за ними в иммиграции исключительно статус жены программиста и не дает право работать по своей специальности. Тем не менее многие из современных женщин-спуглеров находят достаточно креативное решение проблемы и демонстрирут готовность к самореализации даже в таких условиях. Так, харьковчанка Таня Луцаевская (муж – Андрей Сергиенко, Software Engineer в Airbnb, переехали в США в 2014 г.), закончив университет по специальности «Прикладная лингвистика», на родине работала на разных позициях в IT-компаниях. Принятое в 2014 г. семейное решение переехать в США было осознанным и продуманным: *«Мы хотели переехать именно в Кремниевую*

долину. Поэтому муж обратился в компанию, где он тогда работал, и ему предложили несколько вакансий для релокейта (перемещение сотрудников фирмы в другой город или в другую страну со сменой местожительства и работы. – *Н.Ш.*). *Единственная сложность для меня как трудоголика заключалась в том, чтобы перестроиться на новый режим и не проводить много времени дома из-за невозможности работать* [Как живут жены русских программистов].

Проблем с языком у меня не было, так как английский я изучала с семи лет. Произношение сначала хромало, но сейчас оно существенно улучшилось, а барьер в общении удалось быстро преодолеть благодаря small talk… Перед переездом я открыла список контактов в Скайпе, и оказалось, что немало моих бывших сотрудников переехало в Долину. Теперь мы общаемся здесь. Нашли друзей из Беларуси и поддерживаем Итог 20дружеские отношения с коллегами мужа из Airbnb… Основное преимущество жизни в Долине – больше перспектив в работе, возможность лучше раскрыться в профессиональном и личностном плане… А еще я ценю, что здесь можно познакомиться с людьми, которые меняют историю в сфере технологий. На улицах уже не редкость self-driving cars, на наших глазах строился новый кампус Apple Park. Как-то раз мы поехали в Universal Studio в Лос-Анджелес, где в тот день, как оказалось, проходила закрытая конференция от Tesla, на которой Илон Маск представлял Tesla Powerwall. Когда этим живешь и интересуешься, то наслаждаешься возможностью быть частью чего-то нового» [ ].

Еще одна харьковчанка, Юля Синица (муж – Руслан Киянчук, software engineer в Symantec), получив специальность «Системы технической защиты информации», на протяжении нескольких лет (2011–2014 гг.) занималась научной работой по теме «Биометрическая аутентификация по клавиатурному почерку», разрабатывала алгоритмы, ездила на конкурсы научных работ и конференции, планировала поступать в аспирантуру: *«Идею переезда в США*

я восприняла очень легко. Я всего год жила в Харькове и еще не успела осесть там. К тому же я только что закончила учебу, и мне было, по сути, все равно, где начинать – в Харькове или в другом месте. Муж на протяжении года ездил в командировки в Штаты» [*Бандальер* 2017] .

После моего выпуска мы решили поехать туда вместе, чтобы осмотреться, ведь я ни разу до этого не была за границей. После этого окончательно решили, что релокации быть. Мы переехали по визам L1/L2, но я не знала языка, поэтому толку от моей визы, позволяющей работать, особо не было. Сейчас у нас уже green card… Самой большой проблемой для меня в первое время был английский (в школе и университете я учила немецкий). Я пошла на курсы ESL, ходила на занятия каждый день, брала максимум уроков и сидела в школе с утра до вечера. Через пять месяцев стала волонтерить в Техническом музее инноваций в Сан-Хосе, потом устроилась работать в этот музей на part time и параллельно искала работу в IT. Через три месяца поисков получила оффер, и сейчас я – software engineer в стартапе UnifyID в Сан-Франциско (кстати, мои коллеги были в восторге от уровня математической подготовки в обычных украинских вузах). Моими здешними конкурентами, кстати, были выпускники университетов Беркли, Стэнфорда, MIT, у которых за плечами парочка интернатур в известных IT-компаниях…» [*Бандальер* 2017].

Но, даже несмотря на предприимчивость и оптимизм «новых русскоязычных женщин» в США, избежать состояния культурного шока им, по всей видимости, все-таки до конца не удалось. И как во все прошлые десятилетия, наиболее эффективным рецептом от стресса оказалось общение с соотечественниками, с которыми молодые женщины быстро находили общий язык и общие интересы. Принципиальное отличие в этом смысле от более старших поколений спуглеров состояло в том, что, благодаря современным женского общения, но и сам его контент.

Еще в начале 2000-х годов спуглеры, погрузившись в стресс, находили спасение в компании других русскоязычных жен «айтишников», обсуждая обмен детскими колясками, привозимыми из дома лекарствами, которые здесь выписывают строго по рецепту, договариваясь о домашних вечеринках, рецептах приготовления блюд, в подробностях развивая тему ССС («садик, стоматолог, сметана»), рекомендации психотерапевтов и т.п. Автору диссертации удалось побывать на нескольких вечеринки *sessions* (вечеринках, собраниях), где жены программистов старшего поколения (40–50 лет) увлеченно обсуждали такие популярные для середины 2000-х годов темы, как достоинства и недостатки русской школы космоэнергетики Владимира Савенкова («Как стать сильнее мага?»), эзотерический центр Александра Канда («Осознай реальность»), технологии освоения энергии Рейки и т.п. Увлечение эзотерикой, кстати, нередко переходило из чисто теоретической плоскости в практическую. Одна из респонденток буквально бросала все свои важные дела и спешила домой, чтобы распаковать очередную заказную посылку и опробовать «магическое» действие хрустального шарика, присланного ей соответствующей компанией, на добровольцах из числа соседей и знакомых.

Для женщин-иммигранток это был своего рода способ подняться над обыденной повседневностью и наполнить свою жизнь более или менее осмысленным содержанием. Повседневность иммигрантов первого поколения – это во всех смыслах пограничное (или пороговое, лиминальное) состояние между той жизнью, которую они оставили, и той, которую им предстояло освоить Для иммигранта, поделившего свою жизнь на «прошлое» и «будущее», получение паспорта страны своего нового пребывания еще не означает стать полноценной частью культуры этой страны, и культурный шок является прямым тому подтверждением. Потребность в магических действиях может объясняться архетипически, неосознанно заложенным в современном человеке стремлении провести

своего рода обряд инициации и тем самым снизить уровень переживаемого напряжения: «*На магическо-религиозной основе созданы особые сообщества, и перемещение из одного в другое принимает характер особого перехода… Всякое изменение в положении человека влечет за собой взаимодействие светского и сакрального. Оно требует регламентации и соблюдения ритуала, дабы общество в целом не испытало затруднений и не понесло ущерба. Самый факт жизни делает неизбежными последовательные переходы из одной среды в другую, от одного общественного положения к другому. Поэтому человек в своей жизни последовательно проходит в своей жизни некие этапы, и окончание одного этапа и начало другого образуют системы единого порядка. Таковыми являются рождение, достижение социальной зрелости, профессиональная специализация… И каждое из этих явлений сопровождается церемониями, у которых одна и та же цель: обеспечить человеку переход из одного определенного состояния в другое, в свою очередь столь же определенное*» [*Геннеп* 1999:9].

Аналогичную функцию перехода, по-видимому, выполняют и всевозможные русскоязычные женские сообщества, самостийные клубы по интересам и т.п. По своему формату подобного рода собрания, скорее, напоминают характерные для русской культуры «кухонные посиделки», чем институционализированные этнические организации, прямое назначение которых состоит в оказании помощи иммигрантам при адаптации к инокультурной среде. «*Для многих, приехавших в Техас из бывшего Советского Союза, жизнь вошла в нормальное русло: работа, дом, дети. И все идет по привычному, когда-то заложенному принципу – «моя хата с краю», «мой дом – моя крепость», «чем выше забор, тем лучше соседи». Я бы могла привести еще много подобных поговорок. Но практически у всех, не побоюсь этого обобщения, есть одна общая проблема: не хватает общения на родном языке с людьми, близкими по духу, возрасту и*

интересам. Правда, есть такие, особенно приехавшие давно, среди которых бытует желание уйти подальше от всего, что связано с прошлой жизнью, с российскими традициями, на которых большинство выросло и было воспитано. Некоторые так стараются себя переделать или приспособить к новой жизни, что их настигают депрессии и прочие неприятности» [Женский клуб запада Хьюстона 2005].

Но, если для многих других этнических групп США добровольные ассоциации соотечественников действительно способствуют сохранению этнических черт и успешной интеграции иммигрантов в американское общество, то в русскоязычной среде иммигрантов (особенно среди неработающих женщин-иммигранток) более востребованным стало неформальное межличностное общение, чем посещение этнически ориентированных организаций. Для новых поколений спуглеров, если не находилась компания для «посиделок», большим облегчением становилось интерактивное общение в интернете или в социальных сетях.

«…Когда я уезжала в Америку, я была просто уверена – уж кто-кто, но только не я буду скучать по России. Я не взяла с собой ни книжек, ни кассет с русской музыкой. Только для дочки постаралась взять как можно больше книг и кассет, но и то лишь потому, что она ни дня не может без этого прожить… А еще ведь существует культурный шок с нервными срывами, бессонницей по ночам и ужасной сонливостью днем, у кого-то увеличивается вес. Иногда ни с того ни с сего хочется забиться в уголок и тихонько плакать, даже не понимая от чего. Или есть без остановки все подряд. Или все и всё вокруг безумно раздражает – не хочется никого ни видеть, ни слышать. Честно говоря, про это я узнала только здесь... Мы пытались гулять по округе, но вся наша деревушка была словно вымершей, ни одной живой души... Недалеко от нас находился бассейн, но он был закрыт на осенне-зимний сезон, и небольшая детская площадка, которая почему-то гордо называлась парком... Еще при большом желании можно

было прогуляться до малюсенького магазинчика под удивленнные взгляды из автомашин… Мне очень повезло, что однажды я обнаружила ссылку на клуб для женщин, проживающих с семьями за рубежом. Здесь я нашла подруг, поддержку, сходные проблемы, ответы на многие вопросы. Я могла рассказать о своих эмоциях и видела, что меня понимают, так как многие находились или прошли через такие же чувства…» [*Дина Ди* 2011].

К середине второго десятилетия XXI в. ситуация с распределением гендерных ролей в семье русскоязычных программистов начала заметно меняться, благодаря увеличению значения таких факторов, как углубление предварительной информированности отъезжающих из России об американском рынке ИТ-индустрии и быстрому расширению всей ресурсной базы обучения программированию в самой России.

Современные женские стратегии конструирования успеха. Параллельно с пассивным сценарием адаптации «спуглеров» среди постсоветских женщин-иммигранток развивался и другой, активный сценарий, связанный с потребностью самореализации самих женщин. Проблемы адаптации к инокультурной среде, к концу второго десятилетия XXI в. обрели новую форму, связанную, в первую очередь, с цифровизацией информационных технологий. Тотальная цифровизация как явление мирового масштаба затронула как представителей четвертой, так и пятой волн русскоязычных иммигрантов и достаточно своеобразно отразилась на женских сценариях их адаптации в США.

Истории нескольких молодых украинских женщин, переехавших в США вслед за своими мужьями, получившими там работу программистов [*Бандальер* 2017], объединяет наличие так называемой *зависимой визы*, то есть, такой визы, которая закрепляет за ними в иммиграции исключительно статус жены программиста и не дает право работать по своей специальности. Тем не менее многие из современных женщин-спуглеров находят достаточно креативное решение проблемы и демонстрирут

готовность к самореализации даже в таких условиях. Так, харьковчанка Таня Луцаевская (муж – Андрей Сергиенко, Software Engineer в Airbnb, переехали в США в 2014 г.), закончив университет по специальности «Прикладная лингвистика», на родине работала на разных позициях в IT-компаниях. Принятое в 2014 г. семейное решение переехать в США было осознанным и продуманным: *«Мы хотели переехать именно в Кремниевую долину. Поэтому муж обратился в компанию, где он тогда работал, и ему предложили несколько вакансий для релокейта* (перемещение сотрудников фирмы в другой город или в другую страну со сменой местожительства и работы. – *Н.Ш.*). *Единственная сложность для меня как трудоголика заключалась в том, чтобы перестроиться на новый режим и не проводить много времени дома из-за невозможности работать. Проблем с языком у меня не было, так как английский я изучала с семи лет. Произношение сначала хромало, но сейчас оно существенно улучшилось, а барьер в общении удалось быстро преодолеть благодаря small talk… Перед переездом я открыла список контактов в Скайпе, и оказалось, что немало моих бывших сотрудников переехало в Долину. Теперь мы общаемся здесь. Нашли друзей из Беларуси и поддерживаем дружеские отношения с коллегами мужа из Airbnb… Основное преимущество жизни в Долине – больше перспектив в работе, возможность лучше раскрыться в профессиональном и личностном плане… А еще я ценю, что здесь можно познакомиться с людьми, которые меняют историю в сфере технологий. На улицах уже не редкость self-driving cars, на наших глазах строился новый кампус Apple Park. Как-то раз мы поехали в Universal Studio в Лос-Анджелес, где в тот день, как оказалось, проходила закрытая конференция от Tesla, на которой Илон Маск представлял Tesla Powerwall. Когда этим живешь и интересуешься, то наслаждаешься возможностью быть частью чего-то нового» [Бандальер* 2017. Цит. По*: Шалыгина* 2023*]*.

Высокая степень поисковой активности русскоязычных женщин в новых условиях цифровой эпохи позволила им, прежде всего, успешно преодолевать проблемы, связанные с гендерным измерением всего профессионального корпуса «айтишников» в США. В немалой степени этому способствует сама американская политика, активно продвигающая идеи гендерного равноправия в стране. Русскоязычные женщины, наравне с чернокожими или латиноамериканками, а также выходцами из Юго-Восточной Азии уже в середине 2000-х годов без особого труда и при минимальной профессиональной подготовке могли получить в американских ИТ-компаниях такую относительно хорошо оплачиваемую должность, как, например, тестировщик компьютерных программ (около $ 2.5 тыс. в месяц): *«Моя парикмахерша пошла на курсы тестировщика компьютерных программ…, а я чем хуже?»* [*Шалыгин*а 2021].

Однако дальнейшее продвижение в сфере ИТ-технологий США для многих женщин оказалось более сложной задачей. И, прежде всего, это касается самих американок, которые, получив достаточно престижную должность в ИТ-компаниях, очень быстро начинают испытывать острый «синдром самозванца», то есть непреодолимое чувство своей неуместности, по сравнению с коллегами-мужчинами. По данным последних американских исследований, «синдром самозванца» и сегодня беспокоит не менее 22% женщин в США, работающих в сфере высоких технологий, несмотря на постоянно возрастающую активность американок в борьбе за тотальное гендерное равенство [*Daley* 2021. Цит. по*:Шалыгина* 2023] .

Кроме того, миф об отсутствии различий между мужскими и женскими возможностями профессиональной самореализации, продвигаемый многочисленными феминистскими организациями, в сфере высоких технологий сталкивается с феноменом «сломанной ступеньки», когда женская карьера, в отличие от мужской, не может достигнуть тех же высот. В конце XX в. женщины-руководители в США составляли около 14%

от общей численности разработчиков программного обеспечения, что, по мнению феминистски ориентированных исследователей того времени, было недопустимо мало [*Domosh* 1999. Цит. по*: Шалыгина* 2023]. Со временем гендерный разрыв в статусных позициях американских программистов хотя и сократился, но незначительно Причины сохранения этой диспропорции в IT-секторе американские феминистки объясняют по-разному – от скрытой дискриминации женщин в целом до различия когнитивных способностей у полов и игнорирования преимуществ женщин, по сравнению с мужчинами [*Sanders 2021*. Цит. по*: Шалыгина* 2023].

Сегодня в политике США доминирует точка зрения, что женщины являются недооцененным ресурсом в ИТ-сфере, с помощью которого развитые экономики (и, в первую очередь, американская) смогут решать свои проблемы кадрового голода. Такие компании, как IBM, Cisco, HP, Intel, Yelp и Texas Instruments осуществляют спонсорство, мониторинговые и коучинговые программы для женщин. В Yahoo! функционирует даже специальная группа Women in Tech, которая помогает женщинам развивать нужные для работы навыки. LinkedIn проводит ежегодный женский хакатон [«марафон хакеров». – *Н.Ш.*]. В Salesforce работает программа поддержки Women Surge. Компания Palantir ежегодно вручает грант девушкам-разработчицам компьютерных программ. Google запустил целую серию мероприятий Women Techmakers и ориентированную на женщин кампанию Girls Who Code, в рамках которой к 2020 году фактически прошли обучение программированию более миллиона девушек 13–17 лет по всему миру. Приоритетная цель проекта заключалась в том, чтобы способствовать появлению нового поколения женщин-программистов в сфере облачных технологий [*Шалыгина* 2023].

Но, несмотря на усилия множества крупных компаний, факты, приводимые на платформе для поиска рабочих мест Hired, а также ее отчеты под названием «Состояние неравенства в оплате труда на рабочем месте»

свидетельствуют о том, что около трети женщин в ИТ-сфере США сталкиваются не только с более низким уровнем зарплаты, по сравнению с мужчинами, но и с некомфортной рабочей обстановкой или даже скрытой дискриминацией в «мужском сообществе программистов» – bro-grammer culture [*Tarr* 2018. Цит. по: *Шалыгина* 2023]. Одной из причин такого «гендерного противостояния» в ИТ-сфере, возможно, является тот факт, что под нажимом феминистских организаций изменения на этом рынке труда в США происходят излишне быстро и без учета должного уровня профессиональной подготовки соискательниц женского пола. В результате инициатив, продвигаемых крупнейшими компаниями (такими, например, как Ebay или Google), количество вакансий в ИТ-сфере, предназначенных для женщин, растет в разы быстрее, чем количество аналогичных позиций для мужчин [Как женщины теснят мужчин в ИТ-сфере 2017]. При этом уровень профессиональной подготовки у большинства соискательниц, изначально далекий от базового, позволял им трудоустраиваться лишь на позиции менеджеров проектов или менеджеров по продажам [USIU Tech Republic 2015]. Эффект «сломанной ступеньки» в американской ИТ-индустрии, таким образом, был фактически предопределен еще в начале второго десятилетия XXI и, по сути, продолжает оказывать влияние на сегодняшнюю ситуацию в этой сфере [*Шалыгина* 2023].

Важно также подчеркнуть, что карьерные успехи как украинских, так и русских программистов в США на протяжении нескольких последних лет искусственным образом «обнуляется» со стороны самих американских компаний, как государственных, так и частны: *«Если ты русскоязычный и не живешь много лет в США, то твои шансы построить в США успешный бизнес в IT и кибербезопасности стремятся к нулю…»* [Русские программисты пожаловались 2019].

Русскоязычные женщины, большая часть которых даже с учетом проводимых на постсоветском пространстве реформ обладает, как и их

соотечественники-мужчины, сильным базовым образованием, на рынке американских ИТ-компаний быстро попадают в топ-лист соискателей рабочих мест hard skills (категория высококвалифицированного труда). Людмила Б., переехавшая в США с мужем и двумя несовершеннолетними детьми в середине 1990-х годов: «*…Я первым делом прошла теоретическую часть платных курсов для получения профессии тестировщика программ. Это близко к программированию. Теперь мне осталось 3 месяца практики (полный рабочий день и бесплатно), а затем поиск работы, в успехе чего ручаться трудно… А трудоустроиться мне очень помог мой красный диплом* [химический факультет Педагогического университета им. Н.К. Крупской, г. Москва. – *Н.Ш.*]! *Интервью я прошла с первого раза, потому что китайцу, который со мной говорил, понравился именно мой московский диплом. Кажется, он даже не обратил особого внимания на мой ну очень слабый английский… Работать тяжело, но не из-за того, что тестирование мне тяжело дается, это как раз ерунда… Не хватает английского…»* [*Шалыгина* 2021].

Общая динамика карьерного роста российских женщин-айтишников в США находится в рамках общемировых тенденций. Если судить по аналитическим данным международной базы данных Global Career (2020 г.), насчитывающей по всему миру более 2 млн соискателей вакансий в ИТ-сфере, абсолютное большинство женщин стабильно претендуют на такие позиции, как аналитика (33%), тестирование (13%), менеджмент проектов (Project Manager, 30%), менеджмент продукта (Product Manager, 20%), специалист по внедрению и адаптации программных решений (SAP, 33%). Что же касается должностей разработчиков ПО с использованием языков Java и C++, то на такие предложения международных компаний в целом откликается значительно меньшее число соискательниц – соответственно 6% и 10% [Экспертиза 2020].

Аналогичные пропорции трудоустройства женщин в ИТ-сфере отмечены и в самой России, только количественные показатели здесь выглядят несколько иначе, чем в США и многих других странах. Так, основатель Cognitive Technologies Ольга Ускова, одна из наиболее успешных российских женщин в этой области, считает, что за последнее время доля женщин-айтишников в России быстро увеличивается, достигая сегодня в некоторых компаниях 35–40%, а иногда и 50% (например, в «Техносерв Консалтинге»). Гендерные различия в России сохраняются, но, по словам президента российской группы компаний *InfoWatch Натальи Касперской, касаются они, как и в большинстве стран мира, исключительно выбора специализации самими соискательницами: «Скажем, в аналитике у нас – сплошь девочки, а программисты – сплошь мальчики. В программировании больше логики и совсем нет эмоциональной составляющей, женщины более эмпатичны. Программисты в большинстве интроверты. Это может быть одной из причин, почему программистами женщины редко становятся. Чем успешнее человек общается с машиной – тем сложнее ему общаться с людьми. Женщины же по своей природе социальные существа. Им с людьми интереснее, чем с машиной, поэтому они идут скорее в те профессии, где нужно общение, даже в ИТ. Скажем, ИТ-аналитик – это человек, который ходит и собирает информацию, общается с клиентами, с программистами, с продавцами, с различными источниками, затем агрегирует эту информацию и пишет аналитический материал» [Касперская, 2020]. При этом женский вклад в работу ИТ-компаний, считает Ольга Рубцова, заместитель директора «Техносерв Консалтингё», трудно переоценить, так как «… они более кропотливые и глубже прорабатывает задачи, решение которых, в итоге, становится одним из основных «фишек» проекта… Вопрос некого гендерного дисбаланса в отрасли, скорее, надуман. При выборе специалиста всегда на первом месте профессиональные качества, а не иные параметры… Не понимаю, для чего искусственно выравнивать процентное соотношение по гендерному признаку» [Шалыгина 2023]*.

Различное отношение к труду женщин в ИТ-сфере США и России дезориентирует россиянок, создает для тех айтишниц, которые переезжают

в Америку по профессиональной визе, дополнительную область напряжения и даже нарушение аутентичного для них культурного кода в гендерных отношениях. Айтишницы из России сегодня с непониманием относятся к выделению специальных курсов для женщин в США как особой области профессиональной подготовки, и считают такие программы не только неактуальными для ИТ-бизнеса в целом, но и проявлением своего рода сегрегирующей политики со стороны американской власти, акцентирующей внимание на якобы неспособности женщин адекватно воспринимать стандартный учебный материал. Единственным критерием своей успешности в ИТ-сфере как в России, так и в США, россиянки считают, согласно полученным мною интервью, собственный профессионализм, основанный на знаниях, энергии и личной инициативы без каких-либо скидок на «слабый пол». К этому можно лишь добавить, что если в самой России женщины сегодня являются активными разработчиками больших баз данных в области искусственного интеллекта, нейронных систем, солнечно-земной физики, *open-source библиотек DeepPavlov и dp-agent для создания чат-ботов* и т. п., то занижать уровень своего профессионализма в условиях американских реалий они явно не готовы.

Таким образом, процесс вживания русских программистов в американский ИТ-бизнес имеет, кроме того, и непростое гендерное измерение, которое затрагивает не только профессиональную, но и домашнюю сферу их повседневной жизни. Представители старшего поколения русскоязычных женщин, переезжавших в США сразу после распада СССР вместе со своими мужьями-профессионалами, как правило, вынуждены были отказываться от преимуществ высокого уровня своего советского образования и связанных с ним профессиональных навыков ради того, чтобы обеспечить своим мужьям стартовые условия трудоустройства в Америке и в итоге возможность содержать всю семью. Новые поколения русскоязычных женщин, имеющих профильное

образование, напротив, все чаще переезжают в США с целью собственной самореализации, даже если условия переезда по рабочей визе H1B вместе с мужем формально ограничивают их возможности трудоустройства.

Русскоязычные женщины-программисты в Америке заметно увереннее, по сравнению со своими соотечественниками-мужчинами, преодолевают социокультурные барьеры в США. Если для американок под влиянием феминистских организаций принято создавать особые (облегченные) условия вхождения в ИТ-сферу для соблюдения гендерных пропорций в профессии, то русские программистки, напротив, не признают никаких послаблений для себя в этом смысле, так как считают «особые условия» для женщин своего рода унижением и даже оскорблением. Точно также русскими программистками фактически не признается проблема «сломанной ступеньки», т. е., невозможность добиваться руководящих постов в профессии, или «синдром самозванца», означающий женский комплекс неполноценности среди коллег-мужчин в ИТ-сфере.

Цифровое кочевничество как образ жизни молодых россиянок в США. Англоязычное словосочетание *Digital nomad* (*«цифровые кочевники»*) означает особую категорию людей, которые используют цифровые телекоммуникационные технологии для выполнения своих профессиональных обязанностей в условиях ведения мобильного образа жизни. Повседневность номадов предполагает отсутствие какой-либо привязанности к определенному месту и времени, формируя в итоге совершенно особый формат личного режима существования, способа организации рабочего времени, быта, досуга, общения и т.д. Отсутствие привязанности к дому или офису позволяет номадам перемещаться в пространстве, исходя исключительно из своих личных потребностей, и находиться в любой точке планеты столько, сколько требуется им лично.

Наиболее лаконичная характеристика номадов состоит в том, что они являются носителями принципиально иной системы ценностей,

ориентированной на творчество и самореализацию, а не на накопление материальных благ, и представляют собой относительно новый социальный феномен, заслуживающий самого глубокого исследовательского внимания. Говорить о каких-либо конкретных статистических показателях, характеризующих этот феномен, в том числе и с позиций гендерного анализа, пока представляется несколько преждевременным.

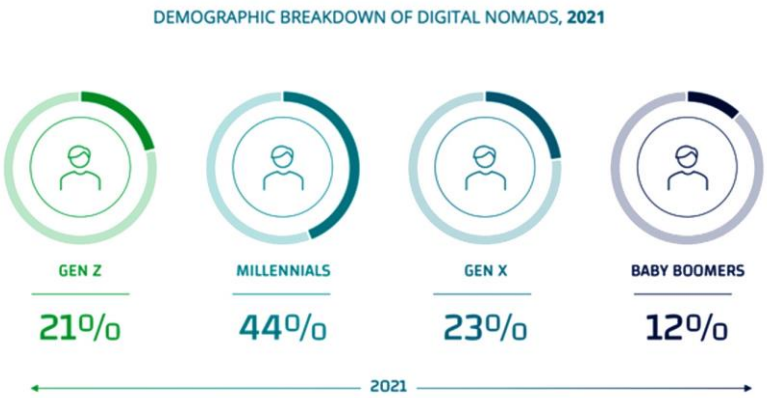
Однако в качестве статистического обзора, имеющего, как представляется, самое непосредственное отношение к рассматриваемым в этой главе вопросам, могут быть использованы аналитические выводы такой авторитетной организации, как MBO Partners (State of Independence in America), проводившей в течение последних 5 лет углубленное исследование принципов дистанционной работы на американском рынке труда [Digital 2021]. Исследование основано на более чем 13 000 углубленных опросов и сотнях интервью. Кроме того, в мае 2015 г. консалтинговыми фирмами – Rockbridge Associates и Emergent Research – были проведены два отдельных онлайн-опроса 1065 жителей США для определения размера так называемой независимой рабочей силы и заинтересованности населения страны именно в такой форме труда.

Было установлено, что в США 38,2 млн взрослых американцев всех возрастов, навыков и уровней дохода (консультанты, фрилансеры, подрядчики, индивидуальные предприниматели, владельцы малого бизнеса и др.) работают в дистанционном режиме, и по своему усмотрению сочетают его с построением карьеры, организацией собственного досуга, увлечениями и путешествиями. При этом их общий вклад в экономику страны в 2019 г. составил 1,21 трлн долл. (примерно 5,7% ВВП США). Один из выводов проведенного в США исследования заключался в том, что основной движущей силой увеличения дистанционных рабочих мест являются два поколения молодежи – миллениалы, т.е. рожденные в конце 1980-х – середине 1990-х годов, и зеты (поколение Z, или зумеры), рожденные в конце

1990-х – начале 2000-х годов. Вместе они составляют сегодня в США уже почти 40% технологически продвинутой рабочей силы. Представители этих поколений (особенно поколение Z) владеют цифровыми технологиями буквально с рождения и имеют высокую степень мотивации работать независимо, самостоятельно управляя своей карьерой.

Рисунок 9

Межпоколенные изменения на рынке дистанционного труда в США (2011–2019 гг.)



Источник: The The Digital Nomad Search Continues (reseach brief // Sept. 1-21. https://info.mbopartners.com/rs/mbo/images/MBO_Partners_2021_Digital_Nomad_Research_Brief.pdf).

Что касается гендерного распределения, то в 2017 г. 74% женщин и 59% мужчин, занятых в сфере наемного труда в США, отметили свое желание перейти на независимый режим работы. Гибкий график самостоятельной работы, судя по результатам глубинного интервью американских исследователей, женщин устраивает значительно больше, чем мужчин, но не все решаются на него перейти. Тем не менее среди американской молодежи, работающей дистанционно, около 30% составляют девушки, и эта цифра постоянно растет.

Развитая инфраструктура дистанционного труда в США и позитивное отношение к нему со стороны общественного мнения в стране являются

важнейшими факторами формирования мотивации российских номадов для переезда в США. Субкультура цифровых кочевников изначально зародилась в Сан-Франциско: работники IT-сферы, получавшие достаточно средств, чтобы отправиться на «зимовку» поближе к побережью, уезжали в теплые страны, где и продолжали работать, но уже удаленно. Важнейшее отличие цифровых кочевников, например, от представителей таких субкультур, как дауншифтеры («ведущие простой образ жизни») или бэкпакеры («рюкзачники», «автостопщики», путешествующие налегке), заключается в том, что номады обладают принципиально иным целеполаганием и набором ценностей, продиктованным высоким уровнем образования. Главная черта номадов – это трудоголизм, зависимость от высокотехнологичной работы в сочетании со свободой передвижения.

Несколько волн формирования цифрового кочевничества в современном мире позволяют судить о его постепенной эволюции как социокультурного феномена. *Первая волна*, рамки которой условно можно отнести к промежутку времени 1995–2005 гг., означала выработку новых коммуникативных принципов взаимоотношений номадов как с окружающим миром, так и между собой. Тогда же зародилась и собственная семиосфера номадов как автономная знаковая система, используемая для становления и поддержания их культурной идентичности в глобальном мире. Набор культурных кодов нового метаязыка цифровых кочевников основывался на таких понятиях, как «кочевание», «кочевые предметы» (мобильные беспроводные девайсы и гаджеты), «кочевые технологии» (приложения для мобильных устройств, QR-коды), «оазисы» («третьи места», кафе, публичные библиотеки, коворкинги, зоны Wi-Fi и пр.), «виртуальные костры» (совместные виртуальные форумы и встречи в «третьих местах») и др. [*Кужелева-Саган* 2017: 176].

«*Вторая волна*» цифрового кочевничества (примерно 2005–2015 гг.) означала региональную дифференциацию номадов и ввела в оборот такие

термины, как «техно-кочевники» и цифровые цыгане; городские кочевники (перемещающиеся только внутри мегаполисов); корпоративные кочевники (мобильные сотрудники компаний); кочевники-фрилансеры (независимые кочевники, работающие на себя); флэшпакеры (богатые кочевники); бэкпакеры (бедные кочевники); технобедуины (жители пустынь и других диких мест, использующие при кочевании беспроводную связь и другие новейшие технологии); цифровые ковбои (предприниматели, приверженные цифровым новациям и склонные к риску в решении сложных задач) и др. [*Кужелева-Саган* 2010: 201].

Третья волна означала появление функционально иной сферы интересов номадов, связанной с так называемым *знаниевым кочевничеством*, объединившим кочевников-студентов, желающих не только учиться в высших учебных заведениях, но и одновременно с этим путешествовать и зарабатывать на жизнь. Семиосфера представителей третьей волны номадов пополнилась такими понятиями, как кочевая идентичность, цифровые артефакты и ментефакты, глобальные и локальные цифровые кочевники, электронные хайвеи, кочевая инфраструктура, онлайн-близость, онлайн-партнеры, альтернативная реальность, нетократия (иерархическое сетевое общество), сетевой капитал (цифровая собственность), электронный паркуризм, лайфхаки, сторрителлинг, кочевая услуга и др.

С учетом стремительного развития процессов цифровизации в современном мире номадизм приобретает все больше влияния на динамику социокультурных процессов, включая иммиграцию. Собственно, цифровой номадизм уже сам является частью миграционных процессов, причем наиболее технологичной их частью, позволяющей номадам не только сохранять свою изначальную этнокультурную идентичность, но и органично адаптировать ее к поликультурному миру. Но в то же время цифровой номадизм характеризуется целым рядом внутренних

противоречий, которые создают новое проблемное пространство в нынешней социокультурной реальности.

К числу наиболее значимых следует отнести, в первую очередь, противоречия между личной свободой и зависимостью от технологий; между свободой передвижения и необходимостью самоорганизации и самоконтроля; между эмпатией к технологиям (смартфону) и социальной отчужденностью; между личной индивидуальностью и универсальностью технологий; между потребностью в постоянном заработке и высокой конкуренцией на рынке онлайн-труда; между стремлением к независимости от работодателя и рисками фриланса; между желанием путешествовать и всеми рисками, всегда связанными с дальними путешествиями; между гипермобильностью номадов и инфраструктурой оседлого образа жизни в некоторых регионах (странах, городах); между стремлением к приватности и незащищенностью сетевых интеракций от хакеров и электронного рейдерства; между постоянной «подключенностью» (к Сети) и потребностью в цифровом «детоксе» (временный, но сознательный отказ от гаджетов); между многозадачным характером онлайн-деятельности и риском «цифровой шизофрении»; между кочевым образом жизни и желанием иметь полноценную семью; между глобализацией культуры цифрового кочевничества и локализацией «иных» культур; между толерантностью цифровых кочевников и нетерпимостью к ним представителей некоторых культур и субкультур; между свободным статусом номада и неприятием его со стороны официальных властей (налоговых и иных государственных органов); между аскетизмом бэкпакеров (нищих номадов) и демонстративным потреблением флэшпакеров (богатых номадов) и т.д.

Среди этого далеко не полного перечня актуальных проблем цифровых кочевников следует особо выделить те, которые касаются непосредственно женщин. Несмотря на то, что все перечисленные противоречия повседневного бытия номадов в равной мере относятся как к

мужчинам, так и к женщинам, последние, выбирая образ жизни цифрового кочевника, оказываются вынужденными вносить ощутимые коррективы в свою гендерную идентичность. Результаты включенного наблюдения среди молодых русскоязычных женщин, обосновавшихся в США в качестве цифровых номадов, показывают, что наиболее важные изменения происходят в области биологического ресурса времени их жизни. Деловой ритм иммигрантов-номадов таков, что практически исключает личную жизнь женщины в традиционном смысле этого слова.

Тата Маляр, блогер Рунета: «*Однажды поняв, что хочу сама влиять на то, где мне жить, и четко осознав нехватку данных для принятия решения, я развернула полномасштабную подготовку к кочевому образу жизни. Кочевничество было выбрано как инструмент для сбора информации и ощущений. Вот здесь я рассказывала предысторию. А теперь хочу показать "масштаб трагедии", вернее то, что мой методический мозг структурировал, переработав открытые источники. Знаете, есть такой метод добраться до сути, называется "предельные смыслы". Порядок действий простой – несколько раз задаешь себе вопрос "зачем?". Когда "роешь тему", погружаешься в специфическую информацию все глубже, гребешь ее "большой ложкой" отовсюду. Я поняла, что нужно покупать участие в конференциях, т.к. именно конференция дает информационный срез по тем штукам, которые сейчас в тренде. Это самый простой способ собрать представление о спектре направлений, которые относятся к интересующей тебя теме»* [*Маляр* 2017. Цит. По: *Шалыгина* 2021].

Повседневная жизнь женщин-номадов полностью подчинена интересной работе, деловым связям, конференциям, участию в многомесячных онлайн-марафонах, разработке всевозможных проектов и т.п. «*Я тут ввязалась… Ну, вернее, заявила свое желание и попала в число участников двухмесячного марафона #вызов_сканера. Теперь буду делать*

digital настройки учебного курса и писать об этом отчеты. Начну с пояснений про сканеры. Есть такая группа в Facebook, где обитают интересные люди, называющие себя сканерами. Читали Барбару Шер "Отказываюсь выбирать"? Она-то и дала идею администраторам группы объединить людей, которые на протяжении жизни постоянно осваивают что-то новое, норовят ввязаться в какие-то проекты, исследуют, экспериментируют. Я не знаю, отношусь ли я к сканерам, но вот прямо сейчас мой жизненный путь связан сугубо с освоением новых пространств и горизонтов»* [*Таня Маляр* 2017 *Шалыгина* 2021].

Размышления о «гиперобъектах» (изменяющемся климате, загрязнении окружающей среды и т.п.) и будущем планеты занимают женщин-номадов больше, чем повседневные женские заботы. Но, по признанию самих же молодых женщин, рано или поздно «тест на выносливость» и гонки в цифровом пространстве начинают сказываться, в первую очередь, на их психологическом состоянии. Мария Соколова (переводчица и создательница подкаста No office anymore): *«Личные отношения страдают в первую очередь… В номадском сообществе много близких по духу людей: тут легко знакомиться, заводить отношения. Но романтические отношения как быстро начинаются, так же быстро и заканчиваются. Например, в путешествиях люди быстрее съезжаются – так просто дешевле, – и после этого, часто несвоевременного шага, все идет не так. Да и внутренние кризисы случаются регулярно: что я здесь делаю, как я здесь оказалась*» [Digital nomads].

Елена Сахарова, блогер: *«Моя жизнь в путешествии менялась настолько стремительно, что я начала грустить. У меня нет своей чашки, своего полотенца, я ношу одну и ту же одежду, которую уже ненавижу. Диджитал-номады живут в состоянии неопределенности – и это, конечно, очень высокий уровень тревоги. Полезная вещь, которой я научилась за последние годы, – социальные связи надо поддерживать, специально над*

этим работать. В план на неделю я включаю два звонка, чтобы почувствовать, что мои близкие рядом» [Digital nomads].

С одной стороны, ощущение «безродности» и «одиночества», если оно продолжается достаточно длительное время и не имеет адекватной компенсации в той или иной форме, способствует утере идентичности, причем не только культурной, этнической или социальной, но и гендерной [*Thompson* 2019]. В своем стремлении к свободе, самостоятельности и интеграции в мировое сообщество цифровые кочевники, по сути, оказываются «за пределами идентичности». С другой стороны, отказ номадов от фиксированных социальных ролей и географических границ формирует у них на этом основании свой собственный культурный код, в основе которого оказывается новая идентичность, не согласующаяся с правилами высокотехнологичного общества потребления. Самую большую ценность для цифровых номадов имеют услуги и товары, обеспечивающие их кочевой образ жизни: качественная беспроводная связь, доступ к базам данных, удобный хостинг и коворкинг, а также наличие «антикафе», где оплачивается не еда, а время пребывания. Земельная собственность и недвижимость не являются для них способами надежного экономического вклада, что влечет за собой эволюцию прав собственности – от материальной к виртуальной [*Pawlak* 2012].

Под вопросом оказывается и фундаментальная проблема продолжения рода, которой в системе ценностей номадов фактически не находится места. Полная погруженность молодых женщин в онлайн-среду не имеет временных границ и никак не ассоциируется с домашней жизнью. Но в Америке у молодых женщин из России, по тем или иным причинам не построивших семью у себя на родине и ориентированных на номадизм, появляется еще и идеологическая поддержка в виде доминирующей здесь идеи «самодостаточности женского пола». На сайте Рунета «Ева.ру» девушки, уже обжившиеся на новом месте в США, делятся своими

наблюдениями за тем, как здесь мужчины воспринимают женщин. Русскоязычная иммигрантка (25 лет): *«Я прожила в Америке почти 9,5 лет и, наконец, приблизилась к поведению, образу мыслей, ощущениям... американки. Я не смогу полностью стать ею, т.к. я русская. Но мне очень многое импонирует в американской женщине… Начнем с того, что, в принципе, мы все – живущие здесь, таким или иным образом, вливаемся в понятие "американцы" ... Я вспоминаю всех моих подруг и знакомых, которых матушка Родина наделила диким, непроходимым комплексом неполноценности по поводу их внешности. Так вот, у всех у них* здесь *есть шанс получить новую самооценку и… плевали они на мужчин, приедь они в Америку! Я спрашивала у многих американцев – ПОЧЕМУ мужчины не сводят глаз с некрасивой толстой женщины? Почему женятся на них? ПОЧЕМУ им не изменяют?! Теперь знаю – в Америке любая женщина – королева! Причем, у нее нет возраста. Начиная с младенчества, девочка доминирует! Почему? Да потому, что она копирует мать. Отец слушает, мать решает. Точнее, нет. Они решают ВМЕСТЕ, но все знают, что он согласен… Моя мечта – привезти американок в Россию хотя бы на время. Русский и американка....* [Американки и русские 2010].

Случаются и браки или хотя бы просто романы, ведущие к сексу, а не просто "хай"… Один случай из 100. У мужчин нет выбора, как жениться только на русских, но ведь и женщины не могут не впитать в себя этот дух самодостаточности и начинают брыкаться. Тогда приходится выбирать – или развод (с вытекающими отсюда последствиями, которые даже не снились русскому мужчине, живущему в России) или самому идти готовить борщ на кухню...»

[русские https://eva.ru/forum/topic/messages/2170887.htm?print=true].

Представления современных американок о личностной свободе как нельзя лучше согласуются с философией цифрового номадизма, в силу чего женское «кочевничество» и соответствующий ему образ жизни сегодня, по-

видимому, не в последнюю очередь оказывается связанным именно с США. Из трех пока гипотетических вариантов развития цифрового номадизма вообще и женского, в частности (локального, глобального и виртуального), локальный вариант, т.е. перемещение номадов внутри технологически развитых американских городов, оказывается наиболее приемлемым для динамичного образа жизни современных номадов, позволяя им работать и общаться, что называется, на ходу, «без сбоев». Такой образ жизни становится характерной чертой сегодняшней реальности и неизбежно влияет на формирование новой идентичности молодых поколений русскоязычных иммигрантов в США, связанной, в первую очередь, с самореализацией и достижением успеха.

Женское кочевничество при этом получает еще и дополнительную степень свободы в виде «ухода» от консервативных ценностей традиционного полоролевого статуса. Для русскоязычных молодых женщин пятой иммиграционной волны в США, судя по их нарративу, это означает последовательно нарастающий выбор в пользу феминистских ценностей и постепенное обретение альтернативных вариантов гендерной идентичности на социокультурном уровне.

ВЫВОДЫ.

1. Быстрое распространения идеологии WEB 2:0 в современном мире диктует новые направления трансформации этнокультурной идентичности.
2. Информационно-компьютерные технологии определяют ландшафт интеграционных процессов, задавая им новые параметры развития.
3. Адаптация русскоязычных программистов в США развивается с учетом гендерного дифференциал социокультурной адаптации.

4. Стратегии женского успеха в иммиграции преодолевают такие традиционные для американской культуры препятствия, как эффект «сломанной ступеньки» и «синдром самозванца»
5. Способность русских женщин-айтишников к полноценной самореализации и одновременному сохранению в своём этнокультурном коде феминнных черт поведения, привитых традиционной культурой, оказывается вне понимания американских мужчин, что нередко приводит к появлению в их самосознании все новых и новых мифов о русской женщине, насыщенных искаженной семантикой.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Процесс трансформации этнокультурной идентичности постсоветских иммигрантов в США не имеет линейной траектории развития и отличается разнонаправленностью и множественностью происходящих в этой сфере изменений. В диссертации выявлены несколько наиболее значимых причин, способных объяснить неравномерность и противоречивость этих изменений, а также возможность их влияния на формирование в современных США единого Русского мира.

1. *Межпоколенческие различия, объективно отражающие качественно иные характеристики сменившихся эпох - 1990-е гг. (4-ая волна русскоязычных иммигрантов) и первые два десятилетия 2000- х гг. (5-ая волна русскоязычных иммигрантов*). Выявлено значение таких ресурсов обоих поколений иммигрантов, как образовательный, финансовый, материальный и др., способных влиять на трансформацию этнокультурной идентичности русскоязычных переселенцев Особое внимание в диссертации было уделено различиям в уровне информационного обеспечения представителей 4-ой и 5-ой волн, повлиявшим на изменение восприятия идеологических конструктов «американской мечты» и формирование новых приоритетов «идентичности успеха» в иммиграции, достаточно условно связанной с этнической принадлежностью. В основе межпоколенных различий между представителями 4-ой и 5-ой волн постсоветской иммиграции лежит принцип целеполагания. В отличие от старших поколений 1990-х годов, молодые поколения, переезжающие в США сегодня, ориентированы не на полноценную интеграцию в американское общество, а на рациональное использование социально-экономического ресурса США для собственной самореализации в этой стране и обретение принципиально новой «идентичности успеха», достаточно условно связанной с этнической принадлежностью.

2. *Особенности американских миграционных технологий, способствующих укреплению множественной идентичности в среде представителей различных этнических общностей постсоветской иммиграции США*. В диссертации анализировалась американская система квотирования иммиграционных потоков из постсоветского пространства и был сделан вывод о манипулятивности иммиграционных регуляторов в США, учитывающих, прежде всего, политическую конъюнктуру (Закон Лаутенберга и др.)
3. *Эволюция диаспоральной политики русскоязычной иммиграции в США, влияющая на концептуальную трансформацию как групповой, так и личностной этнокультурной идентичности постсоветских иммигрантов.* Был сделан вывод о том, что каждая из наиболее многочисленных русскоязычных диаспор США постсоветского периода (русские, украинские, еврейские) имеет свой собственный алгоритм функционирования в американском обществе. Собственно русская диаспора ориентирована на сохранение и развитие русского языка и русской культуры в США, а также вовлечение в русскоязычное пространство и других этнических сообществ Америки. Диаспоральная политика украинской общины ориентирована на укрепление своих международных связей политического характера (особенно в сфере организации женского движения UNWLA в США) при сохранеии собственной культурной и языковой обособленности в иммиграции. Политика еврейской диаспоры основана на деятельности благотворительных фондов и направлена сугубо на укрепление аутентичной еврейской идентичности, адаптированной к современным условиям. Все сценарии диаспоральной политики постсоветской иммиграции в США не носят взаимоисключающего характера и могут

пересекаться между собой, усиливая множественную идентичность иммигрантов.

4. *Влияние информационно-компьютерных технологий (ИКТ) на адаптацию иммигрантов*. Анализ форм структурной ассимиляции (интеграции) иммигрантов в условиях современного коммуникативно-информационного пространства выявил различие форм трансформации этнокультурной идентичности у мужчин и женщин. Русскоязычные женщины-иммигрантки значительно легче своих соотечественников-мужчин воспринимают этнокультурные различия в США, благодаря своей более высокой степени поисковой активности и способности самостоятельно преодолевать такие гендерные препятствия, как эффект «сломанной ступеньки» (трудности карьерного роста) и «синдром самозванца» (неуместность своих амбиций в мужском коллективе айтишников), а также не признавать разделение высоко профессионального обучения в США на «мужское» и «женское». Русские женщины-айтишницы в иммиграции продолжают ставить перед собой амбициозные задачи (например, разрабатывать базы данных в области искусственного интеллекта, солнечно-земной физики, нейронных систем и т.п.), игнорируя «правила» американской мечты и «красные флажки» американского образа жизни.
5. Сохранение единого этнокультурного пространства в среде постсоветских иммигрантов основано на повседневном использовании русского языка как оптимального коммуникативного инструмента для всех представителей русскоязычных диаспор в США
6. Этнокультурный код, исторически формирующий ментальность американцев, в абсолютном большинстве случаев не поддается полноценному усвоению русскоязычными иммигрантами, в силу объективной разности когнитивных структур, дисбаланса объемов информации о своей и «не своей» культуре, несовпадения привычных,

стереотипных действий, качества культурной памяти. Возникающие трудности фактически не осознаются иммигрантами старших поколений, но у новых поколений сегодня вызывают вполне осознанные когнитивные рефлексии.

7. Важнейшие причины, препятствующие представителям пятой волны русскоязычной иммиграции в США обрести новую для себя американскую идентичность, заключаются в следующем: 1) космополитизм как результат процессов глобализации; 2) приоритет профессиональных ориентаций, по сравнению с социокультурными и этнокультурными; 3) редуцированная архетипичность сознания, усиленная, в том числе, и возрождением интереса к потенциалу Русского мира.
8. Различия в сценариях трансформации этнокультурного кода каждой из трех групп постсоветской иммиграции в США, которые рассматривались в ходе исследования, в значительной степени обусловлены независимыми алгоритмами их интеграции в социально-экономическую и политическую среду американского общества. Все сценарии не носят взаимоисключающего характера и могут пересекаться между собой, создавая принципиально новый фон и для других вариантов формирования этнической идентичности в условиях иммиграции.
9. Влияние гендерной динамики, характерной для американской культуры, на изменение гендерной идентичности русскоязычных иммигрантов весьма ограничено и не является провоцирующим фактором, способным изменить традиционную основу соотношения мужского и женского в поведенческих моделях русскоязычных иммигрантов. Русскоязычные иммигранты двух постсоветских волн не склонны присоединяться к радикальным формам гендерных отношений в формате квир-теорий и харассмента. Принятые в США модели мужского поведения в

абсолютном большинстве случаев не находят понимания у русскоязычных иммигранток и в результате провоцируют возникновение очередного витка межкультурного непонимания.

10. Методология исследования носит системный характер и учитывает такие инновационные факторы, как влияние на трансформацию этнокультуной идентичности русскоязычных иммигрантов в США современных информационнл-компьютерных технологий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Адамович 1999 – *Адамович М.* Русскоязычная литературная периодика США // Континент. 1999. № 102.

Аммосов 2003 – *АммосовЮ*. Калифорниявитнанас // Эксперт. 2003. № 32.

Арбатов 1991 – *Арбатов Г.А.* Затянувшееся выздоровление (1953–1985 гг.). Свидетельство современника. М.: Международные отношения, 1991. С. 150.

Арутюнов 2000 – *Арутюнов С.А.* Диаспора – это процесс // Этнографическое обозрение. 2000. № 2. С. 74–78.

Арутюнов 2005 – *Арутюнов С.А., Козлов С.Я.* Диаспоры: скрытая угроза или дополнительный ресурс // Независимая газета. 23.11.2005.

Арутюнян 2011 – *Арутюнян Ю.В.* Демографические изменения и перспективы русского этноса // Русские: этносоциологические исследования /Ю.В. Арутюнян, Л.М. Дробижева, В.И. Мукомель и др.М.: Наука, 2011. С. 6–21.

Астафурова 1997 – *Астафурова Т.Н.* Стратегии коммуникативного поведения в профессионально-значимых ситуациях межкультурного общения: автореф. дис... д-ра пед наук. М., 1997. 41 с.

Ахиезер 1993 – *Ахиезер А.* Эмиграция из России: культурно-исторический аспект // Свободная мысль. 1993. № 7. С. 70–78.

Базанов 2008 – *Базанов П.Н.* Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917-1988 гг.). 2-ое изд. испр. и доп. СПб. 2008. ИАИ РГГУ.376 с.

Базанов 2003 – *Базанов П.Н.* Материалы об издательской деятельности русской эмиграции в Бахметевском архиве // Берега. Информационно-аналитический сборник о русском зарубежье, Вып. 2., СПб. - 2003

Базу 2016 – *Базу Е.* Почему после года жизни я все-таки уезжаю из Нью-Йорка.19.10.2016. Голос русскоязычной Америки [Электронный ресурс]. URL:https://www.forumdaily.com/pochemu-posle-goda-zhizni-ya-vse-taki-uezzhayu-iz-nyu-jorka/

Байбакова 1997 – *Байбакова Л.В.* Русские в Америке: проблемы адаптации выходцев из России на рубеже XIX-XX вв. // Российская американистика в поисках новых подходов. М.: Изд. Московского университета // Российская американистика в поисках новых подходов. Мат-лы V научной конференции ассоциации изучения США. 1997. 17-18 июня. Москва

Балдвин 2000 – *Балдвин А.* О сходстве и различии менталитета и поведения российских и американских студентов // Профессионалы за сотрудничество. 2000. Вып. 4. С. 368–387.

Бандальер 2017 – *Бандальер Г.(BandalierH.)* С другой стороны: жены программистов о переезде в Кремниевую долину. 20.11.2017. URL: https://dou.ua/lenta/articles/relocation-wives/? from=tg

Баньковская 2006 – *Баньковская С.П.* Миграция, свобода и гражданство: парадоксы маргинализации // Полис. 2006. № 4. С. 121–122.

Баталов 1995 – *Баталов Э.Я.* Советская политическая культура // Общественные науки и современность. 1995. № 3. С. 60–70.

Баталов 2005 – *Баталов Э.Я.*Мировое развитие и мировой порядок: анализ современных американских концепций. М., РОССПЭН, 2005. 376 с.

Башкирова 1990 – *Башкирова Г.Б., Васильев Г.В*. Путешествие в Русскую Америку: Рассказы о судьбах эмиграции. М., 1990. 269 с.

Бек 2003 – *Бек У.* Космополитическое общество и его враги // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI. № 1. С. 24–54.

Белл 2024 – *Белл А.* В 80 лет Американская ассоциация еврейской прессы борется с прошлым, настоящим и будущим // Синдикат еврейских новостей. 2024.14 июня.

Белов 2009 – *Белов В.Г.* Психологическая защита и ее роль в процессе формирования адаптационной системы человека // Ученые записки Санкт-Петербургского института психологии и социальной работы. 2009. №1(11). С. 7–11.

Белоцерковская 2015 – *Белоцерковская М.* Поправка Лаутенберга: возможности, о которых вы не знаете: Интервью // В Новом Свете. 18.02.2015. URL: https://www.vnovomsvete.com/articles/2015/02/18/popravka-lautenberga-vozmozhnosti-o-kotorykh-vy-ne-znaete.html

Бердяев 1990 – *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 224 с.

Березин 2007 – *Березин И.* Распределение доходов в России и США // Практический маркетинг. 2007. № 6. С. 31–37.

Березовая 2001 – *Березовая Л.Г.* Культура русской эмиграции (1920–1930-е гг.): Культурная миссия пореволюционной эмиграции как наследие Серебряного века // Новый исторический вестник. 2001. № 3(5). С. 120–173.

Бессмертный 1997 – *Бессмертный Ю.Л.* Что за «Казус»? // Казус: Индивидуальное и уникальное в истории: 1996. М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 1997.

Бистрицкас 1989 – *Бистрицкас Р., Кочюнас Р.*Homosoveticus или Homosapiens? Несколько штрихов к психологическому портрету // Радуга. 1989. № 5. С 78–82.

Бобылев 2009 – *Бобылев В.* Миграционная политика (сущность, структурное строение, основные типы) // Власть. 2009. № 6. С. 61–64.

Богина 1965 –*Богина Ш.А.* Этнокультурные процессы в США (конец XVIII – начало XIX в.). М.: Наука, 1965. 223 с.

Бойчук 2018 –*Бойчук А.*Где найти бесплатные курсы английского в Нью-Йорке. 28.09.2018. Голос русскоязычной Америки. [Электронный ресурс] URL:http://www.forumdaily.com/gde-najti-besplatnye-kursy-anglijskogo-v-nyu-jorke

Болховитинов 2001 – *Болховитинов Н.Н.* Американская цивилизация как исторический феномен. Восприятие США в американской, западноевропейской и русской общественной мысли. М.: Наука. 2001. 495 с.

Борисов 1997 – *Борисов В., Бахметьев Б.А.* Русское зарубежье: Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический словарь. М., 1997. С.70–71.

Браславец 2009 – *Браславец Л.А*. Социальные сети как средство массовой информации: к постановке проблемы // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2009. № 1. С.125–132.

Буянова 2006 – *Буянова Ю.В.* История исследования понятия «менталитет» в зарубежной психологии // История отечественной и мировой психологической мысли: Постигая прошлое, понимать настоящее и предвидеть будущее. М.: Институт психологии РАН, 2006. С. 168-171.

Вильчур 1914 – *Вильчур М.Е.* В американском горниле. Из записок эмигранта. Нью-Йорк, 1914. 93 с.

Вильчур 1918 – *Вильчур М.Е.* Русские в Америке. Нью-Йорк, 1918. 159 с.

Вишнякова 1998 – *Вишнякова Н.В.* Из истории распространения русской книги в США // Вестник Омского университета. 1998. Вып. 3. С. 44–50.

Водак 1997 – *Водак Р.* Язык. Дискурс. Политика. Волгоград: Перемена, 1997. 139 с.

Волкова 2002 – Волкова И.В. Документы русской эмиграции в Сан-Франциско // Отечественные архивы. - 2002. №2. - С. 4754

Восков 1925 – *Восков С.* Сборник статей, воспоминаний и документов. Л., 1925.

Галкин 2012 – *Галкин Д.В*. Digital Culture: Методологические вопросы исследования культурной динамики от цифровых автоматов до техно-био-тварей // Цифровая культура: Международ. журнал исследований культуры сетевого сообщества «Российская культурология». 2012. No 3 (8). С. 11–16.

Гапова 2004 – *Гапова Е*. Жены «русских» программистов, или женщины, которые едут вслед за мужьями // Семейные узы: модели для сборки. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 409–431.

Геннеп 1999 – *Геннеп А. ван*. Обряды перехода. М.: Восточная литература, 1999. 198 с.

Гительман 1995 – *Гительман Ц.* Русские евреи на трех континентах // Иностранец. 1995. №23.

Гринев 2018 – *Гринев А.В.* Аляска под крылом двуглавого орла (российская колонизация Нового Света в контексте отечественной и мировой истории). 2-е изд., испр. и доп. М.: Academia, 2018. 590 с.

Гриценко 2002 – *Гриценко В.В.* Социально-психологическая адаптация переселенцев в России. М.: Ин-т психологии РАН, 2002. 252 с.

Гумбольдт 1985 – *Гумбольдт В.* Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. 382 с.

Гуткин 2013 – *Гуткин М.* Русская диаспора в США: между прошлым и будущим. 23.11.2013. Голос Америки. [Электронный ресурс] URL: https://www.golos-ameriki.ru/a/russian-diaspora-in-nyc/1796114.html

Давыдов 2008 – *Давыдов А.А.*Социология изучает блогосферу // Социологические исследования. 2008. № 11. С. 92–101.

Демографический 1999 – Демографический ежегодник России 1999: Стат. сб. М.: Росстат, 1999.

Дмитриев 2004 – *Дмитриев А.В., Слепцов Н.С.* Конфликты миграции. М.: Альфа-М, 2004. 224 с.

Журавлева 2012 – Журавлева В.И. Понимание России в США. Образы и мифы, 1881-1914// М.: РГГУ. 2012. С. 1014

*Журавлева 2021 – Журавлева В.*И. В.И. Общее прошлое русских и американцев. М.: РГГУ, 2021. С.618

Забелина 2013 – *Забелина Н.Ю.* Рецензия на книгу О.С. Зацепиной и А.Б. Ручкина «Русские в США. Общественные организации русской

эмиграции в XX–XXI вв.» // Новая и новейшая история. 2013. № 3. С. 235–238.

Зайончковская 2005 – *Зайончковская Ж.А.* Миграционная ситуация в современной России // Человек и труд. М., 2005. № 6. С. 31–37.

Заславская 1969 – *Заславская Т.И., Миркин В.Д., Ершова К.Ф.,* отв. ред. Методика выборочного обследования миграции сельского населения. Новосибирск: Наука, 1969. 167 с.

Заславская 1994 – *Заславская Т.И.* Доходы работающего населения России. Ч. 2. Динамика и дифференциация доходов // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 1994. № 2.

Заславская 1995 – *Заславская Т.И.* Новые данные о доходах россиян // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 1995. № 4. С. 7–16.

Засурский 2001 – *Засурский И.И.* Реконструкция России. Масс-медиа и политика в 90-е. М.: Изд-во МГУ, 2001. 228 с.

Зацепина 2011 – *Зацепина О.С., Ручкин А.Б.* Русские в США. Общественные организации русской эмиграции в XX–XXI вв. Нью-Йорк: RACH-C PRESS, 2011. 268 с.

Зацепина 2013 – *Зацепина О.С.* США больше не «плавильный котел»: Интервью 01.08.2013. Фонд Горчакова. URL: https://gorchakovfund.ru/news/view/direktor-raksi-olga-zatsepina-ssha-bolshe-ne-plavilnyy-kotel

Зацепина 2020 – *Зацепина О.С.* Вписать русскую культуру и историю в Америку: Интервью. 18.05.2020. URL: https://russkiymir.ru/publications/272675/

Зацепина 2021 – *Зацепина О.С.* Месяц русско-американской истории / Московский Дом соотечественника. 06.04.2021. URL: https://mosds.mos.ru/presscenter/news/detail/9844425.html?sphrase_id=414795634

Зубова 1995 – *Зубова Л.Т.* Социальное расслоение в России // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 1995. № 3. С. 27–30.

Зубова 1996 – *Зубова Л.Т.* Представления о бедности и богатстве. Критерии и масштабы бедности // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 1996. № 4. С. 38–42.

Иванов 1997 – *Иванов М.М.* США: правовое регулирование иммиграционного процесса. М.: Международные отношения, 1997. 474 с.

Иванян 2001 – *Иванян Э.А.* Энциклопедия российско-американских отношений. XVIII–XX века. М.: Международные отношения, 2001. 696 с.

Иванян 2004 – *Иванян Э.А.* История США. М.: Дрофа, 2004. 576 с.

Игнатьева 2014 – *Игнатьева О.* Мы хотим вас услышать! 08.12.2014. URL: http://ksors.org/?p=5491

Ионцев 1999 – *Ионцев В.А.* Международная миграция населения: теория и история изучения. М.: Диалог-МГУ, 1999. 370 с.

История 1997–1999 – История Русской Америки, 1732–1867 / под ред. акад. Н.Н. Болховитинова. В 3 т. М.: Международные отношения, 1997–1999.

Ильясов 1999 – *Ильясов Р. И.* Крымские татары: краткий обзор прошлого и анализ социально-экономического положения настоящего. Симферополь: Крымучпедгиз, 1999. 88 с.

Исэров 2011 – *Исэров А.А*. США и борьба Латинской Америки за независимость, 1815–1830. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2011. 480 с.

Каган 2012 – *Каган А.* Чем дальще в лес, тем больше дров? Консолидация зарубежных соотечественников – чем дальше в лес, тем… Русский месяц в Нью-Йорке. 24.04.2012. Клайпедская ассоциация российских граждан [Электронный ресурс] URL: https://klaipeda1945.org/russkoe-zarubezhje/chem-daljshe-v-les-tem-boljshe-drov/

Каллевиг 2008 – *Каллевиг Е*. Наши дети и стресс эмиграции (Миннесота) // Шире круг. Журнал о соотечественниках и для соотечественников. 2008. № 6.

Квакни 2000 – Квакни А.В. Архив Музея русской культуры в Сан-Франциско: неиспользованные возможности // Зарубежная архивная Россика: Итоги и перспективы выявления и возвращения. Материалы Международной научно-практической конференции, 16—17 ноября 2000 г., Москва. М., 2001. - С.65-72;

Кедми 2012 – *Кедми Я.* Безнадежные войны. М.: ЯУЗА: ЭКСМО, 2012.

Керимова 2016 – *Керимова М.М.*Русское присутствие в Словении в 1910-е – 1930-е гг. // Вопросы истории. 2016. № 4. С. 41–57.

Керимова 2018 – *Керимова М.М.*Русские в Словении: проблемы идентичности в конце XX – начале XXI вв. // Русский мир в меняющемся мире / отв. ред. Г.А. Комарова. М.: ИЭА РАН, 2018. С. 198–213.

КЕЭ – Краткая еврейская энциклопедия: в 11 т. Иерусалим, 1976–2005. URL: https://eleven.co.il/diaspora/public-organizations/13875/

Ким 1978 – *Ким М.П.* Проблемы развития социалистической культуры (некоторые теоретические аспекты) // Культура развитого социализма: Некоторые вопросы теории и истории. М.: Наука, 1978. С. 30–51.

Ким 2009 – *Ким А.С.* Этнополитическое исследование современных диаспор (конфликтологический аспект): автореф. дис. … д-ра полит. наук. СПб., 2009.

Кишиневски 2007 – *Кишиневски В.* Русские в США. Особенности вживания. Интервью. WashingtonProFile. Цит. в тексте по: URL: https://inosmi.ru/world/20070524/234662.html

Клигер 2016 – *Клигер С.* Между Америкой и Россией: Социокультурный и политический портрет русскоговорящей иммигрантской общины в США // Русское еврейство в зарубежье: Статьи, публикации, мемуары и эссе. Кн.14: Русские евреи в Америке / ред.-сост. Э.А. Зальцберг. Торонто; СПб.: Гиперион, 2016 . С. 247–268.

Комарова 2002 – *Комарова Г.А.*Русский Бостон. М.: ИЭА РАН, 2002. 306 с.

Комарова 2018 – *Комарова Г.А.* Русский мир: антропологический ракурс // Русский мир в меняющемся мире / Г.А. Комарова, отв. ред., сост. М.: ИЭА РАН, 2018. С. 5–12.

Коноплев 2018 – *Коноплев А*. Что такое «советский менталитет»? 29.10.2018. URL: https://yandex.ru/q/question/chto_takoe_sovetskii_mentalitet_0fda3fdd/

Корнилов 2001 – *Корнилов А.А.* Серверы крупнейших организаций русской эмиграции в США // Международные отношения в XXI веке: новые действующие лица институты и процессы: Материалы международной научной конференции РАМИ, МГИМО (У) МИД РФ, ИСИ ННГУ (29–30 сентября 2000 г.). М.; Н. Новгород: ИФ ННГУ: МГИМО (У) МИД РФ, 2001. С. 96–108.

Король 2018 – *Король С.* Спуглеры – жены айтишников-мигрантов. Как они борются со стрессом после переезда // РБК Стиль. 25.04. 2018. URL: https://style.rbc.ru/life/5adde3a59a 794776e3cc64c5

Короткевич 2004 – *Короткевич В.И.* История современной России (1991–2003). СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. 296 с.

Костырченко 2008 – *Костырченко Г.* Политика советского руководства в отношении еврейской эмиграции после XX съезда КПСС (1956-1991) // Еврейская эмиграция из России. 1881–2005. М.: РОССПЭН, 2008. С. 202–219.

Костюченко 2008 – *Костюченко А.* Украинский мир за пределами Украины. 19.09.2008. URL: https://day.kyiv.ua/ru/ article/pochta-dnya/ukrainskiy-mir-za-predelami-ukrainy

Крылов 2012 – *Крылов И.* Соотечественники в США считают, что русским в Америке пора создать полноценную общину. 26.04.2012. Русский мир [Электронный ресурс]. URL: https://russkiymir.ru/news/39862

Кужелева-Саган 2017 – *Кужелева-Саган И.П.* Культура цифровых кочевников и возможные подходы к ее изучению // Цифровое кочевничество как глобальный и сибирский тренд: Материалы III Междунар. трансдисциплинарной науч.-практ. web-конференции Connect-Universum. 24–26 мая 2016 г. Томск, 2017. С. 166–182.

Кужелева-Саган 2020 – *Кужелева-Саган И.П.* Общие контуры онтологии образования в эпоху нового кочевничества // Научно-педагогическое обозрение. PedagogicalReview. 2020. Т. 29. № 1. С. 200–211.

Кузнецов 2000 – *Кузнецов П.С.* Социологическая теория социальной адаптации: дис… д-ра социолог. наук. Саратов, 2000. 338 с.

Кузнецов 2006 – *Кузнецов С.* Родину мы все-таки не сдали... // Большой Вашингтон. 2006. № 8(43). С. 1.

Купец 2012 – *Купец О.* Экономическое и демографическое влияние трудовой миграции на страны Восточного партнерства ЕС и Россию: обобщающий доклад / CARIM-East RR 2012/34; RobertSchumanCentreforAdvancedStudies. SanDomenicodiFiesole: EuropeanUniversityInstitute, 2012.

Курцановская 2020 – *Курцановская А*. Горловчанин Дмитрий Осипа работает в Кремниевой долине. Чем отличается его жизнь в США и Украине: Интервью. 07.09.2020. URL: https://svoi.city/articles/83183/gorlovchanin-dmitrij-osipa-v-kremnievoj-doline

Курчевский 1914 – *Курчевский Б.* О русской эмиграции в Америку. Либава, 1914. 47 с.

Леонтович 2000 – *Леонтович О.А., Шейгал Е.И*. Жизнь и культура США. Лингвострановедческий словарь. Волгоград: Станица-2, 2000. 416 с.

Литвинова 1993 – *Литвинова Г.И.* Русские американцы. М.: Ассоциация по комплексному изучению русской нации, 1993. 94 с.

Лиуконнен 2009 – *Лиуконнен Е.И.* Особенности этносоциальной интеграции из России // Ученые записки Санкт-Петербургского института психологии и социальной работы. 2009. №1(11). С. 137–141.

Льюис 2001 – *Льюис Р.Д.*Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию. М.: Изд-во «Дело», 2001. 448 с.

Лысенко 1998 – *Лысенко Ю.* Этнические мосты. Диаспоры как фактор международных отношений // Exlibris НГ (Прилож. к «Независимой газете»). 15.10.1998.

Ляпунова 1979 – *Ляпунова Р.Г., Федорова С.Г., сост.* Русская Америка в неопубликованных записках К.Т. Хлебникова. Л.: Наука, 1979. 280 с.

Макаров 1998 – *Макаров М.Л.*Интерпретативный анализ дискурса в малой группе. Тверь: Тверской гос. ун-т, 1998. 200 с.

Малиновская 2013 – *Малиновская Е.А.* Внешние миграции населения Украины периода независимости // Демоскоп-weeklyю 2013. № 563/564.

Маляр 2017 – *Маляр Т.* Начать путешествовать // Там, где я есть. Блог Таты Маляр.23.07.2017. URL: http://tatablog.ru/nachat-puteshestvovat-prosto-uehat-v-pervuyu-stranu/

Мамонтов 2002 – *Мамонтов А.* Слухи и современное общество: трансляция информации о компании по немедийным каналам // Со-общение. 2002. № 2. С. 5–9.

Мамардашвили 1997 – *Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М.* Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 224 с.

*Маховская*2003 – *Маховская О.И.* Соблазны эмиграции, или Женщинам, отлетающим в Париж // Москва, 2003. 365 с.

Маслова 1997 – *Маслова В.А*. Введение в лингвокультурологию. М.: Наследие, 1997. 207 с.

Медведев 1991 – *Медведев Р.А.* Личность и эпоха. Политический портрет Л.И. Брежнева. М.: Новости, 1991. Кн. 1.

Мелвилл 1973 – *Мелвилл Г.* Белый бушлат. Л.: Наука, 1973. 392 с. (Сер. Литературные памятники).

Меняйленко 2005 – Меняйленко М.К. Коллекция периодических изданий Музея русской культуры в Сан-Франциско // Российская интеллигенция на родине и в Зарубежье. - М., 2005.

Мёрдок 1997 – *Мёрдок Дж.П.* Фундаментальные характеристики культуры / пер. В. Г. Николаева // Антология исследований культуры: сб. ст. / отв. ред. и сост. Л. А. Мостова. СПб., 1997. С. 49–56.

Мерфи 2007 – *Мерфі Н.Г.* Українська діаспора в США: збереження традицій національної культури [Украинская диаспора в США: сохранение традиций национальной культуры]. Донецьк: Вебер, 2007. 256 с.

Музыченко 1995 – *Музыченко П.* Исторические источники современного этапа развития местного самоуправления в Украине // Юридический вестник. 1995. № 2.

Мухин 1913 – *Мухин А.* Отход крестьян на заработки в Америку // Агрономический журнал. [Харьков]. 1913. № 9/10.

Назаров 2003 – *Назаров П.В.* Этнический состав российских эмигрантов в США в конце XIX – 1920 году // Сборник научных трудов. Вып. 15. Гуманитарные науки в 3 частях. Ч.1. История. Философия/ Сургут Гос. Ун-т. Изд-во СурГУ, 2003. С.49-55.

Назаров 2009 – *Назаров П.В.* Российские иммигранты в США в конце XIX – начале XX века: этносоциальные особенности и специфика адаптации: дис… канд. ист. наук. М., 2009. 218 с.

Население СССР – Население СССР: Всесоюзная перепись населения 1989 года. М.: Финансы и статистика, 1990.

Неймер 2003 – *Неймер Ю.Л.* Иммиграция в США, русская и иная // Мир России. 2003. № 1. С. 121–137.

Нето 2011 – *Нето Ф.С.П., Пшенко М.С., Якушкина М.С.,* Социокультурная и правовая адаптация мигрантов как фактор стабилизации миграционных потоков в СНГ // Человек и образование. 2011. № 2 (27). С. 104–109.

Нитобург 1996 – *Нитобург Э.Л.* Евреи в Америке на исходе XX века. М.: Чоро, 1996. 128 с.

Нитобург 1998 – *Нитобург Э.Л.* У истоков русской диаспоры в США (с 1918 по 1944 г.) // США: экономика, политика, идеология. 1998. № 8. С.45–61.

Нитобург 2005 – *Нитобург Э.Л.* Русские в США: Истории и судьбы, 1870–1970: Этноисторический очерк. М.: Наука, 2005. 421 с.

Новикова 2017 – *Новикова М.* Американские танцы. 12.11.2017. URL: https://lenta.ru/articles/2017/11/12/frisco/

Ожегов 1987 – Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: «Русский язык», 1987. 795 с.

Окунцов 1967 – *Окунцов И.К.* Русская эмиграция в Северной и Южной Америке. Буэнос-Айрес: Сеятель, 1967. 430 с.

Оллпорт 2002 – *Оллпорт Г.*Становление личности: Избранные труды. М.: Смысл, 2002. 462 с.

Панарин 2002 – *Панарин А.С.* Православная цивилизация в глобальном мире. М.: Алгоритм, 2002. 496 с.

Панфилов 1977 – *Панфилов В.З.* Философские проблемы языкознания. М.: Наука, 1977. 287 с.

Парк 1998а – *Парк Р.Э.* Культурный конфликт и маргинальный человек = Park R.E. Cultural Conflict and the Marginal Man (перевод с сокращениями) // Социальные и гуманитарные науки. Сер. 11: Социология. 1998. № 2. С. 172–175.

Парк 1998б – *Парк Р.Э.* Человеческая миграция и маргинальный человек = Park R.E. Human Migration and the Marginal Man (перевод В. Николаевой) // Социальные и гуманитарные науки. Сер. 11: Социология. 1998. № 3. С. 167–176.

Пивовар 2008 – *Пивовар Е.И.* Российское зарубежье: социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. М.: РГГУ, 2008. 545 с.

Пигалев 1997 – *Пигалев В. И.* Образ Америки в культурологической концепции Ойгена Розенштока-Хюсси |/ Americana: Сб. статей по истории и культуре стран Американского континента. Вып. 1. Волгоград: Волгоградский гос. ун-т, 1997. С. 65–71.

Подгорбунский 2005 – *Подгорбунский С.* Новое открытие «Русской Америки» // Большой Вашингтон. 2005. № 6 (41). С. 37.

Подготовка 1969 – Подготовка рабочих в училищах и школах профессионально-технического образования в союзных республиках // Женщины и дети в СССР. Статистический сборник. М.: Статистика, 1969.

Понарина 2011 – *Понарина Н.Н.* Глобализация: проблема влияния на культурную идентичность // Общество: Политика, экономика, право. 2011. № 3. С. 28–33.

Попков 2002 – *Попков В.Д.* «Классические» диаспоры: к вопросу о дефиниции термина // Диаспоры. 2002. № 1. С. 6–22.

Попков 2003 – *Попков В.Д.*Феномен этнических диаспор. М.: Ин-т социологии РАН, 2003. 340 с.

Попов 1998 – *Попов А.В.* Русское Зарубежье и архивы. Документы российской эмиграции в архивах Москвы: проблемы выявления, комплектования, описания, использования / Материалы к истории русской политической эмиграции. - М.: ИАИ РГГУ, 1998. - Вып. IV. - 392с.

Попов 2011 – *Попов А.С.* Кинематограф 1990–2000-х гг. и изменение ценностей в российском обществе // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурные коммуникации. 2011. № 1, С. 228–231.

Пронин 2000 – *Пронин А.А.* Историография российской эмиграции. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2000. 187 с.

Пушкарева 1996 – *Пушкарева Н.Л.* Возникновение и формирование российской диаспоры за рубежом // Отечественная история. 1996. № 1. С. 53–65.

Пушкарева 2004 – *Пушкарева Н.Л.* Предмет и метод изучения истории повседневности // Этнографическое обозрение. 2004. № 5. С. 3–14.

Радзинская 2004 – *Радзинская А.В.* Я живу в Америке, на пятом этаже. М.: Книжный клуб 36.6, 2004. 224 с.

Радзиховский 2004 – *Радзиховский Л.* Эмиграция будущего // Еврейское слово. М., 2004. 4–10 авг. С. 2–3.

Ракитин 2003 – *Ракитин А*. Так сколько же «русских» в Нью-Йорке? 28.07.2003. Сайт Американского еврейского комитета (AJC). URL: http://www.ajcrussian.org/site/apps/nl/content2. asp?b=1309715&c=chLMK3PKLsF&ct=1459377 (дата обращения: 16.03.2016).

Рахманинова 2003 – *Рахманинова М.* Никто точно не знает, сколько человек уехало из России (интервью) // Известия. 16.12.2003.

Римашевская 2004 – *Римашевская Н.М.* Бедность и маргинализация населения // Социальные исследования. 2004. № 4. С. 33–44.

Рис 2005 – *Рис Н.* Русские разговоры. Культура и речевая повседневность эпохи перестройки. М.: Новое литературное обозрение, 2005. 368 с.

Романович 1999 – *Романович Н.А.*Ситуация опроса глазами респондента // Социологические исследования. 1999. № 2.С. 123–126.

Романовский 1999 – *Романовский Н.В.*Социология и социологи перед лицом глобальных катаклизмов (по поводу полемики М. Арчер и И. Валлерстайна) // Социологические исследования. 1999. № 3. С. 3–11.

Российский… 2000 – Российский статистический ежегодник 2000: Стат. сб. М.: Росстат, 2000.

Россия… 1999 – Россия в изгнании. Судьбы российских эмигрантов за рубежом / отв. ред. Е.И. Пивовар. М.: ИВИ РАН, 1999. 458 с.

Россия в Калифорнии 2005 – Россия в Калифорнии Русские документы о колонии Росс и российско-калифорнийских связях / Истомин А.А., ГибсонДж.Р., Тишков В.А., сост. В 2 т. М.: Наука, 2005.

Русский мир в меняющемся мире/ Отв. ред. и составитель Г.А.Комарова. - М. ИЭА РАН. 2018.- 402 С.

Ручкин 2017 – Ручкин А.Б. «Говорить с русскими от имени русских». Русская эмиграция в планах американских спецслужб в начале холодной войны //Государство и гражданское общество: политика, экономика, право. 2017. №3.С.163-167

Ручкин 2007 – *Ручкин А.Б.*Русская диаспора в Соединенных Штатах Америки в первой половине XX века. М.: Изд-во Национального ин-та бизнеса, 2007. 446 с.

Рыбаковский 2006 – *Рыбаковский Л.Л.* Россия и новое зарубежье: Миграционный обмен и его влияние на демографическую динамику. М.: ИСПИ РАН, 2006. 53 с.

Рязанцев 2014 – *Рязанцев С.В., Сивоплясова С.Ю.* Россия в международной торговле женщинами // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: Философия. Социология. Право. 2014. № 16. Вып. 29. С. 69–73.

Рязанцев 2018 – *Рязанцев С.В., Сивоплясова С.Ю., Ростовская Т.К., Брушкова Л.А.* Брачная эмиграция женщин из России: масштабы, причины, особенности // Женщина в российском обществе. 2018. №4. С.85–99.

Рязанцев 2016 – Рязанцев С.В. Эмигранты из России: русская диаспора или русскоговорящие сообщества? //Социологические исследования. 2016. №12. С.84-94

Сарамо 2008 – *Сарамо С.* Личные письма североамериканских финнов как источник изучения жизни Советской Карелии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Серия: Общественные и гуманитарные науки. 2008. № 3. С. 52–59.

Сафонова 2020 – *Сафонова А.Е.* Гипотеза критического периода как фактор влияния на приобретение акцента иностранного языка // Филологический аспект. 2020. № 08.

Святославский 1995 – *Святославский А.В.* Русские на Североамериканском континенте в XIX – начале XX в. (события, факты и цифры) // Культура российского зарубежья: сб. ст. М.: Рос. ин-т культурологии, 1995. 220 с.

Семенов 2000 – *Семенов Ю.И.* Этнос, нация, диаспора // Этнографическое обозрение. 2000. № 2. С. 64–74.

Силиконовая 2007 – Силиконовая [Кремниевая]долина (SiliconValley): Экспресс-отчет. 2007, Москва. URL: http://rudocs.exdat.com/docs/index-69547.html

Синькевич 2004 – *Синькевич К.Ф.* Вне Родины. М.; Рыбинск: Воскресенье, (Рыбинский Дом печати), 2004. 483 с.

Скутнев 2011 – *Скутнев А.В.* Протестное движение в СССР в 1945-1985 гг.: эмиграция и диссидентское движение. Киров, 2011. 104 с.

Соловьев 1995 – *Соловьев В., Клепикова Е.* Юрий Андропов: Тайный ход в Кремль. - СПб., 1995. С. 80–82.

Статистика 2001 – Статистика и учет миграции населения // Международная миграция населения: Россия и современный мир: научная серия. 2001. Вып. 8.

Степанов 1997 – *Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.

Стернин 2001 – *Стернин И.А.* О понятии коммуникативного со знания // Культура общения и ее формирование. Вып. 8. Воронеж, 2001. С. 55–59.

Струк 2005 – *Струк Е.* Голос крови // Деловой журнал. 2005. № 12(28). URL: https://mognovse.ru/jjg-istochnik-delovoj-jurnal-12-28-dekabre-2005-g.html

Супян 1998 – *Супян В.Б.* Российская эмиграция в США: социально-статистический портрет // США: Экономика. Политика. Идеология. 1998. № 3. С. 115–121.

Сухих 1998 – *Сухих С.А., Зеленская В.В.* Прагмалингвистическое моделирование коммуникативного процесса. Краснодар: Изд-во Кубанского гос. ун-та, 1998. 160 с.

Тарле 1994 – *Тарле Г.Я.*История российского зарубежья: термины, принципы периодизации // Культурное наследие российской эмиграции: 1917–1940. В 2 кн. Кн. 1. М.: Наследие, 1994. С. 16–24.

Тен 1998 – *Тен В.А*. Иммиграционная политика США в XVII–XX вв. Краткий исторический очерк. М.: диалог МГУ, 1998. 137 с.

Тер-Минасова 2000 – *Тер-Минасова С.Г*. Язык и межкультурная коммуникация. Москва: СЛОВО/SLOVO, 2000. 262 с.

Тимофеев 1998 – *Тимофеев Т.Т.* Становление и развитие концепции культуры мира // Полис. 1998. № 5. С. 97–105.

Тишков 2000 – *Тишков В.А.* Исторический феномен диаспоры // Этнологическое обозрение. 2000. № 2. С. 43–63.

Тишков 2001 – *Тишков В.А*. Исторический феномен диаспоры // Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX–XX вв. / под ред. Ю.А. Полякова и Г.Я. Тарле. М., 2001. С. 9–44.

Тишков 2003 – *Тишков В.А.* Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. 544 с.

Тольц 1990 – *Тольц М.* История еврейского народа в России. Том 3: от революции 1917 г. до распада Советского Союза // «Мосты культуры». Гешарим. Под ред. М.Бейзера. 1990. Р. 433–452.

Тощенко 1996 – *Тощенко Ж.Т., Чаптыкова Т.И.* Диаспора как объект социологического исследования // Социологические исследования. 1996. № 12. С. 33–42.

Третьяк 2005 – *Третьяк А.* Про программистов США. URL: https://voffka.com/archives/2005/10/21/ 021354.html

Тэрнер 1983 – *Тэрнер В.* Символ и ритуал. М.: Наука, 1983. 277 с.

Тюрюканова 2001 – *Тюрюканова Е.В., Малышева М.М.*Женщина. Миграция. Государство // М.: Academia, 2001. 229 с.

Ульнпицкий 2003 – Ульнпицкий К.Б. Документы Музея русской культуры в Сан-Франциско в микрофотокопиях ГА РФ // Берега. Информационно-аналитический сборник о русском зарубежье. - Вып. 2. -СПб., 2003

Ульянкина 2005 – *Ульянкина Т.И., Магеровский Е.Л.* Зарубежная Россия: Архив Русской академической группы в США (Киннелон, штат Нью-Джерси) // Русская газета. 13.10.2005. № 40 (111).

Феминизм 1993 – Феминизм: Восток, Запад, Россия. М.: Наука – Вост. лит., 1993. 243 с.

Филиппова 2000 – *Филиппова Т.В.* Социология в Интернете // Социологические исследования. 2000. № 5. С. 131–137.

Фол 1999 – *Фол С.* Эти странные американцы / пер. с англ. А. Глебовской. М.: Эгмонт Россия ЛТД., 1999. 72 с.

Фролкин 1975 – *Фролкин Н.М.* Трудовая миграция во Франции в новейшее время. Киев: Наукова Думка, 1975. 285 с.

Фролова 1995 – *Фролова О.* Основы иммиграционной политики США // Русский американец. 1995. № 29. С. 87–90.

Фурман 2013 – *Фурман Ф.* О филантропии в Америке: от эры колоний до наших дней. Нью-Йорк: CreateSpace, 2013.

Фурман 2015а – *Фурман Ф.* Как работает филантропия в США. Идеи и практика, ресурсы и организация. М.: Издательские решения, 2015. 256 с.

Фурман 2015б – *Фурман Ф.* Филантропия в Америке. Очерк истории. М.: Издательские решения, 2015. 256 с.

Харц 1993 – *Харц Л.* Либеральная традиция в Америке. М.: Прогресс, 1993. 400 с.

Хисамутдинов 2003 – *Хисамутдинов А.А*. В Новом Свете или История русской диаспоры на тихоокеанском побережье Северной Америки и Гавайских островах. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2003. 323 с.

Хофстедтер 1992 – *Хофстедтер Р.* Американская политическая традиция и ее создатели. М.: Наука; СП Квадрат, 1992. 425 с.

Чекалюк 2008 – Чекалюк В.В. Трансформація проблеми самоідентифікації українців на шпальтах газети «Свобода» у періоді з середини 40-х до кінця 90-х років XX ст. // Наукові записки Інституту журналістики КНУ ім. Тараса Шевченка. 2008. Т. 30. С. 41–56. URL: http://journlib.univ.kiev.ua/index.php?act= article&article=2336

Чередниченко 1999 – *Чередниченко Т.В*. Россия 90-х в слоганах, рейтингах, имиджах. Актуальный лексикон истории культуры. М.: Новое литературное обозрение, 1999. 245 с.

Шалыгина 2007 – *Шалыгина Н.В.* Кризис семьи в эмиграции (США, пуэрториканская модель). М.: ИЭА РАН, 2007. 252 с.

Шалыгина 2018 – *Шалыгина Н.В.* Полет вниз без парашюта (некоторые аспекты адаптации русских в США // Русский мир в меняющемся мире. М.: ИЭА РАН, 2018. С. 311–321.

Шалыгина 2021 – *Шалыгина Н.В.* Русские американцы: поиск новых идентичностей. М.: БукиВеди, 2021.

Шалыгина 2024 – *Шалыгина Н.В.* Русскоязычные женские организации в США (этнокультурные аспекты деятельности) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2024. № 8. С. 40–46.

Шалыгина 2025 – *Шалыгина Н.В.* Сравнительный анализ активности женских организаций русскоязычных иммигрантов в США // Власть. 2025. № 2. С. 217–223.

Шамшур 1987 – *Шамшур О.В.* «Золотые двери» иммиграции: что кроется за ними? Харьков: Прапор, 1987.

Шанин 1998 – *Шанин Т.* Методология двойной рефлексивности в исследованиях современной российской деревни // Социологический журнал. 1998. № 3/4. С. 101–116.

Шаповалов 1997 – *Шаповалов А.И.* Феномен советской политической культуры (ментальные признаки, источники формирования и развития). М., 1997. 214 с.

Шахбанов 1994 – *Шахбанов* А.М. Россия: надежды и прогнозы// Социально-политический журнал. 1994 г. № 3.

Шахова 2019 – *Шахова А.* Русские программисты пожаловались на дискриминацию в Кремниевой долине. 10.11.2019. Секрет фирмы [Электронный ресурс]. URL: https://secretmag. ru/news/russkie-programmisty-pozhalovalis-na-diskriminaciyu-v-kremnievoi-doline-10-11-2019.htm

Швейцер 1971 – *Швейцер А.Д.* Литературный английский язык в США и Англии. М.: Высшая школа, 1971. 200 с.

Шеффер 2003 – *Шеффер Г.* Диаспоры в мировой политике // Диаспоры. 2003. № 1. С. 162–184.

Шлезингер 1992 –*Шлезингер А.М.* Циклы американской истории. М.: Прогресс, 1992. 692 с.

Шлепаков 1960 – *Шлепаков А.Н.* Украинская трудовая эмиграция в США и Канаду. Киев: Изд-во АН УССР, 1960.

Шойфет 2008 – Шойфет М.С. Селье (1907–1986) // 100 великих врачей. М.: Вече, 2008. 528 с.

Шомракова 2001 – Шомракова И.А. Материалы по истории книжного дела русского зарубежья в Бахметьевском архиве // Россика в США: Сборник статей (Материалы к истории русской политической эмиграции; вып. 7) - М.: Институт политического и военного анализа. - 2001. - С. 80-85

Шредер 1992 – *Шредер Г.* Экономические связи между республиками // Вопросы экономики. 1992. № 1.

Штейнберг 2009 – *Штейнберг И., Шанин Т., Ковалев Е., Левинсон А.* Качественные методы. Полевые социологические исследования. СПб.: Алетейя, 2009.

Щедровицкая 2002 – *Щедровицкая М.О.* О важности слухов в условиях диктатуры СМИ // Сообщение. 2002. № 3. С. 14–16.

Щербатский 1915 – *Щербатский А.И.* Русская эмиграция в Соединенные Штаты. Петроград: Типография Киршбаума, 1915. 32 с.

Эйтидас 1989 – *Эйтидас Э.* Литовская эмиграция в страны Северной и Южной Америки 1868-1940—х гг. // АН СССР. Институт истории. 1989. С. 216.

Этнокультурные процессы в США (конец XVIII – начало XIX в.). М.: Наука, 1965. 223 с.

Эмиграция 2001 – Эмиграция и репатриация в России / В.А. Ионцев и др. М., 2001.

Этнология 2013 – Этнология (Этнография): учебник для бакалавров / под ред. В.А. Козьмина, В.С. Бузина. М.: Изд-во Юрайт, 2013. 580 с.

ЭСКАТО 2005 – ЭСКАТО (Экономическая и социальная комиссия для Азии и Тихого океана) ООН. Доклад по итогам встречи в Бангкоке, ноябрь 2005 г. URL: http://www.unescap.org/esid/committee2005/Russian/CESI2_4R.pdf

Юревич 2016 – Юревич А.И. Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология 2016. Том 1. No 3. С.93

Якобсон 2004 – *Якобсон Е.А.* Пересекая границы. Дореволюционная Россия – Китай – Америка / пер. с англ. М.: Русскийпуть, 2004. 272 с.

A Portrait 2021 – A Portrait of Bay Area Jewish Life and Communities: An Integrative Report from the Bay Area Jewish Community Study. San Francisco: Jewish Community Federation and Endowment Fund, 2021.

Aguilar 1999 – *Aguilar F.V. Jr*. The Triumph of Instrumental Citizenship? Migrations, Identities and the Nation-state in Southeast Asia // Asian Studies Review. 1999. Vol. 23. No 3. P. 307–336.

AJYB – American Jewish Year Book The Annual Record of the North American Jewish Communities / AJC. 1899–. New York: Springer International Publishing.

Alba 2016 – Alba R., Foner N. Strangers no more: A rejoinder // EthnicandRacialStudies. 2016. No. 39 (13). P. 2361–2369

Allison 1995 – *Allison J.-E*. Ecofeminism and Global Environmental Politics // International Studies Association. 1995. https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190846626.013.158

Anastasova 2023 – Anastasova E. A Russian Story in the USA: On the Identity of Post-Socialist Immigration // Open cultural studies. No. 7(1). August 2, 2023. https://www.degruyterbrill.com/document/doi/10.1515/culture-2022-0175/html?lang=en//

Anderson 1983 – *Anderson B.* Imagined communities: Reflections on the origins and spread of the nationalism. London; New York: Verso, 1983. 240 p.

Anderson 1992 – *Anderson P.* English Questions. London: Verso, 1992. 384 p.

Anderson 1993 – *Anderson J., Moeschberger M., Chen M.S., Kunn P., Wewers M.E., Guthrie R.* An Acculturation Scale for Southeast Asians // Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology. 1993. Vol. 28. No 3. P. 134–141.

Annual Survey – Annual Survey of American Jewish Opinion 2011 /American Jewish Committee. URL: https://www.jewishdatabank.org/content/upload/bjdb/579/N-AJC-2011-Data_Summary.pdf

Armstrong 1976 – *Armstrong J.A.* Mobilized and Proletarian Diasporas // American Political Science Review. 1976. Vol. 70. No. 2. P. 393–408.

Ataca 2002 –*AtacaB., Berry J.W.* Psychological, Sociocultural and Marital Adaptation of Turkish Immigrant Couples in Canada // International Journal of Psychology. 2002. Vol. 37. No 1. P. 13–26.

Atlas of Ukrainians – Atlas of Ukrainians in the United States: Demographic and Socio-economic Characteristics / Center for Demographic and Socio-economic Research of Ukrainians in the US. New York: Shevchenko Scientific Society, Inc., 2019. 219 p.

Aycan 1996 –*Aycan Z., Berry J.W.* Impact of Employment-Related Experiences on Immigrants' Psychological Well-Being and Adaptation to Canada // Canadian Journal of Behavioural Science. 1996. Vol. 28. No 3. P. 240–251. DOI: 10.1037/0008-400X.28.3.240

*Ayto 2*010 – *Ayto J., Simpson J.* Oxford Dictionary of Modern Slang. Oxford, 2010. 408 p.

Barnes 1984 – *Barnes G.A.* The American University: A World Guide. Philadelphia: ISI Press, 1984. 196 p.

Barrett 1998 – *Barrett J.R.* Americanization From The Bottom Up: Immigration and the Remaking of the Working Class in the United States, 1880–1930 // Journal of American History. 1998. No. 79(3). P. 996–1020.

Bauer 1996 – *Bauer O.* The Nation. Translated in Balakrishman. Mapping the Nation. L.-N. Y., 1996.

Bernheimer 1905 – Bernheimer, Ch.S. The Russian Jew in the United States. Studies of social conditions in New York, Philadelphia, and Chicago, with a description of rural settlements. / Ch.S. Bernheimer. Philadelphia: The John C. Winston Co., 1905. -432 p.

Berry 1989 – *Berry J.W., Kim U., Power S., Young M., Bujaki M.* Acculturation Attitudes in Plural Societies // Applied Psychology. 1989. Vol. 38. No 2. P. 185–206.

Berry 2006 – *Berry J.W.* Stress Perspectives on Acculturation // The Cambridge Handbook of Acculturation Psychology / D.L. Sam, J.W. Berry (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 43–57.

Bilan 2017 – *Bilan Y.*Migration of the Ukrainian Population: Economic, Institutional, and Sociocultural Factors. London: Ubiquity Press, 2017. 296 p.

Blok 1933– Blok, G.K., Essig, E.O., Ogden, A., Dufour, CI J. The Russians in California. / G.K. Block, E.O. Essig, A. Ogden, Cl.J. Dufour. San Francisco: California Historical Society, 1933. - 88 p.

Bootzin 1991 – *Bootzin R.R., Bower G.H., Crocker J, Hall E.* Psychology Today. New York: McGraw-Hill, Inc., 1991. 800 p.

Braichevska 2009 – *Braichevska O., Malynovska O., Pylynsky Y*. Nontraditional Immigrants in Kyiv After Seven Years. Kyiv: Stylos, 2009.

Breakwell 1996 – *Breakwell G., Lypns E.* (eds). Changing European Identities: Social Psychological Analyses of Change. Oxford: Butterworth-Heinemann, 1996. 454 p.

Brown 1955 – Brown R.E. Middle-Class Democracy and the Revolution in Massachusetts, 1691–1780. Ithaca: Cornell University Press, 1955. 458 p.

Bryce 1888 – *Bryce J.* The American Commonwealth. London: Macmillan, 1888. 299 p.

Budzilovich 1995 – *Budzilovich P.* The Congress of Russian Americans is 22 year old // Русский американец / The Russian American. 1995. №20. P. 17–21.

Castells 1997 – *Castells M.* The Power of Identity // The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. II. Oxford: Blackwell, 1997. 461 p.

Chaika 1994 – *Chaika E.* Language: The Social Mirror. Boston: Heinle and Heinle Publishers, 1994. 436 p.

Chiswick 1999 – *Chiswick B.R.* The Occupational Attainment and Earnings of American Jewry, 1890 to 1900 // Contemporary Jewry. 1999. Vol. 20. P. 68–98.

Chiswick 2012 – *Chiswick B.R.; Larsen N.* Russian Jewish Immigrants in the United States: The Adjustment of Their English Language Proficiency and Earnings in the American Community Survey. Discussion Paper No. 6854. Bonn: IZA, 2012. P. 24.

Clark 2017 – *Clark A.V.* The Rock Test: A Hack for Men Who Don't Want To Be Accused of Sexual Harassment [Феминистка придумала лайфхак, как избежать обвинений в харассменте]. URL: https://medialeaks.ru/1110qaz-feministka-rasskazala-kak-borotsya-s-harrasmentom (дата обращения: 11.10.2017).

Collier 2013 – *Collier P.* Exodus: Immigration and multiculturalism in the 21st century. London: Penguin, (2013).

Commons 1920 – Commons, J.R. Races and immigrants in America. / J.R. Commons. New York: The Macmillan company, 1920. - 312 p.

Commager 1950 – *Commager H.S.* The American Mind: An Interpretation of American Thought and Character Since the 1880's. New Haven: Yale University Press, 1950. 476 p.

Crystal 1987 – *Crystal D.* The Cambridge Encyclopedia of the English Language. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 472 p.

Crystal 1997 –*Crystal D.* English as a Global Language. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. 150 p.

Cullen-DuPont 2000 – *Cullen-DuPont K.* Encyclopedia of women's history in America // Infobase Publishing. 2009. P. 34–35.

Davis 1922 – *Davis J.* The Russian Immigrant. New York: Macmillan Co., 1922. 219 p.

Digital 2021 – The Digital Nomad Search Continues: Research Brief / MBO Partners. September 2021. URL: https://info.mbopartners.com/rs/mbo/images/MBO_Partners_2021_Digital_Nomad_ Research_Brief.pdf

Domosh 1999 – *Domosh M.* Sexing Feminist Geography // Progress in Human Geography. 1999. Vol. 23. No 3. P. 429–436.

Dwyer 1999 – *Dwyer C.* Contradictions of Community: Questions of Identity for Young British Muslim Women // Environment and Planning A: Economy and Space. 1999.Vol. 31. No 1. P. 53–68.

Dwyer 2000 – *Dwyer C.* Negotiating Diasporic Identities: Young British South Asian Muslim Women // Women's Studies International Forum. 2000. Vol. 23. No 4. P. 475–486.

Ellis 1996 – *Ellis M., Conway D., Bailey A.J.* The Circular Migration of Puerto Rican Women: Towards a Gendered Explanation // International Migration. 1996. Vol. 34. No 1. P. 31–64.

Elmhirst 2000 – *Elmhirst R.* A Javanese Diaspora? Gender and Identity Politics in Indonesia's Transmigration Resettlement Program // Women's Studies International Forum. 2000. Vol. 23. No 4. P. 487–500.

Employment 2014 – Employment Situation Summary [2014]: Independence – A New Version of the American Dream / Bureau of Labor Statistics. URL: https://www.bls.gov/news.release/ empsit.nr0.htm

Erickson 1972 – *Erickson C.H.* Invisible Immigrants: The Adaptation of English and Scottish Immigrants in Nineteenth-Century America. Coral Gables (Fla): University of Miami Press, 1972. 531 p.

Esman 1986 – *Esman M.J.* Diasporas and International Relations // Modern Diasporas in International Politics / ed. by Sheffer G. London: Croom Helm, 1986. 349 p.

Fairlie 2013 – *Fairlie R.W.* Silicon Valley programmer earnings in the 1990 years // Journal of Economics & Management Strategy. Vol. 22, No. 2. Summer 2013. P. 365–389.

Favell 2019 – *Favell A.* Intagration: twelve propositions after Shinkel // Comporative Migration Studies. 2019. No. 7, Article number: 21.

Feliciano 2017 – *Feliciano C., Lanuza Y.R.* An Immigtrant Paradox? Contextual Attainment and Intergenerational Educational Mobility // American Sociological Review. 2017. No. 82 (1). P. 211–241.

Fincher 1997 – *Fincher R.* Gender, Age and Ethnicity in Immigration for an Australian Nation // Environment and Planning A: Economy and Space. 1997. Vol. 29. No 2. P. 217–236.

Fox 2012 – *Fox C.* Three Worlds of Relief: Race, immigration, and the American Welfare State from the progressive era to the new deal. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2012. P. 13–21.

Gabaccia 2012 – *Gabaccia D.R.* Foreign Relations: American Immigration in Global Perspective. Princeton: Princeton University Press, 2012.P. 1–13.

Gatbonton 2005 – *Gatbonton E.* Learners' ethnic group affiliation and L2 pronunciation accuracy: A sociolinguistic investigation // TESOL Quarterly. 2005. Vol. 39. P. 489–511.

Geerz 1973 – *Geerz C.* The Interpretation of Cultures. New York: Basic Books, 1973. 470 p.

Gellner 1983 – *Gellner E.* Nations and Nationalism. Blackwell, 1983. P. 56–86.

Gerber 2006 – *Gerber D.* Authors of Their Lives: The Personal Correspondence of British Immigrants to North America in the Nineteenth Century. New York: New York University Press, 2006. 433 p.

Ghaffarian 1987 – *Ghaffarian S.* The Acculturation of Iranians in the United States // Journal of Social Psychology. 1987. Vol. 127. No 6. P. 565–571.

Ghert-Zand 2018 – *Ghert-Zand R.* Vast, young San Fran Jewish community is growing – but unaffiliated, says study // The Times of Israel. 14.02.2018. Цит. в тексте по: Лехаим: Литературно-публицистический альманах. 18.02.2018. URL: https://lechaim.ru/news/ogromnaya- molodaya-evrejskaya-obshhina-san-frantsisko-rastet-govorit-issledovanie/

Gibson 1977 – *Gibson G.* Public broadcasting: The Role of the federal government, 1912–1976. London; N.-Y.: Praeger Publishers, 1977. 236 p.

Gidwani 2003 – *Gidwani V., Sivaramakrishnan K.* Circular Migration and the Spaces of Cultural Assertion // Annals of the American Association of Geographers. 2003. Vol. 93. No 1. P. 186–213.

Grynev 2020 – *Grynev A.V.* Russian Colonization of Alaska: Baranov's Era, 1799–1818. Lincoln: Nebraska University Press, 2020. 269 p.

Hirsch 1988 – *Hirsch E.D., Jr.* Cultural Literacy: What Every American Needs to Know. New York: Vintage, 1988. 253 p.

Hofstede 1984 – *Hofstede G.* Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values. London: Sage Publications, 1984. 327 p.

Hollander 1969 – *Hollander P.* Discrimination. Ethnic Minorities // American and Soviet Society: A Reader in Comparative Sociology and Perception / P. Hollander, ed. Englewood Cliffs (NJ): Prentice Hall, Inc., 1969. P. 284–288.

Hoorwich 1926 – *Hoorwitch I.A.* Immigration and Labor. Washington, 1926.

Hourwich 1912 – *I.A. Hourwich, I.A.* Immigration and labor. The economic aspects of European immigration to the United States. / I.A. Hourwich. New York: G.P. Putnam's Sons, 1912.-564 p.

Hyndman 2004 – *Hyndman J., Walton-Roberts M.* Special Issue on Engendering Transnational Migration // Identities: Global Studies in Culture and Power. 2004. 7(4). 2001 (?)

Kichorowska-Kebalo 2007 – *Kichorowska-Kebalo M.* "Exploring Continuities and Reconciling Ruptures: Nationalism, Feminism, and the Ukrainian W omen's Movement from the Mid- Nineteenth Century to the Eve of the Twenty-First // Aspasia. 2007. March. No. 1. P. 36–60.

Klinchenko 2000 – *Klinchenko T., Malynovska O., Mingazutdinov I., Shamshur O.* Migrant Trafficking and Human Smuggling in Ukraine // Migrant Trafficking and Human Smuggling in Europe: Review of the Evidence with Case Studies from Hungary, Poland and Ukraine. Geneva: IOM, 2000. P. 329–416.

Klokiw 2020 – *Klokiw A.N.* A Fifth Wave? Contemporary Comparative Study of Ukrainian Immigration to the United States, 1879-2019 // Texas Law Review. 2020. Vol. 98. No 4. P. 757–789.

Kluckhohn 1988 – *Kluckhohn C.* The Gift of Tongues // The Harper and Row Reader / ed. Booth W.C., Gregory M.W. New York: Harper and Row Publishers, Inc., 1988. 846 p.

Kofman 1997 – *Kofman E., England K.* Guest Editorial. Citizenship and International Migration: Taking Account of Gender, Sexuality, and 'Race' // Environment and Planning A: Economy and Space. 1997.Vol. 29. No 2. P. 191–193.

Kohuska 1952 – *Kohuska N.L.* Чверть століття на громадській ниві, 1926–1951: історія союзу Українок Канади = Twenty-five years of the Ukrainian Women's Association in Canada, 1926–1951. Vinnipeg, 1952.

Korelitz 1995 – *Korelitz S.* A Magnificent Piece of Work': the Americanization Work of the National Council of Jewish Women // American Jewish History.1995. No. 83(2). P. 177–203.

Koshulap 2010 – *Koshulap I.* Once Again about the Generation Gap: Women of Ukrainian Descent in the U.S.A. and their Community-Building Efforts //

UCLA – Center for the study woman. 2010. // URL: https://escholarship.org/uc/item/59p5g3b3 / (дата обращения 12.07.2024)

Kurtz 2009 – *Kurtz H.* Anchors Oblige Public's Craving for Tweets // Washington Post. 23.02.2009. URL: https://www.pressreader. com/ usa/the-washington-post/20090223/282166467085287

Law 2000 – *Law L.* Sex Work in Southeast Asia: The Place of Desire in a Time of AIDS. London; New York: Routledge, 2000. 158 p.

Leerssen 2018 – *J. Leerssen J.* Imagology: On Using Ethnicity to Make Sense of the World [Электронный ресурс] // Iberic@. 2016. No 10. Les stéréotypes dans la construction des identités nationales depuis une perspective transnationale: dossier monographique. URL: http://imagologica.eu/cms/UPLOAD/Imagology2016.pdf (дата обращения: 03.03.2018).

Leiden 1990 – *Leiden W.R., Neal D.L.* Highlights of the U.S. Immigration Act of 1990 // Fordham International Law Journal. 1990. Vol. 14. No 1. P. 328–339.

Levchenko 2006 – *Levchenko K., ed.* Problems of Children of Migrant Workers: An Analysis of the Situation. Kyiv: TOV Agenstvo "Ukraiina", 2006.

Levi 1992 – *Levi G.* On Micro-History // New Perspectives on Historical Writing / P. Burke, ed. Pennsylvania: Pennsylvania State University Press, 1992. P. 93–113.

Lewis 1966 – *Lewis O.* La Vida. Puerto Rican Family in the Culture of Poverty. New York: Random House, 1966. 669 p.

Light 1989 – *Light D., Keller S. Calhoun C.* Sociology. 5th ed. New York: Knopf, 1989. 706 p.

Llewellyn 2000 – *Llewellyn M.* Riders to the Midnight Sun: From the Black Sea to the Russian Arctic. Sydney: New Holland Publishers, 2000. 235 p.

Longhurt 2000 – *Longhurt R.* Geography and Gender: Masculinities, Male Identity and Men // Progress in Human Geography. 2000. Vol. 24. No 3. P. 439–444.

Lourie 1989 – *Lourie R., Mikhalev A.* Why You'll Never Have Fun in Russian // New York Times. June 18, 1989. Sec. 7. P. 1.

Lusmägi – *Lusmägi S.* The Next Wave of Digital Nomads – Student Nomad. URL: https://medium.com/@sandralusmgi/the-next-wave-ofdigital-nomads-student-nomads-f0b16a4c7517

Lybeck 2002 – *Lybeck K.* Cultural identification and second language pronunciation of Americans in Norway // The Modern Language Journal. 2002. Vol. 86. P. 174–191.

Mahler 2001 – *Mahler S., Pessar P.* Gendered Geographies of Power: Analysing Gender Across Transnational Spaces // Identities: Global Studies in Culture and Power. 2001. Vol. 7. No 4. P. 441–459.

Malynovska 2011 – *Malynovska O.A.* Socio-economic and Ethno-cultural Consequences of Migration for Ukraine. Conference Paper. 27 September 2011. Kyiv: NIIS, 2011.

Martin 1999 – *Martin J.N., Nakayama T.K.* Intercultural Communication in Contexts.Mountain View (Ca): Mayfield Publishing Co., 1999. 364 p.

Mead 1988 – *Mead M*. The Application of Anthropological Techniques to Cross-National Communication // The Harper and Row Reader / ed. Booth W.C., Gregory M.W. New York: Harper and Row Publishers, Inc., 1988. 846 p.

Miller 2001 – *Miller P., Johnson Th. H.* Puritans: A Sourcebook of Their Writings. New York: Dover Publications, 2001. 880 p.

Min 2009 – *Min Pyong Gap*. Patterns of Intermarriages and Cross-Generational In-Marriages among Native-Born Asian Americans // International Migration Review. 2009. № 43 (3). P. 447–470.

Min 2012 – *Min Pyong Gap*, Kim Chigon. The Korean American Family // Ethnic Families in America: Patterns and Variations. New York: Pearson, 2012. P. 148–198.

Mincer 1974 – *Mincer J.* Schooling, Earnings, and Experience. New York: National Bureau of Economic Research, 1974. P. 152.

Miscevic 2001 – *Miscevic N.* Nationalism and Beyond: introducing moral debate about values. Budapest, 2001.

Mohl 1981 – *Mohl R.* The International Institute Movement and Ethnic Pluralism // Social Science. 1981, Winter. No. 56:1.

Momsen 1999 – *Momsen J.H.* (ed.) Gender, Migration and Domestic Service. London: Routledge, 1999. 328 p.

Montaigne 1998 – *Montaigne F*. Reeling in Russia. New York: St. Martin's Grifin, 1998. 275 p.

Moore 2001 – *Moore D.C.* Is the Post- in Postcolonial the Post in Post-Soviet? Toward a Global Postcolonial Critique // PMLA. 2001. Vol. 116. No 1. P. 111–128.

Morris 2004 – Morris, R.A. Old Russian ways: cultural variations among three Russian groups in Oregon. / R.A. Morris. New York: AMS Press, 1991.- 398 p.68.0utman, J.L. U.S. immigration and migration. Biographies / J.L. Outman. — Detroit: U.X.L., 2004. 229 p.

Nagar 2002 – *Nagar R., Lawson V., McDowell L., Hanson S.* Locating Globalization: Feminist (Re)readings of the Subjects and Spaces of Globalization // Economic Geography. 2002.Vol. 78. No 3. P. 257–284.

Nagel 2001 – *Nagel C.* Hidden Minorities and the Politics of 'Race': The Case of British Arab Activists in London // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2001. Vol. 27. No 3. P. 381–400.

Ngai 2004 – *Ngai, Mae M*. Impossible Subjects: Illegal Aliens and the Making of Modern America.Princeton (NJ): Princeton University Press. 2004. 377 p.

Norton 1989 – *Norton M.*, ed. Major Problems in American Women's History. Documents and Essays. Lexington: D.C. Health and Company, 1989. 420 p.

Nystrom 2000 – *Nystrom C.L*. Symbols, Thought, and Reality: The Contributions of Benjamin Lee Whorf and Susanne K. Langer to Media Ecology // New Jersey Journal of Communication. 2000. Vol. 8. No 1. P. 8–33.

Oberg 1966 – *Oberg K.* Culture Shock. Paper Presented to the Women's Club of Rio de Janeiro. August 3, 1954 // Practical Anthropology. 1966. No 7. P. 177–182.

O'Reilly 2007 – *O'Reilly T.* What is Web 2.0: Design Patterns and Business Models for the Next Generation of Software // Communication & Strategies. 2007. No 65. P. 17–37.

Pajo 2008 – *Pajo E.* International Migration, Social Demotion and Imagined Advancement: An Ethnography of Socioglobal Mobility. New York: Springer, 2008. 214 p.

Parry 1967 – *Parry A.* America learns Russian: A history of the teaching of the Russian language in the United States. Syracuse: SyracuseUniversityPress, 1967.

Pawlak 2012 – *Pawlak J., Sivakumar A., Polak J.W.* Digital Lifestyle, Physical Mobility and Value of Time in the Age of Nomadism and Polychronicity. London: Imperial College Business School, 2012. URL: http://www3.imperial.ac.uk/ /business-school/

Pawliczko 1994 – Pawliczko A.L. *Ukrainian Immigration: A Study in Ethnic Survival // Center for Migration Studies special issues. 1994. Vol. 11. No 1:* The Immigration Experience in the United States: Policy Implications. P. 88–110.

Persons 1983 – *Persons S.* American Minds: A History of Ideas. Malabar (Fla): Krieger Publishing Company, 1983.

Pipes 1969 – *Pipes R.* The Forces of Nationalism // American and Soviet Society: A Reader in Comparative Sociology and Perception / P. Hollander, ed. Englewood Cliffs (NJ): Prentice Hall, Inc., 1969. P. 309–316.

Portes 1993 – *Portes A., Zhou M.* The new second generation: Segmented assimilation and its variants // Annals of the American Academy of Political and Social Sciences. 1993. No. 530. P. 74–96.

Pratt 1994 – *Pratt G., Hanson S.* Geography and the construction of difference // Gender, Place and Culture: A Journal of Feminist Geography. 1994: Vol. 1. No 1. P. 5–29.

Rader 1970 – *Rader J.* By the Skill of Their Hands: The Story of Focus: The Women's American ORT Leadership Newsletter Geneva, 1970]. https://ortarchive.ort.org/media/documents/history-books/by-the-skill-of-their-hands-the-story-of-ort-by-jack-rader-geneva-wou-

Ramsey 2015 – Ramsey, Paul J. A Americanization// The Wiley Blackwell Encyclopedia of Race, Ethnicity, and Nationalism, Oxford, UK: John Wiley & Sons, Ltd, 2015. PP. 1-2

Reilly 1931 – *Reilly W.J.* The Law of Retail Gravitation. New York: Knickerbocker Press, 1931.

Resolutions 1951 – Resolutions Passed at the Second Congress of Americans of Ukrainian Descent // The Story of the Ukrainian Congress Committee of America (1940–1951). New York: Ukrainian Congress Committee of America, 1951.

Richmond 1996 – *Richmond Y.* From Nyet to Da: Understanding the Russians. Yarmouth (ME): Intercultural Press, 1996. 191 p.

Robertson 1992 – *Robertson R.* Globalization: Social Theory and Global Culture. London: Sage Publications, 1992. 224 p.

Robertson 1995 – *Robertson R.* Glocalization: Time-Space and Homogeneity-Heterogeneity // Global Modernities / Featherstone M., Lash S., Robertson R., eds. London: Sage Publications, 1995. P. 25–44.

Rogers 1984 – *Rogers E.M., Larsen J.K.* Silicon Valley Fever: Growth of High-Technology Culture. New York: Basic Books, 1984.

Rutherford 1987 – *Rutherford W.* Second language grammar: Learning and teaching. N.Y.: Longman, 1987.

Ryazantsev 2018 – Ryazantsev S.V., Sivoplyasova S.Yu. Russian women in the international marriage market: ways of migration and adaptation in host societies. Monitoring of Public Opinion: and Social Changes. 2018. No. 5. P. 183–203.

Schmitz 2001 – *Schmitz P.G.* Psychological Aspects of Immigration // Cross-cultural Topics in Psychology / L.L. Adler, U.P. Gielen (Eds). Westport: Praeger, 2001. P. 229–243.

Schoon 2006 – *Schoon I.* Risk and Resilience: Adaptations in Changing Times. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 6–23.

Sheffer 2003 – *Sheffer G.* Diaspora Politics: At Home Abroad. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 208 p.

Shipler 1989 –*Shipler D.K.* Russia: Broken Idols, Solemn Dreams. Penguin Books, 1989. 462 p.

Smith 1983 – *Smith A.D.* Nationalism and Classical Social Theory." The British Journal of Sociology. 1983. Vol. 34, no. 1. P. 19–38.

Sodowsky 1991 –*Sodowsky G.R., Lai E.W., &Plake B.S.* Moderating Effects of Sociocultural Variables on Acculturation Attitudes of Hispanics and Asian Americans //*Journal of Counseling & Development.* 1991. Vol. *70. No* 1. P. 194–204.

Statistical 2004 – Statistical Abstract of the United States. 2004–2005 / U.S. Census Bureau. Wash. D.C., 2004. 1006 p.

Statistical 2012 – Statistical Abstract of the United States. 2012 / U.S. Census Bureau. Wash. D.C., 2012.

Steiner 1975 – *Steiner G.* After Babel. Aspects of Language and Translation.London: Oxford University Press, 1975. 507 p.

Stephen 1996 – *Stephen W.G., Abalakina-Paap M.* Russia and the West // Handbook of Intercultural Training / D. Landis, R.S. Bhagat (eds). Thousand Oaks (CA): Sage Publications, 1996. (460 p.) P. 366–382.

Stetson 1991 – *Stetson D.* Women's Rights in the USA Policy Debates and Gender Roles (Belmont, California: Brooks/Cole Publishing Company, 1991. P. 14–18.

Storti 1990 –*Storti C.* The Art of Crossing Cultures. Yarmouth (ME): Intercultural Press, 1990. 306 p.

Storti 1994 –*Storti C.* Cross-Cultural Dialogues: 74 Brief Encounters with Cultural Difference. Yarmouth (ME): Intercultural Press, 1994. 140 p.

Sutela 2012 – *Sutela P.* The Underachiever: Ukraine's Economy Since 1991 / Carnegie Endowment for International Peace. March 9, 2012. URL: https://perma.cc/STC2-BK84

Tannen 1990 – *Tannen D.* You Just Don't Understand: Women and Men in Conversation. New York: Ballantine Books, 1990. 330 p.

The Ukrainian Heritage 1991 – The Ukrainian Heritage in America. New York: Ukrainian Congress Committee of America, 1991. 690 p.

Thompson 2019 – *Thompson B.Y.* 'I get my lovin' on the run': Digital Nomads, Constant Travel, and Nurturing Romantic Relationships // Nash C.,

Gorman-Murray A. (eds). The Geographies of Digital Sexuality. Singapore: Palgrave Macmillan, 2019. P. 69–90.

Tomlinson 1999 – *Tomlinson J.* Globalization and Culture. Cambridge: Polity Press, 1999. 248 p.

Triandis 1994 – *Triandis H.C.* Culture and Social Behavior. New York: McGrawHill, 1994. 320 p.

Turner 1982 – *Turner J.C.* Towards a Cognitive Redefinition of the Social Group // Social Identity and Intergroup Relations / Tajfel H., ed. Cambridge: Cambridge University Press. 1982. P. 15–40.

Viereck 2006 – *Viereck P.* Conservatism. From John Adams to Winston Churchill / P. Viereck. New Brunswick: Transaction Publishers, 2006. 191 p.

Vynnychenko 1993 – *Vynnychenko I. et al.* Ukrainians of the Eastern Diaspora: An Atlas. Edmonton: Canadian Institute of Ukranian Study, 1993.

Walton-Roberts 2004 – *Walton-Roberts M.* Rescaling Citizenship: Gendering Canadian Immigration Policy // Political Geography. 2004. Vol. 23. No 3. P. 265–281.

Ward 1996 – *Ward C.* Acculturation // Handbook of Intercultural Training / D. Landis, R.S. Bhagat (eds). Thousand Oaks (CA): Sage Publications, 1996. (460 p.) P. 124–147.

Ward 1999 – *Ward S.* An Investigation into the Effectiveness of an Early Intervention Method for Delayed Language Development in Young Children // International Journal for Language & Communication Disorder.1999. Vol. 34. No 3. P. 243–246.

Weaver 1993 – *Weaver G.R.* Understanding and Coping with Cross-Cultural Adjustment Stress// Education for the Intercultural Experience / ed. by R.M. Paige. Yarmouth (ME): Intercultural Press, 1993. P. 137–167.

Weinreich 1991 – *Weinreich P.* Ethnic Identities and Indigenous Psychologies in Pluralist Societies. Psychology and Developing Societies. 1991. Vol. 3. No 1. P. 73–92. DOI: 10.1177/097133369 100300105

Werner 1985 – *Werner P.D., LaRussa G.W.* Persistence and Change in Sex-Role Stereotypes // Sex Roles: A Journal of Research. 1985. Vol. 12. No 9/10. P. 1089–1100.

Wertheimer 2008 – *Wertheimer J.* What does Reform Judaism Stand for? // Commentary. 2008. June. URL: https://www.commentary.org/articles/jack-wertheimer/what-does-reform-judaism-stand-for/

Wierzbicka 1997 –*Wierzbicka A.* Understanding Cultures Through Their Key Words: English, Russian, Polish, German and Japanese.New York: Oxford University Pres, 1997. 317 p.

Wolowyna 2015 – *Wolowyna O.* The Situation in Ukraine and Challenges for the Ukrainian Community in the U.S. // The Ukrainian Weekly. October 16, 2015.

Wynar 1986 –*Wynar L.R.* Guide to the American Ethnic Press. Slavic and East European Newspapers and Periodicals. Kent, Ohio: Kent State University Center. 1986. 280 p.

Yearbook 2012 – Yearbook of Immigration Statistics: 2012. Washington, D.C.: U.S. Department of. Homeland Security. Office of Immigration Statistics, 2013. 124 p.

Yee 1997 – *Yee Shirley.* The 'Women' in Women's Studies // Differences: A Journal of Feminist Cultural Studies. 1997. Vol. 9. No 3.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Нормативные акты

Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП (б) – ВКП (б). 1922-1952 . М. 2000. С. 356-357

Закон Браунелла-Батлера, 1954

Закон Маккарена-Вуда («Закон о внутренней безопасности», 23 сентября 1950 г.)

Закон СССР «О порядке выезда из Союза Советских Социалистических Республик и въезда в Союз Советских Социалистических Республик граждан СССР» от 20.05.1991 № 2177-1 [вступил в силу на территории РФ 01.01.1993, постановление ВС РФ 22.12.1992].

Закон США 1948 г. о перемещенных лицах.

Кодекс законов США, часть 1, подраздел IV, глава 12, раздел 19, статья 2432, пункт (a).

Конвенция о борьбе с дискриминацией в области образования. Принята 14.12.1960.URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/educat.shtml.

Конвенция ООН о статусе беженцев. Принята 28.07.1951. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/refugees.shtml

Международные акты о правах человека**:** сборник документов /Комисия по правам человека при Президенте Рос. Федерации, Ин-т государства и права РАН**.** 2000 г**.** Шифр: Б2-3510

Международный пакт о гражданских и политических правах. Принят резолюцией 2200 A (XXI) Генеральной Ассамблеей от 16.12 1966 г.

Года https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml

Нормативный акт гл. 1, ст. 1, п. А2

Нормативный акт гл. 5, ст. 33). URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=12646&ysclid=m4ehafndf6343973475

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о прекарщении издания академической периодики на иностранных языках 16.07.1947 // https://alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/69350

Постановление Совета министров СССР от 3 августа 1972 г. №573 //https://docs.cntd.ru/document/765702363?ysclid=m9a954p8i698812030

Указ Президента Украины от 06.04.2011 № 1085/200, утвержденный Постановлением Кабинета Министров Украины №360 от 20.08.2014

Федеральный Закон о порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию от 15 августа 1996 г. №114-ФЗ (Принят Государственной Думой 18 июля 1996 г.)

Федеральный закон от 24 мая 1999 г. № 99-ФЗ “О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом”], утвержденный постановлением Правительства РФ от 31 августа 1994 г. №1064.

Classes of Immigrants Issued Visas at Foreign Service Posts Fiscal Years 2013-2017.

Displaced Persons Act of 1948 [Законоперемещенныхлицах]. Public Law 80-774, 1948. 80th Congress. URL: https://www. govinfo.gov/content/pkg/FR-1948-11-18/pdf

Immigrant and Nonimmigrant Visas Issued at Foreign Service Posts Fiscal Years 2013 – 2017Immigrant Visas Issued (by Foreign State of Chargeability or Place of Birth) Fiscal Year 2017

Immigrant Visas Issued and Adjustments of Status Subject to Numerical Limitations Fiscal Year 2022

Immigration and Nationality Act [Законобиммиграции и гражданстве]. Public Law 8 U.S.C. 1952. URL: https://www.uscis.gov/laws-and-policy/legislation/immigration-and-nationality-act

NEDAnnualReport, 2000, p. 47 (Международный пакт о гражданских и политическсих правах 1966 г.).

Refugee Act of 1980 [Законобеженцах]. Public Law 96-212 – mar.17. 1980. 96th Congress. URL: https://www.govinfo.gov/ content/pkg/STATUTE-94/pdf/ STATUTE -94-Pg102.pdf

Официальная статистика США

American Community Survey — Advanced Search: B06009: Place of Birth by Educational Attainment in the United States. Accessed September 2, 2024.

Characteristics of H-1B Specialty Occupation Workers: Fiscal Year 2023 Annual Report to Congress. Washington, DC: DHS.

Immigration-Related Statistics. Russian American Demographics 1993// https://cis.org/Report/ImmigrationRelated-Statistics-1993].

Institute of International Education (IIE). 2024. *Open Doors Report on International Educational Exchange*. New York: IIE.

Language Spoken at Home: 2000 // United State Census Bureau (Датаобращения 19.12.2012)

Migration Policy Institute (MPI), Migration Data Hub. N.d. Educational Attainment of U.S. Adults (ages 25 and over) by Nativity and Country of Birth, 2022. Accessed September 9, 2024.

Population Reference Bureau, Inc., 1993 World Population Data Sheet, WDC, April 1993.

U.S. Bureau of the Census, Current Population Reports, P-25-1092, "Population Projection of the United States...," by Jennifer Day, GPO, WDC, 1992.

U.S. Bureau of the Census, Current Population Reports, P-25-1018, "Projections of the Population of the United States...," by Gregory Spencer, GPO, WDC, 1989.

U.S. Bureau of the Census, Population Division, The Foreign-Born Population in the United States: 1990, Pub. CPH-L-98, by Susan Lapham, WDC, 1993.

U.S. Census Bureau. 2024. 2022 American Community Survey. Access from Steven Ruggles, Sarah Flood, Matthew Sobek, Daniel Backman, Annie Chen, Grace Cooper, Stephanie Richards, Renae Rodgers, and Megan Schouweiler. IPUMS USA: Version 15.0 [dataset]. Minneapolis, MN: IPUMS, 2024.

U.S. Department of Homeland Security (DHS). 2023. *2022 Yearbook of Immigration Statistics*. Washington, DC: DHS Office of Homeland Security Statistics.

U.S. Department of Justice, Immigration and Naturalization Service, 1991 Statistical Yearbook, NTIS order No. PB 92-205699, WDC, September 1992.

U.S. Department of Justice, Immigration and Naturalization Service, preliminary statistics for FY-1992 covering Table 4 data and Detail Run 401, WDC, 1993.

U.S. Department of State, Bureau of Refugee Programs, World Refugee Report, WDC, June 1992.

U.S. Immigration and Naturalization Service. Statistical Yearbook of the Immigration and Naturalization Service: 1991–2001. Washington, D.C.: U.S. Immigration and Naturalization Service, 1997 to 2003.

Статистические материалы

Росстат // URL:http://www.gks.ru

Российская Федерация в 1990 г. Статистический ежегодник // https://istmat.org/node/18226

Русская диаспора США в первой половине XX века: уроки истории (вэб приложение Роскульта // https://roscult.org/archives/1315

Census 2000 Summary File 3 (SF 3) – SampleData

OECD, URL:http://www.oecd.org/els/mig/keystat.htm

Statista (Институт статистических исследований США) // https://www.statista.com/statistics/183483/ranking-of-languages-spoken-at-home-in-the-us-in-2008/?__sso_cookie_checker=failed

Труд и занятость в России: статистический сборник. Официальное издание // Федеральная служба государственной статистиеи Российской Федерации. Статистические материалы. 2023

Архивные документы

Архив Музея русской культуры в Сан-Франциско (США): Ф. "Деловая комиссия помощи русским на Тубабао" Ф. "Комитет помощи русским военным инвалидам Зарубежья в Сан-Франциско" №3491.

Архив Гуверовского института Стэнфордского университета (StanfordUniversity, HooverInstitutionArchives)

Бюллетень Объединения кадет российских кадетских корпусов в Венесуэле № 41. Каракас, 1995. С. 38–39.

ГАРФ. Ф. 10143. Оп. 20. Д. 7. «Тубабаознает», 1949.

Решение Политбюро ЦК ВКП (б) от 16 июля 1947 г. Протокол №59, пункт 57 (10). Цит. по: Архив Александа Н. Яковлева// https://alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/69350

Справочник фондов ГА РФ. Фонды Государственного архива РФ по истории белого движения и эмиграции. М., 1999. С. 182.

Периодические издания

Американский еврейский ежегодник.

Большой Вашингтон: Международный журнал русского зарубежья – ежемесячное издание, 1996–2011.

Большой Вашингтон. 2005. № 6(41): 51.

Вера в победу – печатный орган Российского имперского союза (Нью-Йорк), 1940–1941.

Журнал Огонек 1961 июль

Журнал Огонек 2015

Записки Русской академической группы в США – литературно-художественный альманах (Нью-Йорк), 1967–2016.

Зарница – ежемесячный литературный и научно-популярный журнал (Нью-Йорк), 1925–1927.

Известия, 1 августа1946 г.

Новое русское слово – газета, издававшаяся в Нью-Йорке в 1910–2010-е годы

Однокашники – периодический журнал Объединения в С.Америке бывших воспитанников Российских Кадетских корпусов. Г. Нью-Йорк, 1929 г.

Россия – еженедельная газета (Нью-Йорк), 1933–1973.

Русская Америка – газета (Норман, Оклахома), издается с 2002 г.

Русская жизнь – газета (Сан-Франциско, Калифорния), издается с 1921 г.

Русский американец – бюллетень Конгресса русских американцев (Нью-Йорк), 1974–1988, 1995–2021.

Русский бизнес и община, газета. 1998; 2005.

American Jewish Press Association.

Focus: The Women’s American ORT Leadership Newsletter

Free World Call Made By Truman"// The New York Times. November 6, 1949

The Washington Post. 25 may 1940. P.6.

Электронные ресурсы

Atlas of Ukrainians in the United States. 19.23.018 // EastEuroBooks // http://www.eebooks.de/ATLAS-of-Ukrainians-in-the-United-States/en

Batalova J. College-Educated Immigrants in the United States // migrationpolicy.org. 2016-02-02. Retrieved 2017-04-22/02

Census 2000 Summary File 3 (SF 3) - Sample Data

Center for Immigration Studies. Hisforical Overview of Immigration Policy. URL: http://cis.org/Historical-Overview-Immigration-Policy

Do Ukrainian women like American men? URL.:https://uabrides.org/guides/do-ukrainian-girls-like-american-men/ (Дата обращения 11.12.2019)

http://www.ladyfromrussia.com/karnaval/usa/mar_love.shtml

http://www.privet.com/ubb/smile.gif[/img:d7c1425ce6

https://ladyfromrussia.com/amerikanskie-shkoly-2-chast

https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panora ma/12967353

Language Spoken at Home: 2000 // United State Census Bureau (Дата обращения 19 декабря 2012)

The Jewish Community Federation of San Francisco, the Peninsula, Marin and Sonoma Counties). https://www.jewishdatabank.org/content/upload/bjdb/2017_BayArea_Portrait_Jewish_Life_CommunityStudyHighlights.pdf

Top Diaspora Groups in the United States, 2023 // Migration Police Institute. URL: https://www.migrationpolicy.org/programs/data-hub/charts/top-diaspora-groups-united-states-2023 158

USIU, Tech Republic launch Innovation Boot Camp to equip teens with coding skills. URL: https://techtrendske.co.ke/2015/08/24/usiu-tech-republic-launch-innovation-boot-camp-to-equip-teens-with-coding-skills/ Дата обращения 24.08. 2015 г.

Американцам не хватает эмоций, в них нет искры: россиянка о мужчинах в США. URL: https://dzen.ru/a/XSsDL5mO1gCs-a58// (Дата обращения 14.07.2019).

Антошин А.В. Эмиграция и репатриация советских евреев в 1960-1970-е гг. и отражение этих процессов в прессе). (Цит. по: Ж-л «Огонек». URL: https://www.kommersant.ru/doc/2850060?ysclid=m9bmblefjy652848755 (Дата обращения 16.11.2015).

Бакмастер В. Американские школы. URL: http://ladyfromrussia.com/karnaval/usa

Будняцкая А. 2025 Русская школа Оранж Каунти. URL: https://rusoc.com/our-history/

Бюджет типичной американской семьи. URL: https://skysheep.livejournal.com/130757.html?ysclid=m0gqamy8we214632256

В погоне за лучшей работой и большими деньгами: как джоб-хоппинг стал мировым трендом. URL: https://www.forbes.ru/forbeslife/454269-v-pogone-za-lucsej-rabotoj-i-bol-simi-den-gami-kak-dzob-hopping-stal-mirovym-trendom (Дата обращения 01.02.2022)

В США женщинам в ИТ платят меньше, чем мужчинам. А что в России? URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:В_США_женщинам_в_ИТ_платят_меньше,_чем_мужчинам._А_что_в_России (Дата обращения 07.03.2019)

Вопрос к живущим в Америке. URL.: https://forum.govorimpro.us/t/вопрос-к-живущим-в-америке/5778/21

Глущенко В. Почему российские специалисты массово не переезжают в Америку) URL: https://www.comnews.ru/content/220590/2022-06-09/2022-w23/pochemu-rossiyskie-it-specialisty-massovo-ne-pereezzhayut-ameriku?ysclid=llg4tv0yle379882785// (Дата обращения 09.06. 2022)

Говорим про Америку. URL: https://forum.govorimpro.us/

Голодец оценила разницу в зарплатах мужчин и женщин в России. URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5c78daa59a7947fe016e19dc (Дата обращения 01.03.2019)

Голос русскоязычной Америки. Новости США и мира на русском языке. URL: https://www.forumdaily.com/

Дина Ди. Ностальгия и культурный шок // URL: https://ruvek.mid.ru/publications/nostalgiya_i_kulturnyy_shok_5894/?TSPD_101_R0=08765fb817ab20009aa97ac0ee93938fa5ae40bbcc5a985e1a87e1e3b595cd39e8e43b2c0787137608ae7336fa143000261bee3b1d581df18549daf36d54a3afed6428903aca22a660387ae0e556a0b6a8c665d4a58230d721e522bb812df398 (Дата обращения 27.07.2011)

Дневники трат. URL: https://journal.tinkoff.ru/diary-razrabotchica-stokgolm/

Елена_S (США, Вашингтон). URL: https://www.newwoman.ru/zamuzh.html

Жена-спуглер не сильно отличается от кота. URL: https://ketiiiiiiii.livejournal.com/705242.html (Дата обращения 04.05.2018)

Женский клуб запада Хьюстона // Наш Техас. URL:

https://ourtx.com/archives/1612 (Дата обращения 23.12.2005)

Замуж за иностранцев выходят не из-за денег. URL: https://iz.ru/news/272196 (Дата обращения 24.01.2003)

Истории женщин, вышедших замуж за иностранца // NewWomen.ru. URL: https://www.newwoman.ru/zamuzh.html).

История программиста из 90-х. “Потерянные ребята” из IT, разработка бекданных и мечты о релокации в США в 2000-х. URL: https://techrocks.ru/2020/10/12/programmer-from-90s-it-history/

Как женщины теснят мужчин в ИТ-сфере. 2017. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Как_женщины_теснят_мужчин_на_ИТ-рынке_в_России_и_в_мире (Дата обращения 08.03.2017)

Как живут жены программистов Кремниевой долины. URL: https://losangeles.zagranitsa.com/article/6004/kak-zhivut-zheny-programmistov-v-kremnievoi-doline

Когда уходят на покой программисты? 35- это конец карьеры? URL: https://habr.com/ru/companies/vdsina/articles/558986/ (Дата обращения 25.05.2021)

Красивая американская жизнь. Про стадии в отношениях. URL: https://pikabu.ru/story/krasivaya_amerikanskaya_zhizn_pro_stadii_v_otnosheniyakh_3845037?ysclid=lsydazctq6145920982

Красота по-американски. URL: http://ladyfromrussia.com/karnaval/usa/

Кушать подано, господа! URL: http://ladyfromrussia.com/karnaval/usa/ .

Лео Мозес. Шоп, турка и бедрум: страшная болезнь, которая грозит «нашим» в США» // Телеграмм канал «За Бугром». URL: https://woman.forumdaily.com/shop-turka-i-bedrum-strashnaya-bolezn-kotoraya-grozit-nashim-v-ssha/ (Дата обращения 23.06.2011)

Марчант Т. 2009. За что я люблю Америку // URL: http://https://tatu.do.am/publ/11-1-0-13 (Дата обращения 30.01.2009)

Международная база данных GlobalCareersforWomeninTechnology 14.05.20/ URL: https://careers.unesco.org/content/Event---Global-Career-WIT/?locale=en_GB

Муртазин Э. Беженцы от IT – как Россию покидают IT-сециалисты и кто они. URL: https://mobile-review.com/all/articles/analytics/bezhenczy-ot-it-kak-rossiyu-pokidayut-it-speczialisty-i-kto-oni/// (Дата обращения 28.03.2022)

Объединения русской молодежи в Америке… URL: https://roscult.org/youth 107

Оплаты труда и доходы населения. Народное хозяйство СССР за 70 лет. Юбилейный статистический сборник. URL: https://istmat.org/node/9304.

Опрос 2018 г., № 14. https://www.ajc.org/news/survey2018 .

Опрос 2018 г., № 4. https://www.ajc.org/news/survey2018

Опрос 2018 г., №17. https://www.ajc.org/news/survey2018

Опрос AJC 2016 г. № 28 https://www.ajc.org/survey2016

Опрос AJC 2018, № 29.

Отношения с иностранцем: почему американцы не стремятся впечатлять женщин, как проявляют чувства и каким видят своего идеального партнера. URL: https://umagazine.ru/lifestyle/otnosheniya-s-inostrantsem-pochemu-amerikantsy-ne-stremyatsya-vpechatlyat-zhenshchin-kak-proyavlyayu/?ysclid=lsz4zv0o3i961029814 (Дата обращения 22.01.2021)

Почему в США вещают два русскоязычных телеканала? // Медиановости. URL.: https://lenizdat.ru/articles/1040742/(Дата обращения 13.06.2006. 14:48)

Почему после года жизни я уезжаю из Нью-Йорка. Рассказ веб-дизайнера Елены Базу. URL: https://rosinvest.com/novosti/1284870 (Дата обращения 18.10.2016)

Почему русские программисты не востребованы в США: 5 причин // Вверх! URL: https://zavistnik.com/5-veshhej-kotorye-meshajut-talantlivym-russkim-gejm-razrabotchikam-rabotat-na-amerikancev-i-poluchat-vysokij-dohod/?ysclid=liyj8t2jao75553141// (Дата обращения 15.02.22).

Почему этого не нужно делать или памятка для американских невест. URL: https://www.newwoman.ru/letter.php?id=3393// (Дата обращения 04.05.2022).

Представление американцев о российской женщине после развала СССР. URL: https://dzen.ru/a/X1nOctfM7xQrkE6f// (Дата обращения 10.09.2020).

Рогачевский. “Изнанка Штатов” со слов программиста, уехавшего туда в 90-е годы. 2019. URL: https://techrocks.ru/2019/03/11/relocate-to-usa-in-1990s/?ysclid=lirl1lpsdw303311216

Русская диаспора США в первой половине XX века: уроки истории (вэб приложение Роскульта. URL: https://roscult.org/archives/1315)

Русские программисты пожаловались на дискриминацию в Кремниевой долине. 10.11.2019. Секрет фирмы. URL:

https://secretmag.ru/news/russkie-programmisty-pozhalovalis-na-diskriminaciyu-v-kremnievoi-doline-10-11-2019.htm

Русские школы в США. URL: https://usa-24.ru/russkie-shkoly-v-ssha/

Русскоязычные телевизионные прораммы в США. URL: http://www.therussianamerica.com/web_NEWS/articles/5191/1/11/2/2010

Современный русский IT – предприниматель – кто он ? URL: (https://medium.com/letavc/современный-русскоязычный-it-предприниматель-кто-он-17d3301b2941

Спуглеры – жены айтишников-мигрантов. Как они борются со стрессом после переезда. URL.: https://style.rbc.ru/life/5adde3a59a794776e3cc64c5 (Дата обращения 25.04.2018)

Темная сторона работы программистом в Кремниевой долине. URL: https://devby.io/news/tyomnaya-storona-raboty-programmistom-v-kremnievoy-doline (Дата обращения 08.07.2016)

Уровень жизни в США. URL: https://vne-berega.ru/articles/otzyvy-o-stranakh/uroven-zhizni-v-ssha-otzyvy-russkikh-emigrantov.html?ysclid=m0gq4nqeyw536957096

Фонд LETA Capital составил портрет типичного русскоязычного IT-предпринимателя на основе больших данных // https://incrussia.ru/news/leta-capital-portret/ (Дата обращения 05.06.2020)

Хроника текущих событий 1973 г. Вып. 2, С. 71–73. URL: https://vtorayaliteratura.com/pdf/khronika_zashchity_prav_v_sssr_vyp02_1973__ocr.pdf?ysclid=m9aymlweza494478853).

Чем дальще в лес, тем больше дров? Консолидация зарубежных соотечественников – чем дальше в лес, тем… Русский месяц в Нью-Йорке. 24.04.2012. Клайпедская ассоциация российских граждан. URL: https://klaipeda1945.org/russkoe-zarubezhje/chem-daljshe-v-les-tem-boljshe-drov/

Чем умных женщин привлекает сфера BigData и искусственного интеллекта. 9 историй из России. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Чем_умных_женщин_привлекает_сфера_Big_Data_и_искусственного_интеллекта._9_историй_из_России (Дата обращения 07.03.2020)

ШломоГроман. Демонстрации против политических уступок. Вести. 18.07.2002. https://www.languages-study.com/harah/camp-david-demonstration.html

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

РООВА - Русским объединенным обществом взаимопомощи в Америке на территории штата Нью Джерси и просуществовавшая там вплоть до 1965 (с. 159)

КСОРС- Координационный совет организаций российских соотечественников в США

RAMA (Russian-American Medical Association) как интерактивной площадке для обмена опытом, а также об участии молодых докторов в «медицинских миссиях» RAMA

КРА – Конгресс русских американцев

AARCE «Русскоязычное сообщество Северной Америки: культура и просвещение»).

ААРКО – Американская ассоциация русского языка, культуры и образования

АСПРЯЛ – Американский совет преподавателей русского языка и литературы

URAA – Объединение российско-американских ассоциаций

ОПРД - Общество помощи русским детям

РСА - Radio Corporation of America

ФКР – Федеральная комиссия по радио

РПЦЗ – Русская православная церковь заграницей

МСРС – Международный совет российских соотечественников

РАКСИ - Русско-американский культурный центр («Наследие») - RACH-C — Russian — American Cultural Heritage Center

ЦИГСКРА - Центральная инициативная группа по созыву Конгресса русских американцев

UCCA - Украинский конгрессный комитет Америки

UWC -Всемирного Конгресса украинцев

CEEC - Центрально- и Восточноевропейская коалиция в США

SUSTA - Федерация украинских общественных организаций Америки

ODFFU - Организация защит четырех свобод для Украины

OOL - Организация защиты Левкищины

RODU - Совет помощи украинцам

ODWU -Организация за возрождение Украины

UNA – Украинская национальная организация

UNCUNA - Украинская национальная ассоциация кредитных союзов

UNIS - Украинская национальная информационная служба

UUARC - Объединенный украинско-американский комитет помощи

AJCon - Американский еврейский конгресс

OPT - Организация по реабилитации через обучение мирового масштаба

WAO - Women’s American OPT (Женская организация OPT)

UJC - United Jewish Comunities (Объединенные еврейские общины)

CJF - United Jewish Comunities (Совет еврейских организаций)

AJYB – Американский еврейский ежегодник
IRS – Налоговое ведомство США
JCPA – Еврейский совет по связям с общественностью
AJPA –Американская ассоциация еврейской прессы
AJC - American Jewish Press Association (Американская ассоциация еврейской прессы)
UN - Women Женщины ООН
WEDO - Women's Enviroment and Development Organization (Женская организация по охране и развитию окружающей среды)
WILPF - Women's International League for Peace and Freedom (Международня женская лига за мир и свободу)
BPWF - Business and Professional Women's Foundation (Женский профессионально-деловой фонд)
IFUW - International federation of University Women (Международная федерация университета женщин)
GFW - Global Fund for Women (Глобальный фонд для женщин)
NOW - National Organization for Women (National Organization for Women – Национальная организация для женщин
ABT – Ассоциация вычислительной техники
NSV - Next Silicon Valley

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

«РУССКИЙ МИР ВНЕ РОССИИ»
(экспертная оценка по материалам Г.А.Комаровой)

1). Как Вы считаете, существует ли в Калифорнии Русский мир (*русскоязычное сообщество, община*)? Община этнических русских в штате Калифорния существует, но по своей структуре и организации заметно уступает другим этническим анклавам – украинским, армянским, еврейским, литовским и т.д. Некоторая аморфность РО в Калифорнии объясняется несколькими факторами - относительно небольшим численным составом, космополитическим установками эмигрантов и особым целеполаганием, изначально не предусматривающим создание в США “уменьшенной копии России”.

2) Если «да», то что это такое – «русский мир вне России» (*далее – РМ* Формально РО управляется Конгрессом русских американцев - общественной организацией США, основанной в 1973 г., и объединившей тогда американских граждан русского происхождения, отрицающих коммунистическую идеологию. В 1999 г. Канцелярия Главного правления Конгресса переместилась из Наяка (штат Нью-Йорк) в г. Сан-Франциско и сегодня располагается в здании Русского центра

На западном побережье США активно проявляет себя и Российский Имперский Союз-Орден (РИС-О), оказывающий в том числе и спонсорскую поддержку функционированию Русского центра в Сан-Франциско. “Имперцы” представляют собой культурно-историческое ядро РО и ставят перед собой задачу сохранить русское духовное наследие в США. В последнее время РИС-О активно выступает за восстановление дружеских отношений между американских и русских народов и борется с русофобией в США.

Однако на повседневном уровне этнические русские в Калифорнии

фактически не получают какой-либо существенной поддержки со стороны этих организаций. Русский центр в Сан-Франциско приглашает эмигрантов, например, на празднование Нового года, но не ставит перед собой цели помочь им найти работу, не оказывает финансовой помощи и т.д. РО в Калифорнии – это немногочисленные посещения иммигрантами среднего и старшего возраста православных храмов, раздача пирожков по воскресеньям и православным праздникам (крещение детей, Рождество, Пасха и т.д.). Молодежь, как правило, избегает посещения православных храмов и стремится как можно быстрее “влиться” в американскую среду, отмечает государственные даты США и т.д.

На праздники в Русский центр приходят не только этнические русские, но и вообще все русскоязычные иммигранты Сан-Франциско, среди которых практически нет москвичей или петербуржцев – в основном это выходцы из городов Сибири, Урала или бывших республик СССР.

3) Как Вы думаете, какие факторы сплачивают и объединяют РМ? Одним из наиболее очевидных факторов объединения и сплочения русских на юго-западе США, безусловно, можно считать усилия потомков “белой” (первая, “харбинская” волна эмигрантов) иммиграции по сохранению своей русской идентичности. Как правило, это отлично образованные и успешные люди, в массе своей богатые, имеющие обширные связи в деловом и политическом мире, потомки беженцев дворянского происхождения и интеллигенции, покинувших страну в годы революции и гражданской войны.

Но их сегодняшний контингент состоит из очень “возрастных” иммигрантов первой, послереволюционной волны, которым в начале 2000 гг. уже было 70-90 лет. Дети и внуки “харбинцев” редко поддерживают проекты и начинания, инициированные их родителями. Более того, потомки “харбинцев” вообще не очень склонны держаться за свою “русскость” – женятся на азиатках (японках, особенно – на филиппинках и т.д.), уезжают

в другие страны, отказываются от близкого общения со своими родственниками, живущими в Сан-Франциско, нередко состоят с ними в глубоком и многолетнем конфликте.

Вторую волну представляют так называемые “перемещенные лица”,. Многие из них и сегодня сохраняют интерес к судьбам русской культуры, поэтому стараются объединять деятелей искусства литературы, театра, проживающих в США.

Третья волна – это, в основном лица еврейской этнической принадлежности. Либеральные иммиграционные законы в СССР 1960-1970- гг. способствовали массовому отъезду этой категории советских мигрантов. В 1970-е гг. о каком-либо стремлении объединить и сплотить русский мир вообще говорить не приходится. Из-за многочисленности “русских” мигрантов этой волны американцы, кстати, ввели квоты на беженцев. Лимит для беженцев из СССР в те годы был установлен в 50 тыс. чел в год. Стремление “семидесятников” как можно быстрее отмежеваться от СССР не способствовало поддержанию общинных и земляческих связей и в США. “Семидесятники” и сами не идентифицируют себя как “русские”, хотя являются носителями русского языка и базовое образование получали советского образца. Их главным кредо еще в те годы стал девиз: как можно меньше общаться с соотечественниками и как можно больше с американцами, чтобы побыстрее интегрироваться в новую среду и разорвать связи с Русским миром.

Четвертая волна русской эмиграции связана с либерализацией политического режима в России, начавшейся во второй половине 1980- хх. гг. В течение двух последующих десятилетий Русский мир в США пополнился представителями самых различных этнических групп, покидавших бывший Советский Союз. Каждая из этнических групп, владея русским языком как родным, все же создавала свой собственный культурный анклав.

В США официально существует несколько организаций, ответственных за поддержание и сплочение Русского мира. Но в основном это Конгресс русских американцев. Именно эта организация и ее основной печатный орган «Русский американец» проводят самую эффективную политику по сплочению русских в США. Из двух основных отделений КРА – Северно-Калифорнийское и Южно-Калифорнийске – наиболее активным является северное, с центром в СанФранциско, который и осуществляет наиболее достаточно высокую активность в стремлении сплотить Русский мир. Эта организация располагается в большом здании, имеет зрительныйм зал, уникальную библиотеку и даже собственный музей. Большую ценность представляет архив Русского центра, в котором собраны богатейшие нарративные материалы по всем четырем волнам русской миграции в США.

Русский Центр в основном поддерживается монархистами, эмигрантами первой волны, потомками белых офицеров. Но, благодаря политике нынешнего правления к деятельности Центра в последнее время подключается все больше представителей последних волн русской эмиграции. На праздниках в здании Русского центра можно увидеть представителей многих этнических групп бывшего СССР, а также американцев (обычно в качестве сопровождения русских, их друзей и знакомых). В Русском центре проходят выступления российских артистов, лекторов, встречи с представителями Генконсульства РФ (в рамках «Дней России»). В последние 10 лет «Русский центр» проводит и свой традиционный зимний русский фестиваль. Кроме того, на объединение Русского мира “работает” и Фонд им. Толстого, который тоже имеет несколько самостоятельных отделений.

Большое влияние на поддержание Русского мира в Калифорнии, безусловно, оказывает Русский Патриархат, в Сан-Франциско расположен самый большой православный храм в США и нсколько десятков его приходов. Поддержка русского православия осуществляется и со стороны

так называемых русских православных клубов и других общественных организаций. Существоет и довольно обширная сеть русской периодической печати

Особую роль в поддержании и сплочении Русского мира играют и Объединенные русские православные клубы (ОРПК, функционируют с 1927 г.), занимающиеся просветительской деятельностью. Из других крупных общественных организаций, объединяющих русское и русскоязычное население, можно назвать Объединение выпускников российских кадетских корпусов, Отдел имперского союза-ордена, Общеказачий союз, Союз чинов Русского Корпуса, Объединение русских скаутов.

В Калифорнии издается несколько популярных среди русскоязычных мигрантов газет и журналов. Но, несмотря на активную роль, которую общественные организации играют в Калифорнии, фактически они объединяют почти исключительно старшее поколение русских мигрантов. По словам русских, живущих в КА, "…любые попытки создавать русские фестивали или вечера культуры выглядят жалко: туда приходят одни старушки. Говорю это не без горечи. Скажем, греческие фестивали - это ого-го что такое: с танцами, пиром горой и всевозможной веселухой. А у нас как-то не складывается." Гораздо более востребованы знаменитые "кухонные" посиделки: "…Зато какие душевные у нас посиделки, когда в одной компании собираются умные, толковые, сильные духом русские ребята! Если все делается не на публику, а для себя, то в таких компаниях просто душой отдыхаешь".

4) Существует ли связь и преемственность между отдельными волнами «русской» иммиграции в отношении к РМ?

Прочной и органичной сявзи между различными волнами русскоязычной иммиграции практически не существует – слишком очевидна разница в системах ценностей. Некоторые "харбинцы" или их дети, которые уже основательно "осели" в Калифорнии, иногда сдают вновь

прибывшим из России дом или часть дома. Но в итоге и те, и другие остаются недовольны самим фактом общения друг с другом, и , тем более, качеством возникающих отношений. Натурализованных русских не устраивает в новичках абсолютно все – способ вести хозяйство, плохое знание законов, блюда, которые по привычке готовят арендаторы в их доме, друзья, которых те приглашают в гости и т.п. Никто из представителей прежних волн русскоязычных мигрантов не приглашает вновь приезжающих пожить в своем доме, даже если условия позволяют. Если же все-таки такая ситуация случается, “новички” должны отработать свое пребывание в доме “старичков” (готовить еду, пропалывать грядки в огороде, убирать дом, что-то чинить и т.п.).

Но представители первых волн довольно охотно приглашают “новеньких” к себе в гости на обед или ужин. Так, по сути, происходит демонстрация достижений и успешной стратегии натурализации. Нередко натурализовавшиеся русские в Калифорнии приглашают тех, кто “только приехал” в недорогие рестораны, возят на своих машинах посмотреть окрестности и т.д.

Дети “харбинцев”, по результатм включенного наблюдения, навещают своих родителей в лучшем случае раз в год, чаще всего - на День благодарения. Но в основном присылают поздравительные открытки. Электронная связь, по причине почтенного возраста “харбинцев”, практически не используется.

Однако деловые связи между представителями различных волн иммиграции в Калифорнии достаточно развиты. Как правило, “харбинцы” – это люди очень состоятельные, имеющие множество “полезных” контактов” для предприимчивых русских волны 1990-х гг. Интересные проекты (например, проект, связанный с созданием памятной стеллы белым офицерам, поддержанный архитектором А.М.Ермаковым) “харбинцами” и их потомками воспринимаются очень хорошо, проводятся регулярные

встречи, консультации, обсуждения, рассматриваются конкретные варианты финансирования и т.п.

Если русские последней волны (1990-2000 гг.) проявляли деловую инициативу, она быстро поддерживалсь теми русскими, кто уже чувствовал себя “своим” в Калифорнии. Такое содействие является своего рода “поощрением деловой хватки”. В таких случаях принято похлопывать своих бывших соотечественниеов по плечу и, дружески подмигивая, полушутливо-полусерьезно говорить: “Ты нужен Америке!”

Но в деловых контактах между представителями различных волн иммиграции достаточно трудно преодолевается барьер, который условно можно назвать так: “В Америке все меряется на деньги”. Скажем, даже во время прогулочной поездки по окрестностям, предприимчивые “новые руские американцы” могут предложить своим приглашенным гостям заплатить 3 дол. за проезд по мосту. Такой достаточно демонстративный жест, кстати, преподносится в виде необходимой “прививки к Америке”, мол, привыкайте, здесь все по-другому, не так, как в России”. Т.е., мы поступаем так из лучших побуждений, чтобы облегчить вам адаптацию. Причем, по отношению к тем, кто просто приехал погостить в Калифорнию (или по делам), такой жест, конечно же, недопустим. Так ведут себя именно с теми, кто приехал “насовсем”.

5) Известны ли Вам случаи активного участия в РМ коренных жителей штата и в чем это выражается?

Коренные жители для США – понятие более чем условное. В Америке так принято называть только индейцев. В Калифорнии все жители – иммигранты, приехавшие сюда в разное время. Выходцев из бывшего СССР и из России никто не различает по национальностям и этническим группам. Для калифорнийцев не существует евреев, татар, белорусов и узбеков. И т.д. По местному ТВ можно увидеть шоу, где покажут «девушку из Узбекистана" - природную голубоглазую блондинку со славянскими

чертами лица. Согласно сценарию, девушка говорила "по-узбекски", но на самом деле - по-русски. “Актрисе-то что? Ей деньги платят, она и выдает себя за узбечку. Народ все равно не видит разницы”.

Но самое главное – этнический бэкграунд русских (как, впрочем, и представителей любых других национальностей) в Калифорнии никого не волнует. На карте Россию, может быть, найдут, может, и столицу России вспомнят или “…какой-нибудь политический скандал столетней давности.” Но в целом русский мир как таковой никого из американцев не интересует. Калифорнийский юрист, работающий в крупной компании и даже занимающий достаточной высокий пост (шеф департамента), например, искренне удивился, когда ему в разговоре, случайно, сказали, что Аляска когда-то принадлежала русским: “Да этого не может быть! Вы что-то путаете!” Русским иммигрантам с высшим образованием (а таких в Калифорнии среди приехавших в 1990-2000 гг. было почти 30%) в этом смысле оказалось достаточно сложно перестраиваться на другой уровень общения.

Серьезным препятствием для развития контактов с русскими является отсутствие у последних достаточного знания английского языка.

6) **Есть ли своя элита (*лидеры, авторитетные личности, известные люди*) в РМ?**

Русскоязычная молодежь не стремится к тому, чтобы добиваться какого-либо статуса или признания среди своих соотчественников. Для нее главный ориентир – попасть на иерархическую лестницу американской мечты. Если не учитывать возрастных “харбинцев”, чей статус и известность обеспечены солидным капиталом и спонсорскими взносами на поддержание РМ, то стремление к паблисити в русскоязычной среде характерно, в первую очередь, для определенных профессий – стоматологов, адвокатов, издателей, чей доход напрямую зависит от популярности в РМ.

Сегодня в Калифорнии, как, впрочем, и в США в целом, формирование элит среди русскоязычных иммигрантов не в последнюю очередь зависит от их официального статуса. Согласно американскому законодательству, въехать на территорию страны можно либо сразу по иммиграционной визе, либо по неиммиграционной (гостевая, студенческая, туристическая, бизнес-виза, виза по обмену, временная рабочая и т.д.). Абсолютное большинство иммигрантов из России и стран СНГ приезжают в США по пути так называемой непрямой иммиграции: “рабочая виза”, “виза невесты”, “инвестицирнная виза Е”, “инвестиционная виза L», «статус беженца». Столь широкий диапазон статусных уровней разделяет иммигрантское сообщество и не способствует формированию этнонациональных элит.

Неформальый авторитет, или, скорее, популярность, иммигранты пытаются иногда приобрести за счет того, что за своей счет издают собственные же художественные произведения, даже биографии, где подробно описывают свое советское прошлое и трудности адаптации в Америке.

7) Какова динамика существования РМ? Возможно ли выделить какие-то закономерности развития РМ?

С начала 90-х годов и особенно после принятия нового эмиграционного законодательства в СССР и в России масштабы выезда из бывших советских республик в США стабильно возрастают. В конце 1990-х – начале 2000 гг. эмиграция из России набирала темп. Если в 1992 г. резко преобладали Москва и Санкт-Петербург, давшие около 40% эмигрантов, то в 1997 г. их доля упала до 18%, в 1998 - до 12,2%, в 1999 - до 10,6%, в 2000 - до 9,3%, в 2001 г. - до 8,2%. Снижается доля москвичей и петербуржцев и в потоке, направленном в США: в 1995 г. они составляли половину, в 1996 - 44%, в 1997 - 39%, в 1998 - 29%, в 2000 - 24%, в 2001 - 22%.

8) **Как Вы считаете, что ожидает РМ: сокращение и распад или**

консолидация и развитие?

Если Русский мир и сохранится, то он будет совсем другим.

9**) И все же, на Ваш взгляд, что это такое – "русскость"?**

Перспективы развития РМ в США во многом связаны с ресурсами русского менталитета, его способности адаптироваться к американской жизни. С одной стороны, некоторые архетипичные особенности русского менталитета (психологические константы) должны были бы способствовать процессу быстрого и безболезненного вхождения в американское общество, адаптации к его социально-экономическим структурам и культуре в целом..

В пользу хорошей и быстрой адаптации говорит и такая черта национального характера русских, как развитая самокритичность, которая при некотором стечении обстоятельств может доходить до самоуничижения и даже потери самоидентичности. Психологи связывают эту черту характера с понятием “упругость эго”, которая понимается, как способность человека при любых обстоятельствах восстанавливать ровное расположение духа (Но способность к быстрой психоэнергетической мобилизации у русских обычно проявляется почти исключительно в условиях достижения “больших целей” (революция, война, стройка века, помощь братскому народу и т.д.). Иммиграция не входит в категорию “подвигов”, а, следовательно, не создает тех условий, когда эта важная для успешной адаптации черта русского характера (“русскости”) может найти себе достойное применение.

Правда, психоэнергетическая мобилизация имеет и обратную сторону – знаменитое “русское терпение”, напряжение всех внутренних сил, чтобы перенести беды, нужду и безрадостное существование. Семья москвичей, например, собиравшаяся в начале 1990-х гг.на постоянное жительство в США и даже приблизительно не представлявшая тех реалий, с которыми ее члены могут столкнуться на новом месте, повторяли одну фразу: “Мы делаем это только ради детей, мы знаем, что нам будет плохо, тяжело и т.д.,

но ради будущего детей мы должны уехать из России”. 10 лет спустя, кстати, мать именно этих детей, как мантру, повторяла уже другую фразу: “Вы в России живете, а мы тут, в Америке, существуем” (при том, что у этой женщины была вполне достойная работа, квартира, машина и прочие элементы благополучной американской жизни).

Быстрому и полноценному вхождению русских иммигрантов в американское общество могут препятствовать, по-видимому, их традиционалистские ценности. Например, переживание потери связи со своей родиной (хотя большинство русских эмигрантов 1990-х гг. факт таких переживаний отрицает). Для русского человека связь со своим государством всегда воспринималась как нечто очень личное, как множество тонких нервных нитей. Психологи квалифицируют такие переживания, как отражение мощного “деревенского” пласта в национальной психологии русского человека, для которого базовой ячейкой государственности всегда была община, а само государство воспринималось как некое общее дело, о котором и радели всем миром. Функции государства русские видят не в том, чтобы регулировать отношения, например, между различными группами интересов, а в том, чтобы выражать общенародную волю в противоес частной выгоде.

Для американцев государство – это всего лишь необходимый инструмент защиты именно частной выгоды, личной свободы и прав человека. Чем менее заметным будет присутствие государства в обыденной жизни, тем для американцев лучше.

Необходимость нового восприятия государства русским эмигрантом, как правило, не осознается, но подсознательно ощущается и вносит смуту в его мировосприятие, вызывая нервные растройства, суициды и т.п. отклонения. К тому же иммигранты 1990-х гг. – это люди, бежавшие от кризиса государственности на своей бывшей родине. А распад своего государства (в любой форме) для русского человека напрямую связан с

кризисом его собственной идентичности, что нередко сопровождается еще большими растерянностью и метаниями. Иммигрантская рефлексия русских в США во всяком случае, для первого поколения иммигрантов) вряд ли будет способствовать их адаптации.

Не менее трудно русским человеком воспринимается и понятие гражданского общества, столь естественное и органичное для американской культуры. Сознание русских – это ценностная дихотомия. С одной стороны, в нем совершенно очевидно присутствуют элементы демократичности (например, принцип “соборности” принятия решений), а, с другой стороны, архаическая традиция верноподданичества власти (“государю-батюшке”). Инструментальные принципы взаимодействия, принятые в гражданском обществе, русскому человеку чужды - ему гораздо ближе то, что в России принято называть “родством душ”.

Но особенно нелегко для русского, переехавшего жить в Америку, изменить свое представление о свободе, как понятийно-философской категории. Среди американцев нередко можно встретить людей, которые полагают, будто русские в принципе не принимают идею свободы. Отсюда якобы проистекает несамостоятельность и безынициативность русских, их нежелание (или боязнь) заниматься бизнесом, начинать свое дело, осваивать новые правила, т.е. делать все то, что, как полагают американцы, рано или поздно должно привести к осуществлению универсальной для североамериканской культуры “американской мечты”. Натурализовавшиеся русские иммигранты (имеющие американский паспорт), наблюдая за теми своими бывшими соотечественниками, кто только переехал на место постоянного жительства в США, также склонны скептически оценивать их потенциал “американской успешности”. Но, если, например, неофит за считанные дни после переезда в Америку находит себе заработок (мойка окон, машин, полов и т.п.), способный перерасти в собственный бизнес, его успехи оцениваются исключительно в категориях

американской мечты: “О, он (она) уже через год сможет купить себе дом!”

Однако “свобода по-американски” (начать приобретать все, что хочется) для русского человека оказывается слишком узким понятием. Большинство русских иммигрантов с трудом переносят так называемую “американскую матрицу”, т.е. тотальную предписанность всех действий, намерений и даже мыслей. Для хорошо зарабатывающего в Америке человека не хотеть купить дом – это нарушение правил (“Если мы не купим себе дом, нас просто не поймут…”). Разговаривать в кругу друзей о чем-то, не имеющем отношения к прагматике и рациональной утилитарности – нонсенс, такой человек быстро утомляет своих американских собеседников и становится им неинтересен.

Такой культурный феномен, как “русское бездорожье” (склонность во всем находить возможность нарушить правило), американцами воспринимается как нарушение их свободы. Русский подросток, переехавший вместе с родителями в США на ПМЖ, испытал настоящий когнитивный диссонанс, когда столкнулся с американской матрицей свободы. На новом месте жительства родители определили Макса учиться в американскую школу. Закончив в России 8 классов физико-математической школы, Макс легко справлялся с любыми заданиями, а в свободное от учебы время нередко консультировал и своих новых американских друзей (по телефону, на прогулке и т.п.). Однако во время контрольного тестирования в классе, когда Макс, быстро справившись не только со своим вариантом задач, но и с вариантом соседки (которым она, кстати, воспользовалась!), достал из сумки справочник, чтобы найти еще один, более “красивый” вариант решения своей задачи, девочка тут же подняла руку и сообщила преподавателю, что Макс… списывает! Результаты тестирования Макса были немедленно аннулированы. После контрольной девочка объяснила, что если во время тестирования нельзя пользоваться справочниками, значит, нельзя пользоваться никому и ни при каких обстоятельствах. Иначе это

будет рассматриваться, как “действие против правил”, а, значит, и как посягательство на общие для всех американцев свободы.

Для русского характера известную трудность представляет и необходимость перестать на кого-либо надеяться, т.е. перестать верить в то, что кто-то обязательно должен помочь ему решить все проблемы. Стертая грань между “общественным” и “личным”, особенно характерная для советского общества, в США оказывается серьезным препятствием для адаптации иммигрантов. Трудно русскому человеку, решившему переехать жить в США, “избавляться” и от таких архетипических категорий своей культуры, как представления о справедливости, нравственности, долге, восприятии “правды” как абсолюта, правового нигилизма и т.д.

Идея мессианства, кстати, которой так гордятся американцы, не чужда и русским, но воспринимают они это понятие качественно иначе. Русский мессионизм никогда не опирался на идею национального превосходства, в отличие от американского. Напротив, для русского месионизма характерная идея жертвенности, даже если она будет восприниматься как навязанная.

Понятие “русскости”, на самом деле, очень архетипично и вряд ли способно трансформироваться окончательно. Даже через 2-3 поколения. Поэтому говорить о том, что Русский мир в США исчезнет, растворится в американской культуре, мягко говоря, преждевременно. Скорее, процесс адаптации русских в США будет протекать по схеме “миски салата”, но при этом формируя все же новые формы русской культуры на американском континенте, отличные от страны исхода.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Рисунок 1

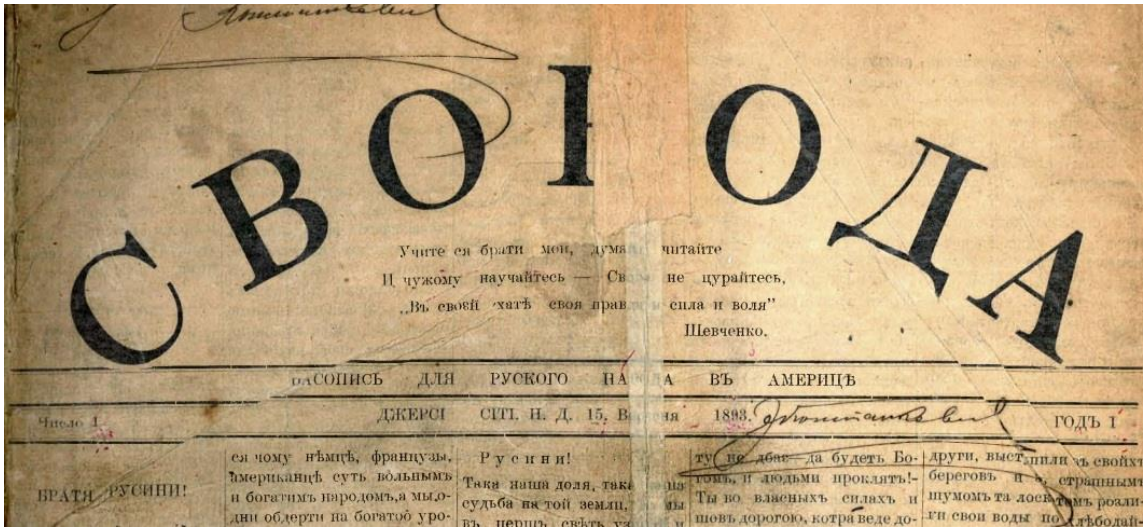
Рисунок 2

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ КАРТА РУССКОГО НАРОДА

Источник: Коялович М.И. «**Этнографическая карта русскаго народа въ Европейской Россіи и Австріи съ показаніемъ племен** // Электронная библиотека ГПИБ. Коялович М.И: «Чтения истории Западной России. 1884 г. // http://elib.shpl.ru/ru/nodes/10455-etnograficheskaya-karta-russkogo-naroda-v-evropeyskoy-rossii-i-avstrii

Когда и как русская газета Свобода» стала украинской?

Рисунок 3



СВОБОДА

Учите ся брати мои, думайте читайте
И чужому научайтесь — Свого не цурайтесь,
„Въ своей хатѣ своя правда, сила и воля"
Шевченко.

ГАЗЕТА ДЛЯ РУСКОГО НАРОДА ВЪ АМЕРИЦѢ

Число 1. ДЖЕРСІ СІТІ, Н. Д. 15, В[illegible]ня 1893. РОДЪ 1

БРАТЯ РУСИНИ!

Украинская газета «Свобода» (1883 -2015 гг.)

Издавалась в США малороссийской диаспорой на галичанском диалекте русского языка, печаталась русским шрифтом (дореформенным русским алфавитом). В 1900 г. газета позиционировала себя в США как печатный орган «Русского Народного Союза в АмерицЂ».

Рисунок 4

Орган Руського Народного Союза в Америці

СВОБОДА

SWOBODA

Рік XVIII Ню Йорк. Четвер. 6-го Сїчня 1910. Число 1 Vol. XVIII. New York, N. Y. Thursday, January 6. 1910. No. 1.

ХРИСТОС РАЖДАЄ СЯ!

З нагоди сьвят Рождества Христового засилаємо усїм членам Руського Нар. Союза, нашим читачам, приклонникам сердечні бажаня „Веселих Сьвят!"

Редакція.

Тихий, зимовий вечер. Ясний місяць розлив свої лучі на снїгом вкриті поля і гаї, лісисті узгіря; на низькі криші хат, на гамірні оселї і міста. Всюди залитає небеса з великою радостю. Коли „сьвята ніч" по раз перший загостила на сей сьвіт, обходили її лише глибока тишина — а у воздусї Несчислимі хори небесних духів сьпівали побідоносно: „Слава немов би весїло вижданє чуда.

Газета «Свобода» после «польской буквенной реформы»

западно-русскязыка в 1889-1893 гг

удалена «ер»(Ъ), «еры»(Ы), «ерь»(Ь), «ять»(Ѣ) и добавлен «мягкий знак»(ь)

Рисунок 5

"SVOBODA" ("LIBERTY")
THE UKR. NAT'L ASS'N OF AMERICA
Tuesday, Thursday and Saturday, by
at 83 GRAND ST., JERSEY CITY, N. J.

СВОБОДА

УРЯДОВИЙ ОРГАН У. Н. СОЮЗА В АМЕРИЦІ "SVOBODA" OFFICIAL ORGAN OF THE UKR. NAT'L ASS'N OF AMERICA

РІК XXII. Джерзи Сіти, Н. Дж., четвер 15-го жовтня 1914. Ч. 62. VOL. XXII. Jersey City, N. J., Thursday, October 15, 1914. N. 62.

СОРОМНА УТЕЧА РОСІЙСЬКИХ ВІЙСЬК З ГАЛИЧИНИ.

Страти Москалів під Перемишлем 40.000 в убитих і ранених

Ярослав і Хирів в руках Австрійців; Москалі утікають вже зі Львова.

Німецькі війська взяли приступом пристань Остенду.

Війна з Росією.

в Галичині:

АВСТРІЯЦІ РОЗБИЛИ РОСІЙСЬКУ

...В російській Польщі коло Іванго-
рода робили Москалі зусилля перейти
Вислу, але се їм не удало ся і з вели-
кими стратами мусіли подати ся назад.
— Ген. Гефер, заступник шефа гене-
рального штабу".

сійськими раненими і хорими. Страшну
різню мусить запереститн ся.
„З початком війни тойсамий дипльо-
мат висказував всюди, що Москалі най-
дальше до місяця будуть в Берліні".

НІМЦІ ЗАТОПИЛИ РОСІЙСЬКИЙ

ЗАГАЛЬНЕ ПОЛОЖЕНЕ

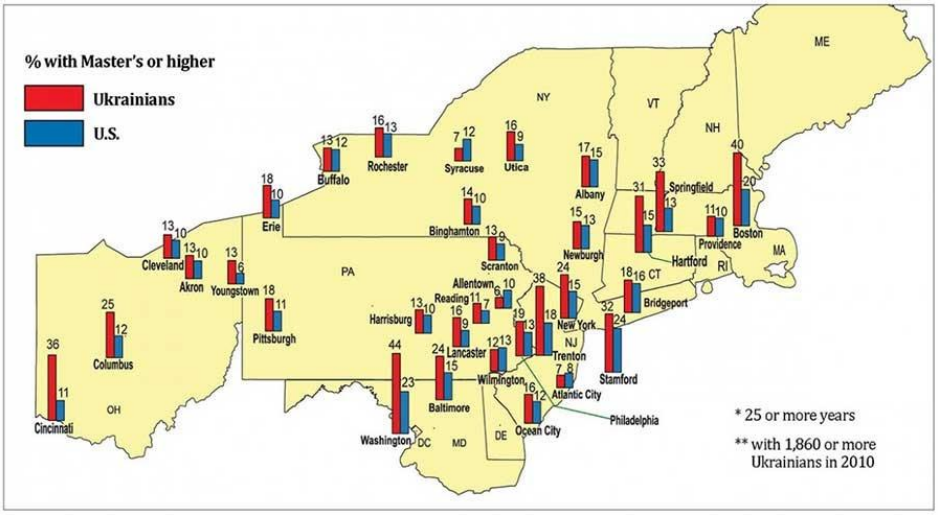
НА ТЕРЕНІ ВІЙНИ З РОСІЄЮ:

15 октября 1914 года газета «Свобода» впервые вышла с подзаголовком **«Урядовый** (государственный) **Орган УкраинсЬкого Народного Союза в Америці»**.

Рисунок 6

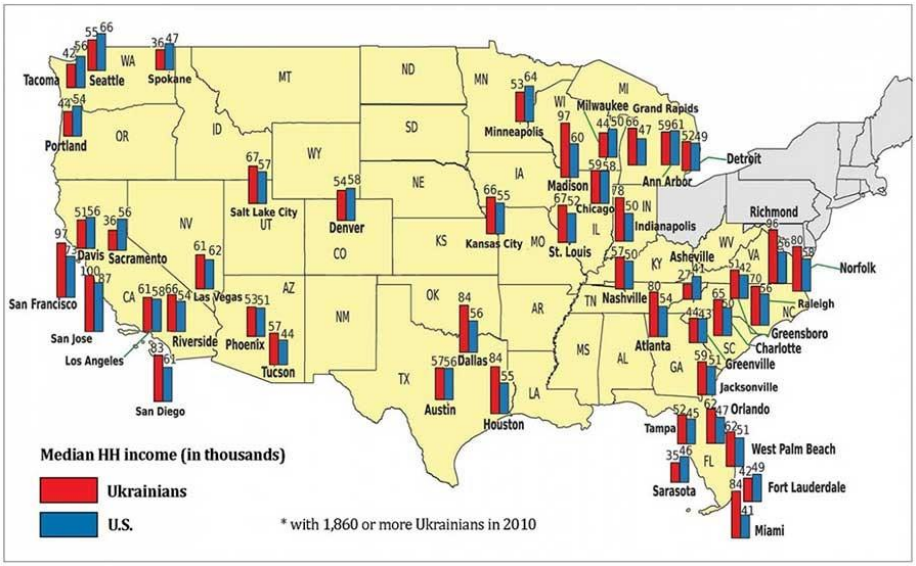
Презентация украинской диаспоры в США

Рисунок 7



Процент украинцев с высшим образованием в США значительно выше, чем среднее значение по стране: 22% и 19% соответственно. Количество потенциальных кандидатов на успешную карьеру в политике и журналистике вполне адекватно амбициям образованных украинских иммигрантов.

Рисунок 8



В 2010 г. средний доход в расчёте на семью среди украинцев в 2010 г. был заметно выше, чем у населения страны в целом – 59 200 и 52 100